

Антон Вильгоцкий СУВЕНИРЫ ТЬМЫ

Что знаешь ты об истинной сути нашего мироздания — о том, что способно заставить дрогнуть даже самое твердое из людских сердец? Знаком ли ты с настоящим ужасом, или самым пугающим событием твоей жизни была и остается встреча с пьяными хулиганами в темном переулке? Хочешь шагнуть навстречу поражающим воображение сокровенным тайнам планеты Земля? Старый Эйнари Тойвонен много знает об этих тайнах. Он ждет тебя в своем магазине "Сувениры Тьмы", где приготовлены леденящие кровь истории о событиях, что могут показаться невероятными, но могут однажды случиться с кем-нибудь по соседству, или даже с тобой самим...

Вильгоцкий Антон
Сувениры Тьмы

*Всегда в моем окне видны, друг другу вторя,
Десятки серых крыши, их очерк угловат.
Не вижу синевы, когда приходят зори,
Не вижу, как кровав по вечерам закат.
Все крыши за окном, и дальний гул, как призрак
Трамваев, и дома, куда ни поглядишь,
А осенью — ее неотвратимый признак:
Гонимый ветром лист на скользком цинке крыши.
О, этот серый цинк, однообразный, гладкий!
А если вдруг судьба и улыбнется нам,
И бледный луч скользнет по стеклам без оглядки, -
То будет он трубой разрезан пополам!*

Жан Кокто

НА ПОРОГЕ ЛАВКИ УЖАСОВ

Мир не таков, каким мы его себе представляем.

Даже приблизительно не таков.

Чтобы понять его истинную суть, может понадобиться не один год и даже не одно десятилетие.

А большинство населяющих голубую планету людей весь путь от юношеского максимализма к старческому маразму проходят, ни разу не узрев и самого бледного отблеска этой сути, даже за километр не ощутив отголосков ее дыхания.

Счастливики...

Да-да, счастливики, ведь кислотное ее прикосновение либо сразу отбирает жизнь, либо же превращает ее в вечный бой — с весьма размытым финалом. Уцелев после первой схватки, остаток дней проведешь или в сражениях, сжимая в руках откованный тысячелетия назад клинок, или за письменным столом, строча предупреждающие послания, которые человечество в лучшем случае будет принимать за романы ужасов. Союзников у тебя не будет. Есть, конечно, много могучих сил, поддержкой которых не помешало бы заручиться новообращенному адепту Пути. И ты, возможно, даже сможешь достучаться до одной из них и получить вожделенную помощь. Но знай — каждый из могущественных патронов в любой миг может щелчком пальцев отбросить тебя в сторону, выкурив твою судьбу до фильтра. Никаких долговечных союзов. Только подобным тебе, людям с нервными движениями, с приклеенными к губам кривыми ухмылками, с глазами обращенными вовнутрь, с истерзанными душами, — только им сможешь ты доверять. Да только ведь и их непременно отберет у тебя клубящаяся где-то за пределами объективной реальности багровая хмарь... Так что, лучше не заключай вообще никаких союзов.

Быть может, лучше не смотреть по сторонам, чтобы даже случайно не заметить, как они

скачками передвигаются среди тонущих в сумерках серых стен? Не вслушиваться в вечернюю какофонию пригорода, чтоб не услышать клацанья челюстей и еще этого странного звука, что так похож на завывание ветра в печной трубе (действительно, странно — трубу, как сейчас помню, разобрали еще в прошлом октябре)?

Разумеется, это так. Гораздо лучше всю жизнь оставаться среди пребывающего в счастливом неведении большинства. Даже не пытаться понять этот мир и, уж тем более, противостоять ему.

Только как быть, что делать, на что надеяться, если роковой шаг уже сделан, а стало быть, обратной дороги нет?..

Старый финн Эйнари Тойвонен знал об истинной сути мироздания побольше многих других. Старый? Нет-нет, Эйнари лишь выглядел глубоким стариком, тогда как на деле ему недавно исполнилось пятьдесят. Чересчур уж резкие морщины, глубоко запавшие глаза и полностью седая голова не были следствием чрезмерного пристрастия к спиртному или наркотикам. Эйнари не бывал в тюремных застенках, и тяжелый физический труд в его жизни присутствовал далеко не в тех количествах, что могли за несколько лет превратить человека в развалину. Тойвонену не приходилось жаловаться на немощь или болезни, но окружающим он как раз таким и казался — немощным и больным. Все как раз потому, что однажды этот битый жизнью скандинав соприкоснулся с Запретным.

Та история продолжалась совсем недолго, но свое дело она сделала. Не могла не сделать. Самым простым выходом для Тойвонена могло бы стать тогда самоубийство. Но он, несмотря ни на что, решил продолжить свое существование на Земле. Ведь открывшаяся перед Эйнари двадцать лет назад грань человеческой жизни была, несмотря на пронизывавший ее беспощадный ужас, достаточно интересной и даже в чем-то притягательной. Но продолжать жить по-прежнему было, разумеется, невозможно. И Тойвонен стал тем, кем он стал — Хранителем Памяти Зла...

"Убийца с двумя крюками". Даже прожив тридцать лет в хтоническом центре России — Санкт-Петербурге — Эйнари все равно не мог представить себе, что такое возможно в реальной жизни. До тех пор, пока не столкнулся с этим воочию. Он видел множество фильмов ужасов и прочитал немало книг данного жанра. Некоторые из них поражали своей реалистичностью и заставляли надолго задуматься. Но никогда этнический финн Эйнари Тойвонен не допускал даже мысли о том, что авторы этих произведений могут строить свои сюжеты на основе реальных событий не только в тех случаях, когда речь идет о маньяках навроде Чикатило или Эда Гейна.

Сама жизнь доказала ему обратное. Это случилось в 2005 году, когда в результате подлого заговора нескольких человек, которых он считал своими друзьями, Эйнари оказался почти на самом дне жизни. Сжигаемый жаждой мести, он был готов убить своих обидчиков, о чем неоднократно громогласно заявлял в компаниях уличных маргиналов, что стали на некоторое время его товарищами по житейской лодке. Возможно, Город услышал голос Тойвонена и решил помочь ему (в своей обычной манере, ибо после такой "помощи" редко кто-нибудь выживает). А может, то была простая случайность (да-да, так тоже иногда бывает к превеликому сожалению тех, кто с этим сталкивается). Как бы там ни было, в том году Эйнари повстречался с тем, кого наиболее рафинированные обитатели петербургских трущоб называли Человеком-Секатором, а люди, чье воображение было не столь ярким,

именовали просто Кишкодером.

Врагам Тойвонена не позавидовали бы даже узники вьетконговских пыточных ям. Сгинул в черных волнах всепожирающего космического ветра и сам Кишкодер. Эйнари Тойвонен, в тридцать лет породнившийся мастью с полярным филином, был единственным выжившим участником драмы, что разыгралась одним безумным летом в тайных, сочащихся гнилью закоулках Черной Пальмиры.

Крюки, которыми его сверхъестественный помощник драл в клочья человеческую плоть, Эйнари Тойвонен хранил до сих пор. Страшное оружие стало стартовым экземпляром его весьма необычной коллекции. И она за прошедшие годы значительно разрослась...

Многие из входивших в нее предметов было весьма непросто добыть. Но еще труднее — должным образом хранить их, чтобы связанные с этими вещами кошмарные истории никогда больше не повторились. Эйнари Тойвонен справлялся. Это являлось одной из причин того, что избороздившие его лицо морщины были столь глубоки, глаза — печальны, а волосы — цвета зимних лесов в землях Тысячи Озер...

Не будь его, пропитанные чудовищными эманациями потустороннего зла предметы продолжали бы гулять по свету, принося прикоснувшимся к ним людям страшную гибель, невероятные страдания и кое-что похуже. Расположенный в центре Москвы небольшой магазинчик, в котором хозяйничал Эйнари, являл собой настоящий музей боли, смерти, греха, порока, обманутых надежд и отчаяния. Музей или, если угодно, храм...

Не стоит, впрочем, думать, что Тойвонен торговал здесь вещами, способные разрушить чью-то жизнь. Нет, экспонаты его зловещей коллекции не были предназначены для продажи, хоть и хранились вместе с товаром в складских помещениях московской "лавки ужасов", носившей стильное название "Сувениры Тьмы". Товаром же были обыкновенные предметы масскульта — диски, книги, постеры, атрибутика... Маски монстров и маньяков. Игрушечные орудия убийства и пыток. Мрачноватые куклы и статуэтки. Все, что так любит неформальная молодежь, которая, к слову сказать, и составляла основную часть клиентуры Тойвонена.

О том, кто таков на самом деле хозяин магазинчика, никто не подозревал даже. Его привычно воспринимали как "олдового чувака" из своей же тусовки. Длинные седые пряди, стянутая резинкой длинная борода, золотые серьги в ушах и покрытые обильной вязью татуировки жилистые руки мешали принять его за кого-то другого. Самого Тойвонена такое положение дел вполне устраивало. Эйнари не стремился к большой известности — такому человеку, как он, она не принесла бы ничего, кроме неприятностей.

Однако держать накопленные знания в себе было непросто. В конце концов, он никогда не давал обета молчания. Тойвонен до сих пор не предал известные ему факты широкой огласке лишь потому, что опасался прослыть сумасшедшим. Даже несмотря на то, что на руках у него имелось множество наглядных подтверждений этих фактов, финн продолжал молчать. Обывательское сознание — оно такое. Обывателю скажешь: "Смотри, кровожадный монстр!" — указывая на бесчинствующего в конце квартала кровожадного монстра. А он, обыватель, лишь покрутит пальцем у виска: "Ты что, с ума сошел? Какой монстр?".

И все же, рассказать обо всем хотелось. Не целому миру, нет. Хотя бы одному человеку. Но где его найти, такого собеседника, который понял бы, о чем идет речь? Те, кто уже сталкивался с этим, как сам Эйнари двадцать лет назад, и так все прекрасно знают. А "грузить" своими знаниями всех, кого ни попадя, желания не было. Да и опасно это.

Тойвонен терпеливо ждал. Ждал взгляда, жеста, фразы, по которым он сразу узнал бы того, кто хочет прикоснуться к диким тайнам Земли не из кошачьего любопытства, и не от скуки, а для того, чтобы обрести знание, которое в нужный момент обернется Силой.

Дни проходили за днями, годы сменяли годы. Десять лет простоял магазин "Сувениры Тьмы" на площади Маяковского. А подходящий собеседник все не появлялся. Эйнари не переживал особо. Он ведь выбрал свою судьбу сам и вовсе не был носителем некоей великой миссии, которую непременно требовалось кому-нибудь передать.

Тем не менее, он несказанно обрадовался, когда однажды в его магазинчике появилась Ангелина.

Внешне она ничем не отличалась от множества других "готичных" девушек, что покупали у Эйнари грим, маски, брелки и кольца. Черная одежда, фиолетовые волосы и фальшивая седина в челке, рюкзачок с демоническим ликом, мрачноватый взгляд, обязательный пирсинг на лице... Вряд ли она удостоилась бы особого внимания Эйнари, если не одна ее реплика.

Войдя в магазин, девушка сначала принялась рассматривать штампованные серебряные украшения — из тех, что можно найти в любом рок-магазине. Здесь ее ничего не заинтересовало, и готесса перешла в уголок с постерами и репродукциями. Там она долго смотрела на одну из картин Клайва Баркера, после чего и произнесла слова, заставившие встрепенуться скучавшего за прилавком Эйнари.

— О чем кричат шрамы воспоминаний? — задумчиво произнесла девушка.

— Что?! — Тойвонен мгновенно пересек небольшое помещение магазина и оказался прямо перед ней. — Что вы сказали?

— Не обращайте внимания, — улыбнулась готесса. — Это я о своем.

— Не сказал бы, — возразил Эйнари. — Я не потому спросил, что не расслышал. Как раз наоборот. О чем кричат шрамы воспоминаний. Вы ведь не сами придумали эту фразу, верно?

— Да. Но откуда вы знаете?

— Можно сказать, ниоткуда. Просто знаю. Где вы ее слышали?

— Один парень в метро задал мне этот вопрос. Мы разговаривали о разных необычных вещах, о сверхъестественном. Потом он вдруг спросил про воспоминания и шрамы. А когда я ответила, почему-то потерял ко мне интерес.

— Понятно, почему, — кивнул Эйнари. — Он ожидал услышать совсем другое.

— Но вы ведь не знаете, что я ему сказала! — рассмеялась девушка.

— Есть только один ответ, который устроил бы его, — сказал Эйнари. — Как, впрочем, и любого, кто задает такой вопрос.

— Так это кодовая фраза? — у девушки, что называется, загорелись глазки. — Ух, как я люблю такие вещи! Это какая-то игра, да?

— Игра... — эхом повторил Эйнари. — Что ж, наверное, это можно назвать и так. Только ставки в ней уж больно высоки...

— Вы мне расскажете? — азартно произнесла готесса. — Да, кстати... Это имеет какое-нибудь отношение к Месту? К Дому Джамелана? К Гнойной Забаве?

У Эйнари чуть челюсть не отвалилась.

— Девушка, вы хоть представляете себе, о чем сейчас говорите? — сдавленным голосом произнес он.

— Не представляю, потому и спрашиваю, — пожав плечами, как ни в чем не бывало,

сказала его посетительница. — А что, — она сделала большие глаза, — это может быть опасно?

— Да, — кивнул Тойвонен. — Это может быть очень опасно. Откуда вам стали известны эти названия?

— Да так... Сплетни, пересуды, недомолвки. Такое впечатление, что толком никто ничего не знает. Только прикидываются.

— Знающие не говорят, — улыбнулся Эйнари. — А говорящие — не знают.

— Вот-вот, именно так, похоже, дело и обстоит! — воскликнула девушка. — Но вы-то, надеюсь, знаете?

— Да. Я многое знаю. И о многом.

— А... расскажете? Или это такой уж страшный запрет?

— Запрет? Кому пришло бы в голову запрещать людям заглядывать в Бездну?

— А вот Ницше сказал...

— Не надо, — мягко прервал ее Тойвонен. — Ницше сказал это не для того, чтобы повторять его слова всякий раз, как слово "Бездна" встретится в разговоре. Как вас зовут?

— Ангелина.

— А меня — Эйнари. Это финское имя.

— Вы финн?

— Да. Но моя родина — Россия. Санкт-Петербург. Вот что, Ангелина. Если вам действительно интересно, приходите завтра, в это же время. Я могу рассказать вам несколько занимательных историй о взаимоотношениях нашего мира и Бездны.

— Отлично! — она даже чуть не подпрыгнула. — Я обязательно приду!

— Один вопрос только, — сказал Тойвонен, когда она уже подошла к двери. — Зачем вам все это нужно?

— Ну как же? — полуобернувшись, произнесла Ангелина. — Ведь знание — это сила.

— У этой медали есть и обратная сторона, — промолвил финн. — Во mnogой мудрости много печали, и умножающий познание умножает скорбь.

— Я не боюсь скорби, — твердо заявила девушка. — Это не самое страшное, что может случиться.

Сейчас Тойвонен поджидал ее, вспоминая их вчерашнюю беседу. "Да, — думал Эйнари, поправляя на полке статуэтки "Инфернального парада", — скорбь — не худшее, что может случиться с человеком. Хоть она и достаточно неприятна, никто еще не отменял расчленение, потрошение и, уж конечно, высасывание души".

Весело звякнул дверной колокольчик, извещая о чьем-то прибытии. "Должно быть, это она", — подумал, разворачиваясь, Эйнари.

Но то была не Ангелина. Общество тех, кого он видел сейчас перед собой, с одной стороны, забавляло Тойвонена, а с другой — было не слишком приятным.

— Ну что, дед, ты решил? — спросил, подойдя к прилавку, один из них, тот, что был постарше. — Будешь платить? Или подождешь, пока твою лавочку разнесут к чертям собачьим?

Тойвонен помнил их. Ему, родившемуся в 1975 году на одной из рабочих окраин Ленинграда, был прекрасно знаком этот типаж. "Реальные пацаны с района". Короли ночной Вероны, мать их за ногу. Злобные волчьи взгляды исподлобья, характерные жесты, особенная походка, сленг... Вот сленг с годами претерпевал изменения. Все остальное —

нет. Разве что еще вот вместо жмыха — жевательный героин.

Он помнил их. То были те же самые ребята, что и сорок лет назад.

"Считают, должно быть, что жизнь им чего-то недодала и, стало быть, нужно это взять самостоятельно, — подумал Эйнари. — Вы, конечно, правы, ребята, но, черт возьми, как же вы глупы, если думаете, что это надо делать вот так".

Финн внимательно посмотрел на лица обоих ребят. Ни проблеска человечности в глазах. Особенно у этого, старшего. Действительно готовы на все.

Второй паренек, которому при всем желании нельзя было дать больше четырнадцати, выудил из кармана своих зауженных джинсов выкидной нож, обнажил лезвие и принялся поигрывать оружием, с намеком глядя на Тойвонена. Финн только усмехнулся.

— Как ты сказал, к собачьим чертям? — спросил он, обращаясь к старшему из недоделанных рэкетиров. — Знаешь, а я ведь с ними знаком. Если хочешь, могу и тебя свести.

— Что за бред ты несешь? — парень с размаху хлопнул ладонью по дереву прилавка. — Нам нужны деньги и поскорее!

— Сейчас, — Эйнари зашарил руками под прилавком. — Сейчас, сейчас...

— Вот это другое дело, — заулыбался молодой гопник. Откуда ему было знать, что многолетние отношения с Бездной изменили не только внешность, но и душу стоявшего перед ним человека. От мухи можно отмахиваться сколько угодно, но назойливое насекомое все равно не оставит вас в покое. Эйнари с легкостью мог наkostenять этим двоим и вышвырнуть их из магазина, но он знал — на этом противостояние с тем, что обыватели зовут "теневым миром", вряд ли закончится.

Гораздо проще сунуть руки под прилавок и нащупать лежащий на секретной полке подарок мира, который на деле является тeneвым. Крюки Человека-Секатора.

Седой морщинистый человек произнес странные слова, и стальные крюки мгновенно вросли в его плоть, а входная дверь стала единым целым со стеной. Одним движением тот, кого, казалось, пальцем ткни — развалится, перемахнул через прилавок.

Это показалось малолетним бандитам настолько невероятным, что они не стали даже кричать.

"Смотри, кровожадный монстр!".

"Ты что, с ума сошел? Какой монстр?".

Кожа Ангелины зудела, словно в нее одновременно вонзились десятки тысяч крошечных иголок. Это чувство возникло от предвкушения свидания с тайной.

Когда она шагнула на порог "Сувениров Тьмы", старый хозяин мыл пол. Услышав колокольчик, он выпрямился и повернулся к девушке. Морщинистое лицо расплылось в улыбке.

— День добрый, Ангелина, — сказал Тойвонен. — Подождите немного, я отнесу в подсобку ведро и швабру.

Через пятнадцать минут финн и москвичка сидели за столиком в кафе "Моп", расположенном прямо напротив магазина Эйнари. Ангелина заказала кофе, Эйнари — двойной виски с содовой.

— Мир не таков, каким его представляют, — пригубив напиток, произнес хозяин "Сувениров". — Он не имеет даже отдаленного сходства с картиной, которая формируется в головах миллиардов людей под воздействием школьных учебников, родительских

наставлений и телепрограмм. Некоторые могут догадываться об этом — и таких довольно много. Но истинная суть открывается весьма немногим. Кому-то — после долгих, мучительных, и зачастую гибельных поисков. Иным — так это произошло со мной — совершенно случайно. Что, впрочем, не избавляет от размышлений о природе этой случайности. Мои размышления продолжаются уже двадцать лет. Но большинство соприкоснувшихся погибает, сходит с ума, а в лучшем случае — получает репутацию сумасшедших. Я знаю немногих, подобных себе, кто сохранил и жизнь и ясность рассудка...

— Простите, я не все понимаю, — смущенно улыбнулась Ангелина. — У вас двойная кодировка.

— Теперь вот я не понял, — усмехнулся Эйнари.

— Вы говорите загадками о загадке, — пояснила девушка.

— Что ж, верно, — кивнул Тойвонен. — Попробую излагать проще. Суть — точнее, правда о ней — заключается в том, что в нашем мире все время присутствует невероятное зло. Настолько чудовищное, что даже дальние отголоски его проявлений способны нанести человеку непоправимый урон.

— Вы говорите о дьяволе? — уточнила его собеседница.

— Дьявол был бы не самой плохой компанией в сравнении с теми, кого порой можно встретить в ночных закоулках любого города, — вроде бы, Эйнари пробормотал эту фразу себе под нос, но Ангелина отчетливо расслышала каждое слово.

— Нет. Дьявол здесь ни при чем, хотя именно он и служит универсальной ширмой.

— Ширмой для чего? — Ангелине это уже начинало надоедать. Днем, в лавке, пожилой финн показался ей куда более интересным человеком. Он напомнил готессе героя Криса Кристофферсона из старинного ужастика "Блэйд". Умудренный опытом, обаятельный, стильный. И еще — знающий некую страшную тайну. Но почему он так долго топчется на месте прежде чем поделиться своим секретом? Сам же ведь предложил!

— У меня возникают все новые вопросы, — облизнув губы проколотым язычком, продолжила Ангелина. — Что за люди погибли? Почему другие сошли с ума? И для чего является ширмой дьявол?

— Ответ на все ваши вопросы один, — промолвил Эйнари. — Истинная суть мироздания. Люди, которых я упомянул, однажды вплотную приблизились к ней. Ее же сильные мира сего скрывают за воняющим серой занавесом, на котором начертано слово "Дьявол".

— Так вы откроете мне ее? — почти раздраженно спросила девушка. — Вы ведь знаете! Ну пожалуйста! — Ангелина состроила физиономию, как нельзя лучше подходящую к ее имени.

— Я не уполномочен быть вам учителем или проводником, — покачал головой Тойвонен. — Могу лишь рассказывать истории, а вы вольны делать из них какие угодно выводы. Быть может, услышанное чем-то поможет вам в жизни, а если нет... хотя бы просто развлечет.

"Ну наконец-то дело сдвинулось с мертвой точки", — облегченно подумала готесса.

— Вы сами пережили все то, о чем будете рассказывать? — поинтересовалась она.

— Будь так, я, уж верно, тысячу раз сошел бы с ума, — невесело усмехнулся Эйнари. — Нет. Лишь в одном эпизоде я участвовал лично, но этого мне хватило, чтобы... стать тем, кем я стал. Кое-что поведали другие люди — должно быть, моя внешность располагает к откровениям такого рода. О, тайны, которыми, случалось, делились со мной, будут покруче

инцеста с родной сестрой. Например, однажды заезжий ростовчанин рассказывал мне, как он сражался с целым полчищем живых мертвецов в компании черта и упырицы. Некромант. О них еще книжки пишут.

— Но... разве некроманты существуют в реальности? Я ожидала чего-то, чему смогла бы поверить.

— Нуждаетесь в доказательствах, которые можно увидеть? — Эйнари внимательно посмотрел на девушку. Как ей в тот миг показалось — заглянул прямо в душу. — Я смогу вам их предоставить. Большинство историй попали ко мне вместе с предметами, что сейчас хранятся в моем магазине. Я покажу вам кое-какие из них. Но только в том случае, если пообещаете, что ни полслова об этом не скажете даже самой родной душе.

— Обещаю, — не раздумывая, выдохнула Ангелина.

— Отлично. Тогда начнем.

Достав из кармана, он поставил на стол маленькую коробочку из прозрачной пластмассы. Внутри находился крохотный черный комочек протоплазмы. Приглядевшись, Ангелина увидела, что это — сушеная муха.

— Об этом насекомом будет моя первая история, — Эйнари отхлебнул виски и постучал указательным пальцем по мутноватому пластику. — Она, кстати, происходила где-то неподалеку, хоть и довольно давно...

МУХА

Мой друг Арсений погиб.

Это случилось неделю назад, рядом с моей квартирой.

Трагедии предшествовали долгие тревожные дни, прошедшие под созвездием паранойи. Сначала параноиком стал Арсений. Чуть позже его нервное расстройство перекинулось на меня. Правда, я до определенного времени не имел возможности убедиться в обоснованности наших с товарищем страхов.

Теперь же, когда я знаю, что все случившееся было более реальным, чем содержание утренних выпусков новостей, у меня есть полное право говорить об этом, не боясь показаться безумцем. Мне, по большому счету, уже все равно. Скоро она заберет меня, как забрала Сеню. Я даже не пытаюсь избежать этого, как пытался он. Ну, почти не пытаюсь. Того, что я делаю, в любом случае недостаточно, чтобы предотвратить конец.

Подумать только, не прошло ведь еще и месяца с того дня, как все это началось...

Сеня позвонил мне в пол-первого ночи и срывающимся голосом произнес:

— Костя, здравствуй. Извини, если разбудил. Слушай... Можно я сегодня у тебя переночую?

— Не вопрос, старик. Приезжай. Потрепемся о жизни, пивка попьем. Когда тебя ждать?

— Через час. Я возьму такси.

— Хорошо. До встречи, — я положил трубку.

Я не стал спрашивать у него, в чем дело. Расскажет, когда приедет. Это и не играло существенной роли. Даже если бы Сеня убил Президента, и на хвосте у него висели все службисты Москвы, я все равно принял бы его у себя. Мы знали друг друга со школьной скамьи. Мы были закадычными друзьями. А закадычные друзья должны помогать друг другу.

Правда, меня несколько удивило то, что Арсений попросил меня о ночлеге несколько смущенно, так, словно доводился мне случайным собутыльником, а не лучшим другом. Должно быть, дело было связано с кем-то из наших общих знакомых женщин. Думаю, вы понимаете, что ключевым здесь является слово "общих", а не "знакомых". Да, некоторые подруги Арсения время от времени одаривали своими ласками и вашего покорного слугу. И кое-кто из моих любовниц не возражал против присутствия Сени в своей постели. Без меня, разумеется, так далеко наша с ним дружба не заходила. Но, если я знал о том, что Арсений состоит в связи с моими цыпочками — знал от них же самих — то мой друг не был в курсе моих отношений с теми, кого он считал своими игрушками. Вполне возможно, он звонил мне от одной из моих. Потому и чувствовал себя неловко. Ведь относительно моей осведомленности о происходящем он тоже пребывал в полнейшем неведении.

Странные отношения — подумаете вы. И будете в чем-то правы. Но что, в конце концов, плохого в том, чтобы быть странным? Это тех, кто не странный, следует опасаться...

Мы с Арсением давно обратили внимание на искусственность человеческого общества. То, что большая часть окружающих нас людей здорово смахивает на батальон идентичных друг другу роботов, мы поняли, еще будучи детьми. В первом классе мы даже изобрели для описания этого явления специальный термин — "мясные куклы". А как еще назовешь тех,

кто совершает действия, которым должно быть наполненными неким эмпирическим смыслом, абсолютно механически, словно следуя программе?

Не стану скромничать — из нас двоих я первый это заметил. Вроде, и не пристало семилетнему сопляку обращать внимание на такие вещи. Но я почему-то обратил. Сначала это меня здорово испугало. Не правда ли, это страшно — осознавать, что твои одноклассники, а вместе с ними — твои всеведущие учителя, и даже всемогущие родители — всего лишь куклы, которых кто-то наделил способностью перемещаться в пространстве и говорить. Не пластмассовые, только, а мясные.

Потом происходящее вокруг стало казаться мне забавным. Я начал ощущать нечто вроде превосходства над этими куклами. Ведь я, в отличие от них, был способен совершать осмысленные действия. Впрочем, довольно быстро я понял, что быть одноглазым в стране слепых — на самом деле горе, а не счастье. Так же, как и умным среди дураков, или просто трезвым среди пьяных (разумеется, последнее сравнение я стал употреблять намного позже). Или одушевленным созданием среди мясных кукол.

Именно тогда я заметил, что моего одноклассника Сеню Платонова беспокоит тот же вопрос. Вскоре мы сблизились, стали друзьями и начали действовать сообща. Что значит "действовать"? Была пассивная форма — не дать мясным куклам понять, что мы от них отличаемся и знаем об этом отличии. И активная — пресекать любые проявления искусственности в собственном поведении, как можно быстрее вытравить ее из себя.

Нам это удалось.

Сеня превратился в Арсения, я из Кости стал Константином. Мы — два москвича, богатые и успешные молодые мужчины, в отличие от многих других, точно знающие, для чего нужны молодость и богатство. Что особенно приятно — многие из сверстников с нашей помощью тоже однажды прозрели и сумели из кукол превратиться в людей.

Все оказалось не так уж страшно.

Итак, тихой и ласковой московской ночью (в Москве ведь большинство ночей такие) директор оптовой продовольственной базы Арсений Платонов позвонил своему другу — руководителю рекламного агентства Константину Тихомирову — и попросился переночевать. Время стояло еще не слишком позднее, к тому же — то была ночь с пятницы на субботу. Когда раздался Сенин звонок, я играл на компьютере, устраивая геноцид ордам зеленых гоблинов.

Поговорив с Арсением, сохранил игру и пошел на кухню подготовиться к встрече друга. Поставил охлаждаться шесть бутылок "Гиннеса", соорудил легкий салат из помидоров, огурцов и лука, нарезал хлеба, копченой рыбы, салями. Ждать оставалось почти целый час, а возможно, и дольше. Я включил телевизор на канале VH-1 и вернулся к игре.

Спокойного ожидания, впрочем, не получилось. Мысли мои все время возвращались к тону Сениного голоса. Спустя некоторое время я осознал — мой друг не просто смущался. Он был напуган. Но что, во имя всего святого, могло напугать такого человека, как он?

Сигнал домофона раздался, когда я уже вышел из игры и выключил компьютер. Я не стал спрашивать, кто пришел, нажал на кнопку, отпер дверь квартиры, вышел на лестничную площадку и закурил. Через минуту мимо меня прогудел спускавшийся вниз лифт.

Я живу на двенадцатом этаже. Того времени, что лифт будет идти на первый этаж и поднимать Арсения обратно, мне как раз хватило бы на сигарету.

Когда двери лифта, тихо шурша, разъехались в стороны, я делал последнюю затяжку. Я всегда был рад увидеть своего лучшего друга. Та ночь не была исключением. Но вот тому, как он выглядел, я не смог бы обрадоваться при всем желании.

Арсений стоял, привалившись к задней стенке лифта и тяжело дыша. Его глаза почему-то обшаривали потолок. Лицо блестело от пота, а одежда, всегда сидевшая на Сене безупречно, скомкалась и обвисла, словно мой друг внезапно похудел на пару размеров.

Первая мысль была — наркотики. "Сколько я его не видел? Неделю, полторы... Нет, не мог он за это время пристраститься к "дури" и довести себя до такого состояния". Так думал я, держа между пальцами тлеющий сигаретный фильтр и не зная, что сказать. Двери лифта начали закрываться. Я дернулся вперед, чтобы задержать их, но Сенья и сам уже стряхнул оцепенение и вклинился между механическими челюстями подъемника. Раздвинув их локтями, он вышел и посмотрел на меня.

— Здравствуй, — сказал я.

— Слава Богу, она отстала, — пробормотал Сенья с таким выражением, какое бывает у героев дешевых "ужастиков", когда они убеждаются в том, что угрожавший их жизни кошмарный монстр, наконец-то, издох окончательно и бесповоротно.

Сказав эту странную фразу, Сенья юркнул в мою квартиру, так быстро, что я не успел спросить, что же значили его слова. Я щелчком отбросил окурок к мусоропроводу и тоже вошел в дом.

— Ты можешь объяснить, что случилось?

Мы сидели на кухне и курили. На столе стояли тарелки с бутербродами, но помнил об их существовании только я. Сенья, съезжившийся, угасший, с отсутствующим видом сидел напротив. Он и к пиву почти не прикоснулся, и затягивался раз в пять минут. Обычно так выглядят люди, убитые горем. Я и представить себе не мог, что мой друг в тот момент был счастлив.

Войдя в квартиру, он первым делом принялся проверять форточки. А обнаружив, что окно в спальне чуть приоткрыто, пришел в неопиcуемый ужас. Прыгнул к окну, как вратарь "ЦСКА" к летящему в "девятку" мячу, запнулся об угол ковра и упал, едва не разбив голову о спинку кровати. Но тут же вскочил, добрался-таки до окна и, оборвав занавеску, с силой захлопнул его, — я даже подумал сперва, что стекло, не выдержав, вылетит.

Теперь он сидел на кухне и молчал. Словно ждал чего-то. Словно хотел в чем-то удостовериться. Когда я пытался заговорить, Сенья подносил палец к губам. Меня же мучило любопытство, к которому, чуть погодя, добавился оттенок глухого раздражения. В конце концов, мне вовсе не улыбалось провести остаток ночи, гадая, каким запрещенным препаратом вызвано состояние моего друга.

— Что случилось? — еще раз повторил я.

Сенья ответил не сразу. Сначала он затянулся и сделал глоток "Гиннеса". И я заметил, как Платонов начинает меняться. К нему возвращалась прежняя уверенность в жестах, плечи распрямились, взгляд приобрел осмысленное выражение. Он выглядел теперь как обвиняемый в тяжком преступлении человек, услышавший оправдательный вердикт.

— Ее здесь нет, — произнес Арсений. Он сказал это таким тоном, будто речь шла о самой Смерти.

— Кого здесь нет? О чем ты? — я все больше укреплялся в подозрении насчет наркотиков. И следующая Сенина фраза лишь усугубила такое мнение.

— Муха, — сказал он. — Эта проклятая муха.

— Муха?

— Ага, — он уставился на меня так, словно только что заметил. — Муха. Я из-за нее приехал сюда.

— Подробности в студию, — я откупорил следующую бутылку.

То, что он рассказал мне в течение следующих сорока минут, могло бы, в принципе, окончательно убедить меня в его превращении в наркомана. Но почему-то я поверил ему. Я слишком хорошо знал этого человека, чтобы сомневаться в его вменяемости. Тем более, что кроме странного поведения, никаких признаков, по которым можно вычислить приверженцев нелегального допинга, я не наблюдал.

История, рассказанная Сеней, была насквозь пропитана мистикой. Да нет, не мистикой даже, а чем-то таким, для чего и слова верного не подберешь. Не было ведь в ней ни загадочных незнакомок в масках, ни источающих аромат волшебных духов записок, ни уставленных антикварной мебелью потайных комнат в невзрачном московском клубе. Вместо таинственной комнаты был загаженный тупик в центре Москвы. Манящий аромат заменила вонь гниющего мяса. А вместо сулящей неземные ласки роковой незнакомки в рассказе Платонова фигурировала...

Вот в это как раз и было сложнее всего поверить.

Неделю назад Сеня прогуливался по Новому Арбату, время от времени заруливая в питейные заведения. В определенный момент ему приспичило по-маленькому. Не ахти, какая проблема — ведь в каждом приличном кабаке, или даже простенькой кафешке имеется туалет. Не на хуторе румынском ведь живем, ей-богу. Но звезды в тот день выстроились в небе так, что ко всем туалетам во всех без исключения заведениях квартала выстроились длиннющие очереди. И проще было сделать дело на свежем воздухе, чем ждать, пока облегчатся десять-пятнадцать страждущих впереди тебя.

Идти до ближайших уличных кабинок не оставалось сил. Как и подобает культурному человеку, Арсений поспешил удалиться от людных мест. В глубине прилегающих к улице дворов он отыскал укромный уголок, где и воздвиг себе нерукотворный памятник в виде мокрого пятна на бетонной стене.

— Я сразу по сторонам не посмотрел, — рассказывал Сеня. — Главное было — поспать поскорее, а где — неважно. Потом, когда облегчился и застегнулся, обратил внимание на запахи и звуки того угла.

Стоит особо сказать о том, что это был за угол. Когда-то между двумя длинными высотками имелся проезд, ведущий куда-то в сторону Красной площади. Именно близость к центру России послужила причиной того, что проезд ликвидировали, перекрыв бетонной стеной. Дабы им не смогли воспользоваться потенциальные террористы или враги режима.

Жители окрестных домов стаскивали в образовавшийся тупик всяческий хлам, наладить вывоз которого никто почему-то не удосужился (для Петербурга такое вполне естественно, но вот для Москвы странновато). Снаружи, со двора, тупичок напоминал задворки какой-нибудь стройплощадки. А в глубине, за нагромождением старой мебели, гнилых досок, кучками отработавших свое автозапчастей и целыми стендами из испорченных советских телевизоров разных поколений, — там таилось нечто совершенно уж отвратительное. Груды гниющих пакетов, набитых пищевыми и гигиеническими отбросами — их туда не сносили, а

просто зашвыривали.

Именно туда, в грязный вонючий закуток и забрел Арсений, чтоб, никого не смущая своим видом, опорожнить мочевой пузырь. Одолеваемый одним лишь этим стремлением, он далеко не сразу заметил, что в его импровизированном "туалете" стоит невыносимый смрад. А когда омерзительный запах ворвался-таки в его ноздри, Сеня будто очнулся от забытья, быстро заправил в штаны свое "хозяйство" и принялся очумело озираться.

Окружавший его "пейзаж" никак нельзя было отнести к разряду приятных зрелищ. Пакеты с гниющим мусором и так не созданы для того, чтобы радовать глаз, а эти... эти выглядели так, будто люди, оставившие их здесь, перед тем, как избавиться от объедков, а также использованных гигиенических тампонов, презервативов и туалетной бумаги, сожрали все это и выbleвали. И пахло это дерьмо соответственно.

Сеня перевел взгляд на стену перед собой и отшатнулся. Она была покрыта надписями чудовищно оскорбительного содержания и столь же гнусными картинками. Вам доводилось когда-нибудь прочесть на стене слова, которые производили бы тот же эффект, что удар кастетом в лицо? А Платонов увидел это. О том же, что изобразили на стене пожелавшие остаться неизвестными "живописцы", я, пожалуй, умолчу.

А через миг Сеня понял, что он в тупике не один. Он услышал странный звук, более всего походивший на жужжание роя насекомых. И еще — тихий протяжный стон. Человеческий стон.

Сене и так уже было не по себе от увиденного, его мутило от жуткого запаха. А в момент, когда до его ушей донеслись означенные звуки, у Платонова затряслись коленки. Нет, трусом он не был. Просто ему послышалось в этих звуках — особенно в жужжании роя — нечто, превосходящее рамки человеческих представлений о реальности. Даже наших с ним представлений.

Все же Сеня нашел в себе силы повернуться и посмотреть.

Не буду банальным, говоря "лучше бы он этого не делал". Хотя, это первое, что приходит в голову. То, что увидел Сеня, однозначно не было предназначено для глаз детей и беременных женщин. Но я, однако, не думаю, что на такое стал бы долго смотреть и человек со стальными нервами.

Стонавший лежал в углу, там, где разрисованная похабными граффити стена смыкалась с торцом высотного здания. Он был по грудь погружен в полужидкий разлагающийся мусор. Бедняга смотрел прямо на Сеню, и в глазах его читалась мольба.

Человек походил на узника концлагеря, которому посчастливилось сбежать. Или на тюремного "черта", наплевавшего на свой внешний вид. Но первая Сенина мысль была, конечно, — бомж. Так и будем в дальнейшем называть того странного персонажа. Просто для удобства.

Словечко "посчастливилось", на самом деле, вряд ли было уместно в отношении обитателя мерзкой свалки. По нему словно танк проехал. Лицо и шею его покрывали гноящиеся язвы, а также что-то вроде темно-красных бородавок, при виде которых Сеня брезгливо поморщился — очень уж неприятны они были на вид. Наполовину оторванное левое ухо бомжа сочилось кровью. Сгустки засохшей крови пробивались и сквозь грязные спутанные волосы. Грязь и кровь. Грязь и кровь на каждом квадратном сантиметре тела.

А вокруг него носился в воздухе гудящий рой. Черные мясные мухи. И, несмотря на то, что тупичок был переполнен могущими послужить им пищей кухонными отбросами, насекомые избрали своей мишенью человека.

Сеня Платонов стал свидетелем невероятного. Он видел, как мухи садятся на живое человеческое тело и едят живую человеческую плоть. Конечно, это было не столь наглядным, как, например, атака стаи пираний, но в том, что мухи питались лежавшим в мусоре человеком, сомневаться не стоило. Не просто пили кровь из его ран, а пожирали крошечные кусочки мяса. Приглядевшись, Сеня заметил, что в некоторых ранах страдальца извиваются белесые тельца сотен опарышей.

Открывшаяся взору Платонова картина была омерзительна, и Сеня едва не дал своему обеду зеленый свет на легкую прогулку. Омерзительна, да. Но вот понять природу все нараставшего панического ужаса Платонов не мог. Он был готов развернуться и бежать без оглядки, но не делал этого, поскольку хотел узнать две вещи.

Первое — что происходит?

Второе — как такое возможно?

Не думаю, впрочем, что очередность этих вопросов играла какую-то роль.

Жертва мушиного произвола пошевелилась. Платонов стоял на месте, как вкопанный, и, не отрываясь, смотрел в жуткий угол.

Человек разлепил изуродованные губы и прохрипел:

— Помоги.

За время, что бомж произносил единственное слово, грязное окровавленное лицо поменяло свое выражение два или три раза. По крайней мере, так показалось Платонову.

При мысли же о том, что ему, возможно, придется приблизиться к этому существу и — о, ужас! — коснуться его, Сеню словно кипятком обдало. Пищевод вновь сдавили скользкие когтистые пальцы рвотного спазма. Но Арсений и в этот раз удержался от того, чтобы блевануть.

— Помоги, — повторил человек и протянул навстречу Платонову покрытую язвами, струпьями и царапинами руку, на нескольких пальцах которой не хватало ногтей.

И тут на Сеню дохнуло вовсе уж запредельным ужасом. Если до сего момента он думал, что наблюдает всего лишь чрезвычайно редкое явление, то теперь окончательно понял, — его глаза видят нечто абсолютно невозможное.

Запястье бомжа пересекал глубокий разрез с бледно-розовыми краями. Оттуда, из раны, которая должна была доставлять бродяге невыносимые страдания, тянулась вниз и исчезала в глубине вонючей кучи длинная толстая белая лента. Она шевелилась.

Волосы на голове Платонова встали дыбом. Он помнил школьные уроки биологии и сразу опознал эти похожие на лагман широкие сочленения. Правда, Сеня ни в жизнь не стал бы есть такой "лагман".

То был ленточный червь.

И если в то, что израненный и обессиленный человек мог превратиться в живую закуску для стаи голодных мух и их личинок, еще можно было поверить, то увиденное сейчас выходило за пределы понимания. А спустя еще мгновение Сеня заметил целый ряд важных деталей, которым прежде не придавал надлежащего значения. Движущиеся черные точки, время от времени мелькавшие в космах бродяги, — вши. Бордовые бугорки на лице и шее, которые Сеня посчитал бородавками, оказались десятками впившихся в кожу клещей. Было и еще кое-что...

Едва заметное движение под кожей, из-за которого и чудилось, что выражение лица бродяги все время меняется. Платонов понял причину этого движения. То были гнуснейшие из населяющих Землю созданий. Нематоды. Подотряд трихины. Крупные плотоядные

глисты.

— Помоги, — в третий раз прошептал человек, и Сеня заметил, что во рту у него шевелится что-то, кроме языка. Лежавший в мусоре человек гнил заживо и кишел паразитами, как центр Сан-Франциско — педерастами!

Тут уж Платонов не выдержал, согнулся пополам и выплеснул себе под ноги полупереваренную и разбавленную пивом кулинарную фантазию из "Европейского кафе". Вытерев рот, он тихо сказал:

— Господи.

Жужжание мух вдруг смолкло. Насекомые, словно по команде, сели на бродягу, облепив его лицо так, что оно почернело и стало похожим на морду космического пришельца из малобюджетного фильма ужасов. Видны остались только глаза, и в них застыл невероятный ужас. Если бы несчастный попытался сейчас заговорить, мухи непременно набились бы ему в рот, где и так уже кто-то обосновался. Поэтому бомж молчал. Молчал и Сеня. Тишину нарушала единственная муха, оставшаяся в воздухе. Некоторое время она продолжала кружить над бродягой. Потом — начала приближаться к Платонову.

Арсений замахал руками, пытаясь ее отогнать. При мысли о том, что сейчас на него сядет насекомое, лапки которого прикасались к этому, Платонова охватил страх, возведенный в бесконечную степень. Он развернулся и побежал прочь из жуткого места, что-то нечленораздельно вопя. А вдогонку ему неслись тошнотворные хлюпающе-чавкающие звуки — как если бы фаршированный мерзкими гадами бомж пытался подняться, опираясь руками на кучи зловонной гнили. Или — эта страшная мысль подло плясала на периферии сознания — как если бы паразиты всем скопом полезли наружу, разрывая источенные ими же ткани своего носителя.

Слушая рассказ Платонова и детально представляя себе происходившее в том тупике, я несколько раз содрогнулся. Представляю, каково же было самому Арсению. Услышанное не укладывалось в голове, но в правдивости его слов я почти не сомневался.

Однако, состояние, в котором Платонов явился ко мне, было вызвано вовсе не тем, что он видел неделю назад. Мрачная история получила продолжение. Происходившее с Сеней впоследствии было куда страшнее, чем встреча с зараженным бродягой в подворотне.

— Я видел Ад, — убежденно заявил Платонов, приступая к этой части своего рассказа. — И Ад последовал за мной, — к этому времени он допивал уже третью бутылку, а стоявшая перед ним пепельница была полна до краев.

Он поехал домой сразу же, как покинул проклятый двор. Перед глазами сначала стояло облепленное мухами лицо бродяги, его усеянная клещами грязная шея и пронзенная ленточным червем трясущаяся рука. Потом воображение стало рисовать еще более гнусные образы, навеянные, должно быть, рисунками на стене. Чудовищные деформации и трансформации, невероятные сцены половых сношений, противные оку картины богомерзких ритуалов... Сеня с трудом смог избавиться от калечащих психику навязчивых видений — для этого ему пришлось применить все известные психологические методики для снятия стресса. Вынырнув из пучины собственных мыслей, Сеня обнаружил себя сидящим на заднем сидении едущего по центру такси. Водитель — широкоплечий усатый мужик неопределенного возраста — был неразговорчив. Хотя, возможно, он просто плохо знал русский язык, — на мысль об этом наводила казавшаяся бесконечной кавказская мелодия, что лилась из динамиков стереосистемы. Она была весьма однообразной, и

Платонов в конце концов попросил шофера выключить музыку, поставить другую, или просто сделать потише. Таксист, которому переливчатые трели дудука, видимо, и самому поднадоели, выбрал первый вариант. Толстый палец коснулся кнопки. Музыка стихла.

И Сеня услышал жужжание.

Это было как удар молотом по голове. Муха — та самая проклятая муха, от которой он убегал, каким-то образом тоже очутилась в машине. Источник звука перемещался по салону, и Сеня завертел головой, пытаясь поймать взглядом само насекомое. Не сумел. Впрочем, факта присутствия мухи в такси Платонову было достаточно, чтобы немедленно сбежать и оттуда.

— Останови! — крикнул Сеня водителю.

— Сейчас не могу, — продолжая крутить "баранку", отвечал тот. — На светофоре, ладно? Сейчас как раз красный будет.

До светофора оставалось всего лишь несколько минут, но Платонову они показались вечностью. Ведь дьявольское жужжание не смолкало ни на секунду!

— Сколько я тебе должен? — спросил Сеня, когда машина, наконец, остановилась.

— Триста, — пожал плечами шофер. — До места ведь не доехали.

— Держи, — Сеня сунул ему пятисотенную купюру. Таксист полез в барсетку за сдачей, но Платонов уже бежал, расталкивая прохожих, к метро.

Сидя в вагоне, он изо всех сил напрягал слух — не слышно ли жужжания. В подземке, конечно, расслышать его было совсем непросто. Разве только на остановке. И на одной из станций Арсению показалось, что к нему действительно вновь приближается ужасный звук. Он тут же выскочил из вагона, чтобы дождаться следующего поезда. И после повторял этот трюк еще несколько раз — уже просто на всякий случай.

С того дня жизнь моего друга превратилась в нескончаемую пытку. Домой он приехал уже законченным параноиком. Первыми его действиями были те же, что он произвел, приехав ко мне. Сеня задраил все окна, остановил часы, закрыл в туалете собаку. И обратился в слух, ожидая — не зажужжит ли? Не жужжала. Минут через двадцать Платонов перевел дух, выпустил пса и вернулся к обычной жизни, лишь изредка замирая, дабы удостовериться, что мерзкое насекомое перестало его преследовать.

К полуночи он почти перестал нервничать, чему здорово помогли частые визиты в домашний бар. В два часа ночи Сеня всю ночь кемарил, растянувшись на своем любимом кожаном диване. Ему даже не снились адские мухи и червивые бомжи. Все было спокойно вплоть до тех пор, пока мой друг не проснулся.

А проснулся он от жужжания.

До дрожи перепуганный человек сидел на диване, поджав ноги и обхватив руками колени. Взгляд его был диким. Жужжание, казалось, исходило сразу отовсюду. Но муха в его квартире была только одна. Та самая, что увязалась за Сеней в злополучном тупике. В том, что ее послала сама Преисподняя, Сеня не сомневался. Да и его пес — благородный лабрадор Боб — разделял это мнение. Накрыв голову лапами, собака лежала на полу у прихожей, и жалобно скулила. Боб, если б ему позволяли размеры, наверняка забился бы под полку для обуви. А Сене и в теории забиться было некуда. Оставалось сидеть, окидывая безумным взглядом комнату, и дрожать как осиновый лист.

Но это — не дело, ежу понятно. Арсений же всегда считал себя выше этих

странноватых, вечно пыхтящих и куда-то спешащих животных. Поэтому он мобилизовал все внутренние резервы и принялся убеждать себя, что ничего по-настоящему ужасного на самом деле не происходит. "В конце концов, это всего лишь муха, — раз за разом повторял Платонов. — Какие бы силы за ней ни стояли, это — простая муха, которую очень легко прихлопнуть. Тем более что ее даже не видно, а только слышно". И ведь действительно — тварь не спешила показываться на глаза, хоть Сене порой и казалось, что она пронесится у него над самым ухом. Всего через пятнадцать минут Платонов осмелел настолько, что смог подняться с дивана и пройтись по комнатам в попытке разыскать и, возможно даже, прикончить треклятую муху.

Разумеется, это ему не удалось. Даже простые мухи — на удивление увёртливые создания, а эта, согласно твердому убеждению Платонова, была мухой дьявольской.

"Дьявольские отродья тоже бывают уязвимы, — думал Платонов. — Их могут убить или хотя бы ослабить иконы, святая вода, крест... Крест!".

Икон Сеня в доме не держал. Святой воды, естественно, тоже. Но вот декоративное распятие из посеребренного фарфора у него было. Висело над дверью в прихожей. И перед тем, как начать свой поиск, Арсений вооружился этим Господним атрибутом, который, как он надеялся, поможет ему обратить в бегство крылатую посланницу Ада.

Надо сказать, что в отличие от меня, живущего в скромной трехкомнатной квартире, Арсений располагал в два раза большей жилплощадью. Мы с ним купили квартиры в одном и том же году. Я приобрел трехкомнатную в центре, а Сеня — две таких же на окраине. Его квартиры располагались на последнем этаже высоченной новостройки, что позволило Сене без лишних хлопот превратить их в одну большую. Это было весьма удобно (вспомнить хотя бы грандиозные вечеринки, что мы там закатывали), но в то утро, когда Арсений искал в своих апартаментах муху, размеры его жилища были, скорее, минусом.

Жужжание то приближалось, то удалялось. То вдруг смолкало вовсе, то, напротив, становилось таким громким и яростным, что Сеня, подпрыгнув, разворачивался на сто восемьдесят градусов, ожидая увидеть муху прямо над своей головой. Но где она была на самом деле, он так и не узнал.

— Эта сволочь словно в прятки со мной играла, — сквозь зубы процедил Сеня, приканчивая пиво.

А потом ей надоело играть. Сеня в тот миг как раз стоял в холле, напротив большого круглого окна, сквозь которое лился в комнату яркий солнечный свет. Свет совершенно не радовал Арсения. Как и то, что он увидел на фоне окна — маленькая черная точка, которая, гудя, понеслась прямо на него, метя в лицо. Это была она — муха. Сеня в ужасе замахал руками и рефлекторно сделал шаг назад. Оступился и выронил распятие.

Платонов обреченно наблюдал, как его единственная защита летит вниз, на твердый деревянный пол. Он помнил, что распятие было сделано из фарфора. Достигнув пола, крест разлетелся вдребезги. Муха продолжала стремительно приближаться. Происходящее уложилось в доли секунды, но Платонову показалось, что прошла целая вечность. Муха подлетела совсем близко и вдруг исчезла в нескольких миллиметрах от его лица. Сеня при этом вновь ощутил что-то похожее на удар и... услышал хриплый голос, рывкнувший ему сразу в оба уха: "Попался, придурок!". Арсений не выдержал и свалился без чувств. Очнулся он от прикосновений к лицу чего-то влажного и горячего. То был, конечно же, собачий язык. Боб поддержал хозяина в трудную минуту.

— Я оделся, взял собаку и поехал к любовнице, — Сеня выглядел уже совершенно спокойным, но вряд ли чувствовал себя так же. — Боб, кстати, до сих пор у нее. Дома я больше не появлялся. Мотаюсь по городу, снимаю деньги с карточки, периодически на работу заскакиваю. Ночую в разных местах. Полный мрак, — тут его губы тронуло некое подобие улыбки.

— А муха? Она больше не появлялась?

— Если бы... — Платонов горестно вздохнул. — Она повсюду следует за мной. Проходит полдня, и я вновь слышу это сводящее с ума жужжание. И вижу...

— Видишь что?

— Картинки. Те самые мерзкие картинки из тупика. Я словно проваливаюсь куда-то и вижу их. Снова и снова.

— Проваливаешься?

— Да. Стоит мне сесть или лечь, как я будто бы падаю в глубокую черную шахту. Но на дне ее стоит мягкое кресло, в котором я и оказываюсь. Перед глазами темнеет, и я вижу их... Все, что было нарисовано там, в тупике, и многое другое — в той же манере. Это ужасные вещи. Если бы мне снились такие сны, я, наверное, перестал бы спать.

— Выглядишь так, будто уже перестал.

— Почти, — махнул рукой Сеня. — Это все из-за мухи. Боюсь, что если я усну, она заползет мне в нос или в ухо, и все, кердык, — Платонов провел ребром ладони по горлу. — Не знаю, как дальше быть. Seriously, не знаю.

Несколько долгих минут никто из нас не проронил ни слова. Потом я встал, подошел к холодильнику и достал еще несколько бутылок пива.

— Вот что, Арсений, — сказал я, ставя их на стол. — Я тебе верю. Но не на сто процентов.

— А на сколько? — тотчас отреагировал он.

— Ну, скажем так, на семьдесят. Все это слишком неожиданно. Кусочек Ада в центре Москвы... infernalная муха, которая гоняется за человеком по всему мегаполису — такое хорошо для Голливуда, но не для обычной жизни в России.

— А кто сказал, что все и всегда должно быть хорошо? — ледяным голосом проговорил вдруг Сеня. — Это мы хотим, чтобы было так, но жизни — плевать, понимаешь? Скажи мне, Костя — ты видел когда-нибудь живого сумчатого дьявола?

Я призадумался. Если не считать собственного папаши — старого жмота-челночника, мне не доводилось встречать никого, кто подходил бы под это определение.

— Нет.

— Вот видишь. А ведь он существует.

Я не стал возражать против такой логики. В конце концов, мне и самому приходилось несколько раз сталкиваться с вещами, не поддающимися рациональному объяснению. Не столь пугающими, конечно, но этого было достаточно, чтобы не отвергать с порога возможность существования сверхъестественного.

— Сумчатый дьявол и дьявольская муха — совершенно разные вещи. Первый — всего лишь животное, хоть и очень гнусное на вид. А вторая...

— Гнусна по сути, — прервал меня Арсений. — Костя, определись, ты веришь мне или нет?

— Верю, — сказал я, отрезав себе пути к отступлению. — Давай подумаем, что будем делать дальше.

Думали мы, впрочем, недолго — всего минут сорок, а потом разошлись по кроватям. Мне было интересно — что будет утром. Услышу я жужжание адского насекомого, или все же выяснится, что черт не так уж назойлив? И поначалу мне (да если честно, и Сене тоже) показалось, что пережитый Платоновым кошмар остался в прошлом и уже не вернется.

Все было тихо. Мы лежали на соседних кроватях — Платонов не захотел ложиться в отдельной комнате — и наслаждались безмятежным покоем. Мухи, конечно же, не было.

И если она существовала в принципе (на тот момент я еще слегка сомневался в этом), можно себе представить, какое облегчение испытал Арсений, осознав, что тварь перестала его преследовать.

Мы даже почти ни о чем не говорили. Именно в то утро я понял — наркотики ни при чем. Наркоман и выглядел бы и вел себя совсем иначе.

Некоторое время спустя Арсений собрался и поехал домой. А я передохнул еще немного и занялся уборкой. Могу, конечно, позволить себе нанять домработницу, но предпочитаю делать все самостоятельно.

Сказать, что на Платонове не было лица, когда он вернулся, — значило бы не сказать ничего... Его самого не было. Перед тем, как войти в квартиру, Сеня, словно безумный клоун, скакал по лестничной площадке, осеняя воздух над собой крестным знаменем. Мухи не было, — я это видел. Но Сеня не замечал.

Потом он ввалился в коридор, едва не опрокинув стойку с обувью. Я уже понял, что стоит сразу же закрыть дверь.

Очувившись в более-менее безопасном месте, каким тогда еще была моя квартира, Сеня успокоился и отдышался. Мы прошли в гостиную, где друг рассказал мне о том, что случилось незадолго до его приезда. И предъявил доказательство.

Ему удалось снять муху на встроенную камеру своего мобильного телефона. Я видел ее. Слышал дьявольское жужжание. Я поверил в существование Ада на Земле. Сложно было не поверить, учитывая некоторые обстоятельства.

За то время, что Сеня не появлялся дома, в его квартире произошли некоторые изменения. Весьма серьезные. Настолько серьезные, что впору было ехать за священником. За целым отрядом священников, осведомленных, ко всему прочему, в вопросах экзорцизма.

Можно прийти домой и увидеть следы погрома, свидетельствующие о том, что в квартире произошла кража или несанкционированный обыск. Но едва ли вы точно так же отнеслись бы к тому, что по стенам вашего жилища струится черная слизь, потолочные своды затянуты соплеобразной паутиной, а по углам выросли на полу алые грибы, поросшие жесткими черными волосами, и эти грибы то и дело вздымаются и опадают — дышат! Именно это я видел на сделанной Арсением записи. Это — и ту тварь, что занесла в его дом всю эту infernalную заразу. И это именно я, а не Сеня, первым обреченно прошептал: "Что же нам теперь делать?".

Мы сделали именно то, о чем я первым делом подумал. Правда, священник, готовый поверить в Ад, нашелся далеко не сразу. Какая ирония...

Звали его отец Никодим. Он был высоким, упитанным и, разумеется, бородатым. Найти Никодима помогла моя двоюродная сестра Алена. Ей мы не стали рассказывать всего, поведав лишь о том, что ищем служителя церкви, для которого его занятие является

настоящим призванием, а не просто доходным делом.

Никодим оказался единственным, кто отнесся к нашему рассказу серьезно. Предыдущие кандидаты на роль истребителя скверны скептически трясли бородами, даже после того, как посмотрели видеозапись. Они посчитали нас циничными крестинами, решившими вовлечь какого-нибудь священнослужителя в дурацкое шоу со скрытой камерой.

— Я знаю, что это такое, — сразу сказал Никодим. — В подробности вдаваться не буду. Чем раньше мы начнем действовать, тем лучше.

И уже через полчаса мой джип нес всю троицу по направлению к дому священника. Никодим попросил нас подождать в машине. Он вернулся через пятнадцать минут, держа в руке какой-то чемоданчик — на вид весьма древний, плюс к этому — явно не российского происхождения. Я не стал спрашивать священника, что в чемодане. Но когда я увидел сам этот предмет, мне стало окончательно ясно — структура нашего мироздания далеко не так проста, как мы себе представляем. И уж конечно — совершенно не такова, какой ее преподают в школах.

Арсений не нашел в себе сил, чтобы самому открыть дверь собственной квартиры. Ключ повернул я. А первым шагнул на порог отец Никодим. За его широкой спиной мы сначала не видели, что происходит внутри. Потом священник сделал шаг в сторону, и стало ясно — нас адски развели.

В квартире Платонова царил идеальный порядок. Потусторонняя гниль исчезла. Мухи, естественно, тоже не было. И даже фарфоровый крест, целый и невредимый, висел на своем обычном месте.

Никодим, впрочем, не осерчал. Он повернулся к нам, развел руками и произнес следующее:

— Думаю, парни, что этот раунд мы проиграли. Не знаю, стоит ли вам в дальнейшем обращаться ко мне. Она всегда будет на шаг впереди.

В тот миг мы оба — и я, и Платонов, поняли, что конец нашей мирной жизни настал окончательно и бесповоротно. Началась война.

Требовалось некоторое время, чтобы обдумать наши дальнейшие действия. Отца Никодима решили больше не беспокоить. Его участие только помешало бы. Тварь боялась этого священника настолько, что при его появлении мы просто не смогли бы ее обнаружить.

От Сени в разработке стратегии толку было мало. Точнее сказать, вообще никакого. Его эмоциональное состояние было очень близко к помешательству. Остаться дома Платонов, конечно, не захотел. Я уговорил Алену позволить ему пожить на ее пустовавшей в то время даче. Сказал сестре, что Сеня скрывается от бывшей любовницы, угрожающей выжечь ему глаза кислотой. Продукты и свежую прессу привозил Платонову мой водитель.

В том, что Сеня скрывался именно в этом доме, был еще один плюс. Аленка очень религиозна, и у нее на даче, равно, как и в городской квартире, было полно икон и крестов. Мы понадеялись, что их святой силы хватит на большее время, чем декоративного распятия Платонова.

Покуда Сеня привыкал к своей новой "крепости", я занялся поисками людей, которые могли бы помочь нам в борьбе с порождением Ада. Я начал с эзотерических кружков и народных целителей — информацию о них можно найти даже в обычных газетах.

Мне, конечно, нужны были другие. Те, чьи возможности простираются значительно

дальше скромных способностей "потомственного знахаря Светозара". В том, что такие люди существуют, я не сомневался. Но вот удастся ли мне связаться с кем-то из них? Тут сомнения были. Ведь те, кто наделен истинной Силой, редко показываются на глаза обычным смертным.

Результаты моего поиска оказались, впрочем, весьма обнадеживающими. Всего за несколько дней мне удалось выйти на человека, близкого к так называемому Ковену Малаха — тайной организации, бывшей чем-то сродни набившему всем оскомину Ночному Дозору.

Точнее, если уж проводить параллели с литературой, — Дневному. Ибо люди, составлявшие Ковен Малаха, считали себя — или являлись на самом деле — могущественными Темными магами.

Сей факт, конечно, насторожил меня, ведь бороться предстояло, как я это понимал, именно с Темными силами. Но знающие люди, помогавшие мне в поисках, объяснили, что Тьма и Зло далеко не всегда тождественны друг другу. И если еще за неделю до этого такая новость могла стать для меня своеобразным шоком, теперь я отнесся к услышанному спокойно. Да, благородный граф Дракула, или Саурон из "Властелина Колец" казались милыми компанейскими ребятами из соседнего подъезда в сравнении с тем, что увидел Арсений Платонов — сначала в центре Москвы, а после — в своей квартире.

Меня обещали познакомить с одним из представителей Ковена — человеком со странным именем Гертес. Но тут случилось непредвиденное. Точнее, конечно, не такое уж непредвиденное, но... все равно ведь, все тогда пошло насмарку.

Мне не удалось спасти Сеню.

Не удалось изгнать муху.

Осталось лишь рассказать, как это происходило.

Ранним утром, около семи часов, меня разбудила серия телефонных звонков. Дойти до аппарата я не успел, но тот, кто столь остро желал меня услышать, позвонил снова. Стоило смолкнуть стационарному телефону, как тут же заверещал один из моих мобильных. Я думал, что звонит Платонов. Ошибся.

— ...глаза б мои не видали ублюдка этого! — в ярости кричала моя сестра. — Кто платить будет за это? Где такое, вообще, видано?!

Далеко не сразу мне удалось успокоить Алену и выведать у нее, что же, все-таки произошло. Узнал я следующее.

Накануне ночью Платонов поджег Аленкин загородный дом (к моменту нашего с ней разговора от дачи уже остались лишь дымящиеся руины), а сам исчез в неизвестном направлении. Впрочем, тогда, утром, было неизвестно, жив ли он вообще. Мог и сгореть, причем, весьма вероятно — по собственному желанию, не выдержав сопротивления с ворвавшейся в его жизнь хтонической мерзостью.

Я посочувствовал, конечно, сестре, но кто будет платить за ее сгоревшую дачу — последнее, что волновало меня в тот миг. Масштабы бедствия начинали выходить из-под контроля. Именно это, а не дымящаяся груда почерневших досок под Москвой, и даже не дальнейшая судьба Сени Платонова, обеспокоило меня сильнее всего. Из маленькой мерзкой мухи мог получиться беснующийся в центре города красноглазый инфернальный слон. Пообещав кухне в кратчайшие сроки разобраться со всеми проблемами, я позвонил человеку, обещавшему свести меня с Гертесом. Но его номер был заблокирован.

"Атака проведена грамотно, по всем правилам". Не знаю, откуда взялась эта фраза,

вспыхнувшая вдруг в моем сознании. В возможность благополучного исхода я больше не верил.

Появление обезумевшего Арсения стало очередным штрихом к нарисованной моей интуицией безрадостной картине. Снова — судорожные метания по лифту, лестничной площадке и прихожей. Снова — сорванный голос и подернутый пленкой запредельной обреченности взгляд. Честно сказать, я смертельно устал от всего этого. Поэтому не стал выслушивать Сенин рассказ об очередном возвращении мухи. Положил руки ему на плечи и спросил:

— Сеня, у тебя с собой загранпаспорт?

К счастью, все важные документы были при нем. Сеня, правда, не понял, зачем это нужно.

— Мы уезжаем, — пояснил я. — Сегодня же.

— Куда?

— В Иерусалим, на Святую землю. Домой заедешь?

Платонов яростно замотал головой. Он был в отчаянии.

— Ладно, все необходимое купим тебе по дороге, — сказал я и пошел собирать чемодан.

Через полчаса мы с Сеней вышли на лестницу. Устоявшееся положение дел, уверенность в завтрашнем дне, планы на будущее, — все рухнуло в одночасье. Я больше не задумывался о том, что ждет впереди. Хотелось лишь как можно скорее избавиться от того, что дышало в затылок.

И мы, разумеется, не успели.

В тот миг, когда я нажал на кнопку вызова лифта, Платонов побледнел, развернулся и, указывая пальцем на площадку этажом ниже, прокричал что-то нечленораздельное. Объяснений не понадобилось.

Она была там. Муха.

Носилась на фоне окошка, так, что не заметить ее было невозможно. И не услышать — тоже. Она ведь жужжала. И если раньше я, слышавший этот звук только в записи, мог лишь безоговорочно верить в существование в мире такого зла, то теперь — явственно ощущал его присутствие, понимал, что это такое на самом деле.

В самом по себе мушином жужжании не было ничего страшного. Но слыша его, я чувствовал, как в моей собственной душе просыпается что-то грязное и мерзкое, что-то предельно черное. Мне вдруг невероятно захотелось увидеть свою сестру и... откусить ей пальцы.

Глаза застила алая пелена. На ее фоне начали разворачиваться те самые жуткие видения, о которых рассказывал Сеня. Не знаю, правда, видел ли я то же самое, что и он — оригинал ведь мне знаком не был. Но суть была той же самой. А самой пугающей была... необычайная притягательность увиденного. В этой предельной мерзости хотелось остаться навсегда, поскольку... именно пребывание в ней дарило непоколебимую уверенность — хуже уж точно ничего не будет. Ничего и никогда.

Я стоял, блаженно глядя в никуда и улыбаясь. Сеня посмотрел на меня.

— Нееееееееееет! — я увидел, как он движется вперед и вниз. Сеня сбегал по ступеням туда, где летала муха. Это несказанно удивило меня, ведь он боялся даже мысли о том, чтобы соприкоснуться с ней.

— Сдохни, мразь! — завопил Сеня и... прыгнул, выставив руки перед собой. Он хотел

поймать муху. Я заворуженно наблюдал, как Платонов плывет по воздуху, преодолевая расстояние, оставшееся до...

Хрясь!

... стены.

Жужжание смолкло. Я слышал, как хрустнула шея Платонова. Видел, как разбилась его голова. Сеня был слишком измотан и не рассчитал свои силы. Он промахнулся. Не успел даже сомкнуть ладони, между которыми должна была погибнуть муха. Врезался головой в стену и, получив несовместимые с жизнью травмы, рухнул на серый бетон. Все это заняло секунд пять, не больше. Но мне, разумеется, показалось, что прошла целая вечность.

Муха исчезла. Ее миссия была выполнена.

— Сеня умер от удара о стену или вследствие перелома?

Я стоял рядом с судмедэкспертом в коридоре больничного морга. Совсем рядом, через стену, лежал на столе мертвый Сеня. Мой лучший друг.

Я сразу вызвал "скорую", но помочь Платонову врачи ничем не могли. Я ведь звонил, уже зная, что он мертв, но все еще надеясь на чудо.

— Кем вы ему приходитесь? — спросил вместо ответа человек в белом халате. Узкое, желтое от никотина лицо. Длинный подбородок и впалые щеки покрыты густой рыжеватой щетиной.

— Я его друг.

— Друг? А родные у него есть? Семья?

— Есть. Я постараюсь с ними связаться, — я достал пачку сигарет, закурил. — Доктор, скажите, пожалуйста, от чего именно он скончался?

— Можно и мне одну? — пальцы врача ловко выудили из пачки сигарету. — Он задохнулся.

— Что?

— Задохнулся. Смерть наступила еще до удара. В полете.

— Постойте, как это могло произойти? — я оторопело уставился на эксперта.

— Очень странный случай, — пожал он плечами. — В горло к господину Платонову как-то попала муха.

— Что?! Муха?! — я выронил сигарету. Могу представить, как я тогда выглядел. Но доктора моя реакция ничуть не удивила. И в самом деле — у человека друг погиб на глазах, а тут еще какой-то бред про муху.

— Да, — сказал он. — Только что я ее извлек.

— Покажите, — мне стоило огромных усилий, чтобы не оттолкнуть его и не ворваться в мертвецкую. — Если возможно.

— Идемте.

Врач бросил окурочек в урну и открыл дверь, пропуская меня. Я на ватных шагах вошел в помещение, где лежали мой мертвый друг и убившая его потусторонняя тварь.

К счастью, тело Платонова было накрыто простыней, и мне не пришлось лишний раз на него смотреть. Эксперт подошел к подоконнику, на котором стояло несколько эмалированных медицинских плошек. Мой взгляд неотступно следовал за ним.

— Странно, — промолвил врач. — Она же была здесь.

Ноги мои едва не подкосились окончательно.

— Я не представляю себе, как она могла исчезнуть, — врач повернулся ко мне, держа в

руках пустую плоску. — А вы?

— Я — представляю, — я и сам удивился сквозившим в моем голосе безразличию и смертельной усталости. — Но это, думаю, из области фантастики.

Я начал слышать ее в тот же день, как похоронили Арсения.

Сначала — чуть вдалеке, словно она кружила где-то на расстоянии нескольких метров.

То были странные похороны. Не менее странные, впрочем, чем сама его смерть. Поскольку единственным свидетелем оной являлся я, ко мне были обращены и все взгляды. И все вопросы. Только что же я мог ответить?

Вот и не ответил ничего. Совсем ничего. Сам, мол, ни бельмеса не понимаю.

Похороны закончились. Кладбище опустело. Остались только я и муха.

Я стоял над свежей могилой и смотрел на улыбающееся Сенино лицо на надгробии. Муха жужжала где-то поблизости. Я не пытался ее увидеть.

Я развернулся и пошел к машине. Муха летела следом.

По дороге домой я вспомнил кое-что важное и развернул джип. Не знаю, где она была в это время.

Боб встретил меня отрешенным взглядом — если, конечно, так можно сказать о глазах собаки. Он уже знал, что хозяина нет. Почувствовал это. Бобу было все равно, куда идти, и он пошел со мной.

Она, вне всяких сомнений, наблюдала.

Мне тоже было все равно, куда идти. Никаких мыслей, даже той, спасительной, самой нужной. Я, конечно, пробовал несколько раз дозвониться упомянутому уже посреднику, но уже по инерции, заранее зная, что услышу в ответ.

Я взял на работе отпуск, оставив фирму на попечение заместителя. Вряд ли в эти дни я проявил бы себя хорошим руководителем. Наверняка допустил бы какую-нибудь непростительную оплошность.

Вы, наверное, подумали, что я запил? Нет, хотя мог бы. Весьма вероятно, это помогло бы с еще большим безразличием принять неизбежное.

Ведь правда? Правда же, что смерть неизбежна, когда за тобой охотится Ад?

Гораздо легче мне стало бы, сумей я понять, почему все сложилось именно так. Мне было известно кое-что об истинной природе отношений между Светом и Тьмой, а за последние дни объем моих знаний на эту тему только прирос. Я знаю, к примеру, что Дьявол — вовсе не карикатурный рогатый пижон, что восседает на черном троне, скрипя зубами от злости и думая лишь о том, как бы сгубить побольше людей. Я даже уверен, что тварь, из-за которой погиб Платонов, и скоро погибну я, имеет к вышеозначенному персонажу весьма отдаленное отношение. А то и вовсе никакого.

Так что же случилось? Чем, а главное, — перед кем провинились я и Платонов? За что нам решил отомстить этот, и без того не особо ласковый мир?

В голове одна за другой возникают догадки. Роятся, прямо как мухи. Но ни одну из них нельзя назвать стопроцентно верной.

А может, все это — бред? Может, я просто сошел с ума?

Вы знаете, я посчитал бы такой расклад абсолютным счастьем.

Я слышу муху почти постоянно и все чаще вижу ее. С каждым разом она подлетает все ближе. Думаю, что когда она сядет на меня, я сразу умру.

Надеюсь на это.

Вчера звонил отец Никодим. Спрашивал, как дела, не беспокоит ли муха. Я сказал ему, что Платонов умер. Этим и ограничился. Не хочу, чтобы цепочка продолжалась. Пусть лучше остановится на мне.

А сегодня с утра я снова попытался докопаться до причин. Ездил туда, где все началось. Нашел тот проклятый дворик и захламленный тупик. Мне было страшно (хотя, куда уж страшнее), но я дошел до конца.

Стоял и смотрел на стену. Вокруг, приближаясь с каждым новым витком, носилась муха.

Впереди же ничего не было.

Совсем ничего.

ИНТЕРЛЮДИЯ ПЕРВАЯ

Глаза Ангелины — и так чересчур большие для ее круглого личика — стали теперь поистине громадными и напоминали два сверкающих озера. Два озера интереса... и недоверия.

— Это все правда? — облизнув губы, спросила девушка. — Про эту муху... Она действительно убивала людей?

— Убивала не сама муха, — покачал головой Эйнари. — Гибель несли ужас и отвращение, которые внушают людям силы, стоящие за ней.

— Это силы Ада? — очи девушки постепенно обретали свой обычный размер.

— Говоря так, вы лишь пытаетесь все упростить, — улыбнулся Тойвонен.

— Можно на "ты", — сказала готесса.

— Хорошо, — кивнул финн. — Тебе тоже можно.

— Ой, я, наверное, не смогу себе этого позволить, — смущенно улыбнулась девушка. — Вы же намного старше меня.

— На самом деле я не такой уж старый. Всего полвека копчу дивное небо этой планеты.

— Правда? — Ангелина вновь распахнула глаза. — Я бы накинула еще пятнадцать сверху. Ой! Кажется, я сейчас сморозила большую глупость...

— Все ты правильно сказала, — ухмыльнулся Эйнари. — Я действительно выгляжу на шестьдесят пять. Все как раз потому, что последние двадцать лет часто имею дело с самыми разными силами. В том числе и с представителями Ада. Но в случае с мухой — давай все-таки к ней вернемся — дело совсем не в них.

— А в чем же? — настороженно глядя на него через стол, спросила девушка. — Меня не раз передернуло, когда я слушала этот рассказ. Что это было... если не Ад?

— Блуждающая Бездна, — тихо проговорил Эйнари. — Струпья скверны, просыпавшиеся из мира, что существует вплотную с нашим. Это не Ад, Ангелина. Это гораздо хуже... и страшнее.

— Вы... ты тоже видел что-то подобное, — убежденно произнесла готесса.

— Да, однажды я очень близко соприкоснулся, — кивнул седой скандинав. — С тех пор и собираю свидетельства.

— Такие, как эта муха?

— Есть и еще менее приятные.

— Ох, не ожидала я такого. Выпить, что ли, еще один коктейль? — Ангелина посмотрела по сторонам, пытаясь отыскать свободного официанта.

— Думаешь, наверное, сейчас о том, чтоб сбежать отсюда и никогда больше не ступать на порог моего заведения, — уверенно сказал Тойвонен.

— Да нет, наоборот, — взгляд готессы вернулся к изрезанному морщинами лицу собеседника. — Я думаю о том, чтоб и завтра встретиться с тобой, чтобы выслушать еще одну историю. Можно?

— Конечно, — кивнул Тойвонен. — Как считаешь, что больше всего ценит в людях владелец магазина ужасов?

Вопрос Эйнари лишь казался неожиданным, но был логическим продолжением только что прозвучавших фраз. Ангелина, хоть и чувствовала это, все же слегка замялась.

— Не знаю, — честно сказала она.

— Смелость, — в очередной раз улыбнулся Эйнари. — Больше всего я ценю в окружающих людях смелость. В тебе я ее вижу. Ты решила продолжить общение, услышав такое, после чего сбежал бы в монастырь кое-кто из самых оголтелых сатанистов. Так что, естественно, мы сможем встретиться завтра. Возьми мою визитку — скажешь потом, когда тебе будет удобнее.

— Конечно. Еще кое-что насчет мухи...

— Я даже догадываюсь, что ты имеешь в виду. Хочешь знать, как она ко мне попала?

— Ну да.

— Тот священник, отец Никодим. Он понял, что просто так дело не кончится, и начал свою игру. В конце концов, ему удалось обезвредить тварь. Именно Никодим и принес мне однажды эту коробочку.

— А что случилось с Тихомировым? Ему не повезло, да?

— Ну, это как сказать, — развел руками Эйнари. — Среди нас его больше нет, это уж точно.

— Значит, она его все-таки погубила...

— Нет. Не успела. Священник уничтожил ее раньше. Вот тогда Константин и понял, какие вещи стоит называть словом "повезло". Он продал все свои российские активы, а взамен приобрел маленький необитаемый остров в Карибском бассейне. До сих пор живет там один — если, конечно, лабрадор Боб не умер. Впрочем, собаки не живут так долго.

— А отец Никодим — он из тех людей, о которых ты рассказывал днем? — спросила Ангелина. — Один из четверых, похожих на тебя?

— Да. Кстати, ты подала мне хорошую мысль насчет нашей завтрашней беседы. Поведаю об еще одном таком человеке...

СЛЕД НЕКРОМАНТА

О том, что на Уманском кладбище по ночам беспокойно, Егор узнал неделю назад.

Поначалу он сомневался — стоит ли браться за это дело? Знал Егор, как к его ремеслу относятся на Руси. И спина его о том знала, и ребра знали, и голова.

Не любят на Руси некромантов...

Вон, коллега Ян недавно из Германии вернулся. Говорит, там получше. Сторонятся, конечно, на свадьбы не приглашают. Но и смотрят без ненависти, и в кабаках не отсаживаются, как от чумного. Понимают, работа есть работа, какой бы она ни была. Взять палача, к примеру, — он же людей убивает! А золотарь, так тот вообще... И что же их теперь, неприкасаемыми считать? Нет же такого.

А некромант чем хуже? Ничем.

Только нашим разве что втолкуешь? Посмотрят — что помоями окатят. Заговорят если — много нового узнаешь про себя и всех своих прародителей до девятого колена. Да он же с нежитью знается, братцы! Ату его! Дубину в руки — и понеслась.

Не то обидно, что такое происходит, а то, что бьют и ругают после того, как им же поможешь. Нет бы поблагодарить за то, что по кладбищу теперь ходить спокойно можно... Такое "спасибо" промеж глаз влепят, что сам едва не пополнишь ряды тех, с кем борешься.

Вот и думай — стоит ли связываться с такими?

Эх, а что делать?

Во-первых, пока будешь сидеть и ждать, пока придет другой некромант и работу сделает — мертвяки полгорода к себе под землю утянут. Там же люди гибнут! Злые, жадные, но живые, русские люди.

А во-вторых... Самому ведь тоже выживать надобно. И как тут поступить, когда ты в мирской жизни особых высот не достиг, а являешься всего-навсего хозяином книжной лавки? Некромант, как говорится, ошибается лишь однажды. Когда ремесло свое выбирает.

Так что думал Егор недолго. Ровно через семь дней собрал колдовской мешок, запер лавку и поехал в Уманск. Весточку вперед себя он, конечно, выслал. Но мог и не делать этого — на месте бы столковались.

— Ты трупогон? — встречают, как обычно, втроем. Городской голова, священник, и самый знатный местный купец.

— Некромант, — Егор снял с плеча мешок и поставил рядом с собой на дощатый пол. При звуке этого слова у попа задергался правый глаз.

— Звать тебя как? — спросил голова. Егор хотел было схохмить, но тут же передумал, решив, что не стоит с ходу портить отношения с теми, с кем они, как пить дать, и без того не заладятся.

— Егор. А вас как величать, господа?

— Да какие ж мы господа? — бородатое лицо градоначальника расплылось в улыбке. — Работяги простые. Меня зовут Евграф Силантьевич. Это — наш батюшка, отец Михаил. А это Никанор Смагин, он из торгового люда. С ним все финансовые вопросы решать будешь.

— От церкви если какая помощь нужна, я всегда буду рад выслушать, — переступив с

ноги на ногу, произнес отец Михаил. Но по лицу его было видно, что уважения к некроманту батюшка не питает и слушать его вовсе не будет рад. "Да разве оно мне надо?", — внутренне усмехнулся Егор.

— Отец Михаил, вы простите, конечно, но от церкви в этом вопросе толку мало. Мертвяки — это ж не упыри какие-нибудь. Они ни молитв, ни святой воды, ни креста животворящего не боятся. Одно слово — гопники.

Егор заметил, что последняя фраза слегка развеселила всех троих. "Что ж, отлично. Пусть хоть немного, но проникнутся ко мне доверием".

— Нас, некромантов, потому и не любят, — продолжал Егор, — что мы боремся со Злом его же методами. Так сказать, грех на душу берем...

— Ну, положим, не "так сказать", а берете, — кашлянув, строго сказал отец Михаил.

— А что делать? — развел руками Егор. — Иначе-то никак.

Священник ничего не сказал, только почесал бороду. В глазах его некромант увидел что-то вроде жалости. "Ну, это уж совершенно зря", — подумал Егор, но также промолчал.

— Денег тебе много потребуется? — вступил Смагин. — На оперативные, так сказать, расходы.

— Да что вы, какие расходы? — отмахнулся Егор. — Все необходимое у меня есть, — кивнул он на мешок. Деньги — только за саму работу.

И назвал сумму, от которой батюшка крикнул, Смагин поморщился, а Евграф Силантьевич выпучил глаза. Никто из троих, впрочем, не стал ничего оспаривать. Горожане прекрасно понимали, что эта цена никак не может быть выше той, что им придется заплатить, отказавшись от услуг некроманта.

— По рукам, — сказал Никанор Смагин и, как человек, ответственный за денежные расчеты, шагнул вперед, чтобы пожать Егору руку. Как ни странно, на лице его при этом не промелькнуло ни тени отвращения или страха. "Видать, не все так плохо в этом мире", — подумал некромант, поднимая с пола мешок.

— Тебе, может, часть денег вперед отдать? — поинтересовался Смагин.

— Вперед? Да нет, не стоит, — усмехнулся Егор. — А вдруг меня мертвяки порвут?

— Что, и так может быть? — торговец застыл с раскрытым ртом.

— Всяко может быть, — некромант развернулся и посмотрел на кладбищенские ворота. — Не будешь же ты потом по всему погосту деньги свои искать.

— Верно, не буду. Ты когда думаешь начать?

— А сегодня и начну. Дурное дело — оно же нехитрое, — некромант снова улыбнулся и подошел поближе к воротам.

— Снаружи-то кровь откуда? — спутать эти бурые пятна с чем-либо другим было попросту невозможно.

— Молодежь гуляла, — Смагин брезгливо поморщился. — Совсем оборзели, щенки. Водка, девки, гитары. Тогда еще никто не знал про мертвяков. Врасплох застигли. Один только уцелел. Его как раз и кровь — Ивашке на выходе, — торговец снова поморщился и прикурил папироску, — ногу оторвали. За ограду-то они не суются. Парень лежал тут и смотрел, как трупы его мясом угощают. Тебе бы стоило, наверное, с ним поговорить перед тем, как туда идти. Ивашка, конечно, умом повредился малость, но, может, что дельного рассказать сумеет.

— Лишнее это, — покачал головой Егор. — Этот заказ у меня не первый. Далеко не

первый, — подчеркнул маг, чтобы придать своей персоне большую значительность в глазах проводника.

— Ишь ты! — искренне удивился Смагин. — Неужели так часто?

— Часто, — кивнул некромант. — Только об этом молчат обычно. Тебе ведь тоже неохота, чтобы торговля в городе встала?

Смагин промолчал. Да тут от него ответа и не требовалось.

— Еще жертвы были? — спросил Егор.

— Да, увы. Монашка одного задрали, когда он с крестом и молитвами полез нежить изводить. И потом нашлись охотники погеройствовать. Охотников тех тоже схарчили, — Смагин в сердцах отшвырнул окурок.

— Когда обычно трупы появляются? В полночь?

— Ага. Бродят по кладбищу и воют. Все хотят на улицу выбраться, да не могут, слава тебе, Господи, — Смагин перекрестился.

— Правильно, и не смогут. В старину освящать умели.

— Это что же? — Никанор вытаращил глаза. — Если на новом кладбище такое начнется, они на улицы попрут?

— Не знаю, — честно ответил Егор. — На новых еще ни разу не было.

— Ну, я пойду, ладно? — Смагин занервничал. — До полуночи полчаса осталось. Тебе начинать скоро.

— Иди, — кивнул некромант. — Утром увидимся.

То, что кладбище беспокойное, Егор почувствовал, еще стоя рядом с воротами. Когда он ступил на землю погоста, ощущение это усилилось во сто крат. Земля буквально бурлила под ногами, гулкое уханье доносилось из-под нее то тут, то там. Егор слышал эти звуки не ушами — костями. И приятного в них не было ничего.

Уманское кладбище уже превратилось в единый злобный организм, готовый в любой момент и в любом месте (но только — с полуночи до пяти утра) выбросить наружу свои смертоносные щупальца — мертвецов. Трупы не были привязаны к своим могилам и могли свободно перемещаться под землей, которая покорно расступалась перед ними в любом направлении. Там, внизу, образовалось целое поселение мертвецов — своеобразный антипод города. Своя иерархия власти. Свой законы. И один, общий закон для низших представителей нежити, к которым относились восставшие из могил покойники, — не подниматься на поверхность, пока не пробьет двенадцать.

Егор вышел на центральную кладбищенскую аллею, где стоял небольшой памятник основателю города. Наверняка именно этот крепкий длинноусый старик возглавляет здешних мертвецов. Впрочем, это совсем неважно. Самое главное — их здесь не так уж много. Хоронить умерших на старом кладбище уманцы перестали уже много лет назад. Об этом некроманту рассказал Смагин по дороге к погосту.

До появления трупов оставалось двадцать пять минут. Этого времени было вполне достаточно, чтобы подготовиться.

Егор раскрыл мешок и принялся доставать из него магические предметы. Несколько минут он быстро сновал по центру кладбища, расставляя их в нужном порядке. Когда маг закончил, оставалось еще десять минут. Егор снова сунул руку в мешок и извлек маленькую тряпичную куколку с пуговицами, пришитыми на месте глаз.

— Ну что ж, Олеся, — прошептал Егор, — настало время снова послужить.

Положив куколку у основания памятника, маг отошел назад и вскарабкался на высокую иву. Оставалось дожидаться появления мертвецов.

И ждать оставалось совсем недолго...

— Лю-ю-ууди! — перепуганная маленькая девочка в черном платье металась между могил. — Кто-нибудь! Помогите!

Земля начала вскипать, вспучиваться. Из нее полезли костлявые руки, облепленные разложившейся плотью. Невыносимое зловоние разлилось в воздухе над погостом. Девчушка в ужасе выбежала на освещенную Луной главную аллею.

— Спасите меня! — заверещала она.

Руки мертвецов опирались на землю, выталкивая на поверхность полуистлевшие торсы, увенчанные бугристыми скользкими шарами голов. Вместе с кадаврами из-под земли вырывались белесые клубы испарений. Это происходило не только в основном массиве захоронений, а по всему периметру кладбища. Бежать малютке было некуда.

Трупы один за другим вылезали из темных провалов и выпрямлялись. Склизкие клубки извивающихся червей срывались с их тел и с гадким звуком шлепались на землю. В пустых глазницах мертвецов сверкали зловещие огоньки. Их настоящие глаза, конечно, не сохранились — светились сгустки эктоплазмы, подарившей покойникам вторую жизнь.

— Плоть! — прошипел один из них, и это слово, будто многократно повторенное простывшим эхом, пронеслось по всему кладбищу. — Плоть! Плоть! Плоть! — щелкая челюстями, мертвецы начали сходитья, окружая девочку.

Егор торопливо подсчитывал их количество. Крепких покойников, могущих оказать сопротивление, здесь было совсем немного. Остальные являли собой дряхлые скелеты и развалились бы на части даже от обычного удара палкой или ногой.

— Стоять! — гулко рявкнул кто-то из-под земли, когда десятки дрожащих костяных рук со всех сторон протянулись к девчонке. Трупы замерли. Земля под памятником разошлась в стороны, выпуская очередного покойника. То, несомненно, был человек, послуживший прототипом для монумента — старый куренной атаман. Как и предполагал Егор, он был на Уманском погосте главным.

Старик не должен был сохраниться так хорошо, ведь похоронен он был, должно быть, добрую сотню лет назад. Но, видимо, атаман всякий раз забирал себе лучший кусок, вот и набрал форму.

— Стоять! — повторил главный мертвец, у которого даже усы сохранились и стали, за годы проведенные в могиле, еще длиннее. — Я первый.

Атаман направился к девочке. Прочие почтительно расступились.

— На всех не хватит! — возразил феноменально низкорослый труп с остатками курчавой рыжей шевелюры на черепе неправильной формы.

Услышав такое, атаман подскочил к говорившему и вlepил ему такую затрещину, что череп наглеца завертелся вокруг своей оси.

— Тебя никто ни о чем не спрашивал, Ливада! — взревел старик. — Вспомни, кем ты при жизни был!

Вращение мертвой головы прекратилось. Ее обладатель упал на карачки и уполз в глубь толпы, получив по пути несколько пинков. Остальные трупы дружно зареготали.

Атаман склонился над трясущимся от страха ребенком. Если бы у усатого мертвеца сохранилось человеческое лицо, оно непременно приняло бы сейчас крайне разочарованное

выражение.

— Тьфу ты! — атаман выпрямился и со злости двинул кулаком в челюсть ближайшему мертвецу. Череп того отделился от позвоночника и, клацая зубами, улетел далеко в кусты. — Це ж не девка! Це ж упыренок!

— Ага, — девочка ослабилась, обнажив два ряда длинных острых клыков. — Как ты догадался, дедушка?

Тут же она выхватила из-под платья железный шар на цепочке и принялась ловко орудовать им, ломая коленные суставы стоявшим вокруг мертвецам.

— Ты чего, чертовка?! — закричал успевший отскочить атаман. — Мы ж на одной стороне!

— А я пре-да-тель-ни-ца! — по слогам произнесла девочка и попыталась влечь ему шаром в лоб. Но усатый и тут успел увернуться.

Настал черед Егора. Некромант спрыгнул с дерева, сгруппировавшись, приземлился на корточки, но тут же выпрямился и выхватил из-за пояса магический жезл.

Трупы вскинулись, почувствовав настоящего человека. Они-то сначала думали, что запах живой плоти исходит как раз от девчонки. Отталкивая друг друга, мертвецы ринулись к некроманту. И только длинноусый атаман начал пятиться по направлению к памятнику — он каким-то образом понял, кто и зачем явился на погост.

Перед Егором было сейчас все местное "население" — полторы сотни плотоядных кадавров. Он для того и задействовал свою давнюю помощницу — девочку-упыря Олесю, чтобы собрать их всех на одном небольшом участке.

Олеся метнула свое оружие в ноги главному мертвецу. Цепь обмоталась вокруг гниющих голени, лишив мертвого атамана возможности уйти под землю.

— У, сучка проклятая! — мертвец упал и в отчаянии замолотил кулаками по земле.

— Еще какая, — ухмыльнулась упырица, перекинулась в летучую мышь и скрылась в переплетении древесных ветвей, чтобы избежать магического удара Егора.

Тот тем временем выставил перед собой руку с жезлом и начал нараспев читать заклинание, издревле служившее для развоплощения мертвецов. Олесю оно вряд ли смогло убить, но помучиться девчонке пришлось бы.

ОГТРОД А" ИФ!

ГЕБ" Л — ИИ" Х!

ЙОГ-СОТОТ!

"НГА" НГ АИ" Й!

ЗХРО!

Чем старше и опытнее становится волшебник, тем меньше усилий ему приходится прилагать, чтобы пользоваться магией. Самые могущественные маги способны творить чудеса при помощи жеста, взгляда или даже одной лишь мысли. Менее продвинутым приходится в большинстве случаев читать заклинания, для активации которых необходим рабочий инструмент. Жезлы, посохи, волшебные палочки, кольца и даже веера — все это, и много что еще, активно используется миллионами магов во всем мире.

Кому-кому, а некроманту жезл будет необходим всегда. Ибо его основная специальность попросту не предполагает повышения уровня до такой ступени, где можно было бы обходиться без инструмента. В классической боевой магии Егор мог, в принципе,

поднатореть настолько, чтоб запускать заклятия прямо с рук.

Но если уж идешь сражаться с мертвецами — будь добр, возьми с собой жезл.

А то нехорошо получиться может...

Жезлы некромантов традиционно изготавливаются из кости. Не обязательно человеческой. Инструмент, сработанный, к примеру, из слоновьего бивня, будет в работе гораздо более эффективным.

После изготовления жезл покрывается надписями заклятиями, а также резьбой, изображающей атрибутику смерти и посмертия.

Из жезла Егора и разложенных в округе артефактов ударили в воздух плотные зеленые лучи. Над толпой мертвецов они сошлись, пространство же между ними наполнилось мягким зеленоватым свечением. Получилось что-то вроде призрачного энергетического покрывала, которое тут же начало опускаться на зловонное сборище.

— Агас! — заверещал труп по фамилии Ливада, но было поздно. Волшебная сеть накрыла кладбищенских людоедов, высасывая из них жизненную энергию. Раздались чудовищные вопли — трупы в полной мере осознавали происходящее. Они не могли испытывать боль, но им, несомненно, было очень досадно лишиться второго шанса на существование.

Спустя всего несколько минут с мертвецами было покончено. От них остались только груды костей и комков смердящего тлена.

На левое плечо Егора села, выпорхнув из ветвей, Олеся.

— Круто ты с ними разделался, — пропищала она.

— Спасибо. Стараемся, — усмехнулся Егор.

Девочка-кровосос сменила облик — превратилась в тряпичную куклу и упала в ладонь некроманта. Переступая через дымящиеся останки мертвецов, Егор подобрал оружие упырицы и пошел собирать свои инструменты.

— Какие деньги?! Ты что, ополоумел, парень?

Три ухмыляющиеся рожи. Даже поп ухмыляется. Впрочем, почему "даже"? Чем он лучше других, тем, что в рясу влез и крест на пузе носит?

— Ты ж, милоч, погост наш осквернил, кости наших предков разбросал, — тряс пальцем перед лицом Егора Евграф Силантьевич. — А там, между прочим, куренной атаман Кирилл Анатский был похоронен! Тот, от кого наш город пошел!

— Не станете, значит, платить? — иронично спросил Егор. — Хотите, может, чтоб я мертвяков ваших обратно воскресил?

— А можешь? — с лица градоначальника мигом сползло глумливое выражение.

— Да запросто, — ухмыльнулся Егор. — Вот сейчас прямо пойду и воскрешу. Да заодно и ограду расколдую, чтоб вам жизнь медом не казалась. И дракона костяного напущу на вас, куркули! — некромант шагнул по направлению к выходу.

— Свят, свят, свят, — отец Михаил начал креститься со скоростью мельницы.

— А ну стой! — грохнул Евграф. — Никанор, выводи своих.

— Ребята! — задорно произнес Смагин. В углу комнаты открылась еще одна дверь, из которой вышли шестеро угрюмых бородатых мужиков. Каждый держал в руке длинный мясницкий нож.

— Если ты, рачий сын, хоть близко к нашему кладбищу подойдешь, — Никанор сделал многозначительную паузу, — тебе тогда себя самого воскрешать придется. Только этого ты,

боюсь, проверить не сможешь. Усек?

— Да пошли вы! — Егор плюнул прямо под ноги Смагину, развернулся и вышел, на всякий случай держа наготове заклятие массового оглушения. Но никто даже не дернулся ему вслед. Убивать некроманта уманцы не собирались. Главным для них было, чтобы он поскорее убрался.

"Да, так еще нигде не было... Оскорбляли — да. Поколачивали — случалось. Но чтобы не заплатить, да еще так дело обставить, будто я сам во всем виноват! Зачем, спрашивается, стараюсь? Можно же по-другому, у всякой палки ведь два конца. Собрать армию из покойников и брать города один за другим. Да только не мое это. Душа не лежит".

Егор шагал по идущей сквозь кукурузное поле дороге вслед закату, прочь от Уманска.

Чувство, которое он испытывал, нельзя было назвать разочарованием. Так должно было произойти, рано или поздно. Таковы люди.

Нет, не страх и не отвращение лежали в основе подлого поступка уманцев. Простая человеческая жадность. Один из семи смертных грехов, которые они сами решительно отвергают.

Сзади на дороге раздался шум. Егор не обернулся.

— Трупогон! — он узнал голос Смагина. — Стой!

"Не простили, стало быть, плевка. Сколько их там, интересно? Неужели один только Никанор? Какое безрассудство... Что ж, если у него нет пистолета, судьба его незавидна. А если есть — моя...".

Егор остановился и развернулся. Смагин действительно был один, но агрессивных намерений не выказывал. Маг отошел чуть в сторону, чтобы торговец мог подъехать ближе.

"Что за тачка у него? Ну да, конечно, черный BMW. Как с ума все походили".

— Привет, Егор, — Смагин высунулся из машины и подмигнул.

— Виделись.

— Да ты обиделся, как я погляжу! — хохотнул Смагин. — Не надо. С обиженными сам знаешь, что делают.

— Слушай, тебе чего? Поглумиться приехал?

— Нет, зачем? — пожал плечами Смагин. — Деньги тебе привез. За работу.

— Деньги? У Евграфа ты иначе рассуждал.

— Так то у Евграфа! Да еще и при Мишке, — Смагин махнул рукой. — Мне же здесь жить, бизнес вести. Что я, враг себе, что ли? В таких местах, как Уманск, чтобы жить спокойно, нужно разделять мнение руководства.

— Ну, это везде так.

— Ты не думай, что мы такие уж гады. Держи, — Смагин протянул Егору завернутую в целлофан тугую пачку тысячных купюр. Но взять деньги маг не успел. Стоило ему сделать движение навстречу, как Смагин выронил сверток, и тот упал на дорогу, подняв облачко пыли.

По глазам Никанора некромант понял — тот сделал это намеренно.

— Да, неплохие вы люди, — сказал Егор, стараясь игнорировать издевательский взгляд Смагина. — Слушай, Никанор, я хочу тебе услугу оказать, — некромант склонился к окошку смагинского BMW. — Враги есть?

— Враги? — Смагин прищелкнул языком. По лицу коммерсанта было видно, что он мгновенно забыл о своем первоначальном замысле унижить Егора и заинтересовался

намеком, суть которого, несомненно, уловил. — Допустим, есть. А что?

— Ну... Могу помочь извести.

— За отдельную плату? — тут же уточнил Смагин.

— Да нет. Абсолютно бескорыстно. По дружбе, — усмехнулся некромант.

— Ну, если по дружбе, то давай, — Смагин заерзал на сидении. — А то самому как-то боязно, да и киллера надежного в наших краях днем с огнем не сыщешь.

Егор скинул с плеча мешок, покопался в нем и достал один из магических предметов.

— Вот, — маг протянул артефакт Смагину. — Сумеешь тайком во дворе у своего недруга закопать — и через три дня можешь венюк ему на могилу заказывать.

— Сумею, — Смагин преобразился и стал похож на большую крысу, потирающую лапки в предвкушении похода на заброшенный сырный склад. — Все, Толян, кобздец тебе. И никаких проблем с законом. Ну, бывай, трупогон! — Никанор дал задний ход.

— И никаких проблем с законом, — повторил Егор. — Это уж точно. Никаких проблем.

Некромант подобрал сверток с деньгами, сунул в карман и зашагал дальше, по направлению к федеральной трассе "Ростов — Баку".

— Что за черт? — вскинулся Смагин, когда лежавшая на пассажирском сидении тряпичная кукла вдруг превратилась в светловолосую десятилетнюю девочку.

— Черт как черт, — Олеся пожалала худенькими плечиками, открыла полный острых зубов рот и вцепилась сидевшему за рулем мужчине в горло. Машина съехала с дороги и скрылась среди высоких стеблей. Через полчаса из кукурузных зарослей выпорхнула летучая мышь. Пролетев несколько километров в сторону трассы, она опустилась на плечо стоявшему на обочине некроманту.

— Они будут мстить, я думаю, — пропищала зверушка.

— А я так просто уверен в этом, — Егор растворил заплечный мешок, и мышь, вновь обернувшись игрушкой, мягко свалилась туда.

Егор подошел ближе к дороге и вскинул правую руку. Почти сразу же от потока машин отделилась и притормозила рядом с ним вишневая "девятка". За рулем сидела симпатичная женщина лет тридцати.

— В Ростов едете? — уточнил Егор.

— Да, — кивнула незнакомка, — Садитесь.

Некромант залез в машину, перебрал мешок на заднее сидение, захлопнул дверцу и, повернувшись к хозяйке авто, спросил:

— А что вы скажете, если я приглашу вас сегодня вечером в суши-бар?

ИНТЕРЛЮДИЯ ВТОРАЯ

Выслушав рассказ о приключениях ростовского некроманта, Ангелина долго молчала. Потом кликнула официанта и заказала второй коктейль.

— Вижу, я скоро стану причиной развития у тебя алкоголизма, — улыбнувшись, произнес Эйнари и тут же подумал, что, возможно, пошутил не слишком удачно. Но готесса рассмеялась, продемонстрировав идеально ровные белоснежные зубы и серебряное колечко в языке. Правда, финну сразу стало понятно — смех этот нервный, вымученный, звучащий вовсе не потому, что девушка действительно рада шутке.

"Ну а как же еще? — подумал Тойвонен, вспоминая собственное — давнее уже —

вхождение в сумеречные области. — Она, несомненно, склонна мне верить. Но в такой ситуации любой человек подумает то же самое — лучше бы того, во что я верю, не было... Столкнувшись же с этим воочию, думаешь так — а лучше бы мне вовсе никогда не рождаться на свет".

— Я... я не знаю даже, что и сказать, — произнесла Ангелина. — Такие вещи — это же как снег на голову, как электрошок. Меня всегда учили жить по-другому.

— Меня тоже, — усмехнулся Эйнари. — Знаешь, ты не кажешься мне похожей на человека, что слепо идет на поводу у чужого мнения.

— Я и не иду. Мама с папой не убеждали меня, что живых мертвецов не бывает. Но для меня это — сама собой разумеющаяся вещь.

— Просто ты их никогда не видела, — сказал Тойвонен. Так спокойно, будто речь шла о редких австралийских животных.

— Верно, — Ангелина благодарственно кивнула, приняв бокал из рук подошедшего официанта. Дождалась, пока парень отойдет от стола. — Но зомби не бывает вовсе не потому, что я в них не верю или не видела их. Они просто не существуют! Не могут существовать! Это хорошо для Голливуда, а не для современной России.

— Ну вот, ты уже говоришь словами Тихомирова, — констатировал финн. — Костя тоже догадывался о том, что мир не таков, как принято считать. И гордился этим своим подспудным знанием. Но первым закричал "Не может быть!", когда друг рассказал ему о реальном столкновении с инаковостью мира.

— Тоже верно, — произнесла Ангелина и, пригубив коктейль, продолжила: — И я прекрасно его понимаю. Мне ведь тоже очень не хочется, чтоб по Москве летали дьявольские мухи и разгуливали живые мертвецы.

— Об этом есть, кому позаботиться, — пожал плечами Эйнари. — Егор, к примеру. Отец Никодим. Или твой покорный слуга. Знаешь, я, в общем-то, не стремлюсь заставить тебя поверить. Ты ведь сама захотела меня послушать.

— С тобой не поспоришь, — улыбнулась готесса. — Чего я тоже не собиралась делать. Придется, — девушка печально вздохнула, — принять факт реальности зомби как неизбежное. Надеюсь, что если я сама вдруг встречу однажды с кем-нибудь из них, поблизости окажется опытный некромант. Часто в мире случаются такие заварухи?

— Совсем не часто, — сказал Тойвонен. — И еще реже — сами собой. Обычно кладбища ворошит кто-то из некромантов, решивших использовать свой дар во зло.

— Что, и такие бывают? — поставив бокал, Ангелина испуганно воззрилась на собеседника.

— Бывают, — промолвил Эйнари. — Но их гораздо меньше, чем таких, как Егор.

— А сам он как поживает? — спросила девушка. — Жив? До сих пор этим занимается?

— Егор прекрасно себя чувствует, — с улыбкой промолвил Эйнари. — Он иногда бывает в Москве — заходил ко мне пару недель назад. Мы славно погуляли. А вот заказов у него теперь немного. Времена не те. Так что Егор теперь все больше по основной специальности трудится. Дизайнером.

— Слушай, а старого колдуна тоже он воскрешал? Получается, что Егор не такой уж и добрый?

— Нет, — улыбнулся Эйнари. — То был другой некромант. Видишь ли, история приключений Егора Киреева — она на самом деле очень длинная. Несколько книг можно было бы написать. Так что давай мы пока оставим парня в покое.

— Хорошо. А как Олеся? Все еще при нем?

— Нет. Срок ее службы давно истек. Живет теперь где-нибудь своей тайной жизнью. А может, пала от руки ретивого охотника. Кстати, факт ее существования тебя почему-то не удивил...

— На фоне скачущих по кладбищу оживших трупов казаков вампиры смотрятся весьма обыденно, — рассмеялась девушка. — Но ты снова прав. Я много читала о кровососах, смотрела фильмы. Мне нравится вампирская эстетика. Но я никогда не думала, что все это — правда...

— Далеко не все, — покачал головой Эйнари. — Вся правду о вампирах знают, наверное, только они сами.

— Так их много? — глаза готессы вспыхнули огнем живейшего интереса.

— Побольше, чем зомби, — усмехнулся Эйнари. — Причем — намного больше.

— А ты знаком с кем-нибудь из них?

— Да, — кивнул хозяин "Сувниров Тьмы". — О нем и будет мой следующий рассказ.

ПРОКЛЯТИЕ ПЬЮЩИХ

"Четыре заявления о пропаже детей поступили в милицию Санкт-Петербурга всего за один день...".

Дома я телевизор не смотрю. У меня даже каналы не настроены — использую свой Sony только для видеоигр. Но сейчас, стоя в очереди за коктейлем в небольшом магазинчике, волей-неволей вынужден слушать бестолковую болтовню дикторов и корреспондентов. Должно быть, хозяин установил здесь "ящик", чтоб продавщицам не было скучно. Скука — она порой ведет к рассеянности, а рассеянность — к недостатке в кассе.

— Какой ужас! — всплескивает руками пожилая женщина, стоящая в очереди передо мной.

"Знали б вы, бабушка, что такое истинный ужас", — внутренне усмехаюсь я.

Очередь медленно продвигается, и я получаю возможность увидеть происходящее на экране. Там как раз показывают портреты пропавших детей. Трое из четверых — детдомовцы. Хмурые, неприветливые, невыразительные лица. Четвертый — из обычной семьи, проживающей в Выборге. Как говорят, не в первый раз сбежал из дома. Довольно симпатичный мальчик.

Нет, вы не подумайте, я не в этом смысле. С ориентацией у меня более чем порядок. Просто у этого пацана, в отличие от предыдущей троицы, лицо было честным и... чистым. Сразу было заметно, что он еще верит в справедливость этого мира. Вполне возможно, он и бежал раз за разом от родного порога, чтоб где-нибудь ее отыскать.

Где они сейчас, эти дети? Что с ними? Ведь мир далеко не справедлив, нет. Он хитер, коварен, расчетлив. И предельно жесток.

Недавно я читал в газете "Вне закона" документальный рассказ о маньяке-педофиле, насилующем детей в городских подъездах. Один эпизод той статьи врезался в память навечно — тот, где описывалось, как этот гад, надругавшись над очередной жертвой — одиннадцатилетним мальчиком, — решил как следует над ним поиздеваться. Не могу без содрогания вспоминать об этом. В общем, маньяк сунул руку мальчишке в задний проход и вырвал ему кишечник.

После таких известий начинаешь даже радоваться тому, что собственное детство прошло под неусыпным контролем родителей. А ведь когда-то сам хотел сбежать из дома... Кто знает, чем это все могло закончиться?

Меня зовут Максим. Мне двадцать пять лет. Я живу в Санкт-Петербурге. Учусь на юриста. Свободное время обычно провожу со своими друзьями около станции метро "Проспект Ветеранов". Изредка захоживаю в рок-клуб "Порт". Да, я люблю рок. Но я совсем не тусовочный персонаж. Многие питерские неформалы почти ежедневно торчат на площади Искусств, а к середине ночи переползают на Марсово поле. Меня там можно встретить не чаще, чем раз в полгода. Не люблю чересчур уж большие и шумные сборища.

Сейчас я на Ветеранов. Зашел в магазин купить выпивку для всей нашей компании. Мои друзья — уличные музыканты. Весьма неплохие музыканты, скажу я вам.

Небольшой крытый рынок в пяти шагах от выхода из метро — очаг местной культурной жизни. Днем здесь часто можно услышать игру дуэта слепых — гитариста и саксофониста.

Чуть позже собирается молодежь, и лирические инструментальные композиции сменяются боевиками из "золотого фонда" русского рока.

А вот и моя очередь подошла. Покупаю семь больших банок "Черного русского" и, подмигнув симпатичной продавщице восточной наружности, выхожу.

— О, а вот и Вампир! — весело кричит Серж, ударив по струнам. — Вампир, тебя только за смертью посылать.

— А я ее и принес, — ухмыляюсь. Подхожу к друзьям и начинаю раздавать банки: Сержу, тезке Макс, Мелиссе, Люцику, Волче и ее парню Смарту. — Вот, пожалуйста коктейль "Черная смерть".

Кличку Вампир мне дали за чересчур уж мрачный имидж. На улице меня частенько принимают за гота, но я таковым не являюсь, хоть многие из готических групп мне нравятся. Да, я не отрицаю, что мой внешний вид может показаться мрачноватым и даже зловещим. Я всегда одеваюсь в черное, и очень часто на моих футболках и балахонах присутствуют перевернутые пентаграммы и демонические лики. Ну сатанист я, тут уж ничего не поделаешь! На пальцах — массивные серебряные перстни (в какой манере они выполнены, вы, я думаю, угадали). Шевелюра, длина которой составляет семьдесят сантиметров, собрана в хвост, перехваченный в нескольких местах кожаными шнурками. Добавьте к этому нос, получивший свою уникальную форму после семи переломов (что делать, такова цена черного пояса по каратэ). В сочетании с моим ростом (ровно два метра) и тем фактом, что я снимаю солнечные очки, лишь когда вхожу в помещение (да и то не всегда), все это действительно может произвести пугающее впечатление на чересчур чувствительных граждан.

Но это меня мало беспокоит. Как хочу, так и выгляжу, мое дело.

— Ну что, ребята, может споем? — говорю я, открывая банку. Волча берет гитару из рук Сереги, Макс подтягивает струны на своем инструменте. Со стороны может показаться, что музыканты собрались здесь, чтобы подзаработать денег на пиво (ну, или на запись альбома). Да, несколько лет назад все начиналось именно так. Но уже давно мои друзья играют больше для собственного удовольствия, а то, что прохожие дают им за это деньги, покупают сигареты и выпивку — это, как говорится, пустячок, а приятно.

Штиль! Ветер молчит,
Упал белой чайкой на дно...

Волча поет, я, время от времени прихлебывая коктейль, подпеваю. Те, кто не принимает участия в исполнении, стоят чуть в стороне, чтобы не мешать людям, что, заинтересовавшись, остановятся, чтобы дослушать песню до конца. А таких бывает много — голос у Волчи золотой.

Между всех времен, без имен и лиц,
Мы уже не ждем, что проснется бриз!

К нашему дуэту присоединяются трое молодых ребят далеко не рокерской внешности. Ну что тут скажешь — эта музыка действительно будет вечной! Не верьте хит-парадам журналов "COOL" или "Молоток". Дерьмо, о котором там пишут, не стоит и одной строчки из любой песни "Арии" или Кипелова.

Небольшая пауза, которую заполняют гитарным звоном ловкие пальцы Макса, а после...

Слова взлетают в небо, словно молитва:

Что нас ждет? Море хранит молчанье.

Жажда жить сушит сердца до дна.

Только жизнь здесь ничего не стоит,

Жизнь других, но не твоя!

Я давно заметил — даже среди закоренелых фанатов "Арии", знающих наизусть все песни любимой команды, полным-полно индивидуумов, которым невдомек, о чем на самом деле рассказывает эта.

Как вам, например, такие строчки:

Нет, гром не грянул с небес,

Когда пили кровь, как зверье,

Но нестерпимым стал блеск

Креста, что мы Южным зовем.

И в последний миг поднялась волна.

И раздался крик "Впереди земля!".

Допев, Волча отходит в сторону и закуривает. Конечно, сначала выслушав благодарности и аплодисменты троицы спортивных парней. Двое из них уходят, а третий, похоже, решил остаться. Начинает знакомиться с нами, после каждой фразы повторяя, как же мы, все-таки, здорово играем и поем.

Макс начинает наигрывать что-то в стиле "фламенко". Качок подходит ко мне и протягивает руку:

— Олег.

— Максим.

— Два Максима? О! Желание нужно загадать, — он что-то беззвучно произносит, глядя вверх, потом снова переводит взгляд на меня. — А вы к шансону как относитесь?

— Ну, смотря, к какому шансону, — пожав плечами, говорю я. — Если песня спета искренне, от души — как у Круга, например, — то нормально. А если человек вырос в интеллигентной семье и даже в "обезьяннике" не побывал ни разу, а поет при этом про зону и воровскую жизнь, — это уже попсой пахнет.

— Чертовски верно, дружище. Я тоже так думаю. Мочи! — Олег подставляет ладонь, я несильно хлопаю по ней. — Вообще, ты знаешь, я не из "блатных". В армии к шансону привык.

Мы погружаемся в сугубо "мужской" разговор. В армии я не служил, но имею за плечами богатый опыт ролевых игр и поездок по долинам и взгорьям России в экспедициях "черных археологов". Ну и спорт, конечно же. Так что "лохом", которого, в принципе, можно заподозрить в долговязом длинноволосом парне, я не являюсь.

— А знаете что-нибудь из шансона? — интересуется новый знакомый.

— Ну, разве только Серега. Он у нас самый старший.

Вообще, специализация Сержа — классические русские романсы. Но, как оказалось, он

знает не только весь репертуар Круга, но и несколько хитов Ивана Кучина.

— Только что-то снова в горле пересохло, — жалуется он, взяв гитару.

— Сейчас исправим, — Олег достает из кармана мятый полтинник. Я вызываюсь сходить в ларек.

Снова очередь, но уже не такая длинная, как в магазине пятнадцать минут назад. И уж, конечно, никакого телевизора.

— Господин, — кто-то трогает меня за рукав. Повернувшись, я вижу мальчика лет десяти. Что-то в его лице кажется смутно знакомым. Глаза... Ого! Это ж тот самый пацан из Выборга, о котором рассказывали в телерепортаже. Значит, пока с ним все порядке.

— Слушаю, — улыбнувшись, говорю я.

— Вы не купите мне что-нибудь поесть? — странно, что из всех стоящих в очереди людей он выбрал именно меня. Мной же детей пугать можно.

— Ладно. Только — услуга за услугу.

— В смысле? — мальчик насторожился, но не слишком. Вряд ли ему доводилось иметь дело с теми, кто желает особых "услуг".

— Сейчас, — я отдаю продавщице деньги, получаю взамен две бутылки "Клинского" и протягиваю их мальчишке. — Отнеси одну бутылку гитаристу, а другую — вон тому, лысому, — кивками обозначаю Сержа с Олегом. Парень идет выполнять поручение. Я тем временем вспоминаю, что мне бы тоже не помешало утолить голод.

Беру себе гамбургер. Мальчик возвращается и смотрит на меня.

— Из дома убежал? — спрашиваю я.

— Ага, — кивает пацан. — Родители пьют, не могу я с ними.

— Хреново это, когда родители пьют. Так что тебе взять?

Мальчишка погружается в раздумья. А это может продолжаться очень долго.

— Слушай, дружище, мне ведь ждать особо некогда, — выуживаю из кармана сторублевую купюру. — Вот тебе деньги, купи сам, что захочешь. Да, шаверму большую возьми, ею точно наешься. Вон там продают, за углом.

— Спасибо, я знаю, — мальчишка, улыбаясь, топает к ларьку, где крутится на вертикальном вертеле мясная пирамида.

Я возвращаюсь к музыкантам. Но мысли мои уже далеки от веселого времяпрепровождения. Тем более, что Серж, глотнув пива, начал петь "Исповедь" Михаила Круга, к творчеству которого я отношусь без особого интереса. Если уж говорить о шансоне, то мне гораздо больше по душе песни малоизвестного барда Александра Михайлика. Но их в этой компании знаю только я.

Да и не о музыке я сейчас думаю. О тысячах, десятках тысяч российских семей, где сложилась ситуация, подобная той, что выгнала из дома этого голодного мальчишку. Неужели мимолетное счастье пьяного забытья этим людям дороже человеческого счастья собственных детей? Неужели и мы со временем станем такими же? Я как-то по-другому взглянул на банки и бутылки в наших руках...

— Можно я с вами постою? — это снова он. Сбежавший из дома парнишка.

— Конечно. Что, песни нравятся?

— Ага. Я вообще рок люблю.

— Ну, то, что Серега сейчас поет, — это не рок. Это...

— Я знаю. Это Михаил Круг. Но песня хорошая. И обычно вы ведь рок играете.

— Так ты что, не в первый раз нас видишь?

— В третий. Я здесь каждый раз бываю. Мы с семьей раньше в этом районе жили.

— Каждый раз, как из дома убежишь?

— Да.

— Тебя родители ищут, ты знаешь об этом? Уже милицию подключили.

— Я вернусь домой. Только пусть они сначала из запоя выйдут.

Он одет неброско, но не сказать, чтобы очень бедно. Видно, его предки еще не настолько опустились, чтобы экономить на всем подряд ради пары-тройки лишних бутылок. Они, возможно, и не задирают ребенка. Скорее всего, он убегает как раз от недостатка внимания.

— Зовут-то тебя как?

— Женя.

Серж допевает песню до конца. Олег сердечно благодарит, пожимает всем руки (кроме Волчи — ей он, проявив себя галантным кавалером, руку целует) и удаляется. Серега торжественно передает гитару мне.

— Ну, Вампир, теперь твоя очередь. Спой что-нибудь запредельное.

Он не просто так сказал это слово. Я стараюсь избегать стандартного репертуара неформальных компаний и если уж пою, то такие песни, которые мало кто раньше слышал. Самым известным из исполнителей, к творчеству которых я обращаюсь, является Сергей Калугин — слышали про такого? А песня, которая прозвучит сейчас, создана группой, у которой еще и названия-то нет — ребята собрались совсем недавно. Я занимаю место рядом с картонной коробкой для денег и начинаю петь:

Разве не чувствуешь? Рядом с тобой
Прячется в сумерках кто-то другой.
Кто-то опасный, голодный и злой
Денно и ночью следит за тобой.

Там, где в засаде колышется тень,
Там, где чудовища рыщут вдоль стен,
Там, где всегда не хватает воды,
Он оставляет на пепле следы.

Кто-то, но не ты.
Кто-то, но не ты.
Кто-то, но не ты — там, внутри.
Кто-то, но не ты.

Зеркало, зеркало, дай мне ответ:
Есть этот некто, иль всё-таки нет?
Как я погряз в этой страшной борьбе?
И почему обращаюсь к тебе?

Красная молния вспыхнет в глазах.
Руки всё вспомнят. Ударить! Связать!
Магия боли... Свирепый этюд...

Всё, чтобы только унять этот зуд!

Нож и удавка! И пуля в башке!
И расчленённое тело в мешке!
Время пришло покориться Судьбе!
Он ведь не рядом — он прямо в тебе!

Последний куплет непременно должен исполняться визжащим вокалом, именуемым также "скримингом". Представляю, какое "милое" зрелище я являю собой для прохожих. Ведь вся сатанистская амуниция и сейчас при мне. Но ничего, пусть терпят. Бог ведь терпел...

Кто-то, но не ты.
Кто-то, но не ты.
Кто-то, но не ты — там, внутри.
Кто-то, но не ты.

Разумеется, за эту песню никто не бросил в короб ни гроша. Вот если бы я сбацал "Звезду по имени Солнце" — ее в Питере орут дурными голосами на всех углах — деньги посыпались бы как из рога изобилия.

— А эта песня тебе понравилась? — спрашиваю я у Жени, отдав гитару Волче.

— Да. Только я не понял, о чем она.

— Ну и хорошо, что не понял, — усмехнувшись, говорю я. — Рано тебе еще об этом думать.

Долог день до вечера, если делать нечего. На часах — двадцать два, на улице стемнело и заметно похолодало. Конец февраля — не самое злое время, но это ведь Питер, не забывайте.

На точке нас осталось только четверо. Я, Серж, маленький Женя и неожиданно вернувшийся Олег. Качок вернулся не один, а с бутылкой водки, которой мы втроем и согрелись. Я заметил, что мальчик при этом смотрел на нас весьма неодобрительно.

"Да, пьянство — это своего рода русское национальное проклятие, — думаю я. — Как для пьющих, губящих свою жизнь, так и для непьющих — ведь невозможно нормально существовать, будучи трезвенником среди "высокого собрания" пьяных рож. Остается только нажраться самому — просто чтоб быть на одной волне с окружающими".

Скоро уже разойдемся. Но что же делать с мальчишкой? Он, возможно, и нашел бы себе какой-нибудь ночлег, но вот, увлекся нашими песнями. Не оставлять же его на улице. Кто возьмет на себя благородную миссию защитника детей? Серега, думаю, не будет против, он и живет ведь буквально в двух шагах. Но вот жена его... Она вряд ли это поймет. А Олег... Олега я слишком мало знаю.

— Женя, тебе есть, где переночевать? — спрашиваю я у пацана.

— Нет. Я к тетке хотел поехать, но... адрес забыл, — смущенно отвечает он.

— Ко мне поедешь?

Он сомневается, но отвечает согласием.

В вагоне метро кроме нас почти никого. Мы молча трясемся на сидении в ожидании нужной станции.

Питерский метрополитен похож на гигантский организм, живущий собственной жизнью отдельно от города. Здесь особая метафизика, подземные коридоры пропитаны некоей странной энергией, способной заставить человека мыслить и действовать иначе, нежели всегда.

Я не сказал бы, что это — положительная энергия.

Только в питерских поездах можно услышать сквозь стук колес хриплый визгливый голос, изрыгающий ужасные, чудовищные проклятия. Если бы прочие пассажиры слышали их, — на ходу повыскакивали бы из поезда, разбив стекла.

Только в питерском метро можно обернуться, почувствовав, как чья-то рука ловко расстегивает твой рюкзак. Обернуться — и обнаружить зал позади себя абсолютно пустым, а рюкзак — застегнутым.

И только здесь можно встретить человека, разговаривающего сквозь футболку с собственным животом. Сумасшедших везде хватает — скажете вы. Да, но я-то слышал эти беседы, и знаю — то были полноценные диалоги с участием двух говорящих сторон.

Вот в таком "веселом" мире нам приходится жить. Выхода три — покончить с собой, сойти с ума или спиться.

Женя еще не знает, куда попал. Он думает, что жизнь на Земле — волшебный подарок, предназначенный доставлять радость, а омрачающие эту радость неприятности когда-нибудь закончатся сами собой.

Смогу ли я наставить его на путь истинный? Сумею ли правильно объяснить Суть?

Будь я ему отцом или старшим братом, я воспитал бы мальчика так, чтобы он всегда понимал истинный смысл происходящих в мире явлений.

Его отцом я стать, конечно, не смогу. А братом — почему бы и нет? Пока еще не поздно, пока он не озлобился и не стал одним из них.

Мы уже почти приехали.

Я живу в коммунальной квартире. И, как бы мне ни хотелось, не могу оставить мальчишку на ночь у себя в комнате. Соседи наверняка подумают черт знает, что, а я и без того с ними не в ладах. Только и ждут повода, чтобы начать строчить анонимки в милицию.

Мы уже подходим к дверям подъезда, и я ненавижу себя за то, что мне придется сейчас сказать.

— Женя, ты извини, но в квартиру тебе нельзя.

— Почему? — в глазах недоумение и тоска.

— Мои соседи — настоящие сволочи. Ты знаешь, кто такие педофилы?

— Да. Это такие нехорошие дядьки, которые детей ловят и... — Женя смолкает, не в силах произнести запретное слово. Кто же его воспитывал? Явно не родители-алкаши.

— Правильно, — я протягиваю руку к домофону, набираю код. — Так вот, если соседи увидят, что я привел маленького мальчика, они подумают, что я и есть педофил. Такой скандал будет, что чертям в Аду станет тошно, — мы входим в подъезд. Дверь хищно щелкает позади.

— Так куда же мне идти? — мальчик едва не плачет. Возможно, думает, что я не просто так вспомнил о педофилах.

— Есть одно место. Идем.

В квартиру не могу, но вот подвал... Там у меня оборудовано специальное место для отправления культа. Звукоизоляция, радиатор. Там, внизу, он будет в полной безопасности.

— Здесь же нет постели, — удивленно произносит Женя.

— Я принесу.

— Интересно тут, — он смотрит на стены, оклеенные постерами музыкантов-сатанистов. — А это что? — подходит к алтарю.

— Алтарь.

— Чтобы молиться Богу?

— Да, — киваю, стоя в дверях. — Чтобы молиться.

— Какой-то странный у тебя Бог, — трогает пальцем серебряную фигурку Дьявола. — Он точно добрый?

— К тем, кто в него верит — да. Сейчас я принесу тебе постель, чай в термосе и что-нибудь поесть, — делаю шаг в коридор.

Поесть. Мне нужно утолить голод.

Передо мной — две дороги, но на развилке стою не я, а Женя. От того, на какую из них он ступит, зависит его судьба. А вот куда пойдет мальчик — зависит уже от меня.

Направо — простая человеческая жизнь, опасная, безрадостная и серая.

Влево — о, это будет совсем другое. Жене больше не навредят ни родители-алкоголики, ни потенциальные уличные агрессоры. Напротив, он сам сможет определять их судьбу.

Почему бы не сделать мальчишке этот поистине бесценный подарок?

Есть еще один фактор, оказывающий весьма существенное влияние на мой выбор.

Голод.

И я решаюсь.

Захлопываю дверь, оставшись внутри. Одним шагом пересекаю крохотную комнатку и склоняюсь над мальчиком.

— Что ты де... — моя ладонь ложится на его лицо, лишив возможности закричать.

Прости.

И попробуй понять.

Утром я спускаюсь в подвал. Женя сидит на полу, прислонившись спиной к алтарю. Видно, что он ожил совсем недавно. Возможно, еще не до конца осознал, что я с ним сделал.

— Я теперь такой же, как ты? — спрашивает, трогая себя за шею. — Я теперь вампир?

Значит, осознал.

— Да. Ты теперь вампир.

— Зачем ты это сделал?

— Чтобы дать тебе силу. Не забывай — ты стал бессмертен.

— Но ведь мне придется пить кровь! Человеческую кровь! — чуть не плача, говорит он.

— Что ж, такова цена бессмертия. Вставай. Соседи ушли. Пойдем, поиграем на приставке.

— Не хочу.

— А чего ты хочешь? Может быть, крови? Я могу поймать тебе кошку.

— Не надо кошку! Ты укусил меня потому, что был голоден! Ненавижу тебя!

А есть ли смысл в том, чтобы юлить и отпираться?

— Ты прав, Евгений, — я подаю ему руку и помогаю подняться. — В первую очередь — поэтому. Как человек, я очень силен, а вот как Бессмертный — не слишком. Голод куда сильнее, чем мы.

— Я понимаю, — говорит он. — Извини. Я нормально к тебе отношусь.

— Ты тоже столкнешься с этим в своей будущей вечной жизни, — продолжаю я. — Узнаешь, что это такое — Проклятие Пьющих.

— Я никогда не вырасту, да? Навсегда останусь ребенком?

— Почему же? Вырастешь, если захочешь. Даже быстрее, чем вырос бы, оставаясь человеком.

— А кровь вкусная? — все, приехали, теперь я — его отец.

— Давай не будем сейчас об этом. Пойдем лучше позавтракаем как люди. Я тебе обязательно все расскажу. Целая вечность впереди.

ИНТЕРЛЮДИЯ ТРЕТЬЯ

— Ты действительно его знаешь? — изумленно спросила Ангелина. — Вампира этого, Макса.

— Можно было и не уточнять, — улыбнулся Эйнари. — Воочию я с ним не общался, но вот в астрале...

— Ох, еще и астрал, — готесса выглядела совсем замученной. — У меня сейчас голова пойдет кругом.

— Почему? — удивился скандинав.

— Слишком многие сейчас говорят об астрале, чтобы воспринимать это всерьез, — пояснила красавица. — Мои друзья-готы иначе как "атсралом" эту штуку не называют.

— Я думал, среди готов как раз должно быть много увлеченных, — промолвил Тойвонен. — Ну, шарлатанов, конечно, хватает. А тех, кто занимается самообманом и с самыми благими намерениями обманывает окружающих — еще больше. Но много также и тех, кто занимается этим серьезно.

— Ты, например. Я угадала?

— Не нужно этой иронии, Ангелина. Это во-первых. А во-вторых — тебя ведь интересует Максим, а не что-то еще. Вот я и рассказываю о том, как с ним познакомился.

— Я поняла. В астрале.

— Именно там.

— Что-то не очень верится. Ну да ладно. Рассказывай дальше. В астрале он тоже вампир?

— Ты знаешь, нет. Там у него другой облик. В астральном мире ему ведь не нужно питаться кровью.

— А на Земле, стало быть, обитает великое множество тех, кому нужно...

— Я не назвал бы это великим множеством, но их действительно немало. Вампирская диаспора Москвы, к примеру, насчитывает около трехсот тысяч кровососов, принадлежащих к самым различным ответвлениям этой расы.

— Постой, откуда ты знаешь? Максим не мог тебе этого рассказать. Он же из Питера, — девушка говорила сейчас с таким жаром, точно разом бесповоротно поверила и в вампиров и в астрал.

— Да, но он ведь и не единственный вампир, с которым я знаком. И, в отличие от него,

для общения с москвичами мне не нужно выходить в астрал...

— Жуть, как интересно, — зачарованно произнесла готесса.

— Только не проси, чтобы я тебя с ними познакомил, — сказал Тойвонен, поняв, о чем она думает. — Это не игрушки, даже для взрослых девочек.

— А я как раз об этом и хотела попросить, — рассмеялась Ангелина. — Ну ладно, нельзя, значит нельзя. Но ты хотя бы расскажешь мне о них чуток подробнее?

— Для серьезного рассказа понадобилось бы несколько недель, — промолвил Эйнари. — В общих чертах можно сказать следующее — сами вампиры ведут свой род от библейского Каина. У того, согласно вампирским летописям, было тринадцать внуков, каждый из которых основал из своих потомков клан, унаследовавший силу и способности своего прародителя.

Толща тысячелетий, полных недомолвок и откровенной лжи, скрывают от нас всю правду об этой легенде. Но мы никак не можем отрицать, что вампиры живут по соседству с нами. Даже если поднять обычную криминальную хронику последней четверти века, можно найти массу косвенных доказательств.

— Я слышала об изуродованных трупах, которые иногда находят в городе, — задумчиво произнесла Ангелина. — Возможно, этих людей убили вампиры. Но ведь в таком случае жертвы сами должны были присоединиться к ним.

— Вовсе нет, — покачал головой Эйнари. — Ритуал создания нового вампира, именуемый также Высвобождением, подразумевает, что обращаемый должен получить хотя бы каплю вампирской крови. В этом отношении Энн Райс права...

— О, ты читал, — на лице готессы отразилось понимание. — Что ж, теперь с вампирами все ясно. Оказывается, все дважды не так, как я думала, — девушка, похоже, сумела слегка расслабиться — по крайней мере, улыбка ее больше не выглядела приклеенной. — Мне только одно непонятно — почему вампиры помогают людям? Макс ведь укусил мальчика не только потому, что был голоден. Он отыскал оправдание для своего поступка. И, на мой взгляд, оправдание весьма достойное...

— Темные территории таят гораздо больше сюрпризов, чем мы можем даже представить, — хитро прищурившись, промолвил Эйнари. — Часто бывает так, что существа, в которых трудно бывает даже заподозрить светлые намерения — все те же вампиры, скажем — совершают очень честные и добрые поступки. Это не только кровососов касается. Порой на помощь людям приходят столь часто упоминаемые тобою силы Ада...

ЗАСТУПНИК

В Санкт-Петербург пришла очередная серая унылая осень, каких город успел повидать несколько сотен. Фасады домов выглядели мрачными и насупившимися, и точно такие же люди понуро брели по полупустым улицам, чтобы раствориться в тумане. Всем было холодно и тоскливо. Даже многочисленные памятники, казалось, время от времени поеживаются, чтобы хоть немного согреться.

Атмосфера насилия, безысходности и упадка витала над городом осенью того года, хоть он и не был високосным.

Насилие... Тринадцатилетняя девочка, тихо бредущая по нагло и хищно чавкающей слякоти, могла бы многое рассказать о нем. Могла — но не имела права. Тот, кто совершил над ней насилие, запретил жертве распространяться об этом. В случае неповиновения он мог сделать с ней еще худшие вещи.

Возвращаясь домой, она всегда старалась идти как можно медленнее. Но это не спасало от того, что должно было случиться, ведь дома ее, как обычно, поджидал он. Таня даже в мыслях перестала называть отчима по имени сразу после того, как это произошло. "Имя еще нужно заслужить", — эту фразу она не раз встречала в книгах и фильмах. Девочка полагала: совершив то, что он совершил, отчим потерял право носить человеческое имя. Да и звериное, в принципе, тоже. Просто он...

У коммунальных квартир Санкт-Петербурга есть одна запоминающаяся особенность. Очень высокие потолки. Такие высокие, что порой кажется — когда-то здесь обитали представители той вымершей расы, которые, по мнению некоторых ученых, значительно превосходили ростом всех прочих людей. Таких потолков не найдешь ни в типовых многоэтажках индустриальной эпохи, ни в большинстве частных домов — даже в возвышающихся над блеклыми крестьянскими хатами особняками цыганских наркобаронов. Можно не вспомнить, к кому ты заходил в гости в питерскую коммуналку десять лет назад, но высоченный ее потолок останется в памяти навсегда.

Быть может, люди, что возводили эти дома, надеялись на возвращение атлантов? Или, по крайней мере, на визит доброго великана из детских сказок? Кстати, о детях. Если даже здоровенным баскетболистам потолки эти кажутся чересчур высокими, какое же впечатление производят они на маленьких человечков, которых мы привычно именуем "цветами жизни"?

Грандиозное! Особенно — на тех из них, кто родился и вырос в таких квартирах. Комнаты кажутся просторными залами дворца, принадлежащего королю волшебной страны! А сама эта страна — она за стенами, там, где светит ласковое солнышко, неспешно движутся в голубом небе курчавые пышные облака, и щебечут на зеленых ветвях разноцветные пичужки. Тебе и только тебе, маленькая принцесса, принадлежит весь этот яркий огромный мир!

Все возвращается на круги своя, и площади, когда-то отобранные у прежних хозяев и с легкой руки государства заселенные Бельдыевыми и Гогоберидзе, вновь становятся местами обитания чьих-то семей — но не тех, разумеется, что жили здесь в начале прошлого века.

Богатые граждане скупают проникнутые разрухой комнаты у их спившихся владельцев, делают евроремонт и превращают эти пережитки социализма в волшебные дворцы для своих детей. Да, малышка, этот мир — твой.

Однажды ей показалось — мир сошел с ума.

Она была слишком маленькой, чтобы осознавать реальный смысл происходящего, но — достаточно смысленной, чтобы подобрать подходящую аналогию. Мир сошел с ума. Он не мог быть таким жестоким раньше. Не мог быть таким еще вчера, и уже тем более — год назад, когда Паша помогал ей задуть девять разноцветных свечек на именинном тортике. Так плохо стало лишь по той причине, что мир обуяло безумие.

Наверное, это потому, что мамы больше нет. Так думала девочка, содрогаясь на жестком диване, служившем раньше любовным ложем ее покойной матери и отчиму Павлу. Да, мир так сильно тосковал, что сошел с ума от горя. Вот почему это происходит.

Тогда эта мысль помогла ей самой не рехнуться. Только она пульсировала в голове, затмевая собой все прочие пульсации — такие мерзкие и болезненные. Еще ей казалось, что она слышит голос матери — он успокаивал, заглушая скрежет пружин дивана, похотливое хрюканье отчима, хлопанье форточки и треск материи платья, последние обрывки которого срывали с нее сильные волосатые руки, еще вчера казавшиеся непоколебимым гарантом безопасности и покоя. Почему-то именно хлопанье форточки, а вовсе не боль и стыд, сильнее всего выводило ее из себя. Оно ведь было таким же, как и всегда, оно давало повод усомниться в том, что мир обезумел.

Потом и это прошло — сознание все-таки отключилось. Не от боли даже, а от чрезмерной интенсивности происходящего. Он слишком сильно придавил ее к дивану, как дети придавливают друг друга к стенке, играя на переменах в "Смерть".

Отчим, ничего не заметив, продолжал "трудиться" над бесчувственным телом и чуть было не раздавил девочку. Жизнь ей спасло лишь то, что он кончил и отвалился в сторону раньше, чем давление достигло критической точки. Очнувшись, она окончательно все поняла и подумала, что лучше бы он ее раздавил...

Потеряв сознание, Татьяна не потеряла способности видеть и двигаться. Она очутилась в каком-то странном месте, которое куда больше напоминало волшебный замок, чем их квартира пять лет назад. То был волшебный ледяной замок, и девочка моментально решила, что попала во владения Снежной Королевы.

А вот насильника-отчима рядом не было. И бирюзовое платье, что он разорвал в клочья перед тем, как лишить ее детства, снова было на ней. И между ног не болело. "Ух ты, здорово! — подумала Таня. — Стало быть, это сон. Значит, и то, нехорошее, тоже было сном. Я проснусь и буду жить, как прежде. Жаль, что мамина смерть мне не приснилась".

Таня пошла по сверкающему коридору, заглядывая во все попадавшиеся на пути комнаты и поминутно выкликая имена Кая, Герды, Снежной Королевы и даже самого Андерсена. Никто не отзывался. Ей показалось очень странным, что во всем огромном строении никого нет. Таня долго блуждала по анфиладам комнат, тщетно пытаясь кого-нибудь обнаружить, до кого-нибудь докричаться. Тщетно. Потом она оказалась, по-видимому, в центральном помещении замка — громадной круглой зале, в центре которой возвышался на покрытом инеем и кристаллами сосулках постаменте здоровенный ледяной шар. Он был наполнен зеленоватой жидкостью, напоминавшей морскую воду. Жидкость

вела себя так, будто кипела, чего, разумеется, никак не могло быть. Таня остановилась прямо перед шаром и долго заворожено глядела на причудливые завихрения внутри него. Потом вспомнила о своем желании оказаться в чьем-нибудь обществе.

— Ну хоть кто-нибудь! — закричала она, приставив ко рту крохотные ладошки. — Идите сюда! Здесь так красиво!

— Сейчас! — казалось, это сам шар заговорил с ней. — Сейчас, я иду!

Внутри сферы возник не слишком четкий (он ведь был скрыт под толщей воды) человеческий силуэт. То был высокий, коротко стриженный мужчина в длиннополном черном плаще. Он не стоял на дне, а словно бы висел в самом центре ледяного шара, со всех сторон окруженный бурлящей жидкостью.

"Интересно, как он там дышит?", — девочка подошла поближе, чтобы рассмотреть его лицо.

— Меня зовут Таня, а тебя? — произнесла она.

В этот миг видение прервалось. Она снова лежала на диване в гостиной, боль была с ней, платье отсутствовало, а он, улыбаясь во сне, посапывал рядом...

Одноклассники и учителя считали ее слегка свихнувшейся — эту замкнутую девчонку, что всегда одевалась в черное и покупала тетрадки, на обложках которых были изображены не Дима Билан или Орландо Блум, а убийцы в масках и клыкастые монстры. Все будто бы забыли, что еще три года назад она совсем не была такой. Напротив, являла собой резво скачущий солнечный зайчик. Никому даже в голову не пришло спросить Танечку, что случилось — ведь перемена в ней произошла аккуратно после смерти матери, так что причина, вроде бы, лежала на поверхности. Зачем травмировать и без того пострадавшую психику лишними расспросами?

Она и сама не знала, ради чего продолжает жить. Несколько раз пыталась прервать это глупое ничто, вскрывая вены первым, что попадалось под руку. Но всякий раз поблизости оказывался кто-то, мешавший ей завершить начатое. Один раз это даже был он. И если прочие люди задавали ей какие-то вопросы (она разумеется, говорила, что это связано с мамой), то ему и объяснять ничего было не надо, он сразу все понял сам. В тот вечер состоялся очень неприятный разговор, в котором он называл ее самыми мерзкими словами, которые она когда-либо в жизни слышала. Тогда она окончательно поняла — для него падчерица Таня является не больше, чем куклой для удовлетворения плотских потребностей (она уже знала, как все это называется). Он не признает за ней даже права на разум, эмоции, чувства. В его глазах она — вещь, которой он некоторым образом дорожит, но — так, как можно дорожить лишь вещью. В случае ее непоправимой поломки он будет горевать некоторое время, потом постарается раздобыть новую. Он потому и не хочет этой поломки, что достать такую "вещь" невероятно трудно...

Стоит ли говорить о том, какие чувства испытывала к нему она? Злоба, презрение, ненависть... Все это было так мелко в сравнении с черным хтоническим ураганом, что без остановки бушевал у нее в груди вот уже три года.

Даже когда она думала о чем-то другом.

Даже когда спала.

Она хотела убить его. Но сделать это самой значило навсегда распрощаться с мечтами о другой жизни — той самой, которую отнял у нее отчим. Той, где она могла бы, не думая ни о чем, кататься на качелях, сделанных из лиан и отдыхать на увитых плющом скамейках,

наслаждаясь пением райских птиц.

— Таня! — окликнул ее кто-то, когда худенькая, покрытая шрамами рука уже протянулась к панели домофона. Девочка вздрогнула. Она подумала было, что ее зовет отчим. Но тут же сообразила, что ее имя произнес совсем другой голос. У отчима он был тонким, почти что женским. Как у немолодой, толстой и истеричной женщины. Можно даже сказать, птичий голос у него был. А этот звучал легко и жизнерадостно, и был похож на веселый удар молота о наковальню. Голос с россыпью искр... Повернув голову, Таня увидела говорившего. Он сидел на качелях и смотрел на нее. Черный кожаный плащ с высоким воротником. Руки, обтянутые черными же замшевыми перчатками, сложены на коленях.

— Иди сюда, — сказал мужчина. Девочка покачала головой.

— Я вас не знаю, — негромко произнесла она.

— Мы просто не успели познакомиться, — голос его звучал бодро и весело, но лицо оставалось мрачным — оно будто было высечено из камня, даже, скорее, из какого-то кристалла. — Ты ушла как раз в тот миг, когда я хотел ответить на твой вопрос.

Тень воспоминания прошелестела прозрачными крылышками рядом с ее затылком. Да, она уже видела его раньше. И даже слышала этот голос.

— Не помнишь? — он впервые улыбнулся. И что-то в этой улыбке показалось Тане неестественным. Приглядевшись, она увидела, что из нижней губы собеседника торчат шесть небольших металлических шариков. Людей с похожими украшениями она встречала и раньше. Но чтобы сразу шесть... Это, должно быть, довольно-таки неудобно.

— Ледяной замок, — продолжал тем временем он. — Комната с шаром. Я был там. И ты была там тоже. Теперь вспомнила?

— Да, — она осмелилась приблизиться. — Но ведь это... это же было во сне.

— Не совсем, — он протянул обе руки ей навстречу. Ребенка с такой судьбой, как у нее, этот жест должен был отпугнуть, но почему-то Таня не испугалась. Она подошла к сидящему на качелях человеку и положила руки в его ладони, скрытые под черной замшей. Они показались ей очень твердыми. Словно она прикоснулась к киборгу, чьи пальцы были сделаны из металла.

— Кто же ты? — произнесла Таня. — Как тебя зовут?

— У меня два имени, — сказал он. — Но второе тебе лучше не знать. Так что можешь звать меня Маркиз.

— Маркиз? — удивилась она. — Как пуделя?

— Это пуделей называют в мою честь, — улыбнулся он. — Ну что ж... Говори свое желание.

— Не поняла, — Таня наморщила лобик. — Какое желание?

— Ну как же? — вновь улыбнулся Маркиз, и она заметила, что зубы у него необыкновенно белые, каких не может быть у взрослого человека. "Искусственные, должно быть", — подумала девочка.

— Ты позвала меня, и пришел. Я всегда прихожу, когда зовут. И выполняю одно желание.

"Значит, сказка может, все-таки, стать реальностью... Правда, не слишком-то он похож на прекрасного принца или доброго волшебника. Но кто сказал, что все должно быть именно так, как писали Андерсен и Шарль Перро?"

— Постой-ка, — Таня выдернула руки из жестких ладоней Маркиза и отступила на

шаг. — Такого не может быть. Я же тогда не знала, как тебя зовут!

— Просто я был первым, кто тебя услышал. Тебе еще повезло, можно сказать. Кто угодно мог явиться на зов.

— Еще повезло, говоришь? — Таня отошла еще на шаг. — Значит, не такой уж ты и хороший?

— Верно, — он ухмыльнулся, точно эти слова были для него комплиментом. — Не каждый назовет меня добряком. Но я не собираюсь делать тебе больно.

— Правда?

— Конечно, — кивнул Маркиз. — Так что у тебя за желание?

— А ты... любое можешь исполнить?

— Нет. У меня только три направления. Богатство, любовь и месть.

— Месть? — сердце Татьяны затрепыхалось, как угодившая в силки птица. — То есть, ты можешь сделать плохо любому, на кого я укажу?

— Могу, — Маркиз посерьезнел. — Но не любому, нет. Лишь тому, кто действительно виноват.

— Есть один такой... человек, — ей понадобилось некоторое усилие, чтобы назвать так отчима. — Мой отчим... Он...

— Тсс! — Маркиз прижал к губам указательный палец. — Я знаю, что он с тобой сделал.

— Откуда ты можешь знать? — девочка изумленно уставилась на него. — Я никому не рассказывала.

— Шрамы воспоминаний кричат об этом, — Маркиз взял ее за руку и провел пальцами по изуродованному рубцами запястью. — Что ты хочешь, чтобы я с ним сделал?

— Убей его! — решительно сказала Таня. — И как можно скорее.

— Хорошо, — кивнул ее таинственный заступник. — Я убью его.

— Подожди, — Таня вспомнила о том, что у палки всегда есть два конца. — Это ведь не просто так? Не бесплатно?

— Ну разумеется, — кивнул Маркиз. — Я думал, ты знаешь.

— Я лишь догадывалась. И что же ты хочешь... взамен?

— Взамен, — произнес Маркиз, — я должен буду забрать тебя в Ад.

Ей на миг показалось, что торчавшие из его губы украшения начали шевелиться. Но это длилось недолго — всего-то доли секунды...

— Так ты — Дьявол? — спросила Таня. Почему-то она не испытывала никаких особенных чувств. И знала, что не удивится даже если он скажет "да".

Но этого не случилось.

— Назвать меня Дьяволом значило бы чрезмерно все упростить, — сказал Маркиз. — На самом деле я, конечно, мало связан с этим миром, хоть и довольно часто бываю здесь. Впрочем, когда-то все было иначе, ведь моя родина — Атлантида — располагалась, все-таки, на Земле...

— Атлантида?! — Таня даже забыла на миг о довлевшем над ее судьбой кошмаре. — Это сколько же тебе лет?

— Много, — усмехнулся Маркиз. — Очень много. Но предметом нашего разговора является не мой возраст. Ты по-прежнему хочешь смерти твоего отчима?

— Да. Знаешь, Маркиз, мне кажется, что Ад гораздо менее страшен, чем... то, что творится здесь...

— Не кажется. На самом деле Ад совсем не страшен. Пугающ — это да, но и то, лишь если смотреть на него издалека...

— Переоденься, — чирикнул Павел, едва за Таней закрылась дверь. — Что-то ты сегодня долго.

— Я... с девчонками играла после школы, — сказала девочка.

— Играла? Раньше я за тобой такого не замечал.

— Меня всегда зовут, — солгала она, — но я отказываюсь. А в этот раз не отказалась.

— Не делай так больше, ладно? — сказал он, воздвигшись над ней несокрушимой скалой. — Я же волнуюсь.

— Хорошо, — покорно согласилась она. — Я не буду.

— Вот и славненько, вот и умница, — проворковал отчим. — Переоденься.

Всякий раз, как это происходило, он заставлял ее надевать короткое бирюзовое платье — такое же, как то, что было на ней три года назад, в тот самый день, когда жизнь разделилась на "до" и "после". Партию таких платьев он закупал в начале каждого месяца — по одному на день. Ежедневно отчим швырял девочку на диван (но делал это осторожно, так, чтобы она не повредила себе ничего). Потом мгновенно оказывался рядом и начинал разрывать платье. Все как тогда. Только теперь это было уже не изнасилование, а обоюдная игра в него. Игра, максимально приближенная к реальности...

Его не останавливало ничто. В дни менструаций ей приходилось ублажать отчима другими способами, и она была поистине счастлива, когда кровотечение прекращалось.

Таня переодевалась, а он — обнажался. Тело его было рыхлым, мучнисто-белым, зернистым. Таня словно впервые увидела, насколько же он отвратителен. К ней вдруг пришло нежданное озарение — этот человек, похожий на слепленную из творога угловатую фигурку, все запланировал заранее...

Он женился на матери Тани не потому, что любил эту женщину. Целью его прихода в их семью с самого начала было хрупкое тело дочери. Он скупил все комнаты в коммуналке, чтобы избавиться от лишних свидетелей. И долго ждал, покуда Таня достаточно созреет, чтобы удовлетворять его позорным наклонностям. А когда решил, что время пришло, устранил единственную преграду, способную помешать ему осуществить задуманное. Он отравил жену, подмешав в вечернее вино какой-то нераспознаваемый яд, спровоцировавший сердечный приступ. И, едва закончились все похоронные дела, совершил то, к чему все это время стремился, овладев оставшейся в его безраздельной власти девочкой. Никто не стал подозревать его в убийстве за отсутствием явных мотивов. Квартира и так принадлежала ему, семейный бизнес тоже. И любовниц у него не было. А под крышку черепа не заглянешь...

Таня не смогла бы сказать, откуда взялось это знание, но в том, что ее мысли на сто процентов совпадают с реальным положением дел, она не сомневалась.

— Маркиз! — выкрикнула Татьяна.

За спиной у отчима возникла фигура в черном плаще. Сын Атлантиды бесшумно стянул перчатки. Увидев, что было скрыто под ними, девочка вздрогнула.

— Маркиз? — ухмыльнулся Павел. — Да, я такой. А ты, я смотрю, дрожишь вся. Кажется, тебе, наконец, начало нравится?

— А вот тебе вряд ли понравится то, что с тобой сейчас сделают, — с неожиданной

властностью в голосе произнесла девочка. Ее и саму удивил тон, с каким она это сказала.

— Что?! — взгляд отчима непроизвольно устремился к двери в коридор. Он-то подумал, конечно, что падчерица решилась заявить на него в милицию. Но стражей порядка в коридоре не было, и у насильника, который еще не знал, что следствие, суд, приговор, и даже тюремный "петушатник" — далеко не самое страшное, что может произойти с таким, как он, гора свалилась с плеч. А в следующий миг на эти плечи лег вполне реальный и осязаемый груз. Ладони Маркиза. Под перчатками тот прятал не шрамы и не блатные татуировки. То были белые кости — пальцы скелета, что совершенно непостижимым образом продолжали двигаться.

Толстяк взвизгнул, словно поросенок, которого тяпнула за окорок злая шавка. Маркиз развернул его к себе лицом. Теперь уже для Павла настало время дрожать.

— Кто... Что... — забормотал Танин отчим, глядя в холодные глаза своей смерти. — Не может...

Сопротивляться он даже не пытался. Да и не смог бы — сил это творожистого тела хватало лишь на то, чтобы управляться с малолетней падчерицей.

— Может, — правая рука Маркиза приблизилась к его лицу. Раздался истошный визг. Теперь если и поросенок — так уж поджариваемый заживо. Таня не видела, что делает Маркиз, но понимала — отчиму приходит конец.

Потом она увидела.

— За что?! — Павел безвольно выл и трепыхался.

— Смотри, — произнес Маркиз, выпростав правую руку из-за грузного белого тела. На костяные пальцы были нанизаны сочащиеся розовым соком глаза Павла. Татьяна была уверена — она знала — глаза сейчас смотрят на нее и... продолжают видеть.

— Вот за что, — атлант принялся в буквальном смысле слова разбирать человека на части, срывая с него пласты мяса и жира, выламывая кости и выдергивая кишки. Девочка, раскрыв рот, наблюдала за происходящим. На что она ненавидела отчима, но при виде такого конца ей на миг даже стало жаль этого ничтожного человека.

Впрочем, как и остаток его жизни, это продолжалось недолго. Не прошло, должно быть, и минуты, а на полу посреди гостиной вместо мерзкого толстяка возникла куда более мерзкая, источавшая невероятное зловоние куча его останков.

"Что же теперь будет со мной? — с запоздалым ужасом подумала Таня. — Меня ждет Ад, и там наверняка уже приготовили что-нибудь наподобие. Только в Аду это будет длиться не минуту, а целую вечность".

— Ну что ж, — Маркиз натянул перчатки и, перешагнув через дымящееся месиво из плоти, костей и внутренностей, приблизился к ней. — Здесь нам больше нечего делать. Идем.

— Постой. Я хочу спросить кое-что, — Таня начала думать, сумеет ли она убежать. Да и можно ли вообще убежать от Ада?

— Спрашивай.

— Что меня ждет в Аду? Котел с кипящей смолой? Крюки и цепи? Вечное негасимое пламя?

Маркиз расхохотался.

— Это если бы он, — посланник Ада указал на то, что осталось от Павла, — попал туда, то познакомился бы со всем этим и со многими другими аксессуарами того же толка. А ты... ты будешь вместе с нами — жителями Ада — кататься на качелях сделанных из лиан и

отдыхать на увитых плющом скамейках, наслаждаясь пением райских птиц...

— Но ведь это же как раз то, о чем я всегда мечтала! — радостно воскликнула девочка.

— Вот видишь, — улыбнулся Маркиз. — В жизни бывают и удачные совпадения. Идем же, — он взял ее за руку. Обоих окутало серебристое сияние. Через мгновение они исчезли. Лишь бирюзовое платье осталось лежать на полу, в шаге от груды человеческих ошметков.

Это было громкое дело. Смерть уважаемого бизнесмена, исчезновение его малолетней приемной дочери... Впрочем, особо громким дело стало лишь из-за способа, которым лишили жизни Павла Ковалева. Складывалось впечатление, что его заставили проглотить противотанковую гранату, а после, потянув загодя привязанную к ней леску, выдернули чеку...

Основной версией было предположение о появлении в городе банды сатанистов. Такой вариант идеальным образом объяснял жуткую картину, которую являло собой место преступления. Да-да, безусловно, сатанисты. Кто, как не эти сумасшедшие изверги, мог сотворить подобное с живым человеком? Это они раскурочили его тело, воспользовавшись каким-то чудовищным тайным кодовским оружием. А дочку похитили для своих отвратительных ритуалов. Страшно даже подумать, что могут сотворить с ней в затхлых питерских катакомбах, помнящих еще первых строителей города...

Да, то была основная версия. Она таковой и осталась, ибо за минувшие с тех пор годы вялотекущее расследование не сдвинулось с мертвой точки ни на йоту.

ИНТЕРЛЮДИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

— Ну, как тебе такое? — спросил Эйнари, закончив рассказ.

— Двойственное ощущение, — подумав, сказала девушка. — С одной стороны, это страшно — то, что сделал Маркиз. А с другой — он все сделал правильно. Таких негодяев надо наказывать. Я бы встала с Маркизом плечом к плечу.

— Ты даже не усомнишься в существовании Ада? — лукаво промолвил Тойвонен.

— Я усомнилась бы, если не одна фраза, — глядя ему в глаза, произнесла Ангелина. — Шрамы воспоминаний... Наше с тобой общение как раз с нее и началось. Я ведь и раньше это слышала. А информация, полученная из двух, не связанных друг с другом источников, уже на семьдесят процентов может считаться достоверной.

— На журналиста учишься?

— Да. А как ты догадался? Не только журналисты умеют определять степень правдивости полученных сведений.

— Но только журналисты все время помнят главные критерии. Кстати, могу порекомендовать одно хорошее издание. Думаю, тебя там примут с распростертыми объятиями.

— Буду признательна. Слушай, выходит, тот парень в метро — ну, который первым спросил меня о шрамах — он тоже был одним из них? Из жителей Ада?

— Возможно, — пожал плечами Тойвонен. — Или одним из знающих. Мне нужно увидеть его, чтобы сказать наверняка.

— Ну, это я вряд ли смогу устроить, — улыбнулась Ангелина. Она не стала спрашивать, кто такие знающие — должно быть, сама догадалась. — Да и незачем, наверное.

— Это точно, — кивнул скандинав. — Есть еще вопросы?

— Конечно! Мне показалось, что Ад, о котором говорил Маркиз, мало связан с библейской преисподней...

— Он вообще не имеет к ней отношения, — сказал Эйнари. — Но то, о чем написано в Библии и прочих христианских книгах, тоже существует, хоть и выглядит несколько иначе. А вообще Адов очень много. Само же это слово в переводе с одного из древних языков означает "Путь".

— Путь? Но куда?

— К тому, что было утрачено давным-давно, — грустно вздохнув, сказал Тойвонен. — К способности жить в мире друг с другом. К гармонии и любви...

— Ад — путь к гармонии и любви? — Ангелина взглянула на него с недоверием. — У меня скоро мозг вскипит. Мы все больше удаляемся от реальности.

— Напротив, мы к ней приближаемся, — возразил Эйнари. — Правда, порой приближение это кажется мне бесконечным.

— То, что ты сейчас говоришь, слишком сложно для меня, — призналась девушка.

— Тогда, может, сделаем перерыв?

— Ни в коем случае! Твои истории — они ведь как наркотик.

— Что ж, давай завтра уменьшим дозу и позволим твоему мозгу немножко передохнуть. Расскажу кое-что попроще. Без всяких вампиров и демонов...

ЭНТОМОЛОГИ

Обшарпанный троллейбус притормозил у остановки, слегка обдав грязной водой из лужи обувь толпившихся в ожидании посадки людей. Передняя дверь открылась, и из троллейбуса вышли четверо: полноватая девушка в красном платье, хмурый небритый кавказец, плечистый парень в кожаной куртке, и "божий одуванчик" с набитой продуктами авоськой. Девушка сразу пошла в сторону площади Ленина, горец остановился у табачного киоска, а молодой человек, подсобив бабушке сойти с подножки, бодро двинулся через парк по направлению к громоздящейся над потемневшими от времени пятиэтажками белоснежной высотке.

Имя его было Константин Шаталов. Он учился на биологическом факультете РГУ. В университете Костя познакомился с профессором энтомологии Романом Григорьевичем Родиным, в гости к которому сейчас и шел.

Будь Родин типичным занудливым "преподом", натужно выдавливающим из себя заученный текст, он вряд ли вызвал бы у Шаталова что-то, кроме усмешки. Но объем знаний и мастерство ратора, которые раз за разом демонстрировал Роман Григорьевич, просто потрясли Костю — он всегда уважал просвещенных людей. "Как здорово этот человек знает свою науку", — изумленно подумал Константин, случайно услышав однажды, как Родин беседует с каким-то аспирантом. Вспомнив, что в детстве он и сам увлекался энтомологией, Костя решил тряхнуть стариной и записался на родинский спецкурс.

Многие из слушателей сомневались — а так ли уж умен профессор Родин? Наверняка есть в науке о насекомых области, которых он не объял своим фантастическим интеллектом, — думали они. И штудировали специальную литературу с целью подначить Родина и развенчать миф о его всеведении. Но на каверзные вопросы студентов профессор отвечал без запинки, мгновенно припоминая самые малоизвестные факты, нарытые студентами в справочниках, энциклопедиях и дореволюционных монографиях. Довольно скоро выяснилось, что никакого мифа не существует, — в том, что касалось насекомых, Родин действительно был всеведущ. Слушая его, можно было даже поверить, что энтомология — наука всех наук, а ее адепты — самые востребованные специалисты в мире.

Маленький мир увлекал Шаталова все сильнее, и со второго курса он стал уделять занятиям энтомологией значительно больше времени. Это не замедлило сказаться на успеваемости в прочих дисциплинах. Но Костя, казалось, не замечал нависшей над ним угрозы отчисления, хоть она и стала одной из главных тем кулуарных разговоров на курсе. "Положение Шаталова пошатнулось", — дружно зубоскалили местные остряки. Но он, будто сомнамбула, снова и снова плелся на кафедру энтомологии и конспектировал лекции Родина, не упуская ни единого слова. Он думал теперь только о насекомых и именно им собирался посвятить свою жизнь.

В том была немалая заслуга Романа Григорьевича Родина. Не только потому, что Шаталов сразу проникся к нему безграничным уважением. Родин умел убеждать. Он, пожалуй, любую домохозяйку заставил бы полюбить тараканов. Идеально выстроенными фразами профессор пригвождал слушателей к местам. Даже если на семинар к нему забредал, от нечего делать, какой-нибудь лоботряс, то и он, не в силах оторваться,

просиживал до конца, точно погруженный в формалин. Не слушать Родина было невозможно. Он обладал каким-то потусторонним, можно даже сказать, инфернальным обаянием, которое, в сочетании с энциклопедическими знаниями профессора, производило фантастический эффект.

Роман Григорьевич быстро понял, что Шаталов является самым преданным его учеником. Рвение, проявляемое Костей, заметно выделяло его среди общей массы студентов. Почти сразу Родин почувствовал в нем родственную душу. Не ускользнул от его внимания и тот факт, что не последнюю роль в фанатичном увлечении молодого человека энтомологией играет личность наставника. Родин стал для Шаталова непререкаемым авторитетом.

Единственным и неповторимым Учителем.

Довольно скоро они сблизились и стали друзьями. То была странная дружба. Их пересыпанные звучными латинскими названиями диалоги выглядели, как беседа людей, с головой погруженных в науку, хотя речь могла идти о том, какая сегодня погода или о положении дел в турнирной таблице чемпионата России по футболу. Энтомология и впрямь оказалась универсальной дисциплиной. Углубившись в ее изучение, Шаталов совершил массу занимательных открытий. Он чувствовал себя теперь интеллектуалом высшего порядка — куда там филологам с искусствоведами! Даже ругаться он стал по-особому — возвышенно и со вкусом, а главное — не опасаясь рукоприкладства со стороны оскорбленного собеседника. Для непосвященного небрежно брошенное "*Phthirus pubis!*" не будет значить ровным счетом ничего, а если он и попросит объясниться, всегда можно соврать, что это — одно из тех латинских выражений, которые писатели всего мира используют в своих романах, когда испытывают затруднения с орфографией родного языка. В самом деле, не объяснять же человеку в том, что ты только что в глаза назвал его лобковой вошью — можно и в лобок схлопотать. А "*O, мой Phanaevus imperator!*" и вовсе сойдет за комплимент, тогда как на самом деле это всего-навсего жук-навозник. Но перегибать палку, все-таки, не стоит. "*Silpha obscura*" даже на латыни звучит оскорбительно, а если "обласканный" визави не поленится заглянуть в словарь... Пожалеешь, что у тебя нет крылышек или длинных прыгучих ног. Не обходится и без курьезов. Кто бы мог подумать, к примеру, что *Bratella germanica* — вовсе даже не немецкий уголовник, как принято считать в далеких от энтомологии кругах, а обыкновенный рыжий таракан, каких пруд пруди на каждой российской кухне?

Они даже начали собирать импровизированную коллекцию, в которую помещали особо приметных персонажей из своего окружения. Фотографии "экземпляров" клеивались в специальную тетрадь и снабжались соответствующими подписями на латыни. Вальжный декан биофака получил прозвище *Enema ran*. Молодящаяся преподавательница анатомии — *Carabus hispanus*. Подтянутый физрук — *Tettigonia viridissima*.

Однажды Костя решил собрать и настоящую коллекцию. Несколько недель кряду носился он с сачком по скверу близ своего дома, стойчески игнорируя окрестных тинэйджеров, до колик в животе хохотавших над впавшим в детство великовозрастным болваном.

Но что такое настоящая коллекция насекомых, Шаталов понял только сейчас, впервые придя к Родину домой. В просторной квартире профессора она занимала три комнаты из шести. Но главной особенностью родинской коллекции являлся вовсе не ее масштаб. Все экспонаты в ней были живыми! Родин держал их в аквариумах, тщательно воссоздав для

каждого вида его природную среду обитания.

— Вы, юноша, может статься, сочтете это старческой причудой, — сидя в массивном старинном кресле, Родин поглаживал примостившегося у него на плече мохнатого паука. — На самом деле я просто считаю, что наши маленькие друзья не заслуживают того жесткого обращения, которое обычно сопутствует составлению подобных коллекций. То, что вы видите здесь — не коллекция даже, а компания. Все эти милые существа — мои компаньоны, и скажем больше — мои друзья! Вот вы, Константин, смогли бы недрогнувшей рукой воткнуть булавку в спину своего друга? В мою, например?

— Что вы, конечно нет!

— В этом мы с вами сходимся, — Родин встал и бережно опустил паука на дно аквариума. — Подобные методы здорово отдают садизмом. Насекомым и так приходится нелегко. Ну в самом деле, что за жизнь у них? Практически вся она проходит в страхе быть сожранным птицей, зверем, или даже своим более крупным сородичем. И ладно там, съедят — хоть какую-то пользу принесешь, — а могут ведь и раздавить, не заметив. Им, как никому другому, известно, что такое естественный отбор. Нам следовало бы повнимательнее относиться к этой разновидности жизни, — печально вздохнув, Родин коснулся кончиками пальцев резервуара с кубинскими скорпионами. Насекомые дружно защелкали клешнями, словно приветствуя своего благодетеля. Шаталов изумленно воззрился на Родину.

— Да-да, молодой человек, не удивляйтесь, — усмехнулся, заметив это, профессор. — Мои отношения с маленьким миром зашли немного дальше, чем вы можете себе представить. Чтобы как следует изучить насекомых, — Родин щелкнул пальцами, и шесть смертоносных созданий, выстроившись в ряд, принялись ползать вокруг лежавшего в центре аквариума большого серого камня, — следует их понять. Идемте пить кофе, Константин.

На кухне ученый продолжил развивать идею взаимопонимания между насекомыми и людьми.

— Современный человек едва ли когда-нибудь поймет, что к насекомым нужно относиться, как к равным, — сказал он, поставив на стол две кружки с дымящимся ароматным эспрессо. — В прежние времена дела обстояли получше. Классический пример — *Scarabeus sacer*, скарабей. Черный жук, который откладывает яйца в навозный шарик и катит его перед собой вплоть до появления потомства. Древние египтяне считали этот шар символом солнца, поэтому скарабей служил для них воплощением утреннего бога Хепри, которого в поздние периоды стали изображать в человеческом облике с головой жука. Скарабей был также символом вечной жизни. Египтяне верили, что этот священный жук оживляет умершего, когда тот попадает в загробный мир. Считалось, что он оберегает как живых, так и мертвых. И раздавить скарабея для египтянина было серьезным проступком, можно сказать, грехом. Ведь это фактически преступление против бога! А за такое сами знаете, что бывает. Египетские жрецы были доками не только в том, что касалось гармоничных отношений с Природой, но и по части пыток. Могли, к примеру, швырнуть провинившегося гражданина в саркофаг и засыпать сверху собратьями убиенного им жука. Кровь за кровь, так сказать, — Родин едва заметно улыбнулся. — Но эти страсти-мордасти остались в далеком прошлом. В истории отношений человека и насекомых бывали и курьезные случаи. В 1545 году во Франции, в небольшом городке Сан-Жан-де-Мольен, состоялся необычный судебный процесс. Истцами на нем выступали местные крестьяне. Они подали в суд на саранчу, обвинив ее в "сознательной порче виноградной лозы". Адвокат

насекомых доказывал, что ущерб урожаю был нанесен не специально, мол, питаться Божьим тварям чем-то надо. Разбирательство не могло состояться без присутствия ответчиков, и суд издал постановление, предписывающее саранче явиться на заседание. Она, само собой, бумагу проигнорировала. Судья был терпелив и еще несколько раз взывал к совести насекомых, в предельно корректной форме. Венцом этой эпопеи стал ультиматум, в котором говорилось, что если стаи саранчи и на этот раз проявят неуважение к суду, то их... Как вы думаете, Костя, каким наказанием пригрозил насекомым судья?

— Не знаю... — пожал плечами Шаталов. — Наверное, полным истреблением их популяции?

— Не угадали, — улыбнулся Родин. — Там было сказано, что в случае неявки всю стаю отлучат от церкви. По меркам того времени эта кара была куда страшнее смерти, ибо она лишала жертву надежды на царствие небесное и обрекала на вечные муки в Аду. Судейские не сомневались в том, что идти против власти Господа вредители не рискнут.

— И что, саранча прилетела, в итоге, в здание суда? — спросил, усмехнувшись, Шаталов.

— Нет! Когда глашатай, стоя посреди захваченного саранчой виноградника, зачитал постановление, тысячи насекомых поднялись в воздух и покинули город! Представляете? Они вернулись только через сорок два года. Судебный процесс возобновился. Приговор был таков: "Суд полагает справедливым и необходимым предоставить указанным насекомым пастбище за пределами виноградника, чтобы они могли добывать себе пропитание без порчи лоз". А через два месяца адвокат насекомых подал жалобу: оказалось, что предоставленный участок был совершенно бесплодным, и там саранче нечем было кормиться!

— И что, ей, в конце концов, разрешили остаться в винограднике?

— Тайна сия великая есть, — развел руками профессор. — Но это, согласитесь, и не важно. Важен сам факт. В те далекие времена люди относились к насекомым, как к равным, и даже признавали за ними право отстаивать свои честь и достоинство в суде. Более того, на полном серьезе ждали от них вразумительных аргументов в защиту своей позиции. Сейчас такое уже невозможно, — Родин печально вздохнул, и Костя понял, что Роман Григорьевич искренне сожалеет об этой несправедливости.

— Сегодняшний человек считает себя властелином мира, — продолжал Родин. — Осушает моря и озера, поворачивает вспять реки, сравнивает с землей горы, вырубает леса... О том же, что он творит с животными, иной раз бывает больно вспоминать! Но вот человек умирает, и уже через пару часов в его брэнном теле начинают копошиться черви. Властелин мира превращается в корм для крохотных беспозвоночных тварей! — Родин прервался, чтобы отхлебнуть кофе. — Тихое торжество слабых над сильными.

В этой беседе перед Шаталовым открылись новые, доселе неведомые стороны личности профессора Родина. Его наставник, бесспорно, на сто процентов состоял из энтомологии, но воспринимал ее не как составную часть биологической науки, а как некую философскую доктрину, с позиций которой можно истолковать практически любое явление. Он проводил массу параллелей с другими областями научного знания, с искусством, но больше всего — с религией. В такие моменты Косте казалось, что он стоит на пороге настоящего откровения, что Родин — неистовый пророк забытого древнего божества, и божество это — инсектоморфно¹. До откровения, правда, дело не дошло. Профессор ограничился тем, что завещал насекомым мир.

— Они древнее, чем мы, и, несомненно, продолжают свое существование и после того,

как умрет последний человек, — сказал Родин. — Так вправе ли мы унижать тех, кто унаследует нашу планету?

— Нет, — без колебаний ответил Костя. — Мы должны любить их... и понимать.

— Вот-вот, — Родин похлопал юношу по плечу. — Я рад, что вы это осознали. Но нас двоих... да что там — всех энтомологов мира будет мало, чтобы донести эту мысль до остального человечества. Научное сообщество всегда относилось к энтомологам с изрядной долей скепсиса, а гуманитарии — те и вовсе смотрят на нас с плохо скрываемым презрением. Никто даже не задумывается над тем, насколько важна на самом деле наука, которой такие, как мы, присягнули на верность. На днях мне довелось беседовать с одним журналистом. Он все нахваливал творчество господина Пелевина, а когда узнал, что я — энтомолог, представьте себе — посочувствовал! И не пришло ему в голову, что если б не насекомые, его любимый писатель, может, и не был бы столь знаменит.

— Кстати, о Пелевине, — продолжил Родин, сделав еще глоток. — Его роман "Жизнь насекомых" интересен не только и не столько в художественном плане. Проведенная в этой книге параллель между жизненными формами заслуживает самого пристального внимания и требует строго научного подхода. Видите, на стол забрался таракан. Я не травлю их, по понятным, думаю, причинам. Таракан бежит по направлению к крошке печенья, а я пальцем отодвигаю его в самое начало пути. Он снова устремляется к цели, но я упорен в своем нежелании позволить ему ее достичь. Я ведь что угодно могу с ним сделать. Несчастный кукарача полностью в моей власти. Ничего не напоминает?

Глаза Константина расширились от невероятной догадки.

— Да-да, юноша, вы правы! — воскликнул профессор, пропустив таракана к вожделенной крошке. — Как часто мы сетуем на горькую судьбу, на фатальное невезение, на бесплодность всех наших усилий! И ни на миг не задумываемся о том, что, может быть, чей-то огромный палец раз за разом отодвигает нас в сторону. Поэтому я даже в мыслях не могу позволить себе обидеть кого-нибудь из малых сих. Свобода вида — превыше всего.

— Но что же мы можем сделать, чтобы и другие люди поняли это? — в сердцах воскликнул Шаталов. Ведь дальше так продолжаться не может. Надо что-то менять.

— И в этом вы правы, мой юный друг. Мы даже можем сказать, что промедление смерти подобно. Эра Скарабея должна наступить, и чем скорее, тем лучше. Нам с вами в ее подготовке принадлежит решающая роль.

— Но каким образом? Как мы сможем сделать гармоничными отношения между насекомыми и людьми? С чего начинать?

— Этот процесс уже прошел свою пренатальную стадию. Осталось совсем немного до того дня, когда передовицы газет запестрят энтомологическими терминами. Возможно, кстати, это произойдет уже завтра. Что, заинтриговал? Ладно, пойдемте в мой кабинет. Сами все увидите.

Войдя вслед за профессором в комнату, служившую Родину кабинетом, Костя ощутил резкий запах, уместный, скорее, в свинарнике, но никак не в храме науки. Заметив, что парень брезгливо морщится, Родин открыл окно.

— Пусть вас не смущает этот миазм, — сказал он. — Так пахнет унавоженная почва, которая нужна, чтобы обитатели этого контейнера чувствовали себя как можно более комфортно, — Родин постучал пальцем по стоявшему на столе предмету. То был увенчанный широким раструбом массивный черный куб, который Костя поначалу принял за

телевизор.

— Согласен, запах не из приятных, — произнес Родин. — Но наука, как вы прекрасно знаете, требует жертв.

— Там у вас скараabei? — предположил Костя. — Те самые священные жуки египтян?

— Отчасти, — хитро улыбнулся профессор. — Вы загляните в раструб. Сами все увидите.

Подойдя поближе, Шаталов увидел, что черная махина прихвачена к столешнице длинными толстыми винтами. Привстав на цыпочки, студент заглянул в раструб.

Ничего, кроме ровного слоя земли, почему-то отделенного от наблюдателя прозрачной плексигласовой пластиной. Спустя мгновение Шаталов заметил внизу какое-то движение. В самом центре видимого пространства вырос рыхлый земляной холмик, из которого на поверхность выбрался большой черный жук. Не скарабей.

И не какой-либо иной из известных Шаталову. Что-то от скарабея в нем определенно было, но формой тела он скорее напоминал скорпиона, а не жука. А челюсти... Такими огромными не могли похвастаться даже самые крупные жуки-олени в соседней комнате. Покачиваясь на длинных лапках, жук поднял голову и несколько раз громко щелкнул своими гипертрофированными жвалами.

Словно откликнувшись на его призыв, из-под земли начали вылезать другие жуки. Некоторые из них были даже крупнее первого. Костя в немом восторге наблюдал за возней насекомых, не замечая, что те, в свою очередь, как один, глядят на него.

— Перед вами *Coleopterus Rodinis*, — с гордостью произнес профессор. — Три года упорного труда, результатом которого стал Аполлон среди насекомых. Вот здесь, — Родин взял с книжной полки потрепанную общую тетрадь, — я вел подробные записи о ходе эксперимента. *Coleopterus Rodinis* появился на свет в результате введения уже известному вам *Scarabeus sacer* генов *Euscorpius carpathicus* и *Dynastes neptunus*. От последнего, кстати, ему и достались эти устрашающие челюсти. Признаюсь, мне пришлось перелопатить настоящую гору литературы прежде, чем приступить к опытам.

— Но... — Костя нашел в себе силы оторваться от ящика с жуками и восхищенно посмотрел на Родин. — Это же сенсация!

— О чем я вам и говорил, — стоя у окна, профессор машинально перелистывал страницы своего научного дневника. — Сенсация, причем мирового масштаба. Многие занимаются выведением новых пород коров, лошадей, кур, уток, свиней и кроликов. Но никто даже не задумывался над возможностью создания нового насекомого. Никто, кроме меня.

— Вы гений, профессор! — вскричал Шаталов и совершенно по-детски захлопал в ладоши. — Вы просто бог энтомологии!

— На вашем месте, юноша, я бы воздержался от столь смелых сравнений, — поправив очки, сдержанно заметил Родин. — Никто не вправе оспаривать титул Творца. Не спорю, данный прецедент вполне сопоставим по значимости с тем, что имел место быть в начале времен. Но это еще повод ставить меня на одну ступеньку с Господом. В отличие от Него, я работал с готовым материалом.

— Да, действительно... — смущенно пробормотал Костя. — Это уж я перегнул палку.

— Одно лишь меня тревожит, — сказал профессор, отойдя от окна и положив тетрадь обратно на полку. — Мои жуки родились и выросли в неволе, в то время, как остальные Господни твари являются в мир свободными. Продолжая держать их здесь, я фактически

совершаю двойное предательство — по отношению к этим несчастным созданиям и к самому себе. Я не должен так поступать. Вы со мной согласны, Константин?

Костя еще раз заглянул в раструб. Жуки снова, как по команде, уставились на него и защелкали челюстями. Представив, как эти жуткие крючья впиваются в человеческую кожу, как струится из раны кровь, как гибрид упирается лапками, вырывая кусочек мяса, Костя отпрянул.

— Вы хотите выпустить их на волю? — спросил он, тыча дрожащим пальцем в темный бок жучиного общежития. — По-моему, это может плохо кончиться.

— Не стоит волноваться, мой юный друг, — Родин подошел к Косте и приобнял его за плечи. — Мы ведь еще не до конца постигли их природу. Согласен, они проявляют к нам определенный интерес, но это ведь не дает нам права считать их агрессивными и опасными тварями. Я очень долго думал над тем, как можно это проверить. И, знаете, нашел-таки верное решение.

— Можно полюбопытствовать, в чем оно заключается?

— Нужно...

Роман Григорьевич достал из кармана кастет и с размаху ударил Костю в солнечное сплетение. Задышавшись, Шаталов согнулся пополам. Следующий удар профессор нанес в затылок. Перед глазами у Кости заплясали разноцветные скарабеи. Он потерял сознание и упал.

Спрятав кастет, Родин присел на корточки, взял Шаталова под руки, с усилием оторвал его от пола и подтащил к черному ящику. Быстро вытащив предохранительную панель, Роман Григорьевич запихнул голову своего лучшего ученика в раструб и с силой надавил сверху. В этот момент Костя пришел в себя, но голова его плотно застряла в раструбе. Выбраться из намертво привинченного к столу колеоптерия бедный студент уже не мог. А плотные стенки контейнера превращали его крики в сдавленное мычание. Родин отпустил Костю и отошел в сторону. В ящике раздавалось сухое потрескивание панцирей. Одно за другим насекомые отрывались от земли, облепляя Костино лицо. В тот момент, когда первый жук вцепился жвалами в его щеку, Шаталов яростно забился, уперся руками в стенку колеоптерия и попытался освободить голову. Профессор снова достал кастет и изо всех сил ударил юношу по спине. Руки Шаталова бессильно повисли вдоль тела. В комнате раздавались теперь только сиплое дыхание Родина и мерный скрежет жучиных жвал.

Через полчаса возня в черном ящике стихла. Еще через десять минут Родин подошел к столу и проверил у Кости пульс. Шаталов был мертв. Профессор взял труп за ворот рубашки и начал трясти. Жуки со стуком попадали вниз. Родин вернул на место панель и потянул мертвое тело на себя. Голова Шаталова вышла из раструба на удивление легко. Это ведь теперь была не голова, а дочиста обглоданный череп, на котором лишь кое-где болтались ниточки плоти.

— Даже волосы съели, — ошеломленно прошептал энтомолог. — Жаль парня. Но что поделаешь, наука требует жертв.

Из правой ноздри мертвеца вывалился окровавленный жук. Он сразу расставил челюсти и побежал по ковру к ноге Родина. Отшвырнув в сторону мертвого Шаталова, профессор схватил с полки увесистый том "Энциклопедии бабочек" и, бормоча слова извинения, бросил его на тварь.

Потом он взял отвертку, вернулся к столу и принялся отвинчивать от него громоздкий стеклянный куб.

Когда работа была закончена, Роман Григорьевич обеими руками обхватил колеоптерий. Напрягшись так, что проступили вены на шее, оторвал его от поверхности стола и, чуть не падая, понес к широко распахнутому окну. Поставив жучиный дом на подоконник, Родин присел рядом и отдышался.

— Свобода вида — превыше всего, — механически произнес он, резко подался назад и рухнул вниз, увлекая за собой черный ящик.

Профессор глубоко заблуждался, полагая, что ему удастся оторвать обывателей от фасолевого супа (хватает аж на три дня!) и макарон (вчера нашел один магазин, там дешевле на целых пятьдесят копеек!) и привлечь их внимание к проблемам насекомых и занимающихся их изучением специалистов. Энтомология была упомянута в газетах лишь как болезненное пристрастие безумного фанатика, натравившего на город завезенных бес знает, откуда жуков-убийц. Самих насекомых (после того, как был обглодан труп Родина, они успели схарчить еще случившегося поблизости бомжа) очень быстро отловили и уничтожили.

ИНТЕРЛЮДИЯ ПЯТАЯ

Хранилище артефактов Тойвонена являло собой просторную комнату, в которой, помимо коробок с товаром, наличествовало множество стеллажей, шкафов и комодов — там находились вещи, не предназначенные для продажи.

"Как же мне повезло, — думала Ангелина, с интересом разглядывая экспонаты коллекции Эйнари — предметы, большинство из которых, по словам их хранителя, несли на себе отпечатки чудовищных трагедий. — Всего пять дней прошло, а я уже допущена в святая святых".

— И вот он — один из тех самых "жуков Родина", — сказал Тойвонен, снимая с полки плексигласовую коробочку — подобную той, в которой хранилась "дьявольская" муха, но значительно крупнее. — Его, кстати, доставил мне из Ростова некромант Егор. Взгляни.

Посмотрев на жука, готесса вздрогнула. Она, хоть и совершенно не разбиралась в энтомологии, сразу поняла — в естественных условиях столь жуткое насекомое не появится никогда. Проще было поверить в то, что в соседней квартире обитает целая семья вампиров, чем в этого жука, хоть он и растопырил свои громадные жвала в нескольких сантиметрах от нее.

— Родин был сумасшедшим, — убежденно произнесла девушка.

— Я тоже склонен так думать, — кивнул Тойвонен, поставив коробку с насекомым на место. — Как же не повезло тому парнишке! И сколько еще бродит по свету таких безумных "гуру", губящих юные души...

— Давить надо эту мразь, — зло произнесла Ангелина. — Как жуков.

— Согласен, — в глазах финна блеснули задорные огоньки. — Мерзавцев нужно уничтожать.

— А в Ростове, как я погляжу, происходит довольно много интересного, — девушка сменила тему разговора.

— Не так много, как в Петербурге, но в принципе ты права, — согласился Эйнари. — Ростов действительно занятное местечко. Магическим центром нашей страны является именно этот город.

— Почему же тогда наиболее странные вещи творятся как раз в Питере? Я столько

читала об этом... Складывается впечатление, что царь Петр совершил большую ошибку, решив построить на том месте город. Ой... — готесса смущенно смолкла, вспомнив, что ее собеседник — коренной петербуржец.

— Я не горжусь своим родным городом, — прислонившись к штабелю разрисованных демоническими ликами картонных коробок, произнес Эйнари. — Люблю его, конечно, но в то же время — ненавижу... и боюсь.

— Как такое возможно? — Ангелина осторожно коснулась его жилистого предплечья. — Я имею в виду — испытывать все эти чувства одновременно.

— Тут дело в том, как я люблю Питер, — проговорил Тойвонен. — Представь себе, что ты видишь нечто ужасное. Нечто такое, от чего хочется бежать без оглядки. Но в то же самое время ты понимаешь — такого тебе не доведется увидеть больше нигде и никогда. Вот такая у меня "любовь к родине". Я очень давно не был в Питере. Но меня все время тянет туда. Боюсь, правда, что если однажды вернусь на Север, то погибну...

Повисла пауза. Ангелина не знала, как вести себя дальше. "А вдруг он сейчас расплачется", — подумала она. Но Эйнари был далек от того, чтобы впасть в тоску.

— Я не стремлюсь к балтийским берегам, — промолвил он, роясь в ящиках одного из секретеров. — Но Питер сам находит меня — здесь оседает множество вещей родом оттуда. Вот это, например, — финн продемонстрировал девушке два кусочка прозрачного пластика, между которыми был зажат фрагмент весьма неприятной на вид субстанции, напоминавшей засохшие гнойные струпья. — Это — все, что осталось от грибницы, из которой произрастали грибы-убийцы. Сотни людей погибли из-за них.

— Грибы-убийцы? В смысле — ядовитые грибы?

— Да нет же! — едва ли не сердито воскликнул Эйнари. — Самые настоящие грибы-убийцы! Живые хищные твари с глазами и зубами, способные перемещаться в пространстве. А еще — растерзать человека, подобно стае пираний.

Готесса не стала никак это комментировать. Ее внимание привлекла старая виниловая пластинка, лежавшая на полке того же секретера, из которого Эйнари достал гнусную грибницу.

— А эта пластинка? — Ангелина подошла поближе. — С ней тоже связана какая-то ужасная история? Или это просто музыка, которую ты любишь слушать?

Открыв дверцу шкафа, он взял в руки конверт с пластинкой. Ангелина увидела название группы — "Улица Морг".

— Ой, а я ведь слышала про эту группу, — удивленно произнесла она. — Не думала, что ты можешь интересоваться молодежной музыкой. Ой, прости... — девушка поняла, что снова допустила бестактность.

— Ничего, ничего, — улыбнулся Эйнари. — Эту пластинку подарил мне несколько лет назад вокалист группы "Улица Морг". Видишь — на конверте его автограф.

— Несколько лет назад? — девушка отступила на шаг. — Но ведь он же... давно умер.

— Это ты так думаешь, — усмехнулся Тойвонен. — Да и не только ты, а большинство живущих в этом мире. Так думала и одна твоя тезка — и коллега, кстати — до тех пор, покуда ей не привелось столкнуться лицом к лицу с тем, кого все считали безвременно ушедшим.

— И что с ней случилось?

— Об этом я поведаю завтра.

МАСТЕР ИГРЫ

Известие о внезапной смерти рок-музыканта Гавриила Кушнарера потрясло до глубины души даже тех, кто имел весьма поверхностное представление о его творчестве. Гавриил, прозванный "Кувшином", был очень заметной фигурой на российской сцене, и никого не оставлял равнодушным. Одни его обожали, другие — ненавидели, третьи попросту боялись. Гамма чувств и настроений была очень широкой, но не было среди них лишь одного — безразличия. Если вы хотя бы раз в жизни сталкивались с Кушнарером, то едва ли когда-нибудь смогли бы забыть его навсегда.

Конечно, тому во многом способствовал его сценический имидж. Много лет назад Гавриил нарастил клыки и заточил их на манер вампирских. В сочетании с устрашающим "мертвецким" гримом, линзами и экстравагантными прическами это производило поистине сногшибательный эффект. Последний оказывался тем сильнее, чем дальше человек отстоял от целевой аудитории возглавляемой Кушнарером группы "Улица Морг". Какая-нибудь тетушка бальзаковского возраста вполне могла бы при виде его свалиться в обморок — но Гавриил был не настолько экстравагантен, чтобы разгуливать в сценическом образе по городским улицам.

Песни группы были под стать облику ее лидера. Они являли собой своеобразные мини-рассказы ужасов, по страницам которых разгуливали ожившие мертвецы, демоны, лешие, призраки, оборотни и, конечно же, вампиры. Творчество "Улицы" стало для поклонников группы настоящей альтернативной вселенной, огромным миром, в который молодые люди погружались, нажимая на кнопку PLAY или приходя на концерты своих кумиров.

И с гибелью Кушнарера мир этот осиротел. Для сотен тысяч его фанатов то, что случилось поздней июльской ночью 2013-го года, стало настоящей трагедией. Для многих из них — даже большей, пожалуй, трагедией, чем могла бы стать смерть собственного отца.

Хотя, казалось бы, это ни для кого не должно было стать сюрпризом. "Вампир" Кушнарер никогда не скрывал, что вечерами он предпочитает пить далеко не кровь. Свое прозвище "Кувшин" музыкант получил по той причине, что его фамилия была отчасти созвучна этому слову, но окончательно закрепилось оно именно благодаря обильным возлияниям. Как-то раз, во время дружеских посиделок, кто-то из коллег-музыкантов в шутку спросил у него: "Кувшин, а слабо тебе выпить кувшин?". Гавриила, в своей обычной манере, сперва вытаращился на него зловещим взглядом, а после хриплым голосом провозгласил: "Кувшин в студию!". С кухни притащили старый глиняный кувшин, в который тут же было залито три бутылки водки. Выдохнув и зажмурившись, Гавриила поднес носик кувшина к губам. Присутствовавшие с ужасом наблюдали, как их товарищ, давясь и хрипя, осушает полуторалитровую емкость. Чья-то рука уже начала набирать ноль-три. Какой-то толстый дядька, вернувшись из туалета и увидев, что происходит, охнул и присел на пол прямо в дверном проеме. Еще один из гостей выронил изо рта на ковер тлеющую сигарету и бросился ее подбирать, но не оторвал при этом взгляда от завораживающего зрелища. А Гавриила, напряженно хрипя, все пил.

Казалось, прошла целая вечность, хотя на самом деле процесс поглощения содержимого кувшина занял у Кушнарера около шести минут. Наконец он допил последнюю каплю,

трясущимися руками поставил сосуд на стол и застыл на стуле, устремив мутный взгляд куда-то в мертвую точку.

— Кто-нибудь, принесите тазик! — занервничал хозяин квартиры. — Он же сейчас заблюет тут все!

— Не н-надо... — протянул из-за стола Кувшин. — Я... в порядке.

— На, закуси, — кто-то протянул ему кусок хлеба с зубчиком чеснока.

— Нет, — Гаврила оттолкнул его руку. — Русские не закусывают.

В следующий момент он ухмыльнулся своей знаменитой инфернальной ухмылкой, выставив напоказ "вампирические" клыки, и обвел присутствующих взглядом победителя. Все поняли, что Кушнарев и опьянел-то лишь совсем чуть-чуть. И от осознания этого им стало не по себе.

— Гавр, как тебе это удалось? — ошарашенным голосом спросил какой-то парень, сидевший на подоконнике.

— Это потому, что я бывший наркоман, — без тени смущения сказал Гаврила. И захохотал во всю глотку, словно бы призывая собравшихся сделать то же самое.

Та эпическая пьянка была зафиксирована на видео, спустя какое-то время попала в Интернет и стала притчей во языцех. Подобных свидетельств разгульной жизни Кушнарёва за годы его карьеры накопилось в глобальной паутине немало. Поэтому, хоть его смерть для многих стала неожиданностью, люди, которые были, что называется, "в теме", были не столь шокированы. Поговаривали, что в последние годы Гаврила не только пил больше обычного, но и начал вновь употреблять наркотики, к которым не прикасался более десяти лет. Поэтому, как бы ни рыдали фанаты, заламывая руки, перед увешанными постерами "Улицы" стенами своих квартир, в глубине души каждый из них понимал — все к тому и шло.

Ангелина Стрельцова была одной из тех, кому уход лидера "Улицы Морг" показался скорее неожиданностью, нежели чем-то закономерным. Музыка этой группы девушка не слушала уже десять лет и совершенно не следила за новостями из этого лагеря. Однако она успела воздать команде должное в юности, в период с пятнадцати до восемнадцати лет. Поэтому имя Гавриила Кушнарёва, все же, не было для Стрельцовой пустым звуком. Страшная новость ужалила ее в самое сердце, даже несмотря на то, что она уже давно не вспоминала о Кувшине.

Стрельцова была корреспонденткой нескольких музыкальных изданий и посчитала своим долгом воздать Гавриле последние почести, написав хороший некролог. К радости ее, главный редактор одного из журналов одобрил эту идею, выделив сразу четыре полосы, и Ангелина приступила к написанию материала уже на следующий день после того, как из Петербурга пришла роковая весть.

Разумеется, для того, чтобы реализовать эту задумку должным образом, ей пришлось на несколько дней погрузиться в творчество "Улицы", наверстывая то, что было упущено за предыдущие десять лет. Ангелина с некоторым удивлением обнаружила, что на последних трех альбомах — "Торговец страхом", "След Арлекина" и "Дьявольский цирк" — группа сделала очень резкий крен в сторону от своего традиционного звучания, сделавшего этих ребят известными на всю страну. Вместо разухабистого панк-рока на разбойничье-мертвецкую тематику они стали играть мелодичный хард-рок с намного более богатой музыкальной палитрой. Конечно, доминирующей темой лирики и в поздние годы оставались всевозможные ужасы, но в целом тексты стали более интеллектуальными, а еще из них

почему-то исчез почти весь юмор, которым "Улица Морг" тоже когда-то славились. Некоторые песни и вовсе показались Ангелине чересчур сложными в сравнении с тем, что питерские "продавцы кошмаров" записывали ранее. Например — "Танец злобного гения", за сюжетной линией которой Стрельцова так и не смогла уследить:

Проныра-озорник,
Любитель книг.
Ловкач, игрок.
Жизнь между строк.
И потому
Открыт ему
Незримый путь
В любую суть.

Танец злобного гения
На страницах произведения.
Это игра, без сомнения.
Обреченных ждет поражение!

Подсыпает в душу яд
Всегда он рад.
Всего за час
Прочтет он вас.
Он волен взять
И поменять
Строку, и с ней
Смысл темы всей.

Танец злобного гения
На страницах произведения.
Это игра, без сомнения.
Обреченных ждет поражение!

Как ни старалась Ангелина, ей так и не удалось понять, о чем же повествует эта песня. Практически все ранние работы "Улицы" обладали неким сюжетом, являли собой законченные истории. На тех альбомах, которые Ангелина услышала лишь после смерти Кушнарера, дело обстояло так далеко не с каждой песней. Складывалось впечатление, что эти три пластинки группа записывала не для того, чтобы развлечь своих слушателей, а с целью заставить их глубоко задуматься.

Но о чем?

Написанием мемориальной статьи Ангелина занималась два дня. За это время ей пришлось не только прослушать три альбома, но и ознакомиться с большим количеством видеоматериалов, а также прочесть множество архивных интервью и целую биографическую книгу. Занимаясь всем этим, Стрельцова постепенно понимала — июльской ночью 2013-го ушел из жизни совсем не тот человек, песнями которого она заслушивалась в годы своей

юности.

Кушнарев очень сильно изменился за эти годы. Возмужал, стал более солидным внешне и намного более мудрым в своих суждениях. Это был далеко не тот "чокнутый панк", каким запомнила его Ангелина. Он перестал ставить на голове ирокез и использовать контактные линзы, делавшие его взгляд демоническим. От бывшего образа остались разве что удлиненные вампирские клыки — да и их Гавриил старался лишней раз не показывать и даже раздражался, когда его об этом просили. А в интервью он говорил не о пьянках, драках и женщинах, как раньше, а на серьезные темы, такие, к примеру, как история или философия. Порой пресс-конференции Кувшина превращались в настоящие религиозно-философские диспуты — если, конечно, среди присутствующих находились достойные собеседники. С теми же, кто разочаровывал его, Гавриил поступал достаточно жестко — мог по старой памяти и матом приложить, а тех, кто пытался вести себя в точности так, как он сам когда-то — и кулаком усмирить. Перемена, произошедшая с Кушнаревым, была разительной. И, наблюдая за всем этим на экране своего монитора, Ангелина понимала — такого человека, каким стал в последние годы Гавриил Кушнарев, ей было намного жалче, чем того безбашенного рок-н-рольщика, которым он был в молодости. Прямо как в одной из спетых "Улицей Морг" много лет назад песен: "Разбежавшись, прыгну со скалы — вот я был, и вот меня не стало. И тогда себя возненавидишь ты — лишь осознав, кого ты потеряла".

Его не стало. С этим нужно было просто смириться.

Закончив работу над статьей и отправив текст по электронной почте редактору, Ангелина поняла, что ей необходимо расслабиться. В голове, перетекая одна в другую, продолжали звучать песни "Улицы" разных лет, а перед глазами маячила клыкастая физиономия Кушнарева. За эти два дня она получила явную передозировку творчества эпатажного музыканта.

Как по заказу, наутро ей позвонила давняя подруга и пригласила на вечеринку, которая должна была состояться нынче же вечером. Это было идеальным вариантом — нахлестаться мартини под задушевные дамские разговоры и завалиться спать, а утром — принять прохладный душ и смыть с себя все тяжелые впечатления.

Поначалу все было именно так, как хотела Ангелина. Дарья, хозяйка квартиры, в которой проходило веселье, была поклонницей клубной музыки, поэтому ничто здесь даже отдаленно не напоминало о Гаврииле Кушнареве и тяжелых риффах "Улицы". Но через два часа, когда разгоряченные спиртным парни и девушки уже всю плясали в гостиной под очередной трансвой трек, во всем доме внезапно отключилось электричество.

Ребята не стали унывать. У одного из парней оказался при себе MP3-плеер. Его удалось подключить к Дашиным колонкам, которые, по счастью, работали на батарейках. Вот только музыка на флешке у гостя была записана совсем другая — Marilyn Manson, Nine Inch Nails System of a Down, и несколько российских "тяжелых" команд. Не всем из присутствовавших такие песни были по душе, но... на безрыбье, как говорится, и рак рыба. Сидеть в темноте, да еще и в тишине было бы вовсе непереносимо.

Ангелина вместе с Дашей и еще парой девчонок удалились на кухню, чтобы при свете свечей допить остатки мартини и поболтать о своем, о женском. Спустя минут пятнадцать-двадцать из гостиной донеслись аккорды песни, знакомой Стрельцовой уже до боли. "Танец злобного гения" от питерской группы "Улица Морг"...

— Ой, а ведь сейчас этот самый поет, как его... Кувшинов, — оживилась хозяйка

вечеринки. — Он еще умер недавно.

— Кушнарев, — автоматически поправила Ангелина. — Гавриил Кушнарев.

— Ах, да, точно, — улыбнулась Дарья. — А Кувшин — это, вроде, кличка его была, да? Стрельцова кивнула.

— Говорят, от передозировки скончался, — подала голос еще одна их подружка. — Сам себя погубил.

— Вот это вряд ли, — покачала головой Стрельцова, вспомнив, какой энергией веяло от Кушнарева — даже сквозь экран монитора, когда она смотрела видеозаписи его недавних выступлений. — Да, в девяностые годы он сидел на героине. Но давно покончил с этим. Выпивать мог, это да. Но наркотики... я не верю. — ей было не слишком приятно, что приходится вновь общаться на эту тему, но не вступить за попорченную честь прекрасного музыканта девушка не могла.

— Да собственно, нам-то что? — пожала плечами четвертая кумушка. — От синьки тоже можно гэкнуться еще как. А то, что он себя не берег — это все его друзья, и даже родственники подтверждают.

"А ведь обычно в таких случаях близкие люди до последнего отрицают подобные вещи, — пронеслось в голове у Ангелины. — Как-то нелогично выходит".

— А он не мог инсценировать свою смерть? — внезапно предположила Дарья, напустив на себя заговорщический вид.

— А зачем бы ему это? — удивилась Ангелина. — Он же не Майкл Джексон какой-нибудь. Проблем не знал, столько планов строил. Бре... — вдруг она осеклась.

Танец злобного гения
На страницах произведения.
Это игра, без сомнения,
Обреченных ждет поражение!

— доносилось из соседней комнаты. А Ангелина Стрельцова постепенно понимала, что на самом деле могут означать слова этой песни.

Ей вспомнился один из фильмов цикла о Гарри Поттере, в котором старый дневник злодея Волдеморта содержал частицу его души, был способен общаться с окружающим миром и мог, при нужном стечении обстоятельств, стать ключом, необходимым для возвращения Волдеморта к жизни. Ну а понятие "злой гений" подходило к этому персонажу лучше, чем к кому-либо еще.

"Жизнь между строк... Нет, не может быть!".

— Даша, налей мне еще, пожалуйста, — сказала Ангелина. — А потом я спать пойду, наверное. Что-то неважно себя чувствую.

Расслабиться и отпустить воспоминания лететь по ветру не получилось. Гаврила не отпускал ее. Вернувшись домой, Ангелина первым делом бросилась к компьютеру, где хранились записи "Улицы Морг".

"Если предположить, что "Танец злобного гения" является чем-то вроде ключа к общей картине, то, вероятно, применив этот ключ к остальным песням, можно будет понять, что на самом деле с ним случилось, — возбужденно думала она. — Возможно, все эти непонятки в текстах прояснятся, если взглянуть на происходящее под неким новым углом".

Она пока еще сама не знала, что именно хочет найти. Но фраза "жизнь между строк" и общее настроение песни не давали ей покоя. Определенно, на этих трех альбомах что-то было зашифровано, они содержали какое-то тайное послание. Да что уж и говорить, если один из треков пластинки "Дьявольский цирк" именно так и назывался — "Послание"...

Но начала Стрельцова с "Торговца страхом". Внимательно послушала альбом несколько раз и выписала все те моменты, которые показались ей странными при самом первом знакомстве с этой пластинкой.

"А что если... что если он действительно жив? — думала девушка, барабаня наманикюренными ноготками по краю компьютерного столика. — Конечно, это невероятно. Но если вдруг это правда... похоже, я смогу стать самой везучей журналисткой со времен Уотергейта".

И уже на первой песне ее будто электричеством обожгло...

Мой мир огромен,
А я так скромн.
Вся жизнь — спектакль.
Я в ней актер.
Актер-лицедей,
Добряк и злодей.
Не ради людей,
А ради искусства.

"Вся жизнь спектакль, значит, — подумала Ангелина, поставив песню на паузу. — И "не ради людей, а ради искусства. Что ж, это вполне вписывается в данную концепцию", — Стрельцова снова включила музыку. Но практически сразу ей пришлось снова нажать на "стоп".

Вас обманули,
В грязь окунули.
Об этом вскоре
Узнают все...

Вот это уже очень сильно подходило под вырисовывающуюся теорию. Сколько ни слушала Ангелина песню "Марионетки" раньше, она все никак не могла понять, что же означает данная фраза. Но теперь, если представить, что Гавриил действительно инсценировал свою смерть... в таком контексте эти строчки выглядели прямым признанием того, что музыкант не слишком красиво поступил со своими фанатами...

В песне "Писатель Гудвин" кольнула мозг фраза "Звездой бестселлера я быть посмертно не хочу", также намекавшая на то, что никакой смерти, возможно, не было. А примостившаяся в самом хвосте альбома заглавная вещь содержала следующие слова:

Прохожих изучаю,
Импровизирую, играю,
И в их одобрении я не нуждаюсь.
Во мраке их пугаю

И опыт получаю,
Все по-театральному сделать стараюсь.

Этот фрагмент напрямую перекликался с "Марионетками" — вновь говорилось о том, что лирический герой занимается своим делом исключительно ради искусства и не нуждается ни в чьем одобрении. А в самом конце этой песни притаились еще и такие строчки:

Ответь мой друг, ты каждый день
Читаешь сводки новостей,
Боясь событий и людей -
Ведь каждый может быть злодей.
Ты притупляешь разум свой,
И мир враждебной средой
Вновь предстает перед тобой.
И вот ты встретился со мной.
Кошмарами торгую я
И деньги требую с тебя!

А ведь именно это и происходило сейчас на всем постсоветском пространстве. Десятки тысяч людей копались в Сети, выискивая все новые подробности смерти Кушнарера. Что далеко ходить — всего лишь позавчера Стрельцова сама занималась тем же самым. Версии выдвигались самые разные — от банальной передозировки, которая, в принципе, никого не удивила бы — до заказного убийства, организованного иерархами Церкви. Впрочем, всплывали и еще более смехотворные теории — например, что Гаврила был убит в результате заговора остальных участников "Улицы", которым захотелось заполучить раскрученный бренд в собственное распоряжение.

Но ни одна из этих версий не казалась полностью правдоподобной. Стоило подумать о передозировке — как сразу вспоминалась прекрасная физическая форма, в которой находился Кушнарер в последние месяцы. Стоило ухватиться за версию об убийстве — как тут же выяснялось, что дом, в котором было найдено тело музыканта, находился под круглосуточным наблюдением видеокамер. Лишь в одном случае все нестыковки и странности мгновенно сходили на нет — если представить, что Гавриил действительно инсценировал свою смерть и исчез в неизвестном направлении... Но зачем?

Песня "Торговец страхом", вроде бы, давала ответ и на этот вопрос. Грандиозный маркетинговый ход, равных которому российская рок-сцена не знала прежде. Огромный всплеск интереса к творчеству "Улицы Морг" был налицо — и продажи их дисков, а также связанной с группой сувенирной продукции уже наверняка подскочили раза в четыре. И аудиOVERсия мюзикла "Дракула", в котором Гавриил пел главную партию, стала хитом продаж во множестве интернет-магазинов, чего раньше не наблюдалось.

Конечно, такие слухи ходили практически про каждую умершую знаменитость, но... ни Элвис Пресли, ни Джим Моррисон, ни Джон Леннон, ни, уж давно, Майкл Джексон, не оставили в своих песнях подсказок, которые могли бы заставить подумать, что музыканты на самом деле живы...

"Нет, — Ангелина зажмурилась и потеряла виски, не в силах поверить самой себе. — Не

может быть, бред это все. Он умер, как бы мне и всем остальным ни хотелось обратного. Подсказки в песнях... господи, какой бред!".

В этот момент она вспомнила, что в мире есть человек, который может развенчать ее сомнения... или, возможно, подтвердить?

Несмотря на то, что лицом и голосом группы "Улица Морг" всегда был Кушнарев, большая часть текстов принадлежала перу другого человека. Главным поэтом группы был Сергей Царев, с которым Гаврила познакомился еще в конце восьмидесятых. Если бы не Сергей, история "Улицы" могла бы сегодня выглядеть совершенно иначе. Собственно, даже названия этого — "Улица Морг" — в те времена тоже не существовало, а называлась группа "Министерство пропаганды". Именно тексты Царева, главными темами в которых были сверхъестественные ужасы, стали причиной того, что для коллектива в конечном итоге было выбрано и соответствующее название.

Несколько лет назад Сергей ушел из "Улицы", чтобы создать новую группу, которую он назвал "Царская водка". Но, как бы там ни было, именно он являлся автором всех этих "песен-страшилок", а стало быть, мог пролить свет на их истинную суть.

Еще десять лет назад Ангелине было бы довольно затруднительно оперативно связаться с артистом, но сегодня, в эпоху победившего Интернета, такие операции проделывались в один ход. У Царева, как и почти у всех российских рок-музыкантов, имелось несколько страниц в социальных сетях. Через одну из них Ангелина обратилась напрямую к Сергею и попросила его дать интервью. "Наверное, именно это и называется — злоупотребление служебным положением в личных целях", — думала она, отправляя электронное письмо.

Музыкант ответил ей вечером того же дня и предложил провести видеоконференцию завтра в полдень. За оставшееся время нужно было придумать вопросы. Конечно, больше всего Ангелину интересовало, жив ли Гавриил Кушнарев, но она прекрасно понимала, что если спросит Царева об этом напрямую, тот лишь покрутит пальцем у виска. Нужно было как-то спровоцировать его, заставить проговориться. Да и вообще — нужно было как-то спрятать главный вопрос, чтобы он, с одной стороны, прозвучал достаточно неожиданно, а с другой — не показался странным.

По счастью, совсем недавно у "Царской водки" вышел новый альбом, получивший название "Фатальный аттракцион". Так что было достаточно придумать ряд вопросов, связанных с этим релизом. Разумеется, нельзя было не спросить и о делах недавно умершего друга. В общем и целом получалось весьма похоже на обычное интервью, не таящее в себе никакого подвоха.

Но он там был.

— Сквозь ряд написанных вами песен красной нитью пролегает один сюжет, — сказала Ангелина под конец беседы, после того, как Сергей поведал ей все подробности создания и продвижения своего альбома, а также рассказал несколько ранее неизвестных широкой общественности эпизодов из биографии Гавриила. — Как будто некий персонаж, находясь словно бы в тени или за сценой, режиссирует какой-то процесс, что-то подготавливает. Складывается даже впечатление, что в них описывается некое событие, которое должно свершиться и в реальной жизни, а не только в строчках песен. Если такое впечатление верно — на что именно намекали эти тексты?

— Скажу вам так, — музыкант пожал могучими плечами. — Я никогда не занимался пророчествами. Но, как показывает практика, я начал предвидеть какие-то события, сам того

не подозревая. Вдохновение связывает меня с космосом, а оттуда приходит интуиция, и она иногда воздействует на сюжетную линию. Сюжет может стать пророческим через несколько лет после его написания. Но вы не подумайте! Я не пытаюсь вас убедить в чем-то относительно себя. Я просто наблюдаю. Если вы ищете аналогии в современной политике нашей страны или в чем-то подобном, то это никак не связано с моим творчеством. Оно анализирует лишь тот мир, в котором нахожусь я сам, и людей, что меня окружают. Я изучаю тему действия подсознания на творчество и самовыражение. Если помните, группа "Улица Морг" была книгой, волшебным континентом, и этого мира было нам всем вполне достаточно. Теперь я создал свое маленькое царство на территории этого континента и расширяю его...

"Вот блин", — подумала Ангелина, ожидавшая услышать хотя бы малейший намек на то, что песни на самом деле были посвящены исчезновению Гавриила. Перекинувшись с Царем еще несколькими фразами, она поблагодарила его за интервью и вышла из конференции.

Сразу же после этого она заглянула в сообщество "Царской водки" в "Контакте", чтобы уточнить кое-какие детали, нужные ей для статьи. И обомлела, увидев на стене группы чью-то запись следующего содержания:

"Ребят, а никто не замечал, что песни Царева имеют какой-то странный подтекст, — писал некий Георгий Самарский. — Сдается мне, не все так просто со смертью Кушнарера".

"Да, я это заметила, — написала Ангелина в комментарии к этому посту. — Но что конкретно вы имеете в виду?".

Потом она пошла на кухню, чтобы сделать себе кофе, а когда вернулась, ответ Самарского уже поджидал ее в ящике личных сообщений.

"Здравствуйте, Ангелина, — писал Георгий. — Вы только не падайте в обморок, но по моему достаточно очевидно, что Кувшин просто всех нас надул. Он не умер 19-го июля. Все это — не более чем инсценировка, коммерческий ход с его стороны".

Глаза Стрельцовой радостно заблестели. "Ну что ж, по крайней мере, я не одна такая".

"Да а с чего бы мне падать в обморок, — написала она в ответ. — Я придерживаюсь точно такого же мнения. А можно поинтересоваться, как именно вы пришли к этому выводу?".

"Ну как же? — ответил он через пару минут. — Я ведь написал, что дело в текстах песен. В некоторых из них содержатся прямые указания на то, что Кушнарера жив, а все, происходящее сейчас вокруг его имени — не более чем фарс".

"Но зачем ему так поступать? — любопытствовала Ангелина. — У него же было столько планов".

"Планы — это просто для отвода глаз, чтобы основная масса людей не сомневалась в факте его смерти, — отвечивал Георгий. — Я, конечно, не знаю точно, зачем он это сделал. Может быть, это маркетинговая уловка, а может, ему просто надоело все. Или еще что-нибудь. Но ты сама посуди — вот в "Невидимке" он поет следующую фразу: "Над собой эксперимент в ту роковую я ночь поставил и исчез в один момент". Это же как раз о той ночи и поется, когда он якобы умер! А потом — в песне "Фокусник": и немало лет свой храня секрет, драматичный я предложил сюжет. И он действительно много лет это планировал, следы далеко идут".

"Ну да, год в две тысячи шестой, примерно, — похвасталась собственной проницательностью Стрельцова. — Начиная с "Марионеток" еще".

"Вот видишь! — возликовал Самарский. — Ты тоже это понимаешь. Да, именно с "Марионеток". Вас обманули, в грязь окунули — это как раз про нынешнюю ситуацию. Я пытался с некоторыми людьми говорить об этом, но лишь снискал репутацию сумасшедшего. Они желают быть обманутыми".

"Ладно. Так что делать-то будем?", — улыбаясь, написала Ангелина.

"Надо попробовать его найти", — ответил Георгий. — Думаю, в песнях должна найтись подсказка и на этот счёт тоже".

Так у Ангелины — пожалуй, впервые в жизни — появился виртуальный друг по переписке. Человек, о котором она ровным счетом ничего не знала, но с которым ее связывало общее дело.

На протяжении следующих нескольких недель Георгий и Ангелина тщательно разбирали творческое наследие "Улицы Морг", просеивая, словно через сито, каждую строчку каждой из песен. Как оказалось, картина, зашифрованная в этих текстах, была намного более величественной и масштабной, чем представлялось журналистке поначалу.

За это время много чего успело произойти и во внешнем мире. Так, лагерь поклонников "Улицы" раскололся пополам после того, как с обличительной речью в адрес ее нынешних участников выступил бывший бас-гитарист Андрей Панкратов. По его словам, тур памяти Гавриила Кушнарёва, в который группа отправилась в конце сентября, был не более чем пляской на костях, стремлением нажиться на знаменитом имени. Ангелина к этим словам отнеслась скептически, предположив, что вероятнее всего, заявление Панкратова было заранее согласовано с остальной группой. Ну а за ниточки дергал, конечно же, лично Кувшин, будто марионетками управляя как своими соратниками, так и фэнами.

Гораздо больше ее интересовало, где может находиться сейчас сам этот кукловод. Ангелина вновь перечитала множество его интервью, уделяя теперь пристальное внимание встречающимся в них географическим названиям. Скоро она сумела установить, что Кувшин очень любил отдыхать в Карелии и на Камчатке, а среди зарубежных стран ему больше всего импонировала Германия, в которой даже был снят один из клипов "Улицы Морг". Но этого, конечно, было мало, чтобы отправляться на поиски. Нужна была более конкретная информация, более четко очерченные границы. Но, как ни билась Ангелина, ей не удавалось найти разгадки ни в спетых Кушнарёвым песнях, ни в словах, сказанных им для прессы.

Однако, их в этой миссии было двое ("Двое против всех", как пошутил однажды Георгий, намекая на одноименную песню "Улицы Морг"). И в то время как Стрельцова в своих изысканиях зашла в тупик, ее напарник Самарский сумел нащупать нужное направление.

"Привет! Кажется, я понял, где Гаврила", — написал он Ангелине в один из осенних дней.

"Я вся внимание", — черкнула в ответ она, думая, что это всё равно очень мало что даст.

"Во Франции. А именно — в Париже".

"Почему ты так решил?"

"Еще раз внимательно прослушал песни. И заметил, что Франция упоминается там чаще, чем какая-либо другая из европейских стран. И про Париж поется довольно часто".

"Вернемся в Париж домой... Боже мой, ну как же можно было не догадаться?!".

"Порой ответы годами лежат на поверхности, а люди проходят мимо и смотрят куда-то в сторону, — написал в ответ Георгий. — Вот только дальше-то что? Париж — огромный город, и найти в нем одного человека совсем непросто. Неужели придется частного

детектива нанимать?".

"А смысл? Ведь если даже детектив и сумеет его найти, потом нам всё равно придется ехать туда самим".

"Не нам, — поправил ее Георгий. — Тебе".

"Мне одной? Но почему?".

Он не отвечал довольно долго.

"Я лучше потом скажу, — гласило следующее сообщение. — Всё равно нам еще нужно более точно определить район его проживания".

"Странный он какой-то", — подумала Ангелина и зашла на страницу Георгия, чтобы посмотреть на его фотографии. Только сейчас она осознала, что совершенно ничего не знает о своем виртуальном собеседнике. Кто он? Откуда? Сколько ему лет? Как он выглядит? На аватаре у Жоры стояла фотография Кушнарёва с траурной черной лентой. Как оказалось, и альбомы его были наполнены исключительно концертными, бытовыми и постановочными снимками Гаврилы. "Понятно. Закоренелый фанат", — подумала Ангелина, пролистав их.

В аудиозаписях у Самарского, конечно, были только вещи "Улицы Морг". Вверху списка висела песня "Вестник". Стрельцова слышала ее много раз, но сейчас зачем-то включила снова...

Сказал он: "Эта тварь приходит ночью,
Ровно в три от церкви у холма.
Но я ведь не сошел еще с ума,
Не верю в то, что не видал я сам.

Конечно, я подумал — это шутка;
Наверное, одна из тех примет,
Что у людей в течение многих лет
Держали ум во власти предрассудка...

Тут Ангелина поняла, что никогда прежде не рассматривала эту песню в контексте предположения об инсценировке смерти Кушнарёва. А что, если именно в ней и заложена последняя подсказка? В конце концов — в этом она уже успела убедиться ранее — все остальные песни на "Арлекине" такие подсказки содержали...

Зажег я лампу — шел уж третий час,
И в небо поднялось созвездье Льва.
А пламя уже теплилось едва,
Вот три пробилло — и огонь погас.

И кто-то осторожно стукнул в дверь.
Весь ужас правды понял я теперь!

Ангелина выключила музыку и попыталась сопоставить услышанное с последней догадкой Георгия. В принципе, эта песня содержала некоторые элементы, вполне походившие на географические ориентиры. Созвездие Льва. Церковь на холме. Три часа ночи. Возможно, это и есть прямое указание на местонахождение Кушнарёва? И если

вычислить, над какой точкой созвездие Льва находится в три часа ночи — это и будет ответ? Однако познания Стрельцовой в астрономии не позволяли вычислить это прямо сейчас. Можно было попробовать обратиться за помощью к интернет-сообществу, но прошлый опыт таких попыток подсказывал ей — это ни к чему не приведет.

"Созвездие Льва. Париж. Церковь на холме, — снова и снова крутилось у нее в голове, когда Ангелина ложилась спать. — Что же всё это может значить?"

Прозрение наступило утром. В тот момент, когда Стрельцова открыла глаза, она уже понимала, что знает разгадку тайны Гаврилы Кушнарёва. Должно быть — как это часто бывает с учёными или творческими людьми — работа мысли продолжалась и во сне, отталкиваясь от тех исходных, которые Ангелина обдумывала перед сном. И правильное решение было найдено. Для этого оказалось достаточно мыслить шире, выйдя за рамки буквального понимания слов.

"Церковь на холме" означала всего лишь церковь, возвышавшуюся над всеми остальными в округе. И если речь идет о Париже, то это не может быть чем-то иным, кроме как храмом Сакре-Кёр, являющемся самым большим религиозным сооружением французской столицы — да еще и стоящем на вершине холма Монмартр! А под "созвездием Льва" следовало понимать вовсе не скопление звезд на северном полушарии неба, а... знаменитый собор Парижской Богоматери, на порталах которого есть барельефы в виде девятнадцати львов!

Таким образом, жилище лирического героя песни "Вестник" должно было располагаться где-то между Сакре-Кёр и Нотр Дам де Пари — но ближе к последнему, раз уж рассказчик мог видеть "созвездье Льва" из своего дома. А рассказчиком этим был, разумеется, не кто иной, как объявленный мертвым питерский музыкант Гавриил Кушнарёв!

Когда Ангелина садилась за компьютер, ее трясло.

"Привет, Жора, — печатала она дрожащими руками. — Я окончательно всё поняла. Я знаю, где он. Как оказалось, на самом деле подсказки были в каждой из песен"

Далее она подробно расписала ему ход своих рассуждений. Георгий был в оффлайне, поэтому Ангелина сходила на кухню за кофе, после чего еще раз с удовольствием прослушала "След Арлекина" — улыбаясь и кивая всякий раз, когда звучали слова с двойным смыслом. "Я тебя раскусила, Кувшин, — с наслаждением думала она. — Скоро увидимся".

"Привет! — пришло сообщение от Самарского. — Это же потрясающе! Сам я ни за что бы не догадался, думал эта песня вообще здесь не при делах. Теперь тебе обязательно надо отправиться в Париж и найти там Гаврилу".

"Ну, как зарплату получу, так и слетаю, — написала Стрельцова. — А теперь скажи мне, все-таки, почему ты не хочешь полететь туда вместе со мной?"

Георгий вновь надолго замолчал.

"Дело не в том, хочу я или не хочу, — написал он через десять минут. — Проблема в том, Ангелина, что я — инвалид-колясочник. Живу в российской глубинке. И у меня нет денег даже на то, чтобы добраться до Москвы, не говоря уже о билете в Париж. Да что там — у меня даже загранпаспорта нет. Чтобы меня из моей деревни куда-то вытащить — это тысяч сто потратить надо. Так что, извини, но... как же я поеду?"

"Это ты извини, Жора. Извини, если я что не так сказала. Я могу что-нибудь для тебя сделать?"

"Да, — написал он, еще немного подумав. — Музыка — это моя единственная отдушина в жизни. А Кушнарёв всегда был моим кумиром. Возьми у него для меня автограф на

фотографию. Потом пришлешь по почте".

"Да я сама тебе ее привезу, — заверила его Ангелина. — Ты мне как брат стал за это время. Я приеду к тебе, Жора. Обещаю".

"Ну, хорошо, — написал он, поставив кучу смайликов. — Прикольно, все-таки, получилось. Мы его раскололи".

Спустя три недели Ангелина Стрельцова стояла на французской улице близ собора Парижской Богоматери и размышляла о том, куда ей двигаться дальше. Как понять, в каком именно доме живет теперь сбежавший певец? Стрельцова в очередной раз прокрутила у себя в голове текст "Вестника": ночью, ровно в три, от церкви на холме. Церковь на холме — это, без сомнения, Сакре-Кёр, со стороны которого она и приближалась... но вот где именно рядом с "созвездием Льва" нужно искать? Поглядев на карту, Ангелина поняла, что с задней стороны Нотр-Дама попросту нет зданий, в которых мог бы кто-то жить. А вот с другой стороны, перед фасадом знаменитого собора, расположились несколько роскошных особняков. В каком из них искать пропавшего кумира? "Должен быть еще какой-то знак, — подумала она. — Может быть, его дом выглядит как-нибудь зловеще, как в той старой песне о проклятом месте?".

Ангелина несколько раз обошла строения со всех сторон, внимательно осматривая их архитектурные особенности. Но ничего сверхъестественного ей обнаружить не удалось. Дома как дома — только очень хорошие, конечно.

Как оказалось в итоге, всё было намного проще. Когда Стрельцова в четвертый раз брела вдоль фасада самого первого из особняков, она остановилась, чтобы передохнуть, прямо напротив его массивной двери. И увидела на стене рядом с входом надпись и рисунок, сделанные черной краской по трафарету. Надпись на чистейшем русском языке гласила: "Кувшин жив!", а рядом с ней красовался знакомый силуэт с прической-дикобразом.

— Господи, — выдохнула Ангелина. — Как всё, оказывается, просто.

Она подошла к двери и дернула колокольчик. Прошло около минуты, а потом внутри здания послышались шаги.

Дверь отворилась вовнутрь, и перед девушкой возник высокий седой мужчина, облаченный в строгий серый костюм. Ангелина рассчитывала увидеть самого Кушнарёва, но то был не он. "Ну конечно же, — подумала девушка. — Это дворецкий. Как и положено в лучших домах Франции".

— Добрый вечер, — произнесла она по-французски. — Здесь живет мсье Гавриил Кушнарёв?

— Да, — кивнул мужчина. — Он ждет вас. Входите.

"Ждет меня? — изумленно подумала Ангелина. — Но откуда он может знать, что это буду именно я?". В следующий миг она поняла, в чем дело. Разумеется, Андрей Царёв сообщил старому другу об интересе с ее стороны. "Получается, он давно знает о том, что я сумела разгадать их комбинацию. И ждет меня".

Дворецкий провел ее длинным коридором в глубь особняка, после чего они поднялись по лестнице и двинулись в обратном направлении, но уже через комнаты. Ангелина с интересом смотрела по сторонам, отмечая, насколько роскошна обстановка нового жилища Гавриила. Сплошной антиквариат и средневековые раритеты. На стенах висели картины известных художников прошлых столетий — и Стрельцова сильно сомневалась, что это могут быть копии. Вторичность была не в манере Кушнарёва — он, бывало, даже

забраковывал некоторые песни "Улицы Морг", если они получались слишком похожими на что-то, уже существующее в чьем-то чужом репертуаре.

Стрельцова вспомнила одно из интервью Царя, в котором тот сказал, что все заработанные музыкой деньги его напарник тратил на развеселые гулянки, а то и вовсе раздавал друзьям и знакомым. В это и тогда слабовато верилось, а уж теперь, когда Ангелина собственными глазами увидела, в какой роскоши проводил свои дни вдали от всех Гавриил Кушнарёв, ей стало окончательно ясно, куда на самом деле уходили его баснословные по меркам российской рок-сцены гонорары.

Дворецкий открыл очередную дверь и уступил Ангелине дорогу, впуская ее в просторную обеденную залу, которая вполне могла бы принадлежать какому-нибудь древнему королю или князю. За длинным деревянным столом, покрытым бордовой скатертью, могли поместиться несколько десятков человек, но сегодня ужин был накрыт только на две персоны. В дальнем конце стола, пристально глядя на вошедших сидел ОН... Гавриил Кушнарёв. Девичье сердце забилося чаще.

— Прощу вас, — дворецкий вышел из столовой и сомкнул за спиной Ангелины тяжелые створки двери. Девушка продолжала стоять у порога, не зная, как ей вести себя дальше.

— Ну что же вы, Ангелина? — сказал Гавриил. Акустика в обеденной зале была такой хорошей, что Стрельцова слышала каждое его слово — как если бы музыкант стоял прямо перед ней. — Проходите, садитесь рядом со мной. Поешьте. Думаю, у вас с момента прилета в Париж росинки маковой во рту не было.

— Но... откуда вы знаете? — Ангелина подошла к Кушнарёву и села за стол. — Вы следили за мной?

— Это нельзя назвать полноценной слежкой, — улыбнулся хозяин особняка. — Но по большому счету — да. У меня есть доступ к базе данных аэропорта Орли и городской системе видеокamer. Впрочем, последним мне пользоваться не пришлось. Узнав, что вы прибыли в город вечером, я сразу понял, что следует ждать вас в гости в течение ближайшего часа.

— А как вы узнали, что я прилетела именно к вам?

— Ну, вы оставили немало следов в Сети, пытаясь найти доказательства того, что я по-прежнему топчу эту землю, — развел руками Кушнарёв. — Признаюсь честно — мне было очень интересно за этим наблюдать.

— Да вы прирожденный сыщик, — улыбнулась Ангелина, чувствуя себя уже более раскованно.

— Сыщик? Я? Вы шутите? — рассмеялся Гавриил. — На самом деле, Ангелина, я преклоняюсь перед вашими дедуктивными способностями. Конечно, я надеялся, что оставленный мною код хоть кто-нибудь да сумеет разгадать. Но совсем не рассчитывал, что это произойдет настолько скоро.

— А много ли вообще людей догадалось? — поинтересовалась Ангелина. При этом взгляд ее скользнул по убранству стола, и в животе у девушки заурчало. Это не ускользнуло от внимания хозяина особняка.

— Да вы поешьте, — сказал он, проведя ладонью над столом. — Мы вполне сможем продолжить нашу беседу во время трапезы. Альберт, мой дворецкий, является также прекрасным поваром. Сегодня он приготовил седло барашка по-венгерски и спагетти с семгой в сливочном соусе. Выбирайте, что вам больше по душе.

— Пожалуй, я предпочту второй из этих вариантов, — сказала журналистка, подумав

несколько секунд.

— Отлично, — Гавриил подцепил указательным пальцем крышку одного из стоявших на столе серебряных блюд. — Кстати, может быть, перейдем на "ты"?

Некоторое время журналистка и музыкант — сам он к еде почти не притрагивался — беседовали о нюансах европейской кулинарии. Ангелине удалось не ударить в грязь лицом в этом разговоре — во многом, благодаря тому, что в одном из изданий она вела кулинарную рубрику и часто интервьюировала известных московских шеф-поваров. Гаврила позволил ей насытиться и лишь потом приступил к расспросам относительно того, как она здесь оказалась.

— Мне было бы очень интересно узнать — во всех деталях — как проходило твое расследование, — сказал он. — Какова была отправная точка, какими, на твой взгляд, были мотивы, побудившие меня сделать это?

— Но ведь это очевидно, — пожала плечами Стрельцова. — Ты же сам оставил все эти подсказки в песнях.

— Конечно, — кивнул Гаврила. — Но это, так сказать, в общем и целом. Мне же интересно то, каким образом ты истолковала ту или иную песню, какие именно знаки в них увидела.

— Хорошо, сейчас расскажу. Только... можно мне сперва тоже кое-что спросить?

— Ну разумеется, — улыбнулся Кушнарёв. В очередной раз увидев его полухищную, полудобродушную улыбку, Ангелина поняла, что чем больше времени она находится в компании Кувшина, тем большей симпатией к нему проникается. Это показалось ей странным — ведь Стрельцова никогда не принадлежала к той прослойке поклонниц, чьи теплые чувства не ограничивались любовью к собственно музыке группы, а напрямую касались мужской привлекательности ее фронтмена. Ангелина, конечно, уважала Кушнарёва — но никогда прежде она не пыталась представить себе, как его руки обнимают ее, а губы прикасаются к шее. Но вот сейчас... сейчас такие мысли вдруг появились. "Неужели вино в голову ударило?"

— Вот что меня всё время смущало, — сказала Стрельцова. — Все эти тексты писал Сергей — но они рассказывают историю твоего исчезновения. Получается, вы с ним вдвоем всё это спланировали?

— На самом деле — втроем, — ответил Кувшин, после чего выдержал паузу, наслаждаясь произведенным эффектом. — Был еще один человек, чья роль в нашей комбинации оказалась совсем незаметна, но очень важна. Сергей в этой комбинации был драматургом, а я — актером, но мы не могли обойтись без специалиста, который осуществил бы режиссуру. Это был тот же самый режиссер, что поставил наш мюзикл, "Дракулу". Он накладывал мне грим мертвеца — для тех самых фотографий, которые так потрясли Интернет. На одной из них даже можно видеть его куртку — она наброшена на кресло рядом с моим "трупом". Стоит сказать, что мы специально это сделали. Но этого, конечно же, никто не заметил...

— Ничего себе, — потрясенно выдохнула Ангелина. — Я, вот, тоже не заметила.

После этого она принялась обстоятельно рассказывать Гавриилу о своих догадках. Он слушал очень внимательно, время от времени кивая.

— Ну что ж, — сказал Гаврила, когда журналистка закончила свой рассказ, — я могу лишь повторить то, что уже сказал. Bravo, Ангелина. Ты, разве что, не все подсказки

заметила. Но в остальном — гениально. Ты просто Шерлок Холмс в юбке.

— Мне кажется, как раз твой замысел можно назвать гениальным, — сказала Стрельцова, слегка смутившись. — Правда, я так и не поняла, зачем же ты это сделал.

— Я охотно это объясню, — Кушнарёв поднялся из-за стола и начал прохаживаться взад-вперед вдоль стены, у Ангелины за спиной. — Как я сказал только что, ты разглядела не все подсказки. Они содержались в значительно большем количестве песен. И добавлять их я начал существенно раньше, чем на последних трех альбомах. Можно сказать, что почти весь репертуар "Улицы Морг" был создан для выражения определенных истин. Но люди принимали их за страшные сказки, за развлечение. Правда, я далеко не всегда стремился к тому, чтобы меня поняли.

— Почти все песни? — изумилась Ангелина. — Никогда бы не подумала. Но... какой скрытый смысл может содержаться в "Зловещем кузене", например?

— Ну как это? — Гаврила выглянул у нее из-за плеча и посмотрел в глаза. — О чём, по-твоему, эта песня?

— Ну... она о вампире, — пожалала плечами Стрельцова. — У тебя таких еще с десятков наберется. Но разве они являются чем-то большим, чем просто страшные истории?

— Конечно, — усмехнулся Гавриил. — Я не пытался выдавать содержание этих песен за истину в последней инстанции, но... от этого оно ни на секунду не переставало быть истиной!

— Что ты имеешь в виду? — смутилась Ангелина. — Неужели вампиры реальны?

— Не только вампиры, а абсолютно всё, о чем мы когда-либо пели! — воскликнул Кушнарёв. — Демоны, зомби, лешие, некроманты, злобные древние боги и прочие представители мира, который люди привыкли называть "потусторонним"! Всё это — самая, что ни на есть, объективная реальность. Как мы с тобой.

"Да он же просто сумасшедший, — вдруг поняла Ангелина. — Эксцентричный миллионер с напрочь протекшей крышей. Надо выбираться отсюда".

— Ух ты, как интересно! — выпалила она, вспомнив избитый журналистский прием, которым обычно пользоваться брезговала. — И давно ты об этом узнал?

— Я с самого рождения об этом знал, — устало промолвил Кувшин.

"Точно сумасшедший", — пронеслось в голове у Стрельцовой.

— И не надо, пожалуйста, считать меня безумцем! — раздраженно буркнул Гавриил, ткнув в ее сторону пальцем. — Думаешь, я впервые сталкиваюсь с такой реакцией? Да я вас всех насквозь вижу!

— Ну хорошо, хорошо, — Ангелина лихорадочно прикидывала, как ей поскорее покинуть особняк шизофреника, не схлопотав при этом вилку в зад, а то и нож в сердце. — Допустим, этот тайный мир действительно существует где-то рядом с нами. Но я не могу поверить в это, не видя перед собой ни единого доказательства? Вспомни, ты ведь сам пел на "Следе Арлекина": "Но я ведь не сошел еще с ума, не верю в то, что не видал я сам".

— А разве я, стоящий перед тобой, не являюсь достаточным доказательством? — спросил Кушнарёв, обнажив клыки.

— Прекрати, Гаврила, это уже просто смешно! — не выдержав, прыснула Ангелина. — Не хочешь же ты сказать, что на самом деле вампир?

— Так оно и есть, — Кушнарёв отвесил ей театральный поклон. — Вот только зовут меня не Гаврила. Мое настоящее имя — Эзрафольт ди Цантореан. Можно просто Эзра. Я был рожден более трех тысяч лет назад и являюсь одним из вампиров высочайшего ранга.

— Да ты просто своих же песен переслушал! Еще скажи, что у тебя настоящие клыки! Я прекрасно знаю, что ты наращивал их в стоматологической клинике.

— Ты знаешь это лишь потому, что я сам сказал так во множестве интервью, — парировал собеседник. — Ну а теперь вспомни слова еще одной из наших с Сергеем песен:

Подсказкам чьим-то слепо доверять
Не стоит, вас ведь могут разыграть.
Коль держится ваш образ на суфлере,
То как бы не завратся поневоле.

Я сам был таким суфлером для миллионов своих фанатов. Говоришь, мои клыки — искусственные? Прекрасно. А что ты скажешь вот об этом?

Кувшин вдруг как-то странно сгорбился и... начал преобразаться. Ангелина вскочила из-за стола, бросилась к стене и, дрожа, прижалась к ней спиной... как будто это могло ей чем-то помочь.

Кожа на лице и кистях рук Кушнарёва приобрела синеватый оттенок. Волосы музыканта из черных стали седыми, а глаза его запылали красным. Лицо музыканта покрылось сетью глубоких морщин. Через несколько мгновений перед Стрельцовой стоял настоящий вампир — будто сошедший с экрана во время просмотра какого-нибудь фильма ужасов.

— Господииии... — тихонько проскулила девушка.

— Не думаю, что Он тебя услышит, — усмехнулся вампир. — У меня тут специальная заглушка стоит на такой случай.

— Так вот почему ты не взял тогда чеснок, — сказала Стрельцова.

— Чеснок? Какой чеснок? — лицо Гавриила... точнее, теперь уже Эздры приобрело недоуменное выражение. — А, ты про ту видеозапись, где я пил водку из кувшина? — вспомнил он в следующий момент. — Ну да, чеснок для нас штука неприятная. Хоть и не смертельная, конечно. Но ты скажи мне — теперь ты веришь, что я вампир?

— Да, конечно, — поспешно кивнула девушка. — Хоть я и... не верила никогда раньше в вампиров.

— Давай теперь вернемся к теме нашего разговора, — вместо того, чтобы наброситься на нее и вцепиться в горло, вампир сел на стул, и Ангелина поняла, что он пока не намерен ее убивать. Ты спросила, почему я... точнее, почему Гавриил Кушнарёв, которым я никогда не был, решил покончить со своей прежней жизнью. Что ж, сейчас я это расскажу.

— погоди, а что значит — ты никогда им не был? — изумилась Ангелина. — Кто же тогда пел в "Улице Морг"?

— Сядь и послушай! — когтистым пальцем Эзра указал на соседний стул. Девушка повиновалась — но сесть постаралась как можно дальше от монстра.

Монстр? Да нет. Несмотря на то, что черты его лица стали более резкими, а кожа слегка посинела, он всё еще оставался привлекательным. Даже сейчас, видя его истинную сущность, Ангелина испытывала к хозяину особняка очень сильную симпатию — разве только уже сквозь страх. Теперь она понимала, в чем тут дело — то была одна из его вампирских способностей. Так хищный цветок приманивает насекомых сладостным ароматом.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

— Пел, разумеется, я, — усмехнулся Эзра. — Но все думали, что это делает Гавриил.

На самом деле никто из его фанатов никогда не видел этого человека! Он умер еще до того, как наша группа добилась популярности.

— Я не понимаю! — простонала Ангелина.

— Да что тут понимать? — пожал плечами Эзра ди Цантореан. — Я же странствующий вампир. "Ноги тащат по земле, тыщу лет во мгле", помнишь? И вот, в конце восьмидесятых годов прошлого века странствия привели меня в Ленинград. Я и раньше там бывал, еще в те времена, когда город назывался Санкт-Петербургом. Но на этот раз мне вдогонку дышала смерть.

— Инквизиция, — продолжил он после короткой паузы. — Не та, разумеется, что лютовала в средневековой Европе. Горстка людей, возомнивших себя борцами со злом и создавших новую организацию. Каким-то образом у них получилось стать по-настоящему серьезной силой и причинить некоторым представителям Темного мира настоящие неприятности. Например, мне. Именно спасаясь от преследования инквизиторов, я оказался на заснеженных улицах вашей северной столицы. И мне позарез нужно было новое лицо, — вампир на мгновение напрягся и вновь предстал перед нею в привычном облике Кувшина.

— Теперь я, кажется, начинаю понимать, — пробормотала Стрельцова. — Не было никакого Гавриила Кушнарёва. Точнее, мир о нем так и не узнал...

— Ты совершенно права, — Эзра даже пальцами щелкнул. — Этот парень попался мне в ленинградской канализации, где я скрывался от возможного преследования. Гавриила же спустился туда для того, чтобы разбавить свою кровь какой-то химией... но в результате остался совсем без крови. Выпив его, я подумал, что это — мой шанс сбросить с хвоста шпионов Инквизиции. Я принял его облик. А вместе с выпитой кровью получил его память. Поднявшись на поверхность, я начал жить его жизнью, используя его связи и знания, чтобы успешно прикидываться тем, кем я не являлся.

Слушая его, Ангелина всё больше поражалась тому, насколько сложной может быть окружающая реальность. Она-то думала, что сумела разгадать одну из самых хитроумных комбинаций...

— Единственное, чего не получил я от Гавриила — так это его таланта сочинять песни, — развел руками вампир. — Именно поэтому в группе — она на тот момент уже существовала — основным текстовиком стал Сергей. Я подсказывал ему сюжеты — а он писал на них песни. Поскольку концепция группы после этого изменилась, мы решили поменять и название.

— Получается, Сергей знал о том, что ты вампир? — спросила Ангелина. — А как он отнесся к тому, что ты убил его друга?

— Он далеко не сразу это узнал, — покачал головой Цантореан. — Всего лишь около десяти лет назад. Что же касается смерти Гавриила... Ну, Царёв тогда только-только пришел в группу, и они еще не успели по-настоящему сблизиться. Так что он не разгневался, узнав, что много лет назад я выпил всю кровь из настоящего Кушнарёва. Хотя, конечно, слегка испугался. Впрочем, я не из тех, кто наслаждается страхом в смотрящих на него глазах. Так могут себя вести разве что очень молодые или новообращенные вампиры.

— Примерно в то же самое время я начал подозревать, что Инквизиция вновь вышла на мой след, — продолжил тот, кого Ангелина, а вместе с ней и вся страна считали Гавриилом Кушнарёвым. — И это оказалось правдой. Всё-таки, жизнь рок-звезды несет в себе великое множество соблазнов. Но если люди погружаются в пучину алкоголя или наркотиков, то я, вампир, не смог устоять перед обилием доступного мяса.

Услышав эти слова, Ангелина вздрогнула. А на лице Эзрафольта тем временем появилось мечтательное выражение.

— Поклонники и поклонницы были готовы идти за мной на край света, — погрузившись в воспоминания, произнес вампир. — Парни обычно хотели выпить со своим кумиром, реже кто-то из них просил, чтобы я научил его играть на гитаре. Девушкам и женщинам, как правило, нужен был секс. Я не могу сказать о себе, что я — вампир высокой морали, но... обычно я старался выбирать себе на закуску тех людей, что были наиболее неприятны в общении. Всех этих панибратствующих гопников, блядовитых девчат... Особенно приятно мне было обрывать жалкие жизни тех из них, кто считал, будто в рок-музыке содержится некая "высокая идея", ради которой нужно убивать себя водкой и героином. Ведь это из-за них мне самому приходилось глушить водку перед камерами, изображая в доску своего! А у меня от нее всегда начинается дичайшая изжога.

— Та популярность, которая обрушилась на группу, именно с тем и была связана, что я начал включать на сцене вампирский зов, — пояснил Эзра. — Люди были очарованы мной. Даже те, кто чихать хотел на рок-музыку.

— Но всё это был обман, — усмехнулась Ангелина. — Ты даже не был тем человеком, именем которого пользовался.

— Более того — я и человеком как таковым-то не был! — подняв указательный палец, хохотнул ее потусторонний собеседник. — Знаешь, мне совсем не кажется, что Гаврила смог бы добиться того же, если я не тронул его тогда. Думаю, наркотики убили бы его раньше, чем о нем узнали за пределами Петербурга. Но — как бы там ни было, а именно его имя навсегда останется на страницах музыкальной истории. Семья этого парня никогда не узнает, что такое бедность.

— Я пил кровь фанатов всё чаще и чаще, и в конце концов инквизиторы должны были заметить, что за группой тянется по стране череда загадочных исчезновений, — продолжал свой рассказ вампир. — Так и случилось. Когда я понял, что за мной следят, мне пришлось поумерить свой пыл. Я прекратил "вампириствовать" на концертах, стал намного реже убивать фэнов.

— Но как же ты жил всё это время? — поинтересовалась Ангелина. — Тебе ведь постоянно нужна человеческая кровь.

— Еще полчаса назад ты не верила в существование вампиров, а сейчас говоришь так, будто досконально разбираешься в вопросах нашей физиологии, — рассмеялся Эзра. — Ох уж эти "знатоки" из Интернета! Нет. На самом деле не обязательно пить кровь людей каждый день или даже каждый месяц. Достаточно двух-трех раз в год. Но я в определенный момент расслабился, распустился и стал позволять себе излишества, в которых не было реальной необходимости. Иногда на таких вещах прокалываются находящиеся на задании в чужой стране шпионы — начинают жить не по средствам, и это быстро бросается в глаза. Что-то похожее произошло и со мной.

— А если не будет и этих двух-трех раз? — полюбопытствовала Ангелина. — Вампир умирает?

— Нет, в этом случае ты просто постепенно слабеешь, а потом — впадаешь в длительную спячку. В конечном итоге я понял, что дальше так продолжаться не может. Мне пришлось исчезнуть, инсценировав смерть Кушнарёва от передозировки.

— Что ж, теперь я знаю, как и почему всё это происходило, — произнесла Ангелина. —

Но для чего, в таком случае, были нужны подсказки в песнях? Ты убежал от инквизиции — но в то же самое время хотел, чтобы твоя схема была разгадана, хотел, чтобы тебя нашли?

— Конечно, — усмехнулся хозяин особняка и снова начал принимать свой вампирский облик. — Я выложил тебе всю свою подноготную, но не сказал одного. Ты не первая, кому удалось разгадать этот шифр. Здесь уже были двое — сперва какой-то парень из Ростова, возомнивший себя детективом, потом — поклонница Кушнарёва, приехавшая из Воронежа. Мне было бы скучно без моих преданных фанатов, — губы вампира расплылись в кровожадной ухмылке, обнажая знаменитые клыки. — И с помощью Сергея я воздвиг себе этот нерукотворный памятник, благодаря которому ко мне теперь никогда не зарастет народная тропа. Не думаю, что инквизиторам когда-нибудь удастся разгадать эту комбинацию. Для этого они чересчур прагматичны. В них нет творческой жилки.

— О, Боже! — выдохнула Стрельцова, поняв, что должно произойти в следующий момент.

— Иди ко мне, — тихо промолвил Эзра, протягивая руки ей навстречу. Не в силах сопротивляться, Ангелина встала и двинулась к вампиру. Перед глазами у нее плясали красные точки...

Через полчаса, когда глаза гостьи плотно закрылись, Эзра легким движением свернул девушке шею и позвонил в колокольчик, вызывая дворецкого. Не дожидаясь, пока тот явится, чтобы убрать тело, хозяин особняка встал и проследовал в соседнюю комнату, где располагался его кабинет.

— Я буду жить, кричал он, вечно, вечно! Будешь писать ты про меня, — мурлыкал себе под нос насытившийся вампир. — Ты будешь мне служить, вечно, вечно... Чёрт. Никак не могу отвыкнуть.

Эзра сел за стол, включил компьютер и щелкнул по иконке Google Chrome. Спустя крохотную долю секунды браузер раскрылся, и вампир зашел на свою страницу "ВКонтакте". Взгляд его сразу же упал на колонку новых сообщений, которых на этот раз было пятнадцать.

По большей части — спам, приглашения в разнообразные сообщества, предложения послушать самопальную музыку и посетить концерты в затрапезных клубах, находящихся в провинциальных российских городах. Всё это отправилось напрямик в мусорную корзину, и лишь одно послание заинтересовало Эздру.

"Здравствуйте, Георгий! — писала некая Ульяна Чепуренко из Киева. — Я прочитала ваш комментарий относительно скрытого смысла в текстах Сергея Царёва и последовала вашему совету. Вы знаете, после того, как я внимательно прослушала последние три альбома "Улицы Морг", в мою голову закралось подозрение, что Кушнарёв на самом деле не умер. Скажите, он мог инсценировать свою смерть? Вы ведь на это намекали?"

— Отлично, — улыбнувшись, вслух произнес вампир. Открыв форму отправки сообщения, он принялся набирать ответ.

ИНТЕРЛЮДИЯ ШЕСТАЯ

— Неужели это тоже правда? — потрясенно вымолвила Ангелина, когда Эйнари закончил рассказ. — Гавриил Кушнарёв был настоящим вампиром... Это просто не укладывается в голове.

— Все, о чем я тебе рассказываю — правда, — невозмутимо ответил Эйнари. — И — тут я с тобой согласен — многие из этих вещей действительно не укладываются в голове. Но это только поначалу, а вот когда сталкиваешься с проявлениями сверхъестественного снова и снова, это постепенно становится привычным.

— Мне бы не хотелось часто с этим сталкиваться, — поежилась девушка. — Разве что издали посмотреть.

— Так, к сожалению, не бывает, — промолвил Эйнари. — Даже если случайно ты и впрямь заметишь что-то такое издали, оно тоже непременно тебя заметит. И в следующий миг окажется прямо у тебя за спиной...

— Но если этот тайный мир настолько огромен, — задумчиво произнесла Ангелина, — если вампиры, демоны, ведьмы и все прочие существуют в реальности — почему они так редко вступают в контакт с миром людей?

— Это давняя история, — поглаживая бороду, сказал Тойвонен. — Были времена, когда такие контакты происходили намного чаще, более того — некоторые существа, не таясь, жили на Земле бок о бок с людьми. Однако в определенный момент кое-что пошло не так.

— Что же именно? — затаив дыхание, поинтересовалась Ангелина.

— Я не могу тебе этого сказать, — покачал головой торговец страхом. — Это слишком ужасная вещь. Намного страшнее, чем все, что я рассказывал тебе до этого.

— Но можешь хотя бы намекнуть, чем все закончилось?

— А ничего не закончилось, — пристально посмотрел на нее Эйнари. — Тогда, много веков назад, в отношения между мирами был внесен серьезный разлад. Их обитатели начали жестоко убивать друг друга — и первыми удар нанесли люди. В конце концов все те, кем сегодня пугают детей, предпочли уйти в тень, спрятаться от человеческих глаз. Охота на ведьм в Средневековой Европе, крестовые походы и многие другие вещи того же порядка — все это лишь отголоски тех давних, запредельно жутких событий. Но главная проблема, из-за которой все началось — она не разрешена до сих пор. К счастью, все это уже не касается человечества в той же степени, как тысячу лет назад. Но время от времени некоторым людям — кому случайно, кому не очень — приходится, в силу различного рода обстоятельств сталкиваться с проявлениями тайного мира. Кому-то из них удается выжить, о других не остается даже памяти. Очень показательный случай такого рода произошел несколько лет назад все в том же Ростове-на-Дону. Расскажу тебе об этом в нашу следующую встречу, сейчас я уже очень устал.

ДОМ, ОПУСТЕВШИЙ СОВСЕМ

Их было четверо — Владислав Дыбенко, Вячеслав Плахов, Сергей Власов и Евгений Кушнир. Они росли в одном дворе, учились в одной школе, и вместе стали наркоманами. Но если начиналось увлечение "дурью" у всех четверых одинаково — раскурили компанией "косячок" перед походом на дискотеку — то с течением времени каждый пошел по собственной стезе. Влад Дыбенко, поступивший после школы на философский факультет, стал наркоманом-интеллектуалом. Он и пары фраз не мог сказать, не упомянув имени одного из отцов наркокультуры — Карлоса Кастанеду, Кена Кизи или Уильяма Берроуза. Рок-музыкант Плахов черпал в наркотиках вдохновение. Серега Власов был единственным из четверки, кто отслужил в армии. И не просто отслужил, а успел повоевать — именно там, в чеченских горах, он привык расслабляться нетипичным для русского человека способом. А Кушнир — тот и вовсе успел побывать за решеткой, и джанк ему теперь был нужен лишь для того, чтобы отвлечься от тяжелых воспоминаний. К чести его будет сказано — незаконное хранение наркотических веществ было единственным преступлением, которое Женька позволял себе после отсидки.

Как видим, судьбы этих четверых ростовских парней сложились довольно разным образом. Одно осталось неизменным — их дружба. Ребята по-прежнему жили в одном городе, разными способами зарабатывали на жизнь, а по субботам собирались дома у Власова, чтобы поностальгировать, вспоминая, как двенадцать лет назад трусовато озираясь, смолили свой первый джойнт в сквере напротив ночного клуба.

Разумеется, такие вечера не могли обойтись без большого количества стимуляторов. Употребляли друзья все, что только могли достать: марихуану, "экстази", героин, кокаин, ЛСД, циклодол, калипсол, эфедрин, первитин, морадол, метадон, морфий, феназепам и псилоцибиновые грибы. В середине недели они созванивались, делясь информацией о перспективных "мазах". Вечером пятницы встречались в клубе "Подземка", чтобы скинуться на банкет и просто оттянуться под звуки тяжелого рока.

Наибольшую лепту всегда вносил Влад. Он занимался рекламным бизнесом и весьма неплохо зарабатывал. Поскольку Дыбенко посвятил наркотикам всю свою жизнь, ему не в лом было жертвовать на общее дело весьма значительные суммы. Прочие участники кворума позволить себе такого не могли. Плахов не имел постоянной работы, Власов выплачивал жилищный кредит, а Кушнир содержал свою престарелую мать. Впрочем, Влад никогда никого не попрекал тем, что он почти в одиночку "двигает" всю компанию. Они ведь были друзьями. А у настоящих друзей так и заведено.

Как-то раз Дыбенко позвонил Власову в пятницу утром и сказал, что вечером в "Подземку" не придет. "Вопрос с товаром я беру на себя, — сказал Влад. — К завтраму притараню принципиально новый наркотик". И положил трубку. Традиционная пятничная встреча прошла без него. В "Подземке" в тот вечер выступала группа "Антимир", чья мрачная музыка ввергла Кушнира в глубокую депрессию. Стуча кулаком по столу, он плакал на плече у Власова и раз за разом заказывал водку. В результате чего напился до такой степени, что не мог даже ходить. Когда вечеринка закончилась, и друзья собрались ехать домой, ни один таксист не захотел везти такого кадра, опасаясь, что тот заблюет машину.

Пришлось Плахову и Власову на себе тащить беднягу через полгорода к Серегиному дому. Время от времени Кушнир приподнимал голову, полными слез глазами смотрел на Луну и принимался горланить наскоро заученные куплеты песен "Антимира". Несмотря на то, что ночь была довольно теплой, Женьку бил озноб.

Добравшись до дома Власова, Плахов решил не ехать домой, а остаться у друга аккуратно до следующего вечера. Положив бредящего Кушнира отдыхать и поужинав оставшимися с прошлой встречи псилоцибиновыми поганками, друзья легли спать.

Утром Слава вспомнил об одном неотложном деле и уехал, пообещав вскоре вернуться. Сергей пошел в магазин за пивом. Вернувшись, он позвонил Дыбенко. Тот не отвечал. Как только Власов прервал затянувшийся вызов, поступил входящий звонок.

"Дыбенко", — обрадовано подумал Сергей. Но звонил не Влад, а другой приятель Власова — иеродьякон Русской православной Церкви Андрей Кафельников. До поступления в духовную семинарию Андрей был карточным шулером и часто зависал на воровских малинах. Некоторые из прежних повадок он сохранил по сей день. Сейчас Кафельников звонил, чтобы узнать, нельзя ли ему вечером зайти к Власову — как следует раскумариться. "А почему бы и нет?", — ответил Сергей. Он давно хотел познакомить дьякона с Владом, Славой и Женькой. А заодно и приобщить его к миру тяжелых синтетических наркотиков.

На диване заворочался Кушнир. От звонка Кафельникова он проснулся и сразу понял, что сделал это зря. На помощь ему пришел Серега с двумя бутылками холодной "Балтики". Включив на DVD лучшие бои Майка Тайсона, друзья принялись пить пиво, ожидая возвращения Плахова.

Тот подъехал через полчаса. Дело, по которому отсутствовал Слава, прошло успешно, так что к Власову он заявился, неся на плече ящик пива "Пит". Решив, что перед масштабным трипом много пить не стоит, Сергей оставил на столе в гостиной десять бутылок, а остальные десять отнес на кухню и поместил в холодильник. В кармане куртки Кушнира нашлись три пачки феназепама, так что до прихода Влада товарищам было, чем заняться.

В течение дня Сергей еще несколько раз позвонил Дыбенко, но ни домашний, ни мобильный телефоны Влада не отвечали. "А не случилось ли с ним чего?", — забеспокоился Плахов. "Не знаю, — пожал плечами Власов. — Хреново, если так".

К шести часам вечера, когда в окне, наконец, замаячила улыбающаяся физиономия Влада, друзья успели в который раз уже посмотреть фильмы "На игле" и "Кислотный дом" и сидели, как на иголках. При виде друга у Власова словно камень с души свалился.

— Ну что, принес? — спросил Сергей, когда восторги встречи закончились.

— О, да! — закатив глаза, произнес Дыбенко. — Это такая штука, ребята! Вам и не снилось даже. Никому не снилось, честно говоря, — разувшись и повесив куртку на вешалку в прихожей, Влад прошел в гостиную и начал копаться в сумке.

— Вот, кстати, почитай на досуге, — сказал он, протягивая Сергею броско оформленную книжку. То был раритетный сборник рассказов Ирвина Уэлша "Кошмары аиста марабу".

— А это вам, — Кушниру досталась болванка с "Поваренной книгой анархиста". Плахову — MP3-диск со всеми альбомами группы Coil.

— А вот и виновник торжества! — провозгласил Дыбенко, выуживая из сумки гигантский черный блин.

— Что это? — в один голос произнесли Кушнир, Плахов и Власов.

— Это и есть наше счастье на сегодня, — усмехнулся Влад. — Называется сие чудо "гинунгагап".

— Кто ж тебе его подогнал? — улыбнулся Власов.

— Ох, ребятки, лучше вам этого не знать. Я сам такого страху натерпелся! Но, как оказалось, не зря. "Гинунгагап" с нами — и здравствуй, сладкое забытье!

— И сильно долбит? — осведомился Кушнир, трогая пальцем черную субстанцию, напоминавшую на ощупь подплавленную резину. — С чем вообще его едят?

— Его, брат, не едят, а впитывают. Он как крем косметический, только плотность другая. А что до "убойной силы", так этого я и сам еще не знаю. Говорили, осторожнее надо с ним быть. Нам на четверых половины хватить должно, — пальцем Дыбенко отмерил одну вторую черного "блина".

— Давай его сюда, — Власов достал из шкафа и поставил на стол большое серебряное блюдо, на которое и был водружен "гинунгагап". Плахов пошел на кухню за ножом. Вернувшись, он застыл над "гинунгагапом", словно Алиса над пудингом.

— Чего тормозишь-то? Режь! — подзадорил его Влад.

— погоди, не надо пока, — Власов хлопнул себя по лбу. — Сейчас еще один человек должен подойти. Только сразу говорю — не простой это человек. Священник. Так что давайте без шуточек при нем.

— Ну, коли надо подождать, так подождем, — сказал Дыбенко, садясь на диван рядом с Кушниром. — Таблетки есть еще?

— Держи, — Власов протянул ему располовиненную пачку. — Слушай, колись, кто тебе этот "гинунгагап" дал. Я знаю, ты любишь туману напустить.

— Есть один кадр, — улыбнулся Дыбенко, одну за другой уписывая таблетки. — Он в "Валгалле" все время трется. Кличка еще такая дурацкая... Лох, что ли? А, Локи, вот! Бог огня в скандинавской мифологии.

— Да знаю я его, — усмехнулся Сергей. — Понятно теперь, почему у наркотика название такое. — Они там, в "Валгалле", все по этой теме сдвинутые.

— Кстати, в "Валгалле" через неделю "Антимир" выступает, — вставил Плахов. — Может, сходим? Я их вокалиста знаю, бесплатно проведет.

— Не напоминай! — болезненно скривился Евгений.

В дверь позвонили.

— О, а вот и святоша нарисовался, — сказал Сергей и пошел открывать.

— Дела мирские, дела мирские, — бормотал иеродьякон Андрей Кафельников, раскуривая толстенный джойнт. — Травим себя, почем зря. Вы мне скажите, парни — в Бога веруете, али нет?

— В Бога? — Сергей задумался. — В детстве я верил, конечно. Даже вместе с бабкой перед иконами на коленях стоял. Но, знаешь, Андрюха, в Чечне я такого насмотрелся, что понял — ни Христа, ни Аллаха просто не существует. Разве они позволили бы всей этой мерзости твориться?

— А крест тогда зачем носишь? — поинтересовался Андрей, проигнорировав теософский вопрос.

— Положено потому что, — усмехнулся Власов.

Указующий джойнт в руке служителя культа переместился в сторону Дыбенко.

— А ты веришь?

— Верю, — кивнул Влад. — И не в одного. Верю в Христа, Будду, Кришну, Аллаха Зевса, Одина, Мардука и Мескалито. Предпочтение отдаю последнему.

— Веселая у тебя компания, — улыбнулся в усы Кафельников. — А с вами как, господин Плахов?

— Я вообще сатанистом был десять лет, — пафосно произнес Вячеслав. — Через это многие рок-музыканты проходят. А сейчас я язычник.

— Ну что ж, вера, какая бы она ни была, гораздо лучше безверия, — сказал, усмехнувшись, Андрей и глубоко затынулся.

— А я, вот, не верю, — не дожидаясь вопроса, сказал Кушнир. — Хоть среди зеков и в моде догматическое богословие, а я не верю. Однажды в камере при мне урки первоходка одного зарезали только за то, что он блатных понятий не знал. Где был ваш Бог?! Ладно б, они его сразу убили, а то ведь сначала... — не договорив, Женя принял от иеродьякона джойнт.

— К вопросу о Боге, — промолвил Влад, встал с кресла и подошел к столу. — Вот эта вещичка, — указал он на слегка подрагивавший кругляш "гинунгагапа", — являет собой принципиально новый наркотик. Он делает возможным абсолютно реальный трип, наподобие тех, что описаны в книгах Карлоса Кастанеды. Но под воздействием мескалина, который обычно употреблял Карлос, человек продолжает, все же, действовать в реальном мире, в то время как собственное подсознание объясняет ему подлинный смысл происходящего. "Гинунгагап" же действует иначе. Он переносит сознание человека непосредственно в астрал, где можно на равных общаться с самыми разными существами. В том числе, возможно, и с Богом. Не желаешь попробовать, Андрей?

У дьякона отвисла челюсть.

— Свят, свят, свят, — сказал Кафельников и перекрестился. — На равных с Богом? Да кто мы такие, чтобы позволять себе подобное? Знаете, есть одна мудрая присказка: спереди не суйся, сзади не тасуйся. На равных с Богом... Нет, я на такое не согласен. И вам не советую. Мало ли, как оно выйти может... Знаете, братцы, пойду я, наверное. Совсем забыл — сестра должна с работы вернуться, а ключ-то у нас один на двоих. Свой Оксанка потеряла, а новый еще не готов, — подобрав края рясы, дьякон направился к выходу. Власов пошел его провожать.

Стоя в дверях, Кафельников обернулся и печально посмотрел на четверых наркоманов.

— Мало в вас веры, ребята, — тихо произнес он, — Вы, должно быть, думаете, что Господь на небесах сидит, во дворце из облаков? Нет. Бог — он в каждом из нас. И в корове, и в лошади, и в собаке. Да что там — в каждой былинке, в каждом камушке, — по щеке дьякона скатилась крупная слеза, — Верить надо, понимаете — верить! А без веры никакие молитвы не помогут. И чтобы на равных с Ним общаться, не обязательно всякую гадость в себя пихать. Ты опустишь на колени у родника, зачерпни в ладони прозрачной водицы — вот тебе и крещение. Венок из ромашек сплети — вот тебе и молитва. Соку березового напейся — вот тебе и причастие... Серый, дай "пяточку" добить, — пуская в потолок клубы сизого дыма, дьякон осенил воздух перед собой крестным знаменем, торжественно изрек "Благословляю", и был таков.

— Ну вот, напугали мне попика, — сказал, закрывая дверь, Власов. — Я же предупреждал — осторожнее надо с ним. Все-таки, не панк или гот какой-нибудь.

— Баба с возу — кобыле легче, — цинично промолвил Влад. — Его, между прочим, никто не выгонял. Да и сеструхе не под дверью же ночевать.

— Давайте, может, удолбимся, наконец, а? — не выдержал Женя. — Что-то не терпится мне с Богом повидаться.

— Если Андрюхе верить, — задумчиво сказал Плахов, — то получается, что Бог и в джанке присутствует?

— А вот это мы сейчас и проверим! — вскричал Дыбенко, ловко орудуя ножом.

— Слушайте, парни, хватит богохульствовать, — резко сказал Власов. — Я хоть и сам неверующий, а все равно от вашей трепотни противно.

— Это тебя "финик" вставил, — хихикнул Влад, отрезая от "гинунгагапа" ломтик за ломтиком. — Внимание, господа! Мы с вами вступаем в новую эру наркомании! — вручив каждому по кусочку "гинунгагапа", Дыбенко закатал рукав своего блейзера, положил черный сгусток на локтевой сгиб и начал медленно придавливать сверху указательным пальцем. Остальные трое зачарованно наблюдали за тем, как "гинунгагап" проникает сквозь кожу их друга — действительно впитываясь в нее, словно какая-нибудь целебная мазь.

— Ни хрена себе! — изумленно воскликнул Женя Кушнир, увидев, как от чудо-островка на руке Дыбенко зазмеились в разные стороны черные ручейки. Смешавшись с кровью Влада, "гинунгагап" не изменил своего цвета, окрасив внутреннюю поверхность вен Дыбенко иссиня-черным.

— Слушай, а не опасно? — спросил, подойдя поближе, Слава.

— Локи сказал, что нет. Он предупреждал насчет черных вен. После пройдет.

— Нашел, кому верить, — усмехнулся Власов. — Между прочим, Локи в скандинавском эпосе — не только бог огня, но и повелитель лжи. Так что я не удивлюсь, если ты после этого ниггером станешь! — Сергей согнулся в приступе беззвучного хохота.

— Ничего, — отмахнулся Влад. — Самое страшное, что может случиться, — стану пидарасом!

Женя поднял на него взгляд и передернул плечами.

— Ну как? — поинтересовался Плахов, с интересом наблюдая за движением наркотика по венам друга. Дыбенко пожал плечами.

— Пока ничего, — сказал он. — Вы подождите пока, я же только...

— Все ясно, — прервал его Кушнир. — Самое страшное с тобой уже случилось, Влад. Поимел тебя товарищ Локи.

— Думаешь? — с сомнением произнес Дыбенко. — Раньше он меня не обманывал.

— Женька, в натуре, рано еще, — усмехнулся Власов. — Потерпи.

— Подождем два часа, и, если Влад не сдохнет, сами вмажемся, — подытожил Кушнир и пошел на кухню за пивом.

Прошло пятнадцать минут. Никаких изменений в состоянии Дыбенко не намечалось. В комнате воцарилось тягостное молчание.

— Так, — сказал, наконец, Кушнир. — Надо ехать в "Валгаллу" разбираться. Сколько ты ему заплатил?

— Две с половиной, — нехотя признался Влад.

— Что?! Две с половиной штуки за фуфлыжную блямбу?! — сжав кулаки, Евгений вскочил со своего места. — Да я ему, суке, в жопу эту херню засуну!

— Ну тихо, тихо, Женек, успокойся, — Власов подошел к другу и положил руку ему на плечо. — Никаких разборок не будет. Если Влада так и не торкнет, мы пойдем к Локи и похорошему, ненавязчиво, объясним ему, какой он непорядочный человек. И требуем с него

всю потраченную Владом сумму. В противном случае — сдадим его со всеми потрохами.

— Кому?

— Ну не ментам же. Хозяину клуба. Тюр давно на Локи зуб точит. Он ведь ему запретил в "Валгалле" барыжничать. Локи пообещал, что не будет.

— Соврал, конечно?

— Конечно. На то он и бог брехни.

— Слышите? — Влад вдруг прижал к губам указательный палец. Друзья примолкли. Ничего, кроме тиканья настенных часов и приглушенной музыки из соседнего дома, они не слышали.

— Что? — шепотом спросил Власов.

— Да птицы. Птицы же поют, — так же тихо, точно боясь спугнуть невидимых птиц, произнес Влад.

— Какие птицы? Петухи, что ли? — хохотнул Плахов.

— Петухи не поют, а плачут, — мрачно сказал Кушнир.

— Идите вы со своими петухами! — истерически хохоча, Влад повалился на пол. — Райские птицы поют! Райские! Ой, дурачье вы мое! В "Валгаллу" они пойдут разбираться! Локи они Тюру сдадут! — Дыбенко вытянул перед собой обе руки и начал крутить "фонарики", — Есть приход!

— Налетай, братва! — скомандовал Власов, и все трое набросились на блюдо с "гинунгагапом". Перспектива стать коренным африканцем уже никого не отпугивала...

Приход от "гинунгагапа" был не то что бы зверским, но все же не самым кислым. А главное — все четверо испытали одни и те же ощущения, что бывает довольно редко. И Влад, и Женя, и Слава, и Сергей видели, как наполнилась розовым сиянием комната, слышали чудесные трели птиц, вдыхали ароматы дивных благовоний... Это было похоже на Рай. Но Бога, о котором так много сегодня говорили, в этом Раю не было. Не было никого, кроме Влада, Жени, Славы и Сергея. В глубине души последний был этим разочарован...

— Вот что, братцы-кролики, — сказал он, вдоволь наслушавшись райских птиц. — Давайте догонимся.

— Думаешь, стоит? — Плахов посмотрел на аккуратно разложенные на блюде черные ломтики. — Мы не того... не гинунгагапнемся?

— Слышь, философ, — Сергей пихнул в бок задремавшего Влада. — Мы, это, догнаться хотим. Что бог обмана говорил об этом? Не скопытимся?

— Не должны бы, — Влад почесал в затылке и задумчиво поглядел на блюдо. — Отходняк, правда, зверский будет, но выжить выживем. Слушай, а может, не надо? Растянем на несколько дней?

— Ну его в баню, растягивать! — улыбнулся Власов. — Слабовато вставляет. Подумаешь, пахнет приятно, птички поют... Такой кайф себе и без джанка устроить можно. Давай еще!

Плахов и Кушнир не возражали. Влад, который был единственным в компании "идейным" наркоманом, на этот раз почему-то проявил наибольший скептицизм. Но и он упирался недолго.

— Ладно, хрен с ним, — сказал, махнув рукой, Дыбенко. — Не такие высоты брали, верно?

Он имел в виду имевшую место быть несколько месяцев назад передозировку ЛСД,

после которой "великолепная четверка" две с половиной недели страдала от приступов мучительной паранойи.

— Верно, — поняв намек, усмехнулся Власов. — Так что, давайте-ка добьем остаток. И, вот еще что... Предлагаю втирать сей дар бога огня не в вены на руках, а в еще более чувствительные места. Чтобы крепче пробрало.

— Слушай, это ты мощную идею подал! — сказал Слава. — Взяв ломтик "гинунгагапа", музыкант начал втирать его себе в шею.

— Братцы, есть такое место! — крикнул Влад, запихивая пригоршню черной мази себе в штаны. — Там тепло и интересно!

— Фу, извращенец! — Власов несильно стукнул его кулаком в живот. — Вот как надо делать. С умом! — свою порцию он шлепнул себе на лоб.

— Ага, чтоб, значит, прямо в мозг, — прокомментировал Кушнир. — А мы пойдем другим путем, — стянув джемпер и майку, Евгений растер "гинунгагап" по разукрашенному вязью тюремных татуировок торсу.

— Блин, офигенно! — произнес Влад, наблюдая за тем, как по телу друга, переплетаясь с синими ленточками и петлями колючей проволоки, пролегают черные реки вен.

— Так, думаю, надежнее всего будет, — объяснил Женя, нанося остатки мази прямо на лицо. Некоторое время он являл собой поистине жуткое зрелище — не то истекающий черной слизью зомби, не то космический пришелец-людоед. Потом наркотик полностью растворился в крови, и Евгений обрел свой обычный вид. Но Влад, Сергей и Слава не сразу пришли в себя после увиденного. По спине у каждого из них успел прогуляться неприятный холодок...

А еще более неприятным было то, что желаемого действия повторный прием "гинунгагапа" не возымел. "Приход" остался на том же уровне, что и после первого раза. И через пятнадцать минут, и по прошествии получаса, и через час, и спустя полтора...

— Все-таки, тебя поймали, Влад, — мрачно констатировал Кушнир. Он был не так зол, как два с половиной часа назад, но если бы поблизости случился сейчас Локи, обманщику-дилеру влетело бы от Женьки по полной.

— Должно быть, это что-то экспериментальное, — сидя в кресле, Дыбенко рассеянно глядел перед собой. Он выглядел вконец обдолбанным, но то явно был эффект от перебора с таблетками. — Да, наверное, так и есть. Сейчас многие сами делают. И у многих ведь получается...

— А вот у этих — не получилось! — развивал свою мысль Кушнир. — Ты за что две с половиной штуки отдал?

— Да, Влад, — поддержал его Слава. — Ты с Локи хотя бы половину суммы обратно сбей. Мы поможем, если что. Пускай в следующий раз проверенный товар предлагает.

— Разберемся, — апатично пробормотал Влад.

— Только не сегодня, ладно? — сказал хозяин дома. — А то я вас знаю.

— Сегодня, конечно, в лом, — кивнул Женя. — Завтра вечером навестим козла.

— Парни, я же совсем забыл! — хлопнув себя по лбу, воскликнул Власов. — Мне на днях посылка пришла из Грузии. Дядька целый ящик вина прислал!

— Так ты у нас грузин, что ли? — усмехнулся Кушнир. Это была всего лишь беззлобная шутка, но Сергей, который после службы в Чечне косо смотрел на любых южан, обиделся на нее.

— Это не я грузин, а ты идиот! — сквозь зубы процедил он. — Что, по-твоему, если

человек в Грузии живет, то он и сам — грузин, и семья его тоже?

— Ладно, ладно, забей, — Женька хлопнул его по плечу. — Что там у тебя за вино?

— Настоящая "Хванчкара"! В России сейчас днем с огнем такого не сыщешь. В подвале стоит. Промочим глотки, а?

— Вино? — Влад хитро сощурился и глупо рассмеялся. — Ну и на кой нам оно? Мы ж наркоманы, а не алкоголики. Да и пива еще до хренища.

— Обижаешь, — протянул Власов. — Это же "Хванчкара"! Любимое вино "вора и закона" Антибиотика, между прочим. Константинова читали?

— Это по твоей части, — Слава пихнул Кушнира локтем в бок.

— Отвянь! — рявкнул Евгений. — В гробу я их видал, "воров" этих.

— Так что, вино нести, или как? — продолжал настаивать Серега.

— Тащи, — согласился Слава. — Отрываться — так уж по полной программе.

— Вот это по-нашему, по-мужицки! — Сергей встал и пошел в кладовую.

Спустившись в погреб, он включил свет и остолбенел. Никак не ожидал Серега встретить здесь кого-то постороннего. И уж тем более — того, кто стоял сейчас перед ним...

То был рыжебородый карлик в серебристой кольчуге и островерхом шлеме. В правой руке диковинное создание сжимало что-то вроде окованной железом деревянной колотушки.

"Гном! — ошарашено подумал Власов. — Гном у меня в подвале! Так вот, о чем Влад говорил. Однако поздноовато торкнуло!".

А в следующий миг Сергей увидел, что у гнома в левой руке. Там была бутылка той самой "Хванчкары", которой Власов вознамерился угостить своих товарищей.

— Твое здоровье, — промолвил гном и отхлебнул из бутылки.

"Охренеть! Так он настоящий!", — Сергей попятился к лестнице. Гном же, словно угадав его намерения, поставил сосуд на полку и приложил палец к губам. Потом — поманил Власова к себе. Сергей осторожно приблизился к карлику и пожал протянутую навстречу крепкую тяжелую длань.

— Меня зовут Вестри, — пробасил гном.

— А я...

— Твое имя известно мне. Ты Сергей Власов. Хозяин этого дома. Мы давно наблюдаем за тобой.

— Вы? Кто — "вы"?

— Гномы Свартальвхейма. Мы работаем здесь, внизу. Добываем золото, — Вестри взял с полки бутылку с вином. — Давай выпьем.

— Давай, — Власов выудил из ящика еще одну бутылку. Пробку по армейской привычке вытянул зубами. — За гномов.

— Ну, можно и за гномов, — кивнул коротышка. — Хотя, знаешь, я подустал от этого тоста. На каждой пьянке ведь пьем друг за друга. Так что, давай-ка лучше за союз.

— Какой союз?

— Союз между расами, что был заключен тысячи лет назад. Гномы, эльфы, люди... все, кто поклялся бок о бок выйти на Рагнарек.

— Так что, Рагнарек... был?

— Не совсем. Рагнарек... будет, — в тон ему, полушепотом ответил Вестри. — Ну, давай. За союз.

Выпив, Сергей присел на корточки рядом с гномом.

— Так значит, все сказки, которые мне рассказывали в детстве, — на самом деле

реальность? — спросил он.

— Опять-таки, не совсем, — сказал Вестри. — Красной Шапочки определенно никогда не было. Колобка тоже.

— А гномы, эльфы, гоблины, драконы, лешие...

— Были и есть, — невозмутимо ответил Вестри. — Сам, что ли, не видишь?

— Но почему же вы прячетесь?

— Не прячемся, — покачал головой гном. — Просто стараемся не показываться людям на глаза.

— Почему? Ты же сам сказал, что между нами союз.

— Наверху о нем давно забыли, — вздохнув, сказал Вестри. — Однажды что-то пошло не так. С тех пор отношения между расами значительно изменились. Каждый народ теперь варится в собственном котелке. Хотя союз и не был никогда официально расторгнут.

— Так что же случилось?

— Долго рассказывать, — Вестри отхлебнул вина. — Пойдем, я покажу тебе наши мастерские, — поставив бутылку, гном развернулся и засеменял дальний угол погребка. Сергей поднялся и последовал за ним. Ему было довольно трудно поверить в реальность происходящего, памятуя о том, что всего два часа назад он употребил абсолютно новую разновидность наркотика.

— Смотри, — Вестри в нескольких местах дотронулся до серой каменной стены, и в ней моментально открылась потайная дверь, за которой виднелся наклонный коридор — наподобие тех, которыми полны изнутри египетские пирамиды. Для галлюцинации все это было, пожалуй, чересчур уж реалистично.

— Извини, но эта дверь сработана под гномий рост, — сказал карлик. — Коридор тоже. Так что некоторое время тебе придется передвигаться, пригнувшись.

— Ничего, на войне и не так бывало, — Сергей наклонился и вслед за гномом вошел в тоннель.

— Война, — Вестри мечтательно вздохнул. — Как же хочу я хоть раз в жизни побывать на настоящей войне!

Сергей хотел было высказать свое мнение на этот счет, но вовремя вспомнил о старых сказках, согласно которым для гномов участие в сражениях является одной из святых вещей. А если учесть, что мир уже давно изменился, то Вестри, скорее всего, вряд ли успел смочить топор вражеской кровью. Если, конечно, у него был топор. Пока что Власов видел только короткую колотушку.

— Под землей, стало быть, воевать не с кем? — осведомился Сергей. — Оружие тогда тебе зачем?

— Это на всякий случай, чтоб отбиваться от всякой мелкой нечисти. Ее довольно много шастает по коридорам. Секирой здесь не размахнешься, а на открытых пространствах эти твари нападать боятся. Там бы уж мы объяснили им, почем фунт лиха. Но это все равно не назовешь серьезной битвой, — посетовал Вестри.

— Ты сказал, что вы стараетесь не показываться. Почему же ты вышел ко мне?

— Ты получил право увидеть нас, когда причастился каплей первозданной Тьмы. Священной Тьмы, что явила жизнь в этот мир, — отвечив Вестри. — Ты и трое твоих друзей стали первыми, кто перешел барьер таким образом.

— И что теперь? Мы должны выполнить какую-то особую миссию? Мы — избранные? — Сергей затаил дыхание.

Вестри расхохотался.

— Нет. Вы обыкновенные. На вашем месте могли оказаться и другие люди. Не факт, кстати, что мы допустили бы их к себе.

— Так может, стоило сразу и парней позвать?

— У нас еще будет для этого время.

Коротышка и человек углубились в ростовские подземелья метров на тридцать. Из низкого полутемного коридора они вышли в хорошо освещенное помещение, наполненное звуками и запахами кузницы. Собственно, это она и была — Власов сразу увидел в углу здоровенную наковальню. Здесь и потолок вполне соответствовал человеческим стандартам, и вообще было куда просторнее, ибо кузница располагалась в естественной пещере. Повсюду виднелись открытые двери, за которыми то и дело мелькали силуэты гномов. Власов понял, что вокруг него — целые анфилады подземных мастерских. Где-то неподалеку периодически раздавался грохот проносющихся по монорельсу тяжело груженных вагонеток.

Сергей и представить себе не мог, что когда-нибудь обнаружит такое рядом со своим собственным жилищем.

За наковальней трудился обнаженный по пояс седобородый гном. Его мускулистый торс был покрыт разнокалиберными шрамами от порезов и ожогов. По кузне, перетаскивая с места на место инструменты и заготовки, сновали два карлика помоложе.

— Это Витар, наш главный кузнец, — сказал Вестри, подведя Власова к наковальне. — Лучшего оружейника, чем он, во всей Ростовской области не сыщешь. Правда, сейчас Витар в основном занимается изготовлением инвентаря для рудокопов.

— Добрый вечер, Витар, — промолвил Сергей. — Как поживаете?

— Вечер добрый, — старый гном выпрямился и вытер пот с широкого лба. — Прекрасно! Новые кирки и лопаты выходят одна лучше другой.

— Как далеко простираются катакомбы? — спросил Власов, повернувшись к Вестри.

— Они охватывают весь город и ближайшие окрестности, — был ответ.

— И все это принадлежит гномам?

— Нет, что ты? Кроме нас здесь множество обитателей. Многие из них не слишком приятны в общении. Так что лучше не пытайся исследовать подземелья в одиночку.

— Я много слышал о каком-то подземном озере, — сказал Сергей. — Оно существует?

— Есть такое озеро, — кивнул Вестри. — И в нем, стоит заметить, тоже кипит жизнь.

— А можно мне взглянуть на это озеро? — спросил Власов.

— Можно, — сказал Витар и подошел к расположенному в центре кузницы широкому люку, накрытому металлической крышкой. — Помоги только.

— Оно... под нами? Еще глубже? — Власов взялся за ручку. Поднапрягшись, человек и гном сдвинули тяжеленную крышку.

— Да, — поглаживая бороду, ответил Витар. — Смотри. Но будь осторожен. Непростое оно, это озеро.

— Помни, что любая вода имеет дно, — добавил Вестри. — И если не хочешь там оказаться, лучше не верь воде.

Сергей присел на корточки у края колодца.

То, что увидел Власов, заглянув в люк, напоминало утренний туман. Будто и не вода, а густая белесая дымка наполняла тайные недра Ростова. Приглядевшись, Сергей понял, что от

поверхности озера исходит мягкое свечение. словно бы дно его было усеяно сотнями тысяч золотых монет. Но подземное озеро явно не относилось к той категории мест, куда хочется возвращаться снова и снова. Власов явственно ощутил исходящую от воды злую энергию. Он вспомнил высказывания одного ростовского ученого — тот полагал, что именно воздействие этого озера является главной причиной появления в Ростове и окрестностях большого количества насильников и серийных убийц. Он понял, что поднимавшийся от плескавшихся внизу вод свет на самом деле является тьмой.

— Прыгай! — раздался вдруг прямо в его голове чей-то хриплый голос. — Не бойся. Здесь, внизу, тихо и хорошо. Прыгай!

— Нет уж, спасибо, — произнес Сергей. — Мне и наверху неплохо. Пусть и не слишком тихо.

— Оно говорит с тобой? — спросил Витар.

— Да. Зовет к себе. Предлагает прыгнуть в колодец.

— Пожалуй, на этом общение стоит прекратить, — гномий кузнец двинулся к люку. Власов встал, чтобы помочь Витару вернуть на место крышку.

Страшный удар сотряс вдруг недра Ростова, точно где-то внизу, даже глубже коварного белого озера, забился в припадке безумия или ярости грозный великан. Молодые гномы, зашатавшись, выронили ящики с железными болванками. Сергей же не удержался на ногах и спиной вперед полетел прямо в колодец.

Падая, он успел увидеть, как исказилось от ужаса лицо Витара. И услышать голос Вестри, выкрикнувший странное слово "Ермунганд!".

Власов ждал болезненного столкновения с каменистым дном, но этого не случилось. Озеро в месте, где он упал, было достаточно глубоким. Проведя под водой всего несколько секунд, Сергей вынырнул и посмотрел вверх.

В проеме люка маячили головы четверых гномов.

— Витар! Вестри! Бросьте веревку! — прокричал Власов.

— Сейчас! — донеслось сверху. Головы исчезли.

— Кто-нибудь, принесите же, наконец, веревку! — кричал Вестри. Один из подмастерьев выскочил из бокового коридора с мотком в руках. Витар и Вестри привязали один конец веревки к основанию наковальни. Второй бросили вниз Власову.

В этот миг подземелье снова содрогнулось. Второй толчок был настолько мощным, что не удержались на ногах и приземистые гномы. Никто из них не успел заметить, как от потолка пещеры отделился громадный сталактит. Глыба рухнула прямо в колодец. Упавший ближе всех к краю люка Вестри развернулся, пытаясь на ощупь найти свалившийся с головы шлем. Внизу раздался ужасающей силы грохот. Из колодца вырвался фонтан белесых брызг.

— Бальрог меня побери! — прошептал Вестри. Нахлобучив шлем и осторожно подобраться к краю колодца, гном посмотрел вниз.

— Водан великий, — вырвалось у него. — Не сберегли...

Торчавший из воды каменный зуб окружало маслянистое алое пятно. С каждой секундой оно становилось все больше.

Плахов сидел на диване, без особого интереса листая книгу, которую Влад подарил Сергею. Власов отсутствовал, пожалуй, уже чересчур долго, но никто особо не беспокоился — это ведь был его собственный дом, а не полная опасностей ночная улица, на которой даже

бывший десантник может пасть жертвой юркого хмыря с отверткой в рукаве.

Влад, пританцовывая в такт одному ему слышной мелодии, рассматривал стоявшие на полках серванта пластиковые стойки с компакт-дисками. А Евгений — тот и вовсе уснул. Слава закрыл книгу и положил ее на стол.

Внезапно его охватило странное чувство — прежде Слава никогда такого не испытывал. Он понял, что не хочет больше оставаться здесь, не желает продолжать многолетнюю наркотическую вакханалию, не жаждет ни пива, ни "Хванчкары". Осознал, что его друзья — мрачный Кушнир, добродушный вояка Сергей, вечно хохочущий Влад — на самом деле ничего для него не значат. Мир на глазах становился другим. Славе стало противно. "Все это было зря, — подумал он, окинув взглядом ставшую вдруг холодной и неудобной комнату. — Школьная дружба, наркотики, дискотеки, все мои девушки... Напрасная трата времени, серая могильная пыль! Разве для этого я был рожден? Торчать по-черному в компании бывшего зека, толстокожего увальня и записного паяца? Снимать вместе с ними в клубах отстойных телок, которых по три часа приходится разводить на простой минет? Лабать в тех же клубах дебилные песенки про многократный оргазм Сатаны? Господи, какой же я идиот! Мне нужно совсем другое. Другая жизнь, другая музыка, другой мир. Прочь отсюда!", — Вячеслав резко встал и вышел из комнаты. Увлеченный изучением хозяйской фонотеки Влад не обратил на это внимания. Он не отвлекся от своего занятия, даже когда в прихожей хлопнула дверь.

Плахов перешел железную дорогу и пошел по улице Нансена в сторону Западного жилого массива, где располагался его дом. Стояла глубокая ночь, и вокруг не было ни единой живой души. Куда-то пропали даже стайки пьяной молодежи и бродящие по городу в поисках пищи голодные бомжи.

Проходя мимо зоопарка, Слава увидел за оградой свободно бегавших между клетками волков и остановился. Один из волков подошел к ограде и посмотрел на человека. Плахов прикурил сигарету, затянулся и выпустил дым прямо в серую морду. Зверь чихнул, рыкнул и отбежал в сторону. Слава пошел дальше.

Скоро он оказался в одном из самых жутких мест Ростова — Змиевской балке. "Интересно, а почему она так называется? — подумал музыкант". Он знал, что в здешних оврагах захоронены десятки тысяч жертв фашизма, но никакой связи с пресмыкающимися в данном факте не видел.

Мысль о происхождении названия балки покинула Плахова, едва он сам покинул эту мрачную локацию. Дойдя до улицы Доватора, Слава свернул налево.

"На Земле не существует нот, которые нужны мне, чтоб исполнить музыку, звучащую у меня в душе, — думал Плахов. — Проклятье, где же мне взять их? Дальше держать все это в себе невозможно. Меня разорвет на части, если я не смогу воплотить свои замыслы!".

Плахов остановился, чтобы закурить очередную сигарету. Посмотрел по сторонам и увидел, что стоит напротив входа в Ботанический сад.

"Судьба привела меня сюда, — подумал Слава. — Только природа может подсказать, как мне возвыситься над мирской суетой. Прислушавшись к ее голосу, я смогу, наконец, сделать то, о чем так долго мечтал!".

Плахов вспомнил слова священника, что заходил минувшим вечером к Власову. Пожалуй, то был самый здравомыслящий человек во всей компании — несмотря даже на принадлежность к главному рассаднику мракобесия. "Как он там говорил? Ты опустишь на

колени у родника, зачерпни в ладони прозрачной водицы — вот тебе и крещение. А ведь в Ботаническом саду есть источник, который в народе считают святым! Определенно, эта ночь должна что-то изменить в моей жизни, став отправной точкой нового, великого пути!"

Ворота, разумеется, были закрыты. Но чуть поодаль пролегла обходная тропа, по которой в любое время суток могли проникнуть в сад любители отдохнуть на природе. Скоро Слава уже стоял над бурлящим источником. Падать на колени он, конечно, не стал — для человека его взглядов то был бы слишком унижительный поступок. Присев на корточки, музыкант набрал в ладони холодной воды и... "А что дальше? Нужен какой-нибудь ритуал..."

Будь Вячеслав по-прежнему сатанистом, он ни за что не сунулся бы к христианской святыне Языческая традиция, к которой Плахов принадлежал сейчас, такие вещи не запрещала и не предполагала сложных обрядов. Простого воззвания к стихийным силам было достаточно, чтобы считать ритуал исполненным. К какой из стихий обратиться? Слава поднял взгляд. Ночное небо в обрамлении пышных древесных крон казалось живым. Оно смотрело на стоявшего внизу человека мириадами белых глаз и ровно дышало, с дыханием своим посылая на Землю песчинки подлинного знания. Вячеслав Плахов понял, что тьма, нависающая над ним, на самом деле является светом...

— Владычица Тьма! — воскликнул он, выпрямившись и подбросив две пригоршни воды в воздух над собой. — Открой мне истинный путь! Позволь очнуться от сна и прикоснуться к диким тайнам мироздания!

Слава крепко зажмурился, чтобы символически "проснуться" в тот миг, когда первые капли воды упадут на его лицо.

И это случилось. Нет, то было не просто ритуальное пробуждение — такие вещи, по большому счету, никого ни к чему не обязывают. Слава Плахов пережил настоящее духовное перерождение — то самое, к которому и стремился. Брызги воды, коснувшиеся его лица и волос, показались музыканту крупинками той самой звездной пыли, в которой содержится так необходимая ему сейчас вселенская мудрость.

В Ботаническом саду вдруг стало светло как днем. Славе казалось, что он впервые видит такой ослепительно яркий, волшебный свет. Все кругом — деревья, трава, кусты, камни, святой источник — засияло в лучах ночного светила, заискрилось, засверкало тысячами солнечных зайчиков, налилось пряным ароматом вечного лета. Тьма подхватила Вячеслава и вытащила из мрачной ямы, где он влачил свое жалкое существование. В мозгу музыканта одна за другой звучали ноты. У них еще не было названий, но Слава знал — он сможет сыграть их на любом инструменте. "Восьмая нота, как же! Не смещите мои тапочки, господи!". Целых пять новых звуков — знай о них Моцарт, он опередил бы свое время не на века, а на тысячелетия — оказались в распоряжении простого ростовского рокера Вячеслава Плахова.

Он ликовал. Ему хотелось кричать о своем счастье. Лицо Плахова обдувал свежий ветер перемен — приятно щекоча ноздри, маня к великим свершениям. И тут Слава ясно увидел его — волшебное колесо Фортуны. На фоне неба, что вновь становилось фиолетово-черным, оно раскручивалось все быстрее и быстрее, пока не превратилось в один большой сверкающий диск.

"Колесо Фортуны, — с удовольствием подумал Плахов. — Что ж, пожалуй, мне стоит назвать так свою первую симфонию. Подумать только, я — единственный на шесть с половиной миллиардов, у кого есть такое знание!"

Раскинув руки, Слава закричал:

— Я король мира!

Он развернулся, чтобы продолжить свой путь домой, и надо ж так — поскользнулся на мокрой траве. Нелепо размахивая руками, величайший музыкант планеты рухнул в воду. Течение тут же отнесло его на середину источника.

Тот оказался глубже, чем можно было подумать при взгляде извне. И холоднее — вода была поистине ледяной. Лишние секунды, проведенные в ней, могли стоить Плахову здоровья. И как только выдерживают это купающиеся здесь христиане? Отплевываясь, Слава поплыл к берегу. В этот миг чьи-то руки легли на его шею и потащили музыканта под воду.

Он не успел даже закричать. Немыслимый ужас пронизал каждую клетку его тела, парализовав волю. Невидимый враг сдавливал горло Плахова все сильнее, выжимая из несчастного парня остатки сил. Единственная мысль пульсировала в голове Вячеслава вплоть до тех пор, пока его череп не залила изнутри звенящая чернота. "Кто это? Господи всемогущий, кто это?!".

Открыв глаза, Влад обнаружил себя лежащим на кровати в Серегиной спальне. В доме было темно и тихо. За окном накрапывал дождь.

"Сколько времени, интересно?", — подумал Влад. Взглянул на табло музыкального центра и по привычке ужаснулся — полчетвертого утра. Но тут же Дыбенко вспомнил, что это было утро воскресенья.

"Так. И где же все? Разошлись? Но Серега-то должен был остаться. Или дрыхнут где-то по углам?". Приподнявшись, Влад разлепил пересохшие губы и негромко позвал:

— Эй! Славик! Жека! Сергей!

В ответ ему из гостиной раздался женский голос.

— Их здесь нет, — сказала девушка.

— Не понял, — встав с кровати, Влад нащупал ногами тапочки и, выставив вперед руки, двинулся к двери. Насколько он помнил, минувшим вечером в компании не было женщин. Впрочем, за прошедшее с момента "прихода" время друзья вполне могли склеить кого-нибудь в кабаке по соседству или же прямо на улице. Но почему тогда сами ушли?

Открыв дверь, Дыбенко на мгновение зажмурился от яркого света. На диване сидела одетая в черное платье симпатичная брюнетка. В руках она держала "Кошмары аиста марабу". При виде Влада ночная гостя приветливо улыбнулась.

— Доброй ночи, — сказала она. — Ты, наверное, Влад?

— Ага, — сказал Дыбенко, потягиваясь. — А ты кто? И где пацаны?

— Ой, я не знаю, — смущенно произнесла девушка, отложив книгу. — Когда я пришла, здесь только Женя какой-то был. Страшный такой, угрюмый. Как будто... только что из тюрьмы, — добавила незнакомка шепотом.

— А он и есть из тюрьмы, — усмехнулся Влад. — Давно уже, правда, но такое до гроба на морде отпечатывается. Как зовут-то тебя, красавица?

— Наташа. Я соседка Сергея. Долг отдать зашла, а его нет. Женя ничего не объяснил толком. Сказал, что Сережа скоро придет, и что ты в соседней комнате спишь. И ушел почти сразу. Он не наркоман случайно?

— Нет, конечно. Кто бы такого в дом пустил? — внутренне усмехнувшись, ответил Влад. — Так ты что, одна живешь?

— Одна.

— Без мужика?

Наташины щеки порозовели.

— Да как-то вот так, — неохотно призналась она. — Не любят меня мужчины.

Дыбенко сделал большие глаза.

— Вот козлы! — покачав головой, сказал он. — Кем еще можно быть, чтобы такую прелесть игнорировать?

— Спасибо, — Наташа зарделась еще сильнее. Влад понял, что ему сегодня утром, возможно, будет светить не только Солнце. Но для того, чтобы сразу сказать Наталье, чего он хочет, Дыбенко был слишком интеллигентен. Вот если подпоить ее малость...

"Вино!". Влад вспомнил, что перед тем, как исчезнуть, хозяин дома собирался угостить своих гостей первоклассным грузинским вином. В пределах видимости не наблюдалось никаких бутылок, кроме пивных. "Странно все это, — подумал Влад. — Куда же, в самом деле парни пропали? Ну, с Женькой ясно, домой пошел, а Сергей со Славиком где?".

— Наталья... — Влад подарил гостье самую обольстительную из имевшихся в его арсенале улыбок. — Пока Сергей не вернулся... может быть, мы с вами немного выпьем?

— Что ж, можно. Только... — девушка бросила недовольный взгляд на уставленный бутылками стол. — Только я пиво не пью.

— Этого и не нужно, — ележно произнес Влад. — Я предлагаю вам отведать прекрасного грузинского вина с дивным названием "Хванчкара". Эксклюзивная поставка из солнечной Грузии, в наших краях такого давно уж нет! Минутку... — Дыбенко юркнул в кухню и открыл дверь кладовой. Спустившись в подвал, он сразу увидел что из двух грузинских бутылок кто-то успел уже порядочно отхлебнуть.

— Так, — начал рассуждать Влад, выуживая из ящика непочатый сосуд с вином. — Женька свалил последним. Был обдолбанный. Значит, вина он не пил. Получается, это Славик с Серегой посиделки в погребе устроили. И ушли. Куда? А бес их знает! Ну, так и хрен с ними, — резюмировал наркоман-философ, поднимаясь по лестнице наверх, к прекрасной Наталье. — А самое главное — хрен со мной! — усмехнулся Влад, ощутив сладкое томление в паху.

— Наташ, а почему ты пиво не пьешь? — спросил Влад двумя часами позже, когда операция по завлечению чернобровой красавицы в постель была успешно завершена. Она лежала сейчас рядом с ним — обнаженная девушка с лицом сказочной принцессы и телом фотомодели. Сам Дыбенко тоже не спешил одеваться — лишь прикрыл одеялом причинное место.

Влад восхищенно подумал о том, что происходило в Серединой спальне несколькими минутами ранее. Да, именно это прекрасное тело змеей извивалось под ним, и сладострастные стоны срывались с сочных розовых губ. О, как же отличалась она от тех женщин, с которыми ему приходилось иметь дело обычно — всех этих секретарш, журналисток и мнящих себя гениальными сценаристками сотрудниц рекламных агентств. Те даже во время секса думали лишь о том, на сколько полос ляжет будущая статья, или на сколько сотен "зеленых" удастся наколоть нанятых для рекламной кампании театральных артистов.

Другое дело Наталья. Влад подумал, что ему, пожалуй, не попадалось прежде настолько чуткой и заботливой партнерши. Всего за сорок минут брюнетка выжала его, что твой лимон.

Вопрос, который Дыбенко задал ей сейчас, был, по сути, пустым сотрясением воздуха. Но... надо же о чем-нибудь поговорить после секса. Иначе, возможно, она сочтет его самодовольным самцом и больше никогда не подпустит к своим чреслам.

— Пиво, — слишком простой напиток, — сказала Наташа, поглаживая кончиками пальцев его безволосую грудь. — В нем нет ничего готичного.

— Так ты гот? — что ж, стоило, наверное, ему догадаться сразу. Черная одежда, серебряные украшения, своеобразный макияж. В принципе, ничего сверхъестественного — обычный стиль "вамп", который исповедуют довольно многие женщины. Но вот, будучи помножен на специфические музыкальные пристрастия и некое несуществующее "готическое мировоззрение", он превращается в нечто совершенно иное, не поддающееся точному описанию. Влад неплохо разбирался в музыкальных тенденциях и знал, что десятилетия назад готика в чистом виде и впрямь существовала. Но те времена давно прошли, и ныне такой ярлык можно навесить на что угодно. Именно так и происходит, стоит лишь кому-либо из артистов одеться в черное или спеть песню, в которой упомянута смерть или, тем паче, затронута вампирская тема.

— Да, я гот, — с гордостью произнесла Наталья. — Ты что-то имеешь против?

— Нет, — соврал Влад. Вообще-то, он старался не связываться с девчонками из неформальной тусовки. Больно уж взбалмошные и, зачастую, совершенно безмозглые особы. Такие оторвы нравились Славику, который и сам был докой по части "трэша и угара". Влад же их не любил. С секретаршами и доморощенными сценаристками ему было проще и спокойнее.

— Просто интересно, — сказал Дыбенко. — Много раньше видел готов, но лично никогда не общался, — Влад не сказал, разумеется, что не общался с готами, потому как считал их отбросами общества.

— Ну, вот и пообщались, — рассмеявшись, Наталья сунула руку под одеяло и ухватила Влада за член. — А про готику я тебе расскажу, если хочешь.

— Давай, — кивнул Дыбенко. Ему, по большому счету, было сейчас все равно, о чем говорить.

Впрочем, ему-то как раз не пришлось произнести ни слова. В течение следующих полутора часов Наташа прочитала своему утреннему любовнику настоящую лекцию по истории и эволюции готического движения в России и мире. Влад с трудом сдерживал зевок. Правда, затянувшийся ликбез имел и положительную сторону — член успел отдохнуть и был готов к новым "творческим достижениям".

— Можно сказать, что отчасти готы в том виде, в каком они существуют сейчас, возникли благодаря вампирской эстетике, — вещала девушка. — Главный символ готов — анкх — прижился в тусовке после того, как был продемонстрирован в фильме "Голод", герои которого пили кровь, делая на теле жертвы надрез маленьким ножиком, выполненным в форме анкха. Ты, кстати, знаешь, что это такое?

— Знаю. Древний Египет. Символ вечной жизни, — Влад не удержался и зевнул, но девчонка не обратила на это внимания. Что-что, а старинные мистерии он в свое время изучил хорошо. Правда, не наблюдал абсолютно никакой связи между египетским знаком бессмертия и унылой готической тусовкой. Не было ее, этой связи. Бессмертие и культ суицида — вещи, прямо противоположные друг другу. И как до готов до сих пор не дошло?

— Ты-то, надеюсь, не вампир? — спросил Дыбенко.

— Нет, — сказала Наташа и грустно вздохнула. — Но мне очень хочется им стать! Ведь

это так романтично — бродить по залитым холодным лунным светом городским улицам, нападать на одиноких прохожих и высасывать из них кровь.

"Похоже, появился повод заткнуть ей рот".

— К вопросу о высасывании, — Влад отбросил одеяло, явив взору Натальи свой возбужденный "агрегат". — Сделаешь?

— Почему бы и нет? — пожав плечами, девушка начала подбираться к фаллосу. Влад закрыл глаза, приготовившись испытать наслаждение, которое он считал наивысшим.

Но вместо удовольствия явилась дикая боль. Дыбенко даже закричать не сразу смог. Напротив, стиснул зубы — так сильно, что откусил кончик своего языка.

В следующий миг он распахнул глаза и заорал как резаный. Впрочем, резаным в этой жизни приходится далеко не так тяжело, как парням, которым откусывают член...

Последним, что увидел в своей жизни Влад, были стремительно приближающиеся окровавленные зубы Наташи. Вполне нормальные человеческие зубы — не как у невест графа Дракулы из многочисленных кинолент.

Единственным желанием Владислава Дыбенко было — чтобы все закончилось поскорее.

Кушнир пришел в себя и увидел, что стоит перед открытым холодильником, держа в руке кружку с пивом. Перед глазами маячил отблеск наркотического видения — какой-то дряхлый старик протягивал к Евгению руки и что-то шептал слюнявым беззубым ртом.

— Блядь, — пробормотал Евгений, закрывая холодильник. — Ну и тему Влад надыбал.

Не сходя с места, Кушнир начал пить пиво. Когда кружка опустела, он стал вертеть ее в руках и внимательно рассматривать — будто впервые в жизни видел пивную кружку.

— Ты не Бог, — сказал вдруг Евгений кружке и с размаху грохнул ее об холодильник. Брызнули в разные стороны осколки. В руке Кушнира осталась только вычурная ручка.

— Ты не Бог, — сказал Евгений ручке и швырнул ее в мусорное ведро.

Взгляд Кушнира переместился на радиоприемник. Евгений залез на стул и протянул к прибору обе руки.

— Ты не Бог! — сорвав радио со стены, Кушнир швырнул его на пол. Следом спрыгнул сам и принялся топтать приемник ногами. Остановился, лишь когда тот превратился в бесформенную кучку болтиков, шестеренок и пластмассовых осколков. Кушнир заметил на столе большой фарфоровый чайник.

— Ты не Бог, — чайник полетел в стену. Остатки старой заварки жирными черными соплями поползли по обоям вниз. Кушнир подошел к двери и заглянул в гостиную.

На кожаном диване, раскинув руки, спал Сергей Власов. Из его рта стекала струйка слюны.

Кушнир прошел в спальню. На кровати, постанывая, ворочался Влад. На полу, расстелив какие-то тряпки, лежал в отключке Славик.

Внимание Евгения привлек висевший над кроватью портрет матери Власова. Кушнир с ненавистью посмотрел в глаза нарисованной женщине.

— Ты не Бог, — прошипел он, погрозил портрету кулаком и пошел на кухню. — Не Бог. Не Бог.

Евгений вернулся в спальню, сжимая в руке длинный и острый нож. Взобравшись на кровать, он переступил через спящего Влада и в упор уставился на портрет.

— Ты не Бог, — еще раз сказал Кушнир и начал полосовать картину ножом. Уничтожив

холст, он снял со стены раму и разломал ее на мелкие кусочки, которые бросил на пол. Воткнул нож в стену и соскочил с кровати, едва не наступив на скорчившегося внизу Плахова. Бросил беглый взгляд на лицо друга и вышел в гостиную.

Остановившись подле телевизора, Евгений взял в руки пульт.

— Ты не Бог, — произнес Кушнир через мгновение и разломил пульт надвое. Прошел в угол комнаты, наклонился и поднял шестнадцатикилограммовую гантель. Развернулся и снова подошел к стойке с аппаратурой.

— Ты не Бог, — промолвил он, обрушивая гантель на серый корпус DVD-плеера. — И ты не Бог! — паутина трещин покрыла экран телевизора, — И ты не Бог! — музыкальный центр полетел вниз, увлекая за собой колонки. Пинком ноги Кушнир отбросил его в сторону. Но центр не разбился даже после этого. "Сука", — прошипел Женя, взял гантель обеими руками, шагнул к центру и несколькими мощными ударами превратил его в прах. Выпустил из рук свое орудие, выпрямился и отдышался.

Под потолком, назойливо жужжа, кружила муха. "Ты не Бог!", — сказал, ухмыльнувшись, Кушнир. Подпрыгнул, поймал насекомое ртом, раздавил зубами и выплюнул.

Власов на диване всхрипнул и подложил правую руку под голову.

— Витар! Вестри! Бросьте веревку! — пробормотал во сне Сергей. Евгений вздрогнул и уставился на него.

— Ты не Бог, — сказал Кушнир, наклоняясь, чтобы поднять гантель. — Я знаю, что ты — не Бог!

Подойдя к дивану, Евгений размахнулся и с силой опустил гантель на лицо друга. Раздался хруст. Власов дернулся и сразу затих. Женя убрал руку и посмотрел на то, что осталось от Серегиной головы. С дисков гантели на пол стекала кровь вперемешку с мозгом.

Отбросив гантель, Кушнир пошел в спальню. Несмотря на погром, который он устроил в холле, Влад и Славик дрыхли без задних ног.

Опустившись на колени рядом с Плаховым, Женя сдавил его горло и принялся душить спящего друга. Тот замычал что-то, засучил ногами и руками, как будто пытался плыть.

— Ты не Бог! — заорал Кушнир, усиливая давление. Славик обмяк. Женя разжал пальцы и поднялся с колен.

Посмотрел на Влада и увидел, что у того оттопыривается ширинка. Женя залез на кровать и вытащил из стены нож, которым резал картину. Присел на корточки рядом с Владом. Размахнулся и вонзил нож в пах Дыбенко.

Влад закричал. Женя выдернул лезвие из его искаленной промежности и одним движением рассек беззащитное горло. Дыбенко захрипел, содрогаясь в предсмертных конвульсиях.

— Ты не Бог. Ты не Бог. Ты не Бог, — быстро шептал Кушнир, замороженно глядя, как льется кровь из ужасной раны на шее Влада.

Через несколько минут Кушнир слез с кровати и вышел на середину комнаты.

— Ты не Бог, — ненужный более нож полетел в открытую форточку. Встав в дверном проеме между спальней и холлом, Кушнир рассеянно переводил взгляд с одного предмета на другой. Его окружало великое множество материальных сущностей, ни одна из которых не содержала в себе ни малейшей частицы божественного. Ничуть не меньше таких предметов находилось в соседних комнатах.

— Слишком много, — хрипло сказал Кушнир. — Слишком много.

Выйдя во двор, он осмотрелся и пошел в сарай. Справа от входа стояла большая канистра с керосином. Взяв ее, Евгений вернулся в дом.

Пройдя по комнатам, он полил из канистры пол, стены, мебель, и трупы своих друзей. Потом, встав посреди гостиной, поднял канистру над головой и вылил остатки горючего на себя самого. Поставил опустевшую тару на пол и достал из кармана зажигалку.

— Ты не Бог, — сказал Кушнир канистре и пнул ее, отбросив к стене.

— И я не Бог, — добавил он вслед за этим, чиркнул зажигалкой и поднес трепещущий огонек к пропитанным керосином волосам.

ИНТЕРЛЮДИЯ СЕДЬМАЯ

— Да уж, — по выражению лица Ангелины можно было сказать лишь одно — девушка потрясена. Примерно такие же эмоции Эйнари наблюдал у нее, когда рассказывал о мухе, погубившей директора оптовой базы. — Где-где, а в Ростове люди развлекаться умеют...

— Ты действительно считаешь такие вещи развлечением? — Тойвонен выглядел малость удивленным.

— Да нет, — готесса тряхнула косичками. — Это я пошутила. Наркотики мне вовсе не по нраву. Разве с их помощью можно чего-то достичь? Среди моих знакомых есть несколько наркоманов. Жалкое зрелище. Не думаю, что эти ребята хоть раз в жизни задумывались о личном общении с Богом. Вряд ли они вообще думают о чем-либо, кроме того, где достать очередную порцию своей дряни, — категорично закончила девушка.

— Рад, что тебя не затронуло это опасное "увлечение", — промолвил Эйнари. — Но вещь, которая попалась тем ростовским ребятам — так называемый "гинунгагап" — не являлась наркотиком. Они-то, конечно, думали иначе. За то и поплатились. В общем-то, там все было куда серьезнее, чем можно подумать.

— Куда уж серьезнее? Четыре трупа и сгоревший дом...

— Я имею в виду то, что происходило в сознании парней. Тот из них, что стал в итоге убийцей, повстречался-таки с Богом. Он потому и сошел с ума, что понял — в окружающем мире давно уже не осталось частиц божественного.

— Где же тогда их искать?

— А стоит ли вообще их искать? Вот тебе, к примеру, — нужны такие частицы?

— Честно сказать — не очень.

— И я прекрасно без них обхожусь. Путей постижения существует много. Больше, чем можно описать в течение суток. И далеко не всегда общепризнанный путь является верным. Внимательно посмотри по сторонам — и, может быть, ты увидишь тех, кто идет другими путями. Валяющийся в грязи бродяга может оказаться философом страдания. А мерзкий онанист из общественного сортира — адептом полузабытого тантристского культа.

— Фу! — не сдержала эмоций девушка. — Не хотелось бы мне повстречаться с таким "адептом".

— Кстати, — произнесла она в следующий миг. — Все истории, которые ты мне рассказывал, как-то связаны с потусторонним миром. Вампиры, демоны, древние монстры... Всех их можно увидеть в фильмах ужасов. Еще там часто показывают всяких жутких инопланетян. А в реальности они существуют?

— Да, — кивнул ее седовласый собеседник. — И время от времени они также навещают нашу планету. Не всегда с дружелюбными намерениями...

ШЛАК

В небе над городом лениво ползли с востока на запад тяжелые хмурые тучи.

Хмурым в тот вечер было практически все. Поздняя осень — дама, любящая подуться. Никогда не радуется она приятными сердцу пейзажами очей населения российских мегаполисов. Разве вот только в Сочи в этот период бывает интересно...

Но мы сейчас в Ростове-на-Дону.

Стоя на балконе шестого этажа, Эдик Бурносов курил дрянную сигарету и размышлял о том, насколько же дрянной стала в последнее время его жизнь.

Окружающая обстановка, казалось бы, располагала к противоположному настрою. Всего пять минут назад Эдик опрокинул подряд три стопки водки. В глубине квартиры его друзья горланили веселые песни. В компании присутствовало несколько симпатичных, а главное — никем не занятых девушек, с каждой из которых можно было попробовать "замутить".

Но бывают, бывают в жизни каждого из нас такие моменты, когда даже посреди развеселого карнавала в Рио вдруг опускаешь взгляд к носам своих ботинок и начинаешь думать о том, как же, по большому счету, хреново живется людям на этом пропащем свете. И хочется стремглав помчаться прочь от разноцветных боа и сверкающих бедер танцовщиц. Прочь, к морю, которое спокойно примет твою жизнь, сомкнув безмолвные воды над шапкой волос...

Бурносов пока был далек от суицидальных мыслей, но все, похоже, к тому и шло. Если бы Эдуард находился сейчас не на шестом, а, скажем, на пятнадцатом этаже, он, вероятно, в конце концов, сделал бы шаг за перила вниз.

Выбросив дотлевающую сигарету, Бурносов закурил новую. "А ведь курить — вредно", — ернически подумал он при этом. Плевать. Яд от одной лишней сигареты нисколько не повредит человеку, что распахнул свою душу для философского яда рефлексии.

Когда Бурносову было четырнадцать, он был твердо уверен, что уже в семнадцатилетнем возрасте станет звездой экрана. Причем — экрана голливудского, играя главные роли в боевиках, триллерах, детективах и фильмах ужасов. Эдик тщательно готовился к будущей карьере. Штудировал английские словари и разговорники. Яростно наращивал мышечную массу — ведь кумиром и образцом для подражания был для него, ясное дело, Арнольд Шварценеггер. Сам писал сценарии для фильмов, в которых был намерен играть. Уроков драматического мастерства Эдик, правда, не брал. Во-первых, он совершенно справедливо полагал, что навыки, которые при желании можно было бы получить в родном городе, в Голливуде не пригодятся, а скорее наоборот, помешают.

А во-вторых... Арнольд ведь тоже не шибко жаловал учебные аудитории, предпочитая им пахнущие железом и потом пространства спортивных залов.

Эдвард Шторм. Именно такой персонаж должен был возникнуть на заокеанском кинематографическом Олимпе в последнем году двадцатого века...

И что же? Подходит к концу две тысячи восьмой год, а на балконе чужой квартиры стоит и курит паршивые сигареты все тот же Эдик Бурносов. Все тот же? Увы, уже не совсем.

Двадцатипятилетний — Шварц в этом возрасте уже довольно многого добился. С неизбывной печалью в глазах — крах священных надежд юности способен поселить ее в любые зеркала души. Растерявший немалую часть "накачанного" в прежние годы — виной тому были каторжная работа и не слишком правильное питание.

И с целой прорвой мрачных мыслей в голове — прорвой, грозившей в любой момент прорваться, сделав жизнь Эдуарда еще более невыносимой, или же вовсе ее оборвав.

Возможно, именно так и вышло бы, не случись вдруг на глазах Бурносова нечто, казавшееся невероятным девянота девяти из ста человек, включая его самого.

Нет, на балкон не поднялся, цепляясь за выступы в стене, Стивен Спилберг с тридцатимиллионным контрактом в руках.

Случилось то, чем этот самый Спилберг частенько балует зрителей. С неба, разорвав пелену ноябрьской хмари, спускался на землю неопознанный летающий объект.

Впрочем, Бурносов сперва подумал, что это американская бомба. Больно уж напряженная обстановка царила в мире.

Сигарета выпала изо рта Эдика. Первой мыслью было броситься в глубь квартиры и предупредить остальных. Толку в том, конечно, не было никакого — будь наблюдаемая им штука и впрямь орудием массового поражения, спастись не успел бы никто из жителей всего микрорайона. Именно здравый смысл заставил Бурносова остаться на балконе и начать готовиться к свиданию с Всевышним.

А в следующий миг Эдику стало ясно, что небеса могут подождать. Никакая то была не бомба, а самая настоящая "летающая тарелка". Ну, и не тарелка, конечно — тут же поправил себя Бурносов. Что-то навроде увеличенной в десятки тысяч раз пластмассовой упаковки, в какие кладут игрушки для "киндер-сюрпризов".

Аппарат спускался очень медленно и абсолютно бесшумно. Эдику подумалось, что пришельцы выбрали не слишком-то удачное место для посадки. По его расчетам выходило, что яйцо должно приземлиться аккурат посреди пустыря перед домом, прямо на растущие там полудохлые березки.

Так оно и случилось. Несмотря на то, что на верхней части корабля инопланетян наличествовали исторгавшие бесцветное пламя дюзы числом четыре штуки, вопросами навигации космические гости явно озабочены не были. Инопланетное яйцо тяжело рухнуло на деревья, придавив их своей гигантской массой. Четыре березовых кроны теперь симметрично торчали по краям его днища.

"Да ведь это же и есть мой звездный час! — внезапно понял Бурносов. — Я могу стать первым в мире человеком, вступившим в контакт с инопланетной цивилизацией. Прославлюсь на весь мир! Меня начнут приглашать на ток-шоу! А от телевидения недалеко и до киностудий. Эх, надо же, как подфартило!"

Но для того, чтобы вступить в контакт с пришельцами, Эдику необходимо было спуститься вниз. Идти через пол-квартиры, потом спускаться на лифте, обходить половину дома? Ни в коем случае! За это время его запросто может опередить кто-нибудь другой. Упускать, возможно, последний шанс прославиться и изменить свою жизнь было нельзя. И Эдик Бурносов, перебравшись через перила балкона, начал спускаться вниз по водосточной трубе. На уровне второго этажа она, не выдержав его веса, оборвалась, и парень полетел вниз. Но это было не страшно. Подумаешь, второй этаж — пара царапин. Так он даже быстрее достигнет заветной цели.

Эдик поднялся на ноги, отряхнулся и бросился к инопланетному кораблю. Упал он

очень неудачно, и от серьезных травм его спасло лишь то, что падать пришлось с небольшой высоты. Да еще то, что он успел в самый последний момент выставить руки перед собой. Отделался несколькими ссадинами, хоть и весьма болезненными. "Ничего. До свадьбы заживет", — думал он, держась за ушибленную скулу и глядя снизу вверх на звездолет.

Конструкция эта напоминала в большей степени не сам космический корабль, а спасательную капсулу с такого корабля. По крайней мере, если вспомнить образы межзвездного транспорта, описанные в литературе и воссозданные на экране кинематографом. Но почему бы и нет? Вполне возможно, это и есть спасательная капсула с потерпевшего бедствие на земной орбите инопланетного корабля. А в ней сидит пришелец, и первым, кого он встретит на Земле, станет, конечно же, Эдуард Бурносов!

— Эге-гей! — замахал он руками, остановившись у подножия металлического яйца. — Добро пожаловать на Землю! Прогрессивное человечество в моем лице приветствует вас! — он даже не задумывался в этот момент, насколько смешными выглядят его действия и слова.

Ничего не происходило. Пришельцы — если они там были — вовсе не торопились показываться на свет.

"Да там же дверь заклинило! — осенило Эдуарда. — Их же спасти надо!".

Тут он увидел, что по стенке космического корабля уходит вверх ряд скоб, образующих своеобразную лестницу. Она выглядела несколько грубовато, но Эдик не стал долго размышлять на эту тему. Он просто полез по скобам вверх, напевая себе под нос "Песню о друге". И, взобравшись на самый верх, увидел, что яйцо увенчано крышкой — прямо как те самые пластмассовые контейнеры с игрушками из детских конфеток. Это уже совершенно шло вразрез с его представлениями о том, как должны выглядеть космические корабли. Но Эдик был, во-первых, навеселе, а во-вторых — слишком увлечен, чтобы отвлекаться на такие мелочи. Раз есть крышка — стало быть, надо ее открыть. Вцепившись в нее снизу, Эдик начал изо всех сил толкать вверх. Тут-то и пригодились те давние тренировки в зале, поведенные им в стремлении стать новым Шварценеггером. Кто бы только знал, что это будет так...

Внутри космической капсулы что-то щелкнуло. Удалось ли Бурнососу сдвинуть крышку с места силой своих рук, или то началась внутренняя разгерметизация — но верхняя часть спустившегося с небес аппарата приподнялась и плавно поехала в сторону. Эдик радовался как ребенок. Когда крышка отошла на достаточное расстояние, он нагнулся над кромкой недр космического яйца и заглянул внутрь.

Эдик успел увидеть лишь как навстречу ему метнулось какое-то щупальце, увенчанное покрытой острыми зубами четырехпалой клешней. В следующее мгновение она вцепилась ему в лицо, и Эдуард Бурносов перестал что-либо видеть, слышать, чувствовать и понимать.

Ростовский бомж Левон Смеян, известный среди себе подобных как Лёва-Свинорыл вошел в аптеку, где он всегда покупал настойку боярышника. Бродяга находился в приподнятом расположении духа — денег, которые он настрелял сегодня у прохожих в окрестностях кинотеатра "Плевен", хватило на пару бутылок пива и пачку "Примы", да еще осталось на пузырек любимой настойки. Вечер обещал быть плодотворным — в отличие от трех предыдущих, когда Лёве не удалось заработать ничего, кроме нескольких зуботычин от каких-то скинхедов. Сегодня его ждала своеобразная компенсация.

Купив боярышник и доукомплектовав таким образом свой "джентльменский набор", Свинорыл некоторое время стоял перед витриной с бальзамами, скользя взглядом по

этикеткам и шепотом повторяя написанные на них названия. То был его давний ритуал — Левон лелеял мечту накопить однажды побольше денег и попробовать одну из этих настоек.

Вдоволь налюбовавшись разноцветными флаконами и насладившись своими фантазиями, Свинорыл позвякивая пакетом, двинулся к выходу. Когда бомж оказался на улице, взгляд его уперся в здоровенную металлическую конструкцию, стоявшую рядом с многоэтажным домом через дорогу. В груди ёкнуло.

"Все. Допился", — подумал Свинорыл, тоскливо поглядев на свой пакет. Загадочный предмет, более всего напоминавший гигантское металлическое яйцо, не мог быть чем-то иным, кроме как галлюцинацией. Лёва хотел было вернуться в аптеку и попросить девушку-провизора вызвать ему неотложку для транспортировки в дурдом. Как вдруг понял, что он — не единственный, кто видит эту странную штуку.

Хотя, конечно, это тоже могло быть элементом галлюцинации. Какой-то парень рухнул на землю рядом с домом, выпрыгнув из окна или с балкона, но тут же вскочил и со всех ног бросился к непонятной хреновине. Если бы Лёва Свинорыл обладал более высоким культурным уровнем, чем это было на самом деле, он не преминул отметить, что происходящее выглядит сюрреалистично. Но слов таких Смеян, увы, не знал, а потому воскликнул просто: "Них...я себе!".

Мужик подбежал к конструкции и принялся размахивать руками, что-то крича про пришельцев. "Так это что — космический корабль? — подумал Свинорыл. — Настоящий, или у меня и вправду белочка?".

Лёва хотел уже, было, перейти дорогу и спросить у странного человека, чем и для чего тот занимается. Однако последующие события не только отбили у него охоту делать это, но и заставили пожалеть о том, что он вообще выбрался сегодня на поверхность из своей уютной теплотрассы. Уж лучше было бы, наверное, денек поголодать, чем переживать такое...

Мужик перестал кричать и полез на самый верх конструкции, после чего, по всей видимости, начал пытаться проникнуть внутрь. И это ему удалось — правда, вероятно, не совсем так, как он хотел бы. Верхняя часть аппарата сдвинулась в сторону, а из недр его высунулась... змея не змея — но что-то длинное, гибкое и смертоносное. Тварь вцепилась мужику в лицо — в свете фонарей было видно, как полетели в разные стороны кровавые брызги. В следующий миг несчастный парень, не успев даже закричать, исчез в глубине непонятной бандуры. А из разверзшегося жерла ее высыпали и хлынули вниз по стенам гнусные создания всех цветов, размеров и форм. Даже несмотря на то, что Лёва Свинорыл не видел ни одного фильма об инопланетном вторжении, и уже тем более не читал книг на эту тему, он все же сумел понять, что с улицы нужно срочно уходить. Тем более, что одна из тварей уже каким-то образом успела засечь его присутствие и теперь стремительно неслась через пустырь по направлению к месту, где стоял бомж. Выглядела эта зараза как некая помесь паука с осьминогом — но Свинорыл не стал пытаться рассмотреть ее более детально. Пятясь назад и вбок — чтобы ни в коем случае не поворачиваться к монстру спиной — бродяга нащупал ручку аптечной двери и юркнул внутрь, после чего поставил на пол свой заветный пакет и подпер дверь плечом, чтобы предотвратить попытки тварей проникнуть в помещение. Молодая провизорша, болтавшая с кем-то по мобильнику, не обратила на него внимания.

На улице тем временем становилось все интереснее. "Паука", от которого успел улизнуть Левон, сбила машина в тот момент, когда он перебежал дорогу. Визг тормозов

отвлек распорядительницу аптеки от разговора. Подняв глаза, она увидела топчущегося возле двери неопрятного мужчину — того самого, что покупал дешевый алкоголь пятнадцать минут назад.

— Это еще что здесь происходит?! — грозно воскликнула девушка.

Каким-то непостижимым образом Левон понял, что если скажет провизорше правду, она сочтет его сумасшедшим и вытолкает на улицу.

— Там погромы! — выкрикнул бомж, полуобернувшись к прилавку. — Скинхеды бьют всех подряд, машины жгут!

— Ой! — взвизгнула барышня. — И что же теперь делать? У нас еврей хозяин, и на вывеске его фамилия написана. Они же теперь и сюда вломятся!

— Есть, чем дверь подпереть? — поинтересовался Свинорыл.

— Да, шкафы и тумбочки в подсобке, — девчонка махнула рукой в сторону двери служебного помещения. — Только у меня сил не хватит их сюда притащить...

— У меня хватит! — обрадовался Левон. — Ты только дверь пока поддержи.

В другой ситуации она наверняка до глубины души возмутилась бы самым тем фактом, что какой-то грязный бродяга посмел обратиться к ней на "ты". Но ситуация была критической, и фармацевт просто не обратила внимания. Выскочив из-за прилавка, она подскочила к двери и уперлась в нее обеими руками.

В другой ситуации Лева не упустил бы возможности полюбоваться ее упругой попкой, проступившей под натянутым халатиком. Ему, опустившемуся человеку, пребывавшему на самом дне жизни, о девушках с такими формами не приходилось даже мечтать. Но сейчас Смеяну было не до женских ягод. Перед ним стояла цель не допустить проникновения тварей в аптеку — иначе и ее прекрасная задница, и его дурная башка разделят судьбу того хвоста от селедки, который Лева обглодал сегодня утром, выудив его из мусорного бака. Поэтому бомж "кабанчиком" метнулся в подсобку, чтоб притащить оттуда увесистый и крепкий предмет мебели. Правда, как только он оказался внутри и пробежался взглядом по полкам, гнилая натура взяла свое, и Лева принялся набивать карманы своего пальтишка флаконами с медицинским спиртом. Отвлечь его от этого занятия смогли только послышавшиеся из торгового зала глухой удар и истошный визг провизорши.

— Ах ты ж...б твою мать! — Смеян схватил первую попавшуюся тумбочку и бросился обратно.

Девушка изо всех сил держала дверь, в которую с улицы бился... вроде бы, обыкновенный мужик. Но так Левону казалось лишь до тех пор, пока он не подошел поближе.

Лицо, шея и руки мужчины были покрыты омерзительными присосками, из которых сочилась зеленая слизь. Но с виду это был самый обычный человек... Смеян понял, что этот мужик уже поражен той самой инопланетной гадостью, что прилетела в гигантском стальном бочонке.

Незнакомец за дверью причудливо изогнулся всем телом и с размаху ударился грудью в дверь. Провизорша снова взвизгнула и рухнула на пол, прижавшись к двери спиной.

— Скорее! — выкрикнула она, увидев, что бродяга вернулся из подсобки. Левон подsunул тумбочку к двери и помог девушке встать. Он успел заглянуть в глаза человека снаружи. Те были красными от полопавшихся капилляров и... абсолютно пустыми, мертвыми. Свинорыл за годы жизни на улице всякого навиделся, но это... это было самым страшным, что он когда-либо видел — совершенно чуждым и неестественным.

Пупырчатый человек посмотрел Левону в глаза и высунул язык. Всего на несколько секунд — но этого оказалось достаточно, чтобы бомжа пробрало холодом до самых костей. Язык свесился до самой груди — да и не язык то был, а какое-то гадкое склизкое щупальце, покрытое такими же присосками, что и кожа мужчины.

— Б...дь, — Смеян бросился в подсобку, чтобы притащить еще одну тумбочку. Лишь после того, как входная дверь была забаррикадирована шестью предметами мебели, он успокоился, отдышался и сел прямо на пол.

— Это не скинхеды, — всхлипывая, произнесла девушка-фармацевт, присаживаясь рядом.

— Да, — кивнул Свинорыл. — На самом деле это конец света.

— И что же теперь делать?

— А давай выпьем! — рассмеялся Левон. — Авось и пронесет.

Павел Маклаков уверенно вел машину по проспекту Стачки. После рабочего дня он ехал домой из офиса, расположенного в центре города. Радио транслировало бессмертный хит "Losing My Religion" от американской группы R. E. M. Радио транслировало эту песню уже двадцать лет кряду, и она словно бы стала символом чего-то вечного, неизменного, непреходящего. Символом того, что жизнь, спокойная и размеренная, будет сегодня такой же, какой была она вчера, а завтра — такой же, какая она сегодня. Небольшой, но успешный бизнес, который вел Маклаков, вполне позволял ему думать, что никаких перемен отрицательного характера в его жизни в ближайшее время не предвидится.

Павел свернул на улицу Зорге. Проехав пару кварталов, он поймал краем глаза какое-то движение с левой стороны. Как будто средних размеров собака бросилась с тротуара под колеса его автомобиля. Раздался влажный, гнусный звук удара. "А, черт!", — видя, что прямо за ним никто не едет, Павел ударил по тормозам. Вышел из машины и направился посмотреть, жива ли псина.

Но псины там никакой и не было. Вместо нее на дороге валялась, раскинув щупальца, какая-то мерзкая тварь. Осьминог — не осьминог, паук — не паук. Одним словом — гадость. Несколько ее конечностей подергивались, будто в агонии. Маклаков подошел поближе. Было совершенно непонятно, откуда такое существо могло появиться на ростовской улице.

Павел пихнул чудище в бок носком своего ботинка. В этот миг щупальца взметнулись вверх и обхватили его лодыжку. Мужчина закричал и затряс ногой, пытаясь освободиться. Тщетно. Монстр залез ему в штанину и полез по голени вверх.

— Господи, нет! — Маклаков бросился к машине, где лежали в бардачке электрошокер и нож. Тут он увидел, что нападению каких-то уродливых жутких тварей подверглись еще несколько человек, оказавшихся в этот час на улице. Павел замешкался, и это промедление стоило ему жизни.

Маклаков испустил дикий крик, когда одно из щупалец чудовища проникло ему в задний проход и устремилось в глубь тела по прямой кишке. Истекая кровью, мужчина рухнул на асфальт рядом с колесами своего автомобиля и затих, не подавая признаков жизни.

Через несколько минут он поднялся на ноги — но пошел почему-то не к машине, а к двери расположенной поблизости аптеки...

Вечеринка на квартире рок-промоутера Дмитрия Малышева была в самом разгаре. Звон бокалов, музыка, сигаретный дым, взрывы хохота после того, как кто-нибудь расскажет анекдот. По пятницам здесь собирались представители творческой интеллигенции Ростова-на-Дону, а также некоторые их друзья, принадлежавшие к другим социальным слоям.

Хозяин вечеринки, тридцатипятилетний Дмитрий, был одним из самых активных и успешных в городе организаторов рок-концертов. В последние годы именно он обеспечивал ростовчанам регулярные встречи с такими всенародно любимыми артистами, как Земфира, Вячеслав Бутусов, Борис Гребенщиков, группы "Мумий Тролль", "Сплин", "Улица Морг" и многими другими. А начинал свою деятельность Дима с квартирных концертов, которые проходили в этой самой квартире. Хоть Малышев вращался теперь в высших кругах городского общества — но многие из тех, с кем он когда-то начинал, были рядом до сих пор. Сегодняшний состав гостей мало отличался от того, что собрался на квартире Малышева шесть лет назад, чтобы послушать ростовского барда Олега Панкратова. Даже сам Панкратов сегодня присутствовал здесь — но уже не в качестве артиста, а как простой гость.

Хотя, конечно, такому человеку, как Олег, нельзя было задержаться где-либо дольше десяти-пятнадцати минут, чтобы его кто-нибудь не попросил сыграть. Он и сейчас что-то брэнчал, сидя на диване в гостиной, окруженный затаившими дыхание поклонниками своего таланта.

Хозяин квартиры с бокалом вина в руке курсировал между гостиной и кухней, следя, чтобы гости были всем довольны. В момент одного из таких вояжей, проходя через прихожую, он услышал сигнал домофона.

— Кто там? — спросил Дима, снимая трубку.

— Это я, — глухо проговорил гость. По голосу Малышев узнал Эдика Бурносова. "Странно, он ведь, вроде, не уходил никуда, — подумал хозяин квартиры. — Хотя, за всеми разве уследишь?". Дмитрий надавил на кнопку. Через несколько минут снаружи раздались шаги, а потом — стук в дверь.

— За бухлом ходил, Эдди-бой? — усмехнулся Малышев, открывая дверь.

— Нет, — буркнул, заходя, Эдуард. Малышев сразу заметил, что с его другом что-то не так. На Бурносове не было куртки и ботинок. А на его лице и кистях рук виднелись крупные ссадины.

Глаза парня готовы были вот-вот закатиться.

— Эй, ты чего? С балкона, что ли, упал? — Дмитрий схватил его за плечи.

— Да, — Эдик уставился на него бессмысленным взглядом.

— Так. Пойдем на кухню. Это как же тебя угораздило? — Дима повел Бурносова по узкому коридору к дверям кухни, откуда доносился чей-то пьяный смех. Эдик не отвечал, но хозяин квартиры списывал это на шок, который тот только что пережил. Поди-ка, шестой этаж. А ведь вроде и не пил особо.

— Не понял, — поднялся из-за стола мускулистый парень с бритой налысо головой. — Что это с ним? На него напали, что ли?

То был известный в городе представитель движения скинхедов, Алексей Морощкин по прозвищу Боров.

— Нет, — покачал головой Малышев. — С балкона он шлепнулся. — согнав с табуретки какую-то девицу, он усадил Бурносова на освободившееся место. Тут Эдуард отключился, и его голова упала на грудь.

Сидевшие в кухне люди окончательно притихли. Стало слышно, как за стеной

надрывается Панкратов.

— Нихрена себе! — присвистнул Боров. — Ну и что делать будем?

— "Скорую" надо вызывать, — пожал плечами Малышев. — Сами-то мы чем ему поможем?

— Он там дышит хоть? — спросила одна из девушек.

— Да, — кивнул стоявший ближе всех к пострадавшему Дмитрий.

— Водки ему надо выпить, — предложил панк по прозвищу Дикобраз. — Хоть не так больно будет.

— Какой водки? Он и так без сознания, — отмахнулся Малышев. В этот момент Бурносос пришел в себя. Но то, что за этим последовало, никого не обрадовало.

Из головы Эдика выскочили и метнулись в разные стороны длинные тонкие щупальца с зубастыми головками на концах. Одно из них вцепилось в горло Дикобразу, второе — воткнулось в висок стоявшей возле холодильника полноватой брюнетке. Воздух над столом наполнился кровавой пылью. А само помещение наполнилось криками искалеченных людей. Хозяин квартиры сделал несколько шагов назад, запнулся о порог и упал.

Третий отросток метнулся через стол к Борову, но тот успел перехватить щупальце. Несколько секунд скинхед ошарашенно наблюдал, как перед его лицом щелкают кривые, похожие на акулы зубы. Потом он схватил со стола большой нож, которым некоторое время назад нарезал сервелат на закуску, и рассек щупальце пополам. Обрубок задергался, разбрызгивая зеленую жидкость. Но зубастый фрагмент щупальца, упав на стол, как ни в чем ни бывало, пополз дальше, по направлению к паху Алексея. Чтобы покончить с тварью, Морошкин с размаху всадил нож в зубастую головку, из которой при этом вырвался еще один фонтанчик зеленой крови. Выдернув нож, Боров бросился на помощь Дикобразу и девушке, с которой он не был близко знаком, но знал, что она носит прозвище Рыбка. Но, хоть он и обрубил вцепившиеся в них щупальца, ребят это уже не спасло. Из разорванного горла Дикобраза толчками выплескивалась кровь. Голова Рыбки была пробита насквозь.

Эдик Бурносос продолжал сидеть на табуретке, уставившись бессмысленным взглядом в никуда. И пускай еще никто не понимал толком, что же происходит, одно было ясно наверняка — Эдик вдруг стал источником смертельной опасности.

Большинство из находившихся в комнате, вероятно, так и не сумели бы ничего предпринять и просто погибли вслед за Дикобразом и Рыбкой. Но не таков был Боров, отточивший в уличных драках против кавказцев и африканцев повышенное чувство опасности и скорость реакции. Он сразу понял, что от Эдуарда надо поскорее избавиться, иначе все может закончиться очень и очень плохо.

Поэтому сразу после того, как он обсек мерзкие щупальца, Морошкин метнулся к продолжавшему неподвижно сидеть на табурете Бурнососу, сгреб его в охапку, подтащил к раскрытому окну и вышвырнул прочь.

— Ну ни хрена себе, — пробормотал Малышев, вставая с пола.

— Эта квартира видела всякое, — произнес он в следующий миг, окидывая взглядом окровавленную комнату. — Но вот такого не было еще никогда.

— Как ради всего святого, ты можешь оставаться таким спокойным?! — заверещала блондинка в вязаном свитере с большой нашивкой в виде британского флага на груди. — Твои друзья погибли, а ты...

— Заткнись, сучка! — Боров успокоил ее увесистой пощечиной. — Не время для сантиментов. Мы в полном дерьме!

На шум подтянулись люди из гостиной. При виде залитого кровью пола и двух трупов, лежавших на нем, все приходили в ужас и смятение.

— Ребят, что это у вас тут происходит? — спросил известный городской журналист Андрей Простецкий.

— Сами не знаем, — развел руками Малышев. — Но это совсем не приятная штука.

— Ай! — вскрикнула девушка, что несколько минут назад журила Диму за излишнее хладнокровие. Как оказалось, кусок щупальца, убившего Дикобраза, отцепился от его разорванного горла, подполз к ее ноге и укусил за палец. Похоже, что этот небольшой кусочек чужеродной плоти был способен функционировать как самостоятельный организм.

Нож мгновенно вернулся в руку Борова. Присев, скинхед точным ударом пригвоздил мерзкую тварь к полу.

— Черт, еще один должен где-то прятаться, — сказал он, вспомнив о щупальце, пронзившем голову толстушки. Но ни на полу рядом с мертвой Рыбкой, ни на ней самой, ничего не было.

— Уполз, гнида, — Боров выпрямился, сжимая в руке нож.

— Ребят, если что — это не я, — сказал он, заметив, что гости, не видевшие, как погибли Рыбка и Дикобраз, пристально смотрят на лезвие ножа. — Это вот эта гадость, — острием кухонника Алексей указал на кусок дохлого щупальца.

— Это что, пришельцы? Или демоны? Как в кино? — спросил кто-то из толпившихся в коридоре.

— Мы что, в фильм ужасов попали? — усмехнулся Простецкий.

— Уж я не знаю насчет "фильма", — повернулся к нему Малышев, — но вот в плане "ужасов" всё верно. Нужно пойти покурить. Собраться с мыслями.

В течение нескольких минут компания переместилась на балкон, чтобы решить, как быть дальше — главным образом, как объяснить полиции появление двух трупов с вопиющими признаками насильственной смерти. Тем, кто не застал начала кошмара, Дима рассказал, что именно произошло. Конечно, в это было сложно поверить — но омерзительный зубастый отросток видели все.

Это импровизированное собрание продолжалось недолго. С улицы раздался истошный женский крик. Все посмотрели туда и увидели такое, в сравнении с чем трансформация Эдика Бурносова показалась детсадовской игрой.

На пустыре рядом с домом разворачивалась совершенно ужасающая сцена. Фиолетовый монстр, походивший на помесь бегемота с крокодилем, заживо пожирал какую-то пожилую женщину. Вокруг, истошно лая, носилась лохматая дворняга. Должно быть, тварь напала на ее хозяйку во время прогулки.

Но это было не единственным, за что цеплялся глаз. На дороге можно было увидеть несколько брошенных машин с распахнутыми дверцами. Какой-то тип, рыча, ломился в дверь аптеки на противоположной стороне улицы. То там, то тут пробежали, крича, перепуганные люди — а за ними деловито гнались разнообразные монстры, которых раньше только в фантастических фильмах и можно было увидеть.

Апофеозом этого хаоса стало появление на пустыре Эдика Бурносова. Обросший целым ворохом зубастых щупалец, он вышел из-за угла, пошатываясь, приблизился к погибающей женщине и вонзил в нее сразу несколько десятков отростков. Собачка, в тщетной попытке защитить свою хозяйку, вцепилась в его ногу, после чего на глазах людей, наблюдавших за этим с балкона, произошло еще одно отвратительное событие.

Голень Бурносова разошлась, как будто рассеченная гигантским лезвием. Собаку, успевшую только коротко взвизгнуть, затянуло в образовавшееся отверстие, после чего ткани вновь соединились — и о существовании собачонки напоминал теперь лишь поводок, торчавший прямо из ноги Бурносова!

— Какая мерзость, — произнес, наблюдая за происходящим, Олег Панкратов. — Откуда они появились?

— Похоже, что вон оттуда, — Боров указал на громадную бочкообразную конструкцию, невесть откуда взявшуюся посреди пустыря. Чтобы увидеть ее с балкона квартиры Малышева, нужно было слегка высунуться влево.

— Эта хреновина здорово смахивает на инопланетный корабль, — отметил Простецкий.

— И, похоже, нас там заметили, — добавил скинхед. — Валим с балкона, быстро!

Участники тусовки уже поняли, что происходящее с ними сегодня — это не веселый розыгрыш, а самая настоящая жуть. Поэтому они поспешили убраться с балкона, как только прозвучал такой призыв. Увидеть, чем же именно угрожает странный предмет, удалось, кроме Борова, только Малышеву. И это было не лучшим зрелищем в его жизни.

Из раструба в верхней части бочонка выскочило ужасное существо, выглядевшая как поросшая множеством щупалец змея с головой, похожей на человеческую. Соскользнув по стене летательного аппарата вниз, это создание, способное одним лишь своим видом напугать до седых волос, устремилось по направлению к той секции дома, где стояли на балконе люди.

— Быстро, быстро, быстро, атас! — кричал, размахивая рукой, Боров. Особой необходимости в этой дополнительной мотивации, впрочем, не было — но все же, среди присутствовавших нашелся человек, чей инстинкт самосохранения был недостаточно силен.

— Ой, а что там такое? — спросила девушка в свитере с британским флагом. Вместо того, чтобы, как все остальные, покинуть балкон, она наоборот, сделала несколько шагов по направлению к перилам.

— Стой, дура! — Боров, сам уже находившийся рядом со спасительной дверью, попытался схватить ее за руку и оттащить. Но не успел — лишь нескольких миллиметров не хватило ему, чтобы дотянуться до ее пальцев. В следующее мгновение его самого втащили в комнату и захлопнули дверь. Оставалось лишь бессильно наблюдать через стекло за тем, как успевшая вскарабкаться по стене тварь набрасывается на обомлевшую от ужаса блондинку и в буквальном смысле отгрызает ей голову.

Понимая, что существо, обладающее таким размером и прытью, с легкостью, разбив стекло, проломится сквозь балконную дверь, парни заслонили проход большим шкафом. Люди, находившиеся в квартире Малышева, частично отрезали себя от внешнего мира. Им больше не было видно, что происходит на балконе и на пустыре — вот только, едва ли здесь нашелся бы кто-то, готовый смотреть на это дольше нескольких секунд. Достаточно было и страшного женского крика, который звучал снаружи — правда, звучал недолго...

— Так, ребят, — повернувшись к компании, Боров, уже успевший хорошо проявить себя в деле борьбы с нежданнами пришельцами и потому заслуживший безоговорочное доверие в этом вопросе. — Предлагаю следующий вариант: отступаем в гостиную, все двери за собой блокируем. Дим, у тебя ведь, вроде, пистолет есть? — обратился он к хозяину квартиры.

— Да, травматический, — кивнул тот. — Там, в гостиной и лежит.

— Отлично, — щелкнул пальцами скинхед. — Кто-нибудь есть еще с оружием?

— У меня газовый, — откликнулся Простецкий.

— Ну, газовый против этих мразей вряд ли поможет, — задумчиво произнес Морошкин. — Хотя как знать... В общем, уходим отсюда.

— Погоди, — сказал Малышев. — Если все двери заблокировать — как мы тогда в туалет ходить будем? Не за шкафом же гадить?

— Да, ты прав, — кивнул Боров. — Главное, забаррикадировать выход из этой комнаты, на случай, если тварь сумеет сюда пробраться. Всё, выходим!

Звон стекла за шифоньером придал его словам убедительности. Люди поспешно потянулись в глубину квартиры. Алексей отступал последним, сжимая в руке нож и будучи готовым в любую секунду захлопнуть дверь изнутри и остаться один на один с инопланетным чудовищем, пожертвовав собой за жизни друзей.

Но погибать ему не пришлось. Тварь несколько раз ткнулась в заднюю стенку шкафа, но не сумела сдвинуть его с места и прекратила свои попытки. Осталась она сидеть на малышевском балконе или отправилась на поиски новых жертв, было неизвестно — но никто и не стал бы этого выяснять.

Боров вышел из спальни и закрыл за собой дверь. Ее тут же подперли двумя тяжелыми тумбочками.

— Черт, это и впрямь на фильм ужасов похоже, — сказал Простецкий.

— Да, и не на один, — откликнулся Олег Панкратов. — С другой стороны, если бы мы их не смотрели — то сейчас, наверное, вообще не понимали бы, что делать.

События последовавшей ночи действительно сильно напоминали ситуацию, множество раз обыгранную в различных фильмах ужасов. Небольшая группа людей, запертых в замкнутом пространстве и со всех сторон окруженных смертоносными чудовищами. Будто бы того, что они уже пережили, было недостаточно, им пришлось столкнуться с еще одним монстром и внутри квартиры тоже. Космический паразит, внедрившийся в тело Рыбки через Бурносова, поднял труп девушки с кухонного пола и привел в гостиную, чтобы атаковать остальных. Это могло закончиться очень плохо — но, к счастью, среди присутствовавших не нашлось никого, кто захотел бы приветливо обнять старую подругу. Все помнили ее лежащей в луже крови на полу, со страшной дырой в голове. Борову удалось, размахивая ножом, оттеснить мутанта в коридор. Присмотрев за спиной рычащей от бешенства девушки открытую дверь туалета, он ударом ноги отправил Рыбку в "рыбное место", после чего быстро захлопнул дверь и закрыл ее на шпингалет.

— Я всю свою жизнь недоумевал — для чего же в российских туалетах делают эти задвижки снаружи, — промолвил он, отдышавшись. — Но ни за что не поверю, что как раз на такой вот случай.

— На моей памяти тоже впервые пригодилось, — сказал, выглядывая из гостиной, Андрей Простецкий.

Осознав, что теперь они находятся в относительной безопасности, люди принялись обзванивать родных и близких, чтобы предостеречь их от выхода на улицу этой ночью. Хозяин квартиры включил компьютер и зашел на главный новостной портал Ростова. Как оказалось, странная ситуация в Западном жилом массиве уже попала в сводки. Однако подана она была тоже очень странно. Сообщалось, что в городе введено чрезвычайное положение, что гражданам настоятельно не рекомендуется покидать свои квартиры, и что полиция за компанию с военными уже прикладывает все силы, чтобы как можно скорее разобраться с возникшими проблемами. В заметке также говорилось, что все, кто этой

ночью внезапно столкнулся с "непредвиденными трудностями", могут попросить помощи в специальном колл-центре, позвонив по телефону горячей линии.

Именно так и поступил Малышев. Как оказалось, в колл-центре уже знали, в чём именно могли заключаться "непредвиденные трудности" — первым вопросом, который ему задали, было: "Вы пострадали от вторжения инопланетян?".

Через полчаса в квартиру Малышева позвонили. Дмитрий открыл дверь, впуская внутрь пятерых мужчин в военной форме — но такой форме, которая не выдавала их принадлежности к какому-либо роду войск. Они в два счета прикончили запертого в туалете мутанта, после чего их лидер обратился к собравшимся на квартире людям с просьбой как можно меньше распространяться о случившемся. Потом бойцы забрали останки Рыбки — точнее, того, во что она превратилась — и ушли в ночь. Дима пошел на кухню, чтобы вымыть пол от крови. Многим из присутствовавших хотелось недоуменно спросить: "И это всё?". Проговорив еще некоторое время, постепенно они начали засыпать. А когда проснулись к середине следующего дня, ничто уже не напоминало о жутких ночных событиях. Разве что шкаф, подпиравший балконную дверь... Отодвинув его и выйдя на балкон, люди увидели, что на пустыре нет не только космического аппарата, но и никаких его следов. Как будто ничего этого и вовсе не было...

Из аптеки напротив вышел бродяга и, пьяно пошатываясь, побрел куда-то по своим делам.

Жизнь постепенно входила в привычную колею.

Полноватый мужчина, одетый в просторные джинсы и черный вязаный свитер из верблюжьей шерсти, курил трубку на балконе частной резиденции, расположенной на окраине Стокгольма. Глядя на раскинувшийся в отдалении прекрасный лесопарк, он вспоминал о картине, которую наблюдал пять лет назад с другого балкона, в доме, стоявшем в Ростове-на-Дону. Мрачный пустырь с редкими пучками растительности — и отвратительные чудовища, терзающие на этом пустыре человеческую плоть.

Ровно пять лет назад западная окраина Ростова подверглась нападению инопланетных монстров. То была самая страшная ночь в жизни человека с трубкой, ночь, после которой эта жизнь по-настоящему раскололась на две части. Ночь, когда погибли его друзья. Ночь, когда он увидел вещи, которые всегда считал невозможными.

Именно то, что он увидел и пережил тогда, заставило этого человека навсегда покинуть свою родную страну. Он продал квартиру, продал бизнес и перебрался сюда, в Стокгольм, где занялся торговлей антиквариатом. Ничто не напоминало о тех событиях теперь — но все же, по ночам он иногда просыпался в холодном поту, дрожа и вскрикивая, вновь видя, как из головы сидящего перед ним человека вылезают смертоносные щупальца.

Мужчина сделал последнюю глубокую затяжку и выпустил роскошный косматый клуб сизого дыма. Поставил трубку остывать на длинную подставку, в которой находилось еще тринадцать курительных приборов, и вошел в дом.

На рабочем столе, рядом с компьютером фирмы Apple Macintosh, стояла чашка ароматного крепкого кофе. Сделав глоток бодрящего напитка, мужчина сел за стол и вышел в Интернет.

Через несколько минут он получил от кого-то сообщение в ICQ. Бросив взгляд в правый нижний угол экрана, хозяин роскошного особняка увидел, что автором послания является ростовский журналист Андрей Простецкий. Мужчина нахмурился. Это имя напоминало ему

о тех самых неприятных событиях, свидетелем которых он стал пять лет назад.

"Привет! Если у тебя работает российский Первый канал, включи его немедленно!", — гласило сообщение.

"Хорошо", — лаконично ответил адресат и на всякий случай вышел из программы. После этого он взял со стола пульт, повернулся к телевизору, нажал на кнопку включения и выбрал Первый канал. Когда на экране появилось изображение, он вздрогнул и едва не выронил пульт. Пальцы его левой руки вцепились в подлокотник кресла.

— Господи, — прошептал Дмитрий Малышев. — Опять это...

На экране демонстрировались те самые кадры, которые он уже видел, когда сидел, заблокированный вместе с еще полудюжиной человек, в собственной квартире в 2008-м году. Монстры, рыскающие по ростовским улицам, бросающиеся на людей, отрывающие конечности и откусывающие головы...

К счастью, продолжалось это недолго, и вскоре на экране возникли декорации программы Андрея Малахова "Пусть говорят". Гостями студии были несколько мужчин, внешность которых выдавала в них людей науки. Но рядом с ними Малышев тотчас заметил человека, чей вид заставлял усомниться в том, что он также принадлежит к ученому сообществу. Хоть он и был одет в дорогой костюм — вероятнее всего, предоставленный телеканалом на время эфира — испитое лицо и редкие волосы говорили о том, что человек этот относится к социальному низу.

— А теперь мы предоставляем слово непосредственному участнику тех шокирующих событий, — в своей привычной манере, выстреливая слова, затараторил Малахов. — Встречайте — ростовчанин без определенного места жительства, Левон Смеян!

— Это... Я уже не бомж, — возразил Смеян. — Я на складе промтоваров сторожем работаю, там же и живу в подсобке.

— Что ж, прошу простить, — улыбнулся ведущий. — Но на момент, когда всё это происходило, вы, всё-таки, жили на улице?

— Да, — кивнул бывший бродяга. — В тот вечер я зашел в аптеку боярышника купить. А потом смотрю — на улице что-то непонятное совсем творится. Сперва подумал даже, "белочка" у меня...

В рассказе Левона Дмитрий узнавал новые подробности той нехорошей истории, подробности, что доселе оставались для него неизвестными. Наконец-то полностью прояснилась истинная роль, которую сыграл в случившемся несчастный Эдик Бурносков. Несомненно, именно он был тем самым человеком, которого, по словам бомжа, затянуло в космический корабль пришельцев. Там, внутри — это Малышев уже логически додумал сам — в организм Эдуарда проникла инопланетная дрянь, после чего парень превратился в зомби. Завладевший сознанием землянина мерзкий гад получил доступ к памяти Эдуарда. Так он понял, в какую квартиру следует вернуться в поисках новых жертв.

— Сейчас мы уйдем на короткую рекламу, — сказал Малахов, когда Смеян завершил свой путаный и рваный рассказ, — а после нее, наконец, узнаем — что же это такое было. Одна из главных тайн в новейшей истории России будет раскрыта!

Услышав это, Малышев даже привстал. Он, конечно, был далеко не единственным, кого затронули те трагические события, но, насколько Дмитрию было известно, все прочие жертвы подверглись нападению пришельцев, находясь на улице. Так что, ему и его товарищам, всё же, не повезло больше, чем остальным. И, невзирая на то, что Дмитрий покинул Россию, он множество раз возвращался в мыслях своих к событиям той роковой

ночи.

— На самом деле события, произошедшие пять лет назад в столице Южного федерального округа, вовсе не являлись инопланетным вторжением, — авторитетно заявил седовласый господин в черном смокинге. Авторитета господину существенно прибавляли стильные очки в золоченой оправе. В советские времена люди его типа предпочитали носить гигантские очки в роговых оправках — но сегодня подобный аксессуар, конечно же, показался бы смешным.

— Хотя, разумеется, на первый взгляд, — поспешно добавил ученый, услышав прокатившийся по залу изумленный гул, — они именно таким вторжением и кажутся. Но, как я уже сказал, на деле все обстояло несколько иначе.

— И что же произошло? — поинтересовался стоявший рядом Малахов.

— Мало кому известно, что в ту ноябрьскую ночь две тысячи восьмого года в небе над Ростовом появился не один неопознанный летающий объект, а целый десяток их, — сказал мужчина в смокинге. Эти слова потрясли публику еще сильнее, чем предыдущее его заявление. "И куда же все они делись?", — выкрикнул кто-то со своего места.

— Объекты были вовремя обнаружены силами ПВО, — пояснил ученый. — И уничтожены — сбиты русскими ракетами еще в тот момент, когда они вошли в стратосферу. Все, кроме одного, который и стал причиной гибели столь многих людей.

— Первоначально их приняли за американские бомбы, — добавил один из его коллег. — Несмотря на весь тот невосполнимый ущерб, который успели нанести пришельцы, нам с вами, господа, еще очень повезло, что высшее руководство страны решило сперва прояснить ситуацию, а не наносить незамедлительный удар возмездия, который, несомненно, послужил бы отправной точкой для новой мировой войны.

— Но все-таки, кем были сами эти пришельцы, и почему их появление на Земле нельзя считать вторжением? — поторопил ученых ведущий.

— Над этой тайной долгих пять лет бились лучшие умы Российской Академии Наук, — с необходимой долей пафоса произнес человек в черном смокинге. — Нам, биологам, пришлось немало потрудиться, но все же, основная заслуга в том, что эта тайна была, в конечном итоге, разгадана, принадлежит отделу криптографии. Поэтому именно руководитель этого направления, Андрей Геннадьевич Савельев, в большей степени, чем кто-либо другой, заслужил право поведать вам эту шокирующую правду.

"Интересно, что же в их понимании может быть более шокирующим, чем сами эти события? — подумал Дмитрий. — Или это просто нагнетание пафоса, как и положено на телевидении?".

Однако через несколько минут Малышев понял — то, что случилось пять лет назад действительно было еще более ужасающей вещью, чем всем сперва показалось.

— На ряде внешних и внутренних панелей объекта, приземлившегося в Ростове, — начал свой рассказ профессор Савельев, — были обнаружены записи, сделанные теми, кто этот объект сюда отправил. Разумеется, сделаны они были не на каком-либо из известных нам языков. Это было их наречие — жителей далекой звездной системы. К сожалению, нам так и не удалось, откуда именно прибыл корабль, сбросивший на Землю эти контейнеры. Мы знаем лишь то, как они называют свою планету на родном языке: Аппир-Дазум. Хотя, конечно, мы не можем быть уверены, что нам удалось в точности передать оригинальную

фонетику этого названия.

— А эти надписи, — вступил Малахов, будто почувствовав, что ученый начал увлекаться ненужными подробностями, — они, вероятно, являлись неким посланием, адресованным нам, жителям Земли?

— Нет, нет и еще раз нет, — покачал головой профессор. — Записи были предназначены для, так сказать, внутреннего использования. Их целью являлось облегчить выполнение задачи, связанной с этими контейнерами тем, кто занимался непосредственно ее исполнением.

— Простите, но что это была за задача? — задал вопрос Малахов.

Ответ ученого был совершенно неожиданным.

— Уборка мусора, — сказал Савельев. — Они очищали свою планету от излишков биологической материи.

— Андрею Геннадьевичу и его сотрудникам удалось установить, что содержимое контейнера — все эти ужасные мутанты, убивавшие людей на городских улицах — было всего лишь побочным результатом исследований в области генной инженерии, проводимых обитателями Аппир-Дазума. То были не пришельцы с этой планеты — а их генетический мусор, от которого они однажды решили избавиться из-за нарастающей угрозы, которую он представлял.

По залу вновь пронесся изумленный ропот — гораздо более громкий и сильный, чем в прошлый раз.

Дмитрию стало не по себе. Подсознательно он уже понял, в чем же заключался весь ужас только что озвученной учеными информации.

Андрей Малахов тоже выглядел ошарашенным — даже несмотря на то, что он должен был заранее знать, что скажут в эфире гости его студии. Вероятно, самый сок было решено утаить даже от него. Или ведущий просто очень хорошо играл на публику, изображая неподдельное удивление.

— Но почему они выбрали именно нашу планету для того, чтобы сбросить сюда свои отходы?! — воскликнул всенародно любимый словоблуд. — Неужели не могли просто уничтожить — или отправить в открытый космос, в конце концов?

— Вы не поверите, — отвечивал Андрей Геннадьевич Савельев, — но они поступили так из соображений гуманности. Даже несмотря на то, что эти существа обладали весьма примитивной психикой и не были способны к разумной деятельности, жители Аппир-Дазума не сочли себя вправе обрекать их на смерть. Ну а нашу планету они избрали по той причине, что она, так же, как и Аппир-Дазум, обладает кислородной атмосферой, необходимой для жизни этих существ.

На лице Малахова отразилась крайняя степень изумления. Похоже, его действительно о многом не предупредили.

— Но ведь прежде, чем делать это, они должны были изучить планету, которую подвергали этой чудовищной опасности! — воскликнул телеведущий, когда дар речи к нему вернулся. — В конце концов, они не могли не знать, что на Земле существует разумная жизнь!

— В том-то и дело, дорогой мой, что они знали, — тихо сказал Андрей Геннадьевич. — Они давно изучили нашу планету и обнаружили на ней жизнь... вот только сочли ее не разумной, а настолько же примитивной, как весь тот шлак, который они пять лет назад вывалили на Ростов. В их представлении мы — такие же агрессивные сгустки протоплазмы,

как те отвратительные мутанты. Низшая форма жизни...

Что тут началось в студии — словами не передать. Традиционные для "Пусть говорят" двухсоткилограммовые тетки и пожилые мужчины в старых пиджаках с медалями на груди разрывали рты и потрясали кулаками, всячески понося проклятых инопланетян. Они вели себя так, словно обитатели далекого Аппир-Дазума тоже сидели сейчас перед экранами телевизоров и обязаны были незамедлительно запрыгнуть в свои "летающие тарелки" и примчаться на них в Останкино для того, чтобы извиниться перед землянами за свое заблуждение. Неистовствовал на своем месте Левон Смеян — вероятно, стремился доказать окружающим, что уж кто-кто, а он вовсе не является низшей формой жизни. Малахов пытался перекричать толпу и призвать ее к порядку, но у него ничего не получалось. Спокойствие сохраняли лишь гости из Академии наук. Программа так и закончилась на сумбурной скомканной ноте, что наверняка оставило в сердцах множества телезрителей еще более горький осадок.

Мальшев выключил телевизор и, набив трубку, снова вышел на балкон. На душе у него было пусто.

"Тысячи лет развития человеческой цивилизации, — думал он, затягиваясь и выпуская кольца дыма. — Величайшие достижения науки и техники. Шедевры литературы и философской мысли. И, несмотря на всё это, существуют те, кто считает нас безмозглыми сколопендрами, копошащимися где-то внизу и готовыми при первой же возможности вцепиться друг другу в глотки. Или, быть может, они не столь уж неправы?"

ИНТЕРЛЮДИЯ ВОСЬМАЯ

Выслушав историю об инопланетных мутантах, Ангелина несколько минут потрясенно молчала. Было заметно — этот рассказ произвел на нее гораздо более сильное впечатление, чем все предыдущие.

— Неужели действительно все так плохо с этим миром? — произнесла она в конце концов. — Мы действительно настолько примитивны, что в глазах более развитых цивилизаций стоим на одной ступени с генетическим мусором?

— Конечно же, это не так, — молвил Эйнари, ободряюще положив руку ей на плечо. — Человек — очень сложное, и очень высокоразвитое существо. К сожалению, таков не каждый человек. Но если брать идеал, которого, при достаточном усердии может достигнуть каждый — и которого довольно многие достигли — общая ситуация не будет выглядеть столь удручающей. Я думаю, проблема скорее в том, что та далекая цивилизация, в процессе своего развития попросту утратила то, что мы зовем человечностью. Они не захотели как следует нас изучить, не захотели приглядеться и прислушаться к происходящему на нашей планете. Это их вина, а не наша.

— Я сегодня вернусь домой и буду целый вечер читать книги, — сказала Ангелина. — Я не хочу, чтобы меня принимали за генетический шлак.

— Знаешь, наверное, завтра нам стоит чуть-чуть отвлечься, — Эйнари поднялся со своего места. — Хочешь, в следующий раз я расскажу тебе не страшную, а смешную историю? Я знаю несколько. И они тоже связаны с миром сверхъестественного.

— Ну уж нет, — отрезала Ангелина. — Давай поступим наоборот. Завтра ты расскажешь мне еще более страшную и шокирующую историю. Идти — так уж до конца.

— Ты уверена, что хочешь этого? — уточнил Тойвонен.

— Да, — кивнула девушка. — Хочу. Я не трусиха.

ПРОНИКНОВЕНИЕ

— Чуть-чуть левее. Да, вот так будет самый шик...

Обнаженная девушка на антикварной кровати. Загорелая кожа выгодно контрастирует с ледовой белизной хлопка простыни. Красивая кровать и красивая девушка. Умное лицо с выразительными зелеными глазами, прямым носом и пухлыми чувственными губами — последние выглядят так, будто под завязку накачаны силиконом, но стоит присмотреться — и становится ясно, что они на самом деле настоящие. Так же, как и ее груди, что прекрасно видны через объектив видеокамеры. Фигура этой молодой дамы великолепна. Как раз такую и можно было бы назвать непреходящим идеалом женской красоты. Она не из матрон, балансирующих на грани между пикантной полнотой и безобразной жирностью. Но и не героиновая модель, на чьем флаге начертан девиз "Виват, анорексия!". Золотая середина. Причем "золотая" — в самом прямом смысле этого слова. Бронзовый загар покрывает все ее тело, а огненно-рыжие волосы волнами ниспадают на плечи. Глаза с интересом смотрят в камеру. Девушка ждет.

Камера закреплена на высоком штативе, таким образом, что в объектив попадает не только роскошное тело девушки, но и пространство за ней. Вид спереди, но в то же время — сверху и под углом. Это нужно снимающему, чтобы самому попасть в кадр.

А вот и он. Что называется, "мачо". Надо сказать, весьма достойная партия для той, что терпеливо застыла на белом хлопке. Литые рельефные мускулы, несколько эффектных татуировок... Ну, разумеется, член. Эрегированный. Сантиметров, этак, двадцать.

Наташа почувствовала, что начинает возбуждаться, и рефлекторно сдвинула колени.

Лицо мужчины в кадр покамест не попадало. Только его затылок. Коротко стриженные черные волосы, слегка присыпанные серебристой пылью седины.

Почему-то особое внимание Наташи привлекла красноватая родинка у него на шее. Ну ничего в ней не было выдающегося, в этой родинке, а глаза все равно не могли оторваться!

В левой руке мужчина держал черную тряпицу.

Он подошел к своей подруге, продемонстрировав камере гладкие накачанные ягодицы. Взял правой рукой член и несколько раз провел им по губам девушки. Та рассмеялась и лизнула набухшую головку острым розовым язычком. Сообразно логике, за этим должен был последовать минет. Но не последовало.

Вместо этого мужчина завязал девушке глаза.

Красавица продолжала улыбаться, а "мачо", обойдя ее, взобрался на кровать и пристроился сзади. То, что случилось дальше, выглядело не слишком эстетично, но отнюдь не отвратительно. Наклонившись над очаровательной попкой, мужчина выпустил изо рта струйку прозрачной слюны, метя аккуратно между сочных ягодиц своей партнерши. Только наивный ребенок не догадался бы, зачем это было сделано...

Было заметно, что рыжая слегка напряглась. Но она не стала противиться, вырваться, увертываться. Так требовали правила игры.

Они ведь играли...

В тот момент, когда член погрузился в пещерку ануса, девушка вскрикнула. А после — стиснула зубы, снося последовавшие ритмичные удары в прямую кишку. Мужчина довольно хмыкал. Опустив правую руку вниз, под женский живот, он нащупал клитор и принялся ласкать его, чтобы партнерша тоже могла испытать оргазм.

Это несколько облегчило ей неудобства, причиняемые толстым членом в заднице. Болезненное выражение сползло с лица рыжей. Через несколько минут она уже сладострастно всхлипывала и, похоже, притерпелась к неизбежной при первом таком проникновении боли.

Наташа почувствовала, как между ног у нее проступает влага. Это тоже было неизбежно, как и легкий стыд, охвативший ее при мысли о том, что в комнате присутствует мужчина. Он не мог, разумеется, прочесть ее мысли. Но, вполне вероятно, догадывался, как молодой женский организм реагирует на происходящее по ту сторону экрана. Уши следователя Гавриловой стали пунцовыми.

Парочка из видеозаписи забилась в синхронном экстазе. "Как это им удалось, интересно? — подумала девушка-следователь. — Для такого ведь тренироваться надо. А если в попку, так и того тщательнее".

Мускулистый "мачо" тем временем вытащил член из потерявшего девственность ануса своей подруги (орган лишь слегка обмяк), соскочил с кровати и вновь подошел к рыжей спереди.

"Он что, даже не помоеется? — подумала Гаврилова, глядя, как мужчина подносит головку к ярким губам. — Фу, гадость какая!".

Член не выглядел особо грязным, да красавица и не видела его, но... как она могла начать делать минет, прекрасно зная, где только что побывал пенис ее партнера?! "Извращенцы какие-то", — брезгливо поморщившись, подумала Наташа. Неэстетичность происходящего слегка охладила нараставшее в низу живота возбуждение. Стыд тоже развеялся, и к мочкам ушей вернулся обычный телесный цвет.

"Мачо" кончил во второй раз. Мутная струйка спермы стекла из уголка рта рыжей и, нарушив белоснежную гармонию, шлепнулась на простыню.

Наташа перевела взгляд на сидевшего в углу майора Воронцова.

— Вы мне скажете, что все это значит? — спросила она, облизнув пересохшие губы. — В чем состав преступления? На несовершеннолетнюю она не похожа. Или ее насильно в это вовлекли?

— Ты смотри, смотри, — кивком головы майор указал на экран. — Там сейчас как раз самое... интересное начнется, — слово "интересное" он произнес будто бы через силу.

Наташа снова повернулась к телевизору. Там почти ничего не изменилось — качок опять овладевал своей пассивностью, на этот раз — вполне традиционным способом, хоть и в той же позе. Гаврилова вновь почувствовала сладкий зуд в паху.

Это, все же, была не обычная порнозапись. Но в тот момент, когда Наташа поняла это, она подумала, что лучше посмотрит тысячу фильмов с маркировкой XXX, и пусть там будут показаны самые мерзкие, тошнотворные извращения, лишь бы записанное на этом проклятом диске никогда не происходило...

Стоны рыжей красавицы становились все более страстными, а лицо того, кто подарил ей эту страсть — все более злобным. Словно бы то, чем они занимались, было этому мужчине неприятно. Гаврилова начала догадываться, чем все это может закончиться. Да, скорее всего, сейчас он начнет избивать свою женщину. Это не извращенец, а обыкновенный любитель чужих страданий и унижений, этакий домашний террорист. Таких полно по улицам бродит.

Но... догадка была неверной. В тот момент, когда рыжая, запрокинув голову, испустила финальный оргазменный крик, "мачо" достал из-под матраса нож и, схватив девушку за волосы, перерезал ей горло.

Все было по-настоящему. Настоящий нож, реальная кровь, подлинный предсмертный хрип.

И неподдельная смерть.

Отбросив орудие убийства, мужчина продолжил совершать фрикции и кончил уже в мертвое тело.

Наташа метнула взгляд на Воронцова и увидела, что тот, побледнев, вцепился в края столешницы. На лбу майора выступили крупные бусины пота.

— Дальше смотри, — сдавленным голосом произнес шеф.

И она посмотрела. Ей пришлось наблюдать за всем, что было записано на диске. Ни одному чокнутому режиссеру не пришло бы в голову снять такое непотребство. Нож вернулся в руку убийцы, чтобы колоть и резать остывающую мертвую плоть. Безумный зверь бесчинствовал на экране, уничтожая то, что еще минуту назад являлось эталоном красоты. Он изуродовал ее лицо — сорвав повязку, выковырнул глаза, потом отсек нос и надрезал уголки рта, превратив девичий лик в нелепую маску смерти. Исполосовал лезвием спину и живот, отрезал пальцы. Алые брызги летели во все стороны, перепачкав и убийцу и кровать. Происходящее сопровождалось дикими воплями и омерзительным хохотом.

"Если это случилось в обычной городской квартире, то где же были соседи?", — подумала Наташа. Даже перед лицом гнуснейшего зрелища ее не покинула склонность к логическим рассуждениям.

Казалось, предел безумства уже достигнут, но... это был еще не конец. Перевернув мертвую девушку на спину, маньяк принялся потрошить ее, швыряя петли кишок прямо в объектив камеры. Гаврилова поняла — еще минута, и она потеряет сознание. Или наблюдает на пол в кабинете начальника. Закрыв глаза руками, Наташа попросила Воронцова выключить, что он, не без облегчения, и сделал.

— Ну и что ты об этом думаешь? — спросил майор, когда капитан Наталья Гаврилова, отдышавшись, подняла на него взгляд ставших вдруг мокрыми глаз.

— Это... Это у нас, в Подрайске? — пустым механическим голосом произнесла женщина.

— А хер его знает, — пожал плечами начальник. — Запись — да, в городке всплыла. А уж где ее делали — пока не известно.

— Откуда она взялась? — Наташа немного собралась с мыслями и постаралась вести разговор сообразно своему статусу. Хотя больше всего ей сейчас хотелось забиться в угол и плакать несколько часов кряду.

— Мужик один принес. Он этот диск в видеопрокате взял, представляешь?

— В обычном прокате? — глаза Гавриловой стали едва ли не вчетверо больше. — С каких это пор там такие гадости на полках стоят?

— Вот в этом-то все и дело. Взять он хотел обычный фильм ужасов, — Воронцов протянул Наталье пластмассовую коробку от DVD. "Колыбель кошмаров", — прочитала Гаврилова. С обложки скалился какой-то жуткий волосатый тип с кольцом в губе. Впрочем, в жизни этот человек наверняка был тихим и скромным примерным семьянином. Не то что татуированный "герой", учинивший адскую резню в простой российской квартире.

— Значит, кто-то брал этот фильм до него и подменил диск, — произнесла Наташа. — Случайно или намеренно.

— Случайно, скорее всего, — сказал Воронцов. — Эти любители острых ощущений до такого могут докатиться, что порой застрелиться хочется. Фильм этот, — майор кивнул на коробку, — я, кстати, видел. Дочка притащила. Там примерно то же самое показано. Только понарошку, разумеется.

— Вы думаете, это кто-то из местных сделал?

— Диск в коробку уж точно местный положил. Я успел в прокате выяснить — "Колыбель кошмаров" у них давно в ассортименте. Да блин, месяц назад эта самая коробка у меня на телевизоре валялась. Вопрос весь в том, где наше "кино" снято. И если в Подрайске — то это ЧП такого масштаба, что лучше бы у нас Усама Бен Ладен на центральном рынке гексогеном барыжил.

— Так что, будем дело заводить? — уточнила Наташа, аккуратно положив упаковку от диска на стол.

— Какое дело? — усмехнулся Воронцов. — Ты забыла главный принцип нашей работы? Нет тела — нет и дела. Пока всего лишь нужно выяснить, откуда взялся диск. Выйти на этого любителя "ужастиков". Он, может, просто-напросто из Интернета скачал эту... Господи, и слова-то не найдешь! — майор с размаху хлопнул ладонью по столу. Было заметно — Воронцову очень не хочется, чтобы запредельная видеозапись имела подрайское происхождение.

А уж как Наташе этого не хотелось! Не потому даже, что в этом случае ей пришлось бы взять на себя расследование грозившего оказаться долгосрочным и запутанным дела. Просто Гаврилова не хотела верить, что в тихом подмосковном Подрайске — городе, где она родилась и выросла — может найтись такое чудовище. Кого-кого, а столь гротескно жестоких маньяков в городке отродясь не водилось. И потому Гавриловой был абсолютно понятен и близок цинизм начальника. Шеф тоже не хотел появления в заголовках столичных таблоидов "подрайского мясника". Никто этого не хотел. Даже сам "мясник", если он действительно проживал в Подрайске.

Разум, последовательный и робкий, советовал не лезть чересчур глубоко. Не было ведь ни трупа, ни свидетелей, ни даже малейшего намека на то, что жуткая игра действительно происходила где-то по соседству. Разум вещал, что стоит, пожалуй, ограничиться поисками владельца диска. Они же наверняка окажутся бесплодными, эти поиски. Максимум, что может дать беседа с продавцом в салоне — так лишь приметы клиента, бравшего "Колыбель кошмаров" предпоследним. А разыскивать по приметам парня, против которого даже не возбуждено уголовное дело... В городе с населением в триста тысяч человек это задача для Шерлока Холмса, а не для следователя убойного отдела.

Так говорил разум.

Но совесть не позволяла двинуться этим путем.

Поэтому, выйдя из кабинета начальника, Наталья Гаврилова направилась не к себе, а в дежурную часть, где поинтересовалась, не поступало ли за последние несколько дней

заявлений о пропаже молодых девушек.

Игра...

В чертовом "фильме" все началось с этого. Он включил цифровую видеокамеру и предложил своей подруге "поиграть". Оба они были еще одеты.

Вот и первая несостыковка. По идее, они должны были обо всем договориться задолго до того, как начала работать камера. По крайней мере, так обычно бывает в подобных случаях. А тут — чистейший экспромт. И, стоит отметить, рыжая не сразу на него согласилась...

Стало быть, он хотел, чтобы на диске запечатлелось все. Не только секс и убийство, но и предшествовавший этому разговор. Он — сумасшедший режиссер-убийца — считал, что именно во "вступлении" заложена основная мысль...

Значит, он стремился к тому, чтобы эту запись кто-то увидел?! Он сам положил диск в путешествующую по рукам коробку и принес ее в видеопрокат?!

Такого не могло быть. Даже самые отъявленные безумцы всегда старались скрыть следы своих преступлений. Гаврилова не смогла припомнить ни одного маньяка, который начал бы похваляться своими "подвигами" раньше, чем был схвачен. Разве что Джек Потрошитель, но и тут нельзя ничего утверждать наверняка — письма в лондонскую полицию мог написать кто угодно...

"Подруга, ты его просто переоцениваешь, — мысленно произнесла Гаврилова. — Это во-первых. А во-вторых — еще не факт, что запись была сделана в нашем городе".

В дверь постучали.

— Да-да, войдите, — сказала Наташа. В кабинет шагнул лейтенант из дежурной части. В правой руке он держал лист бумаги. В левой — несколько глянцевых фотографий.

— Вот, — сказал офицер, положив бумаги на стол. — Заявление. Насчет пропавшей девушки.

— Спасибо, — Гаврилова старалась держаться уверенно, но сердце ее в этот миг отчаянно колотилось. Лейтенант, козырнув, удалился. Наташа, прижав ладони к вискам, несколько минут сидела неподвижно, не в силах заставить себя посмотреть на снимки. Потом она все же решилась, протянула руку и осторожно взяла самый верхний.

Взглянула — и тотчас, будто обжегшись, выронила карточку. Та, как назло, упала лицевой стороной вверх. С нее на Наташу смотрела та самая рыжая девушка из кошмарной видеозаписи.

В голове зазвучали гулкие удары Царь-колокола. Или, может, выстрелы Царь-пушки. Через мгновение Наташа сообразила, что это — всего-навсего чьи-то быстрые шаги в коридоре. В кабинет без стука вошел Воронцов.

— Тело нашли, — плюхнувшись на стул, сказал майор.

— Где? Как? — пролепетала Гаврилова.

— В мусорном баке, в одном из дворов. Расчлененка. В сумке. Хотя, конечно, может, и совпадение, — пробурчал шеф.

— Нет. Не совпадение, — Наташа протянула ему заявление и снимки. — Это она.

— А, черт! — взревел майор, взглянув на фотографии. — А впрочем, и хорошо, что не совпадение. Тогда бы нам два убийства тянуть пришлось, — Воронцов снова произнес предельно циничную фразу, но и на этот раз он был совершенно прав.

— Значит так, — произнес майор, барабаня пальцами по столешнице. — Труп уже везут

к нам. Кто заявление принес?

— Ее муж, — сказала Гаврилова, бросив быстрый взгляд на документ.

— Муж? — шеф удивленно приподнял брови. — Так девчоночка-то, оказывается, гулящая была. Вот и догулялась... Ладно. Созвонись с ее мужем... точнее, вдовцом и вызови его сюда. Поделикатней только там.

— Значит, дело поручено мне? — зачем-то спросила Наташа.

— Ну а кому еще? — пожал плечами Воронцов. — Кто у нас лучший следователь в городе? Не я же. И уж тем более не Панов.

Побывав в Москве, многие провинциалы — живущие, скажем, в кубанских станицах или небольших городках близ Ростова — долго еще находятся под впечатлением от увиденного и прочувствованного. Некоторым после пары таких поездок хватает тем для разговоров на всю оставшуюся жизнь — так же, как людям, которые имели неосторожность отслужить в армии. И, разумеется, большинству путешественников хочется вновь побывать в Москве и, если получится, остаться там навсегда.

Но далеко не всем хватает средств и смекалки, чтоб зацепиться и удержаться. Немало переселенцев оседает в Московской области. И тут они сталкиваются с довольно-таки непонятным и неприятным явлением.

От пригородов столицы подсознательно ждешь того же уровня по всем направлениям — в культуре, экономике, безопасности и общественной жизни. Но близкое знакомство с местной реальностью может оказаться неожиданно болезненным. В книжных магазинах почему-то нет модных бестселлеров, которые с легкостью можно найти в южном "захолустье", откуда ты сюда прибыл. На сцене городского театра — если таковой вообще существует — идут замшелые постановки "заслуженных деятелей культуры", не бывшие актуальными даже в премьерный год и, конечно, не ставшие интереснее за прошедшие с тех пор два десятилетия. А современную музыку можно услышать лишь из мобильных телефонов немногочисленных местных неформалов.

Что же касается экономики... Зарплаты в Подмосковье далеко не столичные. Поэтому те из местных жителей, кто порасторопнее, стараются забить теплые местечки как раз в Москве. Что уж и говорить о ее ближайших сателлитах, если даже из Твери многие каждый день едут на работу именно в сердце Родины.

Оно же, сердце это, как всем прекрасно известно, не резиновое...

Подрайск, расположенный в сорока километрах южнее российской столицы, был, с одной стороны, типичным подмосковным городом, а с другой — несколько выбивался из характерной для области общей канвы. По крайней мере, в местный театр Мельпомена хоть изредка, но заглядывала, и постановки его были известны далеко за пределами Подрайска. Да и "продвинутых" молодых людей здесь проживало немало — некоторые городские рок-группы успели уже поиграть на международных фестивалях в Западной Европе. Но этого было недостаточно, чтобы подрайская жизнь не выглядела столь же блеклой, скучной и медленной, как и в огромном большинстве российских провинциальных городов.

Ну что ж... По крайней мере, спокойно.

Несмотря на то, что Подрайск развивался по тем же законам, что и страна в целом, даже в лихие девяностые здесь никогда не совершалось более трех убийств в месяц. Что, учитывая немалую, в общем-то, численность населения, — сущий пустяк.

Народ здесь был такой. Пускай скучный — зато миролюбивый.

Что же касается новейшего времени, то криминальный мартиролог города являл собой ныне картину еще более невыразительную, нежели культурная жизнь какого-нибудь Ситне-Щелканово. Одна лишь бытовуха да несчастные случаи — и далеко не в циклопических масштабах. Милицейского капитана Наталью Гаврилову такое положение дел вполне устраивало.

Ее коллега, старший лейтенант Сергей Панов, гордец и карьерист, наверняка имел на данный счет другие соображения. С такой статистикой, как в Подрайске, феноменальной карьеры не сделаешь — ну а на чем подняться, если раскрывать почти нечего? Панов недолюбливал Гаврилову, поскольку самое громкое преступление последних лет — жестокое убийство бездомного мужчины — было поручено ей.

Пьяные малолетки, возомнившие себя "санитарами общества", насмерть запинали одного из городских бомжей. История получила громкий резонанс, поскольку один из убийц являлся недоделанным сатанистом. Кое-кто из газетчиков даже пытался представить тот случай как ритуальное жертвоприношение. Ну а Наталья Гаврилова получила за раскрытие убийства бродяги свои капитанские погоны.

И вот оно — новое убийство, переходящее границы стандартных для Подрайска ситуаций. Переходящее всякие границы. Наташа подумывала о том, чтобы передать жуткое дело Панову, но... такой шаг мог нанести серьезную обиду майору Воронцову. Владислав Павлович был другом семьи Гавриловых и всячески поддерживал Наташу после трагической гибели ее родителей в автокатастрофе. Именно его стараниями девушка без проблем поступила на юрфак МГУ, по окончании которого и пришла работать в милицию родного города.

Убитую девушку звали Алла Юрасова. Она училась на программиста в подрайском институте. Недавно Алле исполнилось двадцать. Господи, всего двадцать лет...

Тяжело вздохнув, Гаврилова надписала новую картонную папку и вложила туда заявление со снимками. "Надо будет еще распечатать несколько кадров с видеозаписи", — подумала она. При этой мысли глаза следователя вновь наполнились слезами, а к горлу подступил тяжелый ком.

Роняя теплые капли на корпус телефона, Наташа набрала внутренний номер старшего лейтенанта Карпова и поручила оперу связаться с мужем погибшей. У нее попросту не осталось душевных сил, чтобы сделать это самой. А ведь прямо сейчас нужно было идти в морг — взглянуть на тело, которое уже успели привезти и исследовать...

— Черт! Ну за что мне это все? — Гаврилова взяла в руки папку и с размаху хлопнула ею по столу. И еще с минуту сидела неподвижно.

Будто ждала ответа.

— Тело убитой расчленено, вероятнее всего — при помощи бензопилы, — в голосе пожилого судмедэксперта Петра Прозорова сквозила смертельная усталость. Она же давным-давно отпечаталась на его бородатом лице. — Причиной же смерти, на мой взгляд, является...

— Не надо, Петр Аркадьевич, — тихо произнесла Гаврилова. — Я знаю, как ее убили.

— Да? — "властелин морга" снял очки и удивленно посмотрел на Гаврилову. — И откуда же?

— Еще до того, как было обнаружено тело, в отдел попала видеозапись убийства, —

пояснила Гаврилова. Ей, наконец, удалось взять себя в руки, и воспоминания об увиденном в кабинете начальника больше не вызывали желания зарыдать. — Человек, который это сделал, установил в комнате камеру.

— Что-то вроде тех мексиканских киноподелок с реальными убийствами? — спросил эксперт, имея в виду регулярные публикации в бульварных газетах. Эти статьи были предметом активного обсуждения среди школьников, студентов, доминошников во дворах, алкоголиков в пивных и старушек в очередях. — Я бы этим журналистам яйца поотрывал, честное слово. Начитается народ их писанины, и вот результат. Он был в маске?

— Нет, Петр Аркадьевич, — покачала головой Наталья. — Не было никакой маски. Эта мразь засветилась по полной программе. Не знаю уже, случайно или намеренно.

— При любом раскладе, он — полный даун, — почесав бороду, сказал Петр Аркадьевич. — Это ж ведь и фоторобот составлять не надо. Вы его мигом найдете.

— Да, — кивнула Гаврилова, — если он еще в городе. Можно взглянуть? — Наташа подошла к накрытому простыней телу Юрасовой.

— Да, но может, лучше, я... сам тебе все расскажу? — Прозоров понимал, что Наташа в первую очередь — молодая женщина, которой не пристало смотреть на такие вещи, а лишь во вторую — следователь убойного отдела.

— Я должна посмотреть, — сказала Гаврилова, хотя, конечно, делать это ей страсть, как не хотелось. — Только лицо.

— Конечно, — Прозоров откинул простыню в верхней части стола.

Глеб поднимался по ступеням милицейского управления, тяжело дыша, как бегун, заканчивающий марафонскую дистанцию. Сердце бешено колотилось, перед глазами плясали черные точки. Юрасов пребывал в таком состоянии с той самой минуты, когда ему позвонил оперуполномоченный... как, черт возьми, его фамилия? Рыбкин? Окунев? Пескарев? Да какая, к дьяволу, разница? "Приезжайте, чтоб уточнить кое-какие подробности", — сказал старлей. Так бывает только в одном случае. По заявлению о пропаже людей менты звонят только в одном-единственном распроклятом случае!

После разговора с оперуполномоченным Глеб так разнервничался, что даже не стал садиться за руль — доехал до милицейского штаба на автобусе.

— Здравствуйте, — Глеб склонился к окошку дежурного. — Я к старшему лейтенанту Щукину.

— К Щукину? А у нас такого нет. Может быть, к Карпову? Его как только не называют, — улыбнулся сержант.

— Да-да, точно, к Карпову. Глеб Юрасов.

— Вроде, и простая фамилия, а путаница все равно возникает постоянно, — словоохотливому стражу порядка явно было скучно на его посту. — В пятнадцатый кабинет идите, — сержант внес данные Глеба в журнал посещений. — Распишитесь только.

Старший лейтенант Карпов оказался невысоким, но широкоплечим мужиком с ежиком светлых волос на голове и стальными глазами-пулями. "Парень явно нюхнул порошу где-нибудь в Чечне или Южной Осетии, — подумал, взглянув на него, Глеб. — У простого подмосковного мента не может быть такого взгляда, проработай он хоть десять лет в убойном отделе".

Черт! Этот Карпов — он ведь и в самом деле опер из убойного отдела! А стало быть...

Лицо старлея раздвоилось перед глазами. Потом перед ними вдруг возникла стая жужжащих мух. Титаническим усилием воли Глеб выдернул свое сознание из душевного провала, в который оно уже начало погружаться. Опер ничего не заметил.

— Здравствуйте, — рукопожатие Карпова было таким же тяжелым, как и его взгляд. — Вы, стало быть, Юрасов?

— Да, — кивнул Глеб. — Вы меня вызывали.

— Старший оперуполномоченный Андрей Карпов. В общем-то, я всего лишь посредник. Меня просила связаться с вами следователь Гаврилова. Так что давайте пройдем в ее кабинет, — старлей двинулся к выходу.

Гавриловой на месте не оказалось, но кабинет ее не был заперт. Этому факту тихонько порадовался про себя Карпов. В противном случае ему пришлось бы посадить визитера у себя и торчать в кабинете до тех пор, пока на горизонте не появится Наталья.

— А в чем суть дела, вы мне можете сказать? — поинтересовался Юрасов.

— Что-то насчет заявления, — сказал Андрей. — Сейчас найду Наталью, она вам все и объяснит, — Карпов пошел к лестнице.

— Где Гаврилова? — спросил он у шедшего навстречу краснолицего ефрейтора. Тот пожал плечами. Карпов виновато оглянулся на Глеба и несколько раз ткнул пальцем в сторону двери — заходи, мол, в кабинет. Юрасов так и поступил.

Зрелище, конечно, было не из приятных, но после того, что она видела в записи, Наташа могла более-менее спокойно смотреть на конечный результат.

Оставаясь у нее какие-либо сомнения относительно совпадения личности трупа и девушки из видеозаписи, в этот миг они рассеялись бы окончательно. Гаврилова видела те самые ужасные повреждения, которые нанес своей жертве неизвестный маньяк. Выколоты глаза, отрезан нос, рассечен рот. Кожа мертвой девушки была уже тронута разложением. Но не слишком сильно — должно быть, со дня убийства прошло не так уж много времени.

"Как же нам повезло, что этот любитель "ужастиков" побежал с диском в милицию, а не в редакцию газеты, — подумала Гаврилова. — Надеюсь, шеф взял с него подписку о неразглашении".

— Достаточно, — произнесла следователь. Прозоров вернул верхний край простыни на место.

Дверь мертвецкой приотворилась. В образовавшемся проеме возникла голова оперуполномоченного Карпова.

— О, Наташка, вот ты где, — обрадовано сказал Андрей. — Там к тебе заявитель пришел. Глеб Юрасов. Я его в твоём кабинете посадил. Кстати, закрывать бы надо, когда уходишь. А то, чего доброго, преступники все дела потырят.

— Спасибо, Андрей, — в отличие от него, привыкшего на войне спать и подкрепляться рядом с искалеченными трупами, Наталья не могла себе позволить даже улыбнуться, находясь в морге. — Я сейчас подойду.

Одна-единственная мысль пульсировала под крышкой черепа, но этого было достаточно, чтоб лишиться покоя на весь оставшийся день. Да только вот отложить до вечера или на завтра не выйдет — Глеб Юрасов, муж погибшей девушки, уже сидит в твоём кабинете, на втором этаже. А стало быть, нужно идти туда, чтобы увидеть в глазах Глеба немой вопрос, ответ на который придется дать не кому-нибудь, а тебе. Но как это сделать?

Как?!

Вот перед этой ситуацией Гаврилова была готова спасовать. Сказать кому-то, что самый дорогой для него человек лежит в подвале кучей гнилого мяса — это покруче будет, чем бросить беглый взгляд на ту самую кучу...

Гораздо круче.

Так что, сорвать со своих плеч погоны и, не входя к себе в кабинет, настроить заявление об уходе? Пусть дело об убийстве Юрасовой ведет Панов? Пусть летят в тартарары дружеские отношения с шефом?

"Нет, Гаврилова. Держись. Нужно держаться. До кабинета идти еще десять минут. За это время ты успеешь придумать, как сообщить ему о смерти Аллы. В конце концов, это он — мужик, и это у него должны быть стальные нервы. Не умрет. И в обморок не грохнется. Скорее уж, я... грохнусь".

Десять минут пролетели быстро, но Наталье так и не удалось придумать ничего путного. Однако, когда она вошла в кабинет и посмотрела в глаза сидевшего за столом мужчины, то поняла — необходимости в этом нет никакой.

Он знал.

Реакцию следователя Глеб списал на эффект неожиданности. Должно быть, Карпов не успел сказать ей, что Юрасов уже в кабинете — Гаврилова закончила какие-то свои дела, вернулась на рабочее место и увидела там абсолютно незнакомого мужика. Потому и застыла на пороге, вытаращив глаза и нелепо открывая рот в тщетных попытках что-то сказать.

Потом она вдруг развернулась на сто восемьдесят градусов и метнулась обратно в коридор.

Глеб приподнялся, пытаясь понять, что происходит. На мгновение он даже забыл о цели своего прихода сюда.

"Андрюша!", — раздался из коридора отчаянный женский крик. Кричала Гаврилова. А звала, скорее всего, Карпова. Кто-то бежит. "Это он! Это убийца!", — кричит женщина-следователь.

"Что? При чем здесь какой-то убийца?"

Он так ничего и не понял. Даже когда в кабинет Гавриловой шагнул Карпов с пистолетом в руке. С чего это вдруг старший оперуполномоченный взял Глеба на прицел? Зачем нужны наручники, а главное — почему они защелкнулись на его, Юрасова, запястьях?

Карпов и будто из ниоткуда возникший парень в форме сержанта вывели Глеба из кабинета Натальи Гавриловой и в буквальном смысле потащили по коридору к лестнице. Юрасов был ошеломлен происходящим настолько, что даже не пытался сопротивляться. Впрочем, учитывая наличие у скрутивших его людей огнестрельного оружия, это было бы полнейшим безумием.

— Что вы делаете? — спросил Глеб у Карпова. — Куда вы меня ведете?

Обычно в подобных случаях стражи порядка глумливо отвечают "Сейчас увидишь". Шедший справа сержантик именно это и сказал. Но опер Карпов, бывший несколько более интеллигентным, чем в российской милиции принято, соизволил-таки прояснить ситуацию.

— В камеру, — коротко произнес он.

— За что? — попробовал продолжить диалог Глеб.

Но на этот раз Андрей промолчал. Не потому, что считал ниже своего достоинства

общаться с задержанным.

Просто он сам не знал, за что волочет Глеба Юрасова в изолятор. Капитан Гаврилова назвала этого человека убийцей — а сомневаться в ее словах у Карпова оснований не было.

Майор потряс своей бульдожьей головой и попросил еще раз все рассказать. Владислава Павловича Воронцова, в отличие от некоторых его коллег по званию, нельзя было назвать тупицей. Но для того, чтоб "въехать с первого захода" в то, что прозвучало сейчас из уст следователя Гавриловой, ему в буквальном смысле не хватило мозгов.

Да и никому бы не хватило.

— Муж убитой, подавший заявление о ее пропаже, — с расстановкой произнесла Наталья, — и есть ее убийца. Тот самый человек из видеозаписи. Совпадения быть не может.

Воронцов и присутствовавший в кабинете Карпов переглянулись. Один из них видел упомянутую запись, но пока не встречался с Глебом Юрасовым. Другой — с точностью до наоборот.

— Так, и что же это получается? — начальнику убойного отдела, похоже, удалось собраться с мыслями. — Парень забавы ради выпотрошил собственную жену, а после решил замести следы. Подал заявление — дескать, девушка пропала без вести, а я не при делах. Но прокололся — причем так прокололся, что уже не сможет отмазаться.

— Вы, может, и меня просветите, а? — не выдержал Андрей. — Что за убийство, про которое я ничего не знаю?

— Сегодня утром один мужик притащил в управление DVD, на котором записана сцена убийства, — пояснил Воронцов. — Причем такая сцена, что и у тебя, наверное, волосы дыбом встанут, — майор имел в виду участие Карпова в обеих чеченских кампаниях. — Главная фишка в том, что диск этот всплыл в простом видеопрокате. Понял теперь, какие "режиссеры" с нами по одним улицам гуляют?

— Так что, этот жлоб на видео снимал свои "развлечения"? — недоверчиво произнес Карпов.

— Ага, — кивнул Воронцов. — А потом пошел сдавать диск в прокат и случайно сунул в коробку свое домашнее видео. Нет, ты представляешь, Андрюха, — в своей обычной манере цинично усмехнулся майор, — мы в один день и об убийстве узнали, и тело нашли, и, похоже, убийцу поймали. И все это — еще до обеда.

— На рекорд тянет, — согласился Андрей. — Жаль, в книгу рекордов Гиннеса такие вещи не заносят.

"А вот судьба несчастной Аллы, похоже, их нисколько не заботит, — горестно подумала Гаврилова. — С ней-то, с судьбой, уже решено, но все-таки... девку выпотрошили, на куски порубили, а они лыбятся". Впрочем, к такому поведению коллег Наталья давно привыкла.

— Мне кажется, запись оказалась там не случайно, — сказала она.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился майор Воронцов. — По-твоему, этот мужик, как его там, кстати?

— Глеб. Глеб Юрасов.

— Так что, ты думаешь, этот Глеб специально отнес диск в прокат? Чтобы весь город увидел, как он свою жену убивает? Наташ, вот что-что, а эта идея явно зародилась у тебя на почве переутомления. Не выдумывай. Не бывает так.

И он был прав. История, кажется, знавала случаи, когда убийцы подбрасывали куда-либо видеохроники своих кровавых эскапад. Но те ребята перед началом съемки надевали

маски. И убивали ублюдки безродных бродяг и проституток, а не любимых красавиц-жен.

И, уж конечно, не в собственных спальнях они это делали.

Так что Гаврилова не стала пытаться убедить начальника в своей правоте. В конце концов, верно ведь все — убийца схвачен и водворен в камеру. Осталось лишь провести совсем небольшое следствие — ведь горячие следы не успели еще остыть — чтобы прокуратуре было легче работать с делом в суде. И вскоре маньяк-режиссер Юрасов сменит стены подрайского следственного изолятора, который ввиду отсутствия в городе напряженной криминальной обстановки, располагался прямо в здании ГУВД, на другие — куда как более мрачные, неприветливые и холодные.

Именно так и должно быть.

Именно так и происходит всегда.

Ну, почти всегда.

Некая тревожная мысль все-таки продолжала назойливой мышью скрестись в затылке капитана Натальи Гавриловой. Она не имела касательства к дальнейшей судьбе Юрасова. Что-то, уже случившееся, шло вразрез с произведенными логическими построениями и с логикой как таковой...

Но что?

— Так, пойду-ка я, пожалуй, взгляну на него, — сказал, вставая, Воронцов. — Не каждый день в родном изоляторе Джек Потрошитель кантуется.

Как и очень многие другие вещи, правила обустройства помещений, предназначенных для лишения свободы, не изменятся в России никогда.

Это может случиться только после того, как в стране свершится фундаментальный переворот — и далеко не политический. Только после того, как люди перестанут думать, что если раньше что-то делалось строго определенным образом, то и дальше следует делать эту вещь ровно точно так же, пускай она и выйдет совершенно непригодной к употреблению. Иначе — в случае нарушения традиций — из-за облаков свесится к земле боженька, погрозит нерадивым мастеровым пальчиком и скажет "Ай-ай-ай! Не возьму вас, собаки, в Рай!".

Согласно невесть кем установленной традиции, мелкие изоляторы в небольших населенных пунктах должны быть лишены приличного санузла. До относительно недавнего времени то же правило действовало и в отношении крупных "зон". Впрочем, на тот момент, когда Глеб Юрасов очутился в камере подрайского изолятора, "мода" оснащать зековские "апартаменты" современными туалетами докатилась далеко не до всех российских колоний и тюрем.

Тем, кто их проектировал и строил, почему-то было невдомек, что раньше — то есть, в прошлые века — унитазов в камерах не было вовсе не потому, что так положено. Просто в те стародавние времена унитазов не было нигде. Даже представители высшего общества, если в разгаре бала их вдруг беспокоил кишечник или мочевого пузырь, шли с этой проблемой в специальную комнату, сплошь уставленную горшками. По слухам, Александр Пушкин впервые встретился со своим будущим убийцей как раз в такой горшечной.

Больше всего, конечно, Глеба беспокоило не то, что в течение некоторого времени ему придется ходить на "парашу" — здесь функции оной исполнял здоровенный алюминиевый бачок, в каких кипятили белье в советских прачечных. Юрасов был потрясен случившимся и в первую очередь желал узнать, за что же его сунули в камеру. Даже мысли о судьбе жены на

несколько минут отступили на второй план. Сейчас они постепенно возвращались. И, соединившись с другими мыслями, привели Глеба к единственно верному выводу.

"Да это же ясно, как Божий день! — обхватив голову руками, подумал Глеб. — Кому-то из них нужно получить очередную "галочку" и продвинуться по службе. И они решили назначить меня убийцей Аллы. Вот дьяволы-то, а!", — Юрасов сжал кулаки и с силой стукнул по деревянным нарам, на которых сидел.

Глеб никогда прежде не попадал в подобные места. Даже в вытрезвителе ни разу не отдыхал, хотя в студенческие годы возносил обильную дань известной традиции. Поэтому представление о том, что должно происходить в локациях, неотъемлемыми атрибутами которых являются "шконка" и "параша", Юрасов имел весьма смутное, основанное исключительно на эпизодах криминальных сериалов и статьях из бульварных газет.

Наиболее характерным персонажем и в том и в другом случае являлся бывалый урка, начинавший с нажимом выпрашивать у новичка обстоятельства его прежней жизни и, собственно, попадания на "кичу". К счастью, в камере, где сейчас находился Глеб, такого "кадра" не оказалось — Юрасов был здесь вообще один. К счастью — в первую очередь для самого потенциального соседа-забияки, ибо Глеб непременно сорвал бы на нем всю накопившуюся злость. Что-что, а ставить людей на место Юрасов умел хорошо.

Если только речь не шла о людях в форме и с пистолетами.

Алла наверняка мертва. Раз менты считают его виновным, у них должны иметься доказательства преступления, которое он "совершил". Скорее всего, у них на руках есть труп. Труп его жены Аллы. "Черт! — Глеб еще раз стукнул кулаками по доске. — Надо выбираться отсюда. В конце концов, сейчас не тридцать седьмой год. И насчет Аллы тоже надо выяснить. Дьявол, более дурацкого недоразумения в моей жизни никогда не было!".

Первым делом нужно связаться с адвокатом. Написать заявление на имя начальника изолятора. Значит, прямо сейчас следует позвать охранника и попросить его принести бумагу и ручку. Стоп!

Обшарив свои карманы, Глеб рассмеялся. Задержание происходило так быстро, что никто и не подумал его обыскивать. Все, с чем Глеб явился в городское управление внутренних дел, осталось при нем. Ключи от квартиры и машины, КПК и, разумеется, мобильный телефон. Не нужно никакого заявления. Достаточно отправить СМС работавшему на Юрасова юристу. Так все пройдет намного быстрее.

Но отправка СМС оказалась и единственным, что он успел. В тот самый миг, когда сообщение устремилось в космос, чтобы, спустя несколько секунд, спикировать на телефон адвоката, в двери камеры отворилось окно "кормушки", и внутрь заглянул милиционер. То явно был не охранник. Такой вывод Глеб сделал по его комплекции — было заметно, что визитеру пришлось встать на цыпочки. Это позволило узнику разглядеть у него на плечах погоны майора. Стало быть, кто-то из начальства пожаловал. Что ж, весьма своевременно...

— Здравствуйте, — сказал, вставая, Глеб. — Я бы очень хотел услышать от вас, за что меня задержали.

— Это что такое?! — вместо ответа закричал майор, увидев в руке Юрасова телефон. — Откуда у него мобила?

— С собой была, наверное, — произнес кто-то за его спиной.

— Так почему не обыскали? Немедленно заберите! — майор исчез из проема, уступив место амбалу-охраннику. Забряцали ключи. Глеб понял, что конструктивного диалога, скорее всего, не выйдет.

В течение следующих нескольких минут телефон и содержимое карманов Глеба перекочевали в здоровенные лапы вертухая. Майор вошел в камеру и остановился у входа, сложив руки в замок за спиной. В коридоре Глеб заметил Карпова и Гаврилову. Последняя, как показалось Юрасову, смотрела на него чересчур уж пристально. Но ему это было безразлично.

— За что меня задержали? — повторил Глеб, глядя на майора. — И что с моей женой?

— А то ты не знаешь, — усмехнулся милицейский начальник. По интонации, с которой это было сказано, Глеб понял, что получил ответ на оба вопроса сразу.

— Я не убивал Аллу, — произнес Юрасов.

— Если не убивал — значит, пойдешь домой, — пожал плечами майор. — Разберемся. Ремень и шнурки изыми у него, — эти слова были обращены уже к охраннику.

"Разговор окончен", — мрачно подумал Глеб. Безропотно вынул из джинсов ремень, расшнуровал ботинки. А после — растянулся на "шконке", игнорируя присутствие ментов. Им, кажется, тоже было на него наплевать. Или нет — если судить по взгляду Гавриловой и по последней фразе лысого майора?

— Странный какой-то маньяк, — обронил тот, выходя из камеры.

"Маньяк? Какой еще маньяк? Они что здесь, с ума все посходили? Что с Аллой? Если ее убили, то почему они ничего не скажут? Да это просто роман Кафки какой-то!", — Глеб с силой впечатал кулак в синюю бетонную стенку. Боли он при этом не почувствовал.

"Ничего, — подумал Юрасов. — Сейчас приедет Вадим, и это проклятое недоразумение разрешится. Загнобить меня тайком они не смогут".

— Никто тебе не поможет! — раздался вдруг рядом чей-то противный голос. Не противный даже, а откровенно мерзкий — будто у кого-то в заднице вдруг вырос язык, а после задница эта простудилась и охрипла.

— Что?! Кто это здесь?! — Глеб мгновенно принял сидячее положение и потрясенно уставился на пол в центре помещения — там клубилось небольшое зеленое облачко.

— Я — твоя самая страшная сказка, — прозвучало из него. По камере начало расползаться отвратительное зловоние. Глеб зажал двумя пальцами нос.

— Что, не нравится, как я пахну, да? — насмешливо произнес гнусный фальцет. — Терпи, сука! Бог терпел — и нам велел!

— Кто ты? — Глеб смотрел на облако широко раскрытыми глазами.

— Ну потерпи немного, мой милый! — издевательски выкрикнул голос. — Сейчас ты сам все узнаешь!

Зеленая муть начала концентрироваться, принимая контуры какого-то существа. Через несколько минут перед Глебом на полу стоял кошмарный монстр, испугаться которого мешали только его размеры. Тварь была ростом с откормленного кролика, решившего вдруг начать ходить на задних лапах.

Но вот во всем остальном она ничуть не походила на добродушного ушастого зверька...

Скорее уж на игуану — но антропоморфную, комплекцией отдаленно похожую на человека. Мощные задние ноги и короткие лапки-руки. Извивающийся длинный хвост. Морщинистая морда, главной "достопримечательностью" которой являлись два ряда блестящих зубов. С черепа монстра свисали несколько прядей рыжих волос. Красные глаза смотрели на Глеба Юрасова с невыразимой ненавистью. Посмотри на него так какой-нибудь человек — непременно нарвался бы на выяснение отношений.

Но Глеб прекрасно понимал, что видит перед собой не человека, а... нечто, абсолютно

чуждое людской природе. Теоретически в то, что среди обитателей планеты Земля может обнаружиться подобное создание, можно было еще поверить. Если б только оно не говорило. И не было так похоже на вурдалака из древнего дешевого ужастика.

Закончив свое воплощение, монстр осклабился и сделал что-то вроде реверанса. Дескать, а вот и я! Это могло показаться забавным, но Глеб уже понял — сегодня весь день творится что-то не то. Конкретное "не то", раз уж дело дошло до таких вещей.

— Кто ты? — Глеб убрал руку от лица. В ноздри ворвался мерзкий гнилостный запах, но Юрасов решил, что лучше притерпеться к нему, чем гундосить, как переводчик-видеопират.

— Я — тот, кто еще недавно был тобой, — проскрипела тварь.

— Как это — ты был мной? — Юрасов напрягся. Кто другой в этой ситуации уже лез бы на стенку, вопя от ужаса, но Глеб никогда не жаловался на слабые нервы. К тому же, он видел в своей жизни достаточно, чтобы знать — возникающие из ниоткуда говорящие монстры — не самый неприятный сюрприз, который может преподнести окружающее мироздание. И прекрасно понимал, что сможет раздавить гнусного собеседника в лепешку, просто топнув ногой.

— Не помнишь, — заухмылялся зеленомордый урод. — Ну разумеется, ты не помнишь. Если бы помнил, значит, я прокололся. А я еще ни разу не прокалывался, Глебушка.

При звуке своего имени Юрасов вздрогнул. Его будто жаром обдало — чего не случилось даже в момент появления твари.

— Так, — сглотнув слюну, произнес Глеб, — мое имя ты знаешь. Может, и сам... само представишься?

— Охотно, — монстр скорчил омерзительную гримасу. — Меня зовут Гниздра. Я элементар.

— Я слышал о вас, — прошептал Глеб. — А имя твое тебе идеально подходит, — сказал он уже тверже.

— Ох, ну спасибо, — Гниздра начал подпрыгивать на одном месте, суча передними лапками и издавая звуки, похожие на обезьяньи крики. Обернувшись таким образом вокруг своей оси, он остановился и вновь, не мигая, уставился на Глеба. — Слышал, говоришь? Значит, происходящее не является для тебя каким-то особенным шоком. А вот это уже — моя недоработка. Обожаю смотреть, как людишки пугаются до усрачки.

— Не мог бы ты выразаться поприличнее? — Юрасов поморщился. — Ты отвратительно выглядишь, от тебя воняет, да еще и сквернословишь, как привокзальный бомж.

— А ты у нас, значит, вежливый, да? — Гниздра начал противно хихикать. Только так и мог смеяться уродливый монстр. Или наоборот — так мог смеяться только уродливый монстр. — Посмотрим, как запоешь, когда узнаешь, зачем я здесь!

"Интересно, что будет, если в камеру сейчас заглянет горилла в форме, — подумал Глеб. — Увидит ли охранник эту зверушку? Слышит ли он наш разговор?".

— Ты начинаешь мне надоедать, — прикрыв ладонью рот, Юрасов демонстративно зевнул. — Говори, с чем пожаловал, или я лягу спать.

— Попробуй только, я тебе член отгрызу, — окрысился Гниздра. "Вот на кого он похож больше всего, — понял человек. — Не игуана это никакая, а радиоактивная крыса-мутант!".

— Ты даже на нары-то ко мне взобраться не сможешь, задохлик хренов, — отмахнулся Глеб. — Сейчас как пну тебя, в парашу улетишь!

— Молодец, вот это по-нашему, — Гниздра аж затрясся весь. — Я с нетерпением жду, что ты скажешь дальше.

— Ты сказал, что мне никто не поможет, — промолвил Глеб. — Что ты имел в виду?

— А ты сам еще разве не догадался? — уродец казался искренне удивленным. — Некому тебе помочь, Глеб. Ты попал в невозможную ситуацию. Тебя подставил Запретный мир.

То, что вы никогда в своей жизни не встречали утконоса, не является поводом сомневаться в самом существовании этих зверей. К вам никогда не вламывались с обыском агенты спецслужб, но поверьте — есть довольно много людей, которых они периодически навещают. А в одной из кенийских тюрем томится арестованный за наркоторговлю несчастный негр, сводный брат которого однажды был избран Президентом Соединенных Штатов Америки. Невозможное возможно. И вовсе не обязательно даже верить в это. Просто оно однажды может случиться и с тобой тоже, а чем все закончится — то уж зависит от степени твоей подготовленности.

Глеб Юрасов в свои тридцать два года был подготовлен к встрече с потусторонней пакостью достаточно хорошо. Уже хотя бы то, что он не отрицал безоговорочно реальности этого пласта жизни, позволило Глебу не испугаться "до усрачки", как выразился его омерзительный гость.

Элементеры. Это словечко встречалось Юрасову довольно часто — в книгах, статьях и беседах с людьми, которые находились в "теме". Злобные духи, стремящиеся причинить как можно больше страданий тем, кого изберут своими жертвами. Правда, обычно это выражается в бесконечной череде разнокалиберных неприятностей, которые, в конце концов, вынуждают человека самостоятельно наложить на себя руки. Ссоры с родными, близкими, любимыми людьми. Постоянные поломки аппаратуры, от которой зависит карьера. Неудачи абсолютно во всех начинаниях. Регулярные столкновения с криминалитетом или возникающие на пустом месте проблемы с законом. Всевозможные гнусные совпадения, где каждый подвернувшийся под ногу камень, каждое грязное пятно на одежде является звеном одной гибельной цепочки. Не просто "черная полоса", а беспросветная вязкая чернота со всех сторон и на семь футов вверх...

В жизни Глеба ничего подобного прежде не происходило. Напротив — весьма неплохо до совсем недавнего времени складывалась его жизнь. Но вот — накрыло. Причем капитально накрыло, будто они решили отказаться от своей обычной тактики и в течение одного дня до смерти заплевать его своей протухшей эктоплазмой. Вон, один из них даже показался ему воочию...

"Ты еще как прав, ублюдок, это действительно невозможная ситуация.

Но вот помощники у меня найдутся.

Правда... сначала неплохо было бы выбраться из подвала".

После "экскурсии" в изолятор Наталья лишь укрепилась в мысли, что с Юрасовым не так-то все и просто. Единственным, что мешало усомниться в его виновности, оставался теперь лежавший в морге изуродованный женский труп.

Складывалось впечатление, что на треклятом диске, а после — у себя в кабинете и в камере — Наташа видела двух разных людей с абсолютно идентичной внешностью. Появление Юрасова перепугало Гаврилову до икоты, но теперь, успокоившись, она

понимала — эти двое, все же, идентичны не полностью...

Тот жуткий Глеб с экрана был сначала подобен роботу. Механические движения и будто бы омертвевшее лицо с остановившимся взглядом, не выразившим никаких эмоций даже во время секса. Он начал меняться лишь незадолго до убийства, превращаясь в ту самую объятую бешенством кошмарную тварь, от которой Гаврилова бросилась прочь, едва войдя в кабинет. Но в том-то все и дело, что рядом с ней в тот миг не было никакой твари. За столом сидел другой Глеб Юрасов. Не бесчувственный андроид и не кровожадный зверь, а самый обыкновенный человек.

Сразу она, конечно, ничего не сообразила — слишком отчетливы были воспоминания об увиденном час назад. Чуть позже... Когда Андрей и какой-то молоденький сержант тащили Юрасова в камеру. Тогда Наталья впервые подумала, что этот несчастный мужик — никакой не убийца.

Правда, она до сих пор не смогла понять, что заставило ее так подумать.

Но сейчас, сидя в кабинете начальника, Гаврилова являлась частью команды и должна была подготовить как можно больше доказательств вины Глеба Юрасова.

— Подставил? То есть, на самом деле вы управляете всеми этими ментами? Вы заставили их упрятать меня сюда? Не отпирайся, ублюдок. Я знаю, что вы на это способны.

Слова "Запретный мир", только что произнесенные Гниздрой, Юрасов слышал впервые. Но должно же у тварей быть некое особое место, где они могли бы жить и заниматься своими гнусными делами. Какая разница, как его называть — Ад, Навь, или Запретный мир? Главное сейчас — вести себя абсолютно спокойно. Раз уж они реальны, не стоит пытаться закрыть на это глаза. "Ты не сошел с ума, Глеб. Все это правда". Глядишь, еще и удастся переиграть эту гадость. К тому же, монстр пока не проявил себя чем-то запредельно-хтонически inferнальным. Он, скорее, ведет себя как спившийся психованный бомж.

— Ну, нет, тут ты не вполне прав, хотя и смог подобраться довольно близко к истине, — Гниздра вдруг сменил тон, заговорив как постоянный зритель программы "Что? Где? Когда?" и проектов Александра Гордона. — Ты действительно оказался здесь по моей воле. Но дело тут не в ментах. Они поступают так, как им предписано поступать. Они поймали убийцу и готовятся передать его правосудию.

— Что за чушь ты несешь? Я ни в чем не виноват!

— Ошибаешься, дорогой, — возразила тварь. — Вспомни, что ты сам сказал полторы минуты назад. На что, как ты знаешь, мы способны?

— Управлять людьми, контролируя их сознание, — Глеб похолодел. — Подожди, ты хочешь сказать, что...

— Ну наконец-то! — морда элементера искривилась в особенно отвратительной ухмылке. — Что я люблю больше всего — так это сбивать спесь с самоуверенных болванов навроде тебя. Все верно, Глебушка. Ты действительно убил свою жену. Так ее разделал, что и Чикатило бы позавидовал. Есть только один крошечный нюанс — в твоей дурной головушке на это время прописался я!

— Не может быть... не может быть... не может быть... — точно заклинание тихо повторял Юрасов, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Э, да ты, как я погляжу, рассудком повредился, — изгалялся Гниздра. — Быстро потек, даром, что с виду крепкий. Потешный вы народ, маньяки. О! Анекдот вспомнил! Идет маньячила по лесу и ведет за руку маленького мальчика. А в другой держит огромный топор.

Наклоняется к пацану и спрашивает: "Что, милый, страшно тебе?". Тот отвечает: "Ой, дяденька, страшно!". А маньяк ему: "А уж мне-то как страшно! Мне ведь еще обратно через этот ужасный лес идти!", — элементар вновь принялся противно хихикать.

— Слушай, давай я тебе тоже анекдот расскажу? — произнес Глеб, собрав свою волю в кулак. — Короче, сидят крокодил Гена и Чебурашка на крыше высотки. Едят лепешки. Вдруг Гена роняет свою лепешку вниз. И говорит: "Чебурашка, будь другом, сбегай, принеси". Чебурашка начинает спускаться по лестнице вниз. А Гена думает: "Черт, эта гнида ушастая сейчас сама мою лепешку сожрет!". Взял, да и прыгнул с крыши. Тут Чебурашка выбегает из подъезда и кричит наверх: "Ген, тебе какую — белую или зеленую?".

— Не смешно, — проскрипел Гниздра. — Детский какой-то анекдот, дурацкий.

— Зато в тему, — вставая, усмехнулся Юрасов. — Ведь это ты у нас — зеленая лепешка!

В следующий миг он с силой наступил элементару на голову. Раздался хруст, а вслед за ним — звук, который мог бы возникнуть, если бы кто-то с размаху стукнул кувалдой по пластиковой бутылке с водой. Только вот вместо воды полетели в разные стороны брызги зеленой слизи, которая, должно быть, заменяла элементару кровь.

Гниздра даже пискнуть не успел. Тело уродца сложилось гармошкой, точно в нем не было ни единой кости. Глеб несколько секунд давил на полупризрачную плоть элементарера, пока не сровнял ее с бетонным полом камеры. Потом убрал ногу и посмотрел на результат. Лишь плававшие в зеленой жиже рыжие волосы напоминали о прежнем облике раздавленного существа. А так — ни дать ни взять, "зеленая лепешка" из только что прозвучавшего анекдота.

— Терпи, сука, — пробормотал Глеб, присаживаясь на нары и стаскивая испачканный склизкой зеленью ботинок. — Бог ведь терпел.

Мужчина посмотрел по сторонам, ища, чем бы вытереть обувь. Остановился на наволочке — спать здесь он все равно не собирался. Сейчас приедет адвокат, и...

— Хотя, Юрасов, — произнес Глеб, тщательно оттирая с ботинка потустороннюю мертвечину, — ситуация у тебя и впрямь невозможная. Боюсь, адвокат нам даже не пригодится.

Теперь все окончательно встало на свои места. Однажды утром Глеб Юрасов проснулся у себя дома и не нашел поблизости своей жены Аллы. Мобильный телефон ее не то чтобы не отвечал — он одиноко лежал на столе в гостиной. Глеб сразу начал беспокоиться, ведь до первой пары в институте оставалось еще несколько часов. К тому же, во время сессии Алла часто занималась по ночам и, вследствие этого, просыпалась чуть позже обычного. Звонки родственникам и друзьям также ничего не дали — никто не знал, где находится Алла Юрасова. Она, конечно, могла и сбежать, но... во-первых, отношения в семье складывались идеальным образом, а во-вторых — все вещи жены были на месте. Включая сумочку, которую Алла брала с собой, даже идя в магазин за хлебом.

Именно этот факт и заставил Глеба сразу настроичить заявление в милицию, которое, разумеется, взяли в оборот лишь спустя трое суток...

Но было и еще кое-что, чему Юрасов до сегодняшнего дня не мог найти совершенно уж никакого объяснения. Он ничего не помнил с того момента, как вернулся с работы домой минувшим вечером. Алла тогда находилась в квартире...

Такое бывает с алкоголиками и наркоманами, а еще чаще — с теми, кто одновременно предается обоим порокам. Но Глеб уже давно не пил сверх меры, а наркотический его опыт ограничивался несколькими "косячками", выкуренными еще в допризывном возрасте.

Он старался не думать об этом. Старался не связывать между собой исчезновение Аллы и дурацкий провал в собственной памяти. Возможно, понимал на подсознательном уровне — эти вещи действительно намертво связаны, и лучше ему не знать, как именно. Что ж, сегодня он это узнал...

— Все у тебя было, Юрасов, — сказал сам себе Глеб, растянувшись на нарах. — Молодая красавица-жена, успешный бизнес, счет в банке, квартира, машина, а главное — непреходящая уверенность в завтрашнем дне. А теперь? Что есть у тебя теперь?

— Что у нас есть на этого Глеба? — спросил Воронцов, отвлекшись от изучения записной книжки задержанного.

— По криминалу он чист, — сообщил Карпов, успевший провести данные Юрасова через милицейскую базу данных. — Ничего, ни хулиганства, ни драк, ни даже распития.

— В общем-то, типичная картина для маньяков, — почесав подбородок, заметил майор. — Чикатило — тот вообще тише мыши был.

"Шеф теперь любой факт будет истолковывать в пользу своей точки зрения, — подумала Наташа. — Если б Андрюха сказал, что Юрасов — известный городской дебошир и насильник, вывод был бы сделан ровно тот же самый. Мол, мы имеем дело с прирожденным убийцей...".

Сама Гаврилова последние пятнадцать минут занималась изучением содержимого карманного компьютера Юрасова. Обнаруженные там документы стали для нее большим сюрпризом. Глеб оказался владельцем самой крупной в городе фирмы по поставкам компьютеров, принтеров, факсов и прочей оргтехники. Его клиентами были все более-менее серьезные организации Подрайска. В том числе и родное милицейское управление...

"Нет, такой человек не мог пустить свою жизнь под откос, — подумала Наталья. — Даже если бы он вдруг надумал избавиться от жены, то провернул это совершенно иным образом. Вывез за город, застрелил из пистолета с глушителем, да и закопал где-нибудь в лесу. Люди его уровня знают, как надо совершать преступления, даже если и не собираются этого делать".

Что-то было не так. А по большому счету — все. Органы правопорядка получили идеальное преступление — по их понятиям, разумеется, ибо оно не требовало практически никаких усилий для раскрытия. Но капитан Наталья Гаврилова понимала — задумай торговец компьютерами Глеб Юрасов совершить по-настоящему идеальное убийство, он, скорее всего, вышел бы из воды абсолютно сухим и стал подрайским О" Джей Симпсоном, а вовсе не Джеком Потрошителем.

"Его подставили", — дикая в своей алогичности мысль сперва зародилась в подсознании, но через несколько минут уже всю хозяйничала в стабильных областях мозга. Гаврилова начала на полном серьезе обдумывать варианты, при которых такое могло оказаться возможным. Правдоподобных имелось всего два. Брат-близнец, либо же двойник. Если за Глеба всерьез взялись конкуренты или еще какие недруги, то наиболее вероятен второй...

Впрочем, был и третий. Довольно фантастичный, правда, но... не настолько, чтоб безоговорочно его отменить.

Управление человеческим сознанием. Гавриловой доводилось общаться с несколькими работниками госбезопасности, и она знала — существует не одна технология, позволяющая подчинить своей воле человека, который никоим образом этого не желает. Спонтанный

гипноз, нейролингвистическое программирование, двадцать пятый кадр, и даже какие-то механические приспособления для дистанционного контроля. В былые годы все это являлось государственной тайной. Но чем больше времени проходит, тем дешевле и доступнее становится... абсолютно все, включая даже подобные секреты. Постепенно Гаврилова сконцентрировалась именно на этой версии, которая показалась бы верхом абсурда цинику Воронцову или прагматику Карпову. Но Наталья и не собиралась делиться своими соображениями с коллегами. Пока что она хотела лишь окончательно разобраться в происходящем. Времени, чтоб доказать невиновность Юрасова, у нее, конечно, не было. Но даже если скоро Глеб отправится в тюрьму, капитан Гаврилова найдет способ вытащить его оттуда.

По крайней мере — очень постарается найти.

— Ты прав, Глебушка, — проскрипел снизу знакомый мерзкий голос. — Ни хрена у тебя теперь нет.

Юрасов заскрежетал зубами в приступе бессильной ярости. Он подозревал, что расправиться со сверхъестественным созданием, просто топнув ногой, не выйдет. Но как же ему не хотелось, чтобы это подозрение подтвердилось!

На этот раз Глеб не стал быстро подниматься, поскольку уже знал, что увидит. Неторопливо сел, скрестив ноги и посмотрел вниз. Тут же его лицо приняло донельзя брезгливое выражение. Происходящее на полу выглядело еще отвратительнее того, что Глеб успел увидеть прежде...

В центре зеленой лужи блестящая слизь собралась в сгусток, который все сильнее выступал над поверхностью, приобретая черты гадкой морды элементера. В двух черных провалах на мягком черепе появились ростки глазных яблок — с каждой секундой они увеличивались в размерах и наливались зловещим красным огнем. В щели рта проклюнулись зубы. Волосы заползли на макушку и мгновенно вросли в нее. На глазах у Глеба Гниздра восстанавливал свое раздавленное тело подобно тому, как возвращался к жизни отвратный мертвец из старого фильма ужасов. Это никак нельзя было назвать эстетичным зрелищем.

— Фу, гадость какая! — воскликнул Глеб, сдерживая начавшие терзать горло рвотные спазмы.

— Хех, ты еще остальных не видел! — Гниздра подмигнул ему единственным успевшим вырасти глазом. Вскоре подоспел и второй. — Думал, меня можно растоптать? — тварь будто бы выбиралась из-под бетона — уже показались нижние конечности и основание хвоста. Глеб заметил, что капли слизи, разлетевшиеся по камере в момент ложной гибели Гниздры, стягиваются к монстру, наслаиваясь на его торс и лапы. Это тоже напоминало сцену из какого-то давнего кинофильма, но Глеб не мог припомнить какого именно.

— Это человека можно растоптать, — прокаркал воскресший элементер. — Обоссать, макнуть хлебалом в парашу, превратить в позорного "петуха". Все это ждет тебя в самом ближайшем будущем. Ты ведь недолго пробудешь в этом детском саду. Скоро будет суд, а потом — настоящая тюрьма. Думаешь, зеки простят тебе то, что ты был таким успешным? Нет, Глебушка, не простят. Кукарекать тебе под нарами лет пятнадцать, а то и все двадцать пять!

— Поглядим еще, — мрачно бросил Глеб. "Ничего не случается просто так, — билось в голове. — Нужно выведать у этой мрази, с чего вдруг их кодла так мной заинтересовалась".

Он так напрямую и спросил, надеясь, что раз уж гнусный посланец скверны не посчитал

нужным прятаться, то и в загадки он играть не станет.

— О, наконец-то я слышу от тебя хоть что-то путное, — обрадовался Гниздра. — Не кажется ли тебе, что следовало с самого начала поинтересоваться причинами столь неприятной для тебя ситуации? Я охотно расскажу тебе, в чем дело. Просто для того, чтобы ты больше мучился. Ключевые слова уже прозвучали, Глеб. Еще совсем недавно ты был человеком, которому абсолютно во всех начинаниях сопутствовал успех. Слишком часто, чтобы на это могли спокойно смотреть окружающие...

— Кто? Окружающие люди? Но при чем здесь они?

— Похоже, ты нуждаешься в серьезном поучении, — витиевато произнес элементар. — Вся скверна в мире — от людей, и я — не исключение. Нам, конечно, очень нравится терзать чистые души. Но, несмотря на это, мы крайне редко приходим в мир по собственной воле. Гораздо чаще это случается, когда где-нибудь накапливается зашкаливающее количество ненависти. Тот, на кого она направлена, и становится нашей жертвой. Если, конечно, он не является злодеем. Своих мы не трогаем.

— Кто же может меня ненавидеть? — несмотря на свое тяжелое положение, Глеб рассмеялся, поскольку был искренне удивлен. — Не припомню, чтобы я причинял кому-нибудь зло.

— И это была одна из твоих главных ошибок, — торжественно провозгласил элементар. — Будь ты законченным мудаком, на тебя вряд ли обратили бы столь пристальное внимание. Но ты у нас мало того, что везунчик, так еще и добренький, мля! И невдомек тебе, тупице, что завистники твои эту доброту за издевательство принимают. Знай, Глебушка, не одни уста в спину тебе проклятия шептали. И нашептали в конце концов — вуаля, вот он, я!

— И много их? — спросил Глеб, пристально глядя на Гниздру. — Завистников этих — сколько?

— Порядочно, — осклабился монстр. — Почти все, кого ты знаешь. Неужели никогда не замечал?

— Да нет, — признался Юрасов. — Как-то не интересуюсь такими гадостями.

— Еще одна ошибка, милый. Надо хоть иногда присматриваться к людям. Тебе ведь до них может не быть никакого дела, а им до тебя — все равно будет. А результат — вот он, — Гниздра топнул трехпалой лапой по полу камеры. — Хех, это ж сколько надо иметь фантазии, чтобы такое тебе пожелать?

Юрасов насторожился. Случайно или осознанно — но Гниздра, кажется, упомянул о конкретном человеке, по чьей вине он здесь и оказался...

— Ишь, растопался, — жестко произнес Глеб. — Слушай, гад, еще раз назовешь меня "милым", так я тоже топну. Ты уже знаешь, что у меня это куда круче получается. Лучше говно жрать, чем для такого, как ты, "милым" быть.

— Вот-вот, это ты верно сказал, — захихикал Гниздра. — Говно жрать, именно так. Этим тебе тоже вскоре предстоит заняться.

— Что, мне и этого пожелали? — делано удивился Глеб.

— Ну а как же! Я ведь и говорю — дивное воображение у человека!

— А что за человек? Имя не подскажешь? Адресок не подкинешь?

— Ишь, чего захотел! — ухмылка элементарера казалась сейчас даже более мерзкой, нежели он сам. — Все эти долгие годы, лежа под нарами, ты будешь оплакивать свою несчастную "петушину" судьбу, но еще большие страдания будет причинять тебе

кошмарная неизвестность. Вряд ли ты сумеешь узнать его имя, даже когда выйдешь на свободу. Хотя, какая свобода? Ты ведь настоящий мужчина, Глеб. И, как подобает настоящему мужчине, ты, не вынеся позора, покончишь с собой сразу после изнасилования. Вскроешь вены, повесишься, или, хех, утопишься в параше.

— Ты меня достал со своими "петухами", — отмахнулся Глеб. — Не хочешь говорить — не надо. Я все равно выберусь отсюда, вычислю его и уничтожу. А после — уж поверь мне — найду способ расправиться и с тобой. Ты же ведь не бессмертен, хоть и тщился сейчас доказать обратное.

— Это ты, опять же, верно сказал, — тряхнул крысиной башкой Гниздра. — Только вот, выбраться отсюда у тебя все равно не выйдет. А знаешь, почему? Я не просто убил твою женушку твоими же собственными руками. Я снял все происходящее на видеокамеру и записал на диск, который потом сунул в коробку от "Колыбели кошмаров" и отнес в прокат. Не думал, конечно, что следующий клиент найдется так быстро — жанр, все-таки, специфический. Вот так-то, Глеб — ты очень любил смотреть страшные фильмы, словно тебе в жизни ужасов не хватало. Что ж, теперь они в твоей жизни есть. И — уж поверь мне, — добавил элементар, ехидно передразнивая интонацию самого Юрасова, — все это — еще только начало.

Сохранять спокойствие было невероятно трудно. Сердце Глеба готово было выпрыгнуть из груди, в висках ухали удары парового молота, к горлу подступил ком. Юрасов был готов прямо сейчас разбить себе голову об стену камеры. Богомерзкая тварь действительно не оставила ему никаких шансов. Во всяком случае, традиционными способами возникшую проблему решить не выйдет.

Но призрачный огонек надежды все же маячил на горизонте. Один-единственный, слабый, нечеткий — однако он все-таки был...

"Он не догадывается о том, что я знаю больше, чем может показаться", — понял Глеб. То, что он достаточно спокойно воспринял появление уродливой твари, было следствием давней случайной встречи и последующих изысканий, толчком к которым она послужила...

Это произошло десять лет назад, когда Глеб Юрасов еще не был преуспевающим бизнесменом. Он только начинал заниматься коммерцией, но уже избрал основным направлением своей деятельности торговлю компьютерами. Тогда, в середине "эпохи Ельцина", самые прогрессивные силы страны концентрировались в Санкт-Петербурге. Это касалось абсолютно всего — как музыки, кино и театра, так и столь "неживой" отрасли, какой является сборка компьютеров. Лучшие специалисты по созданию "персоналок" из подручных деталей проживали в северной столице, и именно к ним Юрасов регулярно ездил за очередной партией товара на подаренном отцом стареньком "Москвиче".

В одну из таких поездок — уже возвращаясь в Подрайск — он подобрал попутчика, назвавшегося Платоном. Тот эпизод изменил жизнь Юрасова весьма существенным образом...

Сперва он проехал мимо, оставив длинноволосого парня в черном плаще позади. Но уже через минуту притормозил, съехал на обочину и дал задний ход. Поздняя осень на Валдае — не самое лучшее время для того, чтоб торчать у дороги в ожидании доброго человека, который согласится тебя подвезти.

— Привет, — патлатый плюхнулся на пассажирское сидение рядом с Юрасовым и протянул ему руку. — Меня Платон зовут.

— Глеб, — Юрасов отметил, что попутчик даже не спросил, куда он направляется. —

Тебе что, все равно, куда ехать?

— По большому счету — да, — усмехнулся Платон. — А сейчас мне в Москву надо.

— Значит, по пути, — сказал Глеб, надавив на газ. — Точнее — почти по пути. Я километров за сорок от златоглавой сворачиваю.

— Не страшно, — махнул рукой Платон. — Бешеной собаке семь верст не крюк. Да и мир не без добрых людей.

Новый знакомый — на вид ровесник Юрасова — явно принадлежал к плеяде разнообразных неформалов, которым после падения коммунистического режима стало дышаться куда вольготнее. Длинные черные волосы — судя по отросшим корням — крашенные, черный кожаный плащ и две серебряных сережки в левом ухе просто не позволяли отнести Платона к какой-либо иной категории граждан. В общем-то, достаточно приятная в общении публика. Вплоть до тех пор, пока их не соберется поблизости больше трех-четырех.

Лицо попутчика "украшали" несколько свежих ссадин. Тоже, в принципе, довольно характерный атрибут путешествующих автостопом людей с такой наружностью. Если Платон недавно побывал в одной из ближайших деревень — например, захотел купить продукты и выпивку — у местных мог возникнуть к нему вопрос относительно сексуальной ориентации. Для быдла ведь любой мужчина с длинными волосами или с серьгой в ухе — гомосексуалист. А уж если и то и другое присутствует, тогда, наверное, и спрашивать не будут.

— Гопники потрепали? — поинтересовался Глеб.

— Хуже, — улыбнулся Платон.

— Бандиты, что ли?

— Ну, наверное, можно и так их назвать, — подумав, сказал "металлист". — Скорее, даже не бандиты, а разбойники. Мародеры. Стервятники.

— Понятно, — кивнул Юрасов. — На трассе где-то?

— Нет, еще в Питере. На Марсовом поле.

— Что, в бега ударился теперь?

— Да я и так уже уезжать собирался. Догнали, гады.

— Ну, сумел от них удрать, вот и славно.

— Удрать? Зачем? — пожал плечами Платон. — Я их уничтожил.

— То есть как это, уничтожил? — Глеб сбавил скорость и приготовился остановиться, чтобы вышвырнуть любителя опасных откровений из машины. — Убил, что ли?

— Нет. Развоплотил, — как ни в чем не бывало, произнес неформал. — Сейчас объясню. На меня напали элементеры. Это такие злобные духи. Что-то наподобие демонов, только намного слабее. Но в целом тоже ребята серьезные.

Юрасов из этого "объяснения" не понял ровным счетом ничего. Кроме того, что, возможно имеет дело с носителем неизвестной российской медицине разновидности шизофрении. Хотя...

— А, я понял, — промолвил Глеб. — Ты, наверное, из ролевиков? Арагорны, Гэндальфы всякие, да? — Юрасов слышал, что многие представители новомодного движения заигрались в эльфов и гоблинов настолько, что уже не отделяют свои фантазии от реальной жизни.

— Нет, — Платон замотал головой — так, словно подобные сравнения его уже

достали. — У меня все по-настоящему. Понимаешь, Глеб, у каждого человека есть в жизни своя дорога. Вот ты, к примеру, чем занимаешься?

— Компьютеры продаю, — этот странный диалог начинал уже нравиться Глебу. Стрелка спидометра вернулась на прежнюю позицию.

— Ну вот, значит, у тебя дорога торговца, хотя, конечно, она может однажды и измениться, — сказал Платон. — А я иду по пути мага. С него свернуть уже невозможно.

— По пути мага? Как Юрий Лонго?

— Лонго — не маг, — едва ли не брезгливо скривился Платон. — Он, конечно, владеет определенными силами, но шарлатанства в его деятельности все равно больше, чем правды. Я не такой.

— А какой? — Глеба потихоньку разбирал смех. "Определенно сумасшедший, но достаточно забавный, чтоб не высаживать его до самого поворота на Подрайск".

— Настоящий, — просто, без всякого пафоса ответил парень.

— Надо же, — усмехнулся Глеб. — Значит, мне крупно повезло. Везу настоящего мага.

— Не сталкивался раньше с такими, как я? — осведомился попутчик. Он будто и не почувствовал иронии в последних словах Юрасова. Чуть позже Глеб поймет, что иронию по этому поводу Платон просто не способен воспринимать...

— Не доводилось.

— Это потому, что большинство истинных магов предпочитает вести скрытный образ жизни, — пояснил Платон. — Мои собраты считают, что так безопаснее.

— А ты?

— У меня другая точка зрения. Я считаю, что все без исключения люди должны освоить магическую науку. Только тогда в этом мире наступит абсолютная гармония.

— Что-то не вижу связи.

— Это долго рассказывать. Дольше, чем до Москвы ехать.

— Ты говоришь, маги скрываются, — бросая быстрые взгляды то на попутчика, то на стелющуюся впереди дорогу, промолвил Глеб. — А как же все эти целители, знахари и экстрасенсы? Сейчас любую газету открой — а там "потомственных чародеев" как мух в деревенской уборной.

— Но если среди тысячи таких найдется хоть один, кому подвластно что-то большее, чем биоэнергетика, — это будет уже очень хорошо, — улыбнувшись, сказал Платон. — Тем, кто дает эти объявления, даже не снились вещи, на которые способны настоящие маги.

— Например? — поинтересовался Глеб. — Вот ты у нас как раз и есть настоящий маг, так на что же ты способен? Пускать шаровые молнии из глаз? Замораживать людей? Лечить болезни единственным прикосновением?

— Все, что ты перечислил, и многое, многое другое, — с гордостью произнес Платон.

— Слушай, а покажи мне хоть что-нибудь, — ернически молвил Глеб. — Как ты, наверное, понимаешь, я раньше волшебство только в цирке и видел.

— Извини, — развел руками неформал, — сейчас не могу. Последние силы потратил на этих тварей.

— Ага. Понятно. На этих, как их, эло... эли...

— Элементаров.

— Жаркий, наверное, был бой? — продолжал развлекаться Глеб.

— Еще бы. Их сразу четверо на меня набросилось. Но ты не подумай, я тебя не обманываю. Когда мои силы восстановятся, я обязательно покажу тебе настоящую магию.

— Это когда? И как мне тебя найти?

— Уже через пару дней будет можно. А найти меня очень просто. Приезжай в Москву, приходи на Чистые пруды и оглядись по сторонам. Увидишь компанию таких же ребят, как я...

— Магов, что ли?

— Нет, — улыбнулся Платон, — неформалов. — Так вот, когда увидишь их — подойди и спроси, где найти Горыныча. Там все знают.

— Ясно. Горыныч — это так тебя в тусовке кличут?

— Нет, Горыныч — это чувак, у которого я вписываюсь, когда в Москву приезжаю. Сам-то на тусовках стараюсь не появляться.

Глеб радовался удачному стечению обстоятельств — теперь ему не придется скучать почти до самого дома...

Существуют два мира магии. Один из них населен цирковыми и телевизионными иллюзионистами (надо сказать — настоящими профессионалами своего дела), а также чахоточными газетными знахарями. Другой — гораздо более величественный и красивый, но в то же время — куда как более грозный, а зачастую и по-настоящему опасный. Глеб понял это уже во вторую свою встречу с Платоном Трелковским.

Состоялась она, правда, не через пару дней, как договаривались, а лишь спустя полтора месяца. Незадолго до Нового года Глеб поехал в Москву покупать подарки для своей многочисленной родни. К тому моменту он уже и забыл почти про смешного собеседника, на полном серьезе считающего себя могущественным магом.

Вспомнил только потому, что случайно оказался неподалеку от названного Платоном места. Чистые пруды. Один из символов Москвы, ставший после гибели Игоря Талькова еще и объектом паломничества. И, подобно еще нескольким таким местам, постепенно превратившийся в классический рок-н-рольный гадюшник. Фанатов Талькова довольно скоро сменили персонажи, весьма далекие от его творчества, но близкие к именуемому в народе "Тремя топорами" портвейну "777" и прочим, столь же недорогим и незатейливым радостям жизни. "Кажется, я знаю, почему он не любит бывать на таких сходках", — подумал Глеб, увидев этих людей.

Платон, который на момент встречи с Юрасовым тоже выглядел не лучшим образом — с невымытыми волосами, утомленный дорогой, несший несколько пятен осенней грязи на своей одежде, да еще и царапины на скулах и подбородке — смотрелся бы английским пэром на фоне тех, кто предстал перед взором Глеба в день его визита на Чистые пруды.

Происходящее здорово напоминало вечеринку привокзальных бомжей. Сидя на обшарпанной загаженной лавочке, трое парней и две девушки, одетые, в общем-то, в лохмотья, но с явной претензией на неформальность — гоняли по кругу бутылку водки, ничем не запивая и не закусывая. Четыре уже опустевших сосуда стояли у их ног на слегка подтаявшем снегу. Кто именно превратил скамейку, являвшуюся некогда произведением искусства, в памятник упадку и разрухе, догадаться было нетрудно.

Подойдя поближе, Юрасов увидел, что мужчин в компании четверо — еще один растянулся на скамейке за спинами своих собутыльников. Должно быть, этот герой свою норму "подвигов" на сегодня уже выполнил...

"Наверное, они и впрямь бездомные, — подумал Глеб. — Кто ж еще зимой на улице будет спать?".

Заметив, что на них пристально смотрит незнакомый парень, неформалы забеспокоились. Начали перешептываться между собой, то и дело бросая подозрительные взгляды на Юрасова. Глеб решил, что держать их в напряжении, пожалуй, не стоит. Могут ведь и разбежаться. Или, напротив, сами напасть, вооружившись пустыми бутылками. А посмотреть "настоящую магию" все-таки хочется.

— День добрый, граждане, — сказал Юрасов, подойдя к маргиналам почти вплотную. Он старался говорить как можно более приветливо, но фраза, тем не менее, получилась какая-то милицейская. Не самый лучший способ начинать общение с представителями этой социальной прослойки...

И все же — "проканал", если выразаться тем же языком, что и те, к кому он подошел.

— Здорово, коли не шутишь, — махнул рукой один из ребят, во рту у которого недоставало нескольких зубов. По виду он более всего смахивал на панка. — Тебе чего надобно? Может, выпить хочешь? Тогда, будь добр, пополни нашу королевскую казну. Сливки общества как раз собирались скинуться на новый кубок, но я так чувствую, что может и не хватить.

Услышав этот монолог, Глеб едва не покатился со смеху. Щербатый маргинал явно был когда-то студентом-гуманитарием. А может, он оставался таковым и поныне — впрочем, социальный статус этого субъекта Юрасова нисколько не волновал.

— Нет, пить я не хочу, — сказал Глеб. — А вот угостить вас могу. Если скажете, как Горыныча найти.

— Ну, я Горыныч, — вскинулся человек, растянувшийся на скамейке. — Чего тебе?

— Мне бы с Платоном пообщаться, — произнес Юрасов. "Надо же, у парня свое жилье имеется, раз уж Платон сказал, что у него квартирует. А он все равно здесь отмораживается. Странный, все-таки, народ эти неформалы".

— С Платошей? — согнув ноги в коленях, Горыныч выбрался из-за спин товарищей и уселся прямо напротив Глеба. Он оказался здоровенным амбалом в "косухе" и драных джинсах — это в конце декабря-то. — А что ты хочешь от него?

"Ну и душная же публика, — подумал Юрасов. — Хотя, по большому счету, он правильно поступает. Мало ли кто его другом интересоваться может".

— Разговор неоконченный есть.

— Так, — достав из кармана своей косухи пачку сигарет — и не абы каких, а Parliament — Горыныч закурил и внимательно посмотрел на Глеба. — Смотри, если ты ему проблем подбросить хочешь, я тебе ничего не скажу. Да еще и по рогам настучу, а ребята помогут. Верно, Фишер? — так, оказывается, звали неполнозубого панка.

— Верно, — тот радостно "сверкнул" провалами в челюстях. — Урле бока намять — лучше, наверное, на свете и нет ничего.

— Я вам не урла, — жестко произнес Глеб. — И Платона обижать не собираюсь.

— Откуда я знаю, можно ли тебе верить? — развел руками Горыныч. — Приведу тебя к нему — а ты ствол из штанов достанешь.

"Ни фига себе, разговорчики, — промелькнуло в голове. — Непростого человека я, все же, подвозил".

— Не достану, — заверил Глеб. — Позвонить ему можешь?

— Могу, — кивнул битюг. — Автомат рядом.

— Не нужно автомата, — Юрасов протянул Горынычу свой мобильник. — Скажи, пришел Глеб, который его с Валдая подвозил.

— Ого, какая зверюга, — "металлист" несколько секунд изучал дизайн достаточно редкого в ту пору аппарата. — Тебе звонок на домашний номер в копеечку не влетит?
— Влетит, — кивнул Глеб. — Но уж очень Платона увидеть нужно.
— О" кей, — Горыныч набрал семь цифр и быстро пересказал слова Юрасова. Выключил телефон и протянул владельцу. — Сказал, приедет. А ты, вроде бы, проставиться обещал за помощь?

Мрачное заброшенное одиннадцатизэтажное здание в районе Ховрино, неподалеку от Речного вокзала, привлекает к себе сотни людей. Сюда съезжаются любители острых ощущений со всей Москвы. Каждый год в этих стенах находят десятки трупов. Зловещее место обросло множеством легенд и имеет, можно сказать, дьявольскую репутацию.

Это — Ховринская больница. Ее строительство началось в 1981-м году на месте старого кладбища. Планировалось создать одно из лучших медицинских учреждений страны на 1300 коек для больных со всего Советского Союза. Но со временем было решено построить здесь обыкновенную районную больницу — в Ховрине в те годы медучреждений не было вообще. В 1985-м строительство при неясных обстоятельствах свернули. В больницу к тому времени уже завезли аппаратуру и мебель. Все это растащили местные жители.

Причин, по которым строительство было остановлено, предполагается несколько: нехватка средств для окончания работы и дальнейшего содержания больницы; неудовлетворительное состояние фундамента; неудачный исходный проект, грозивший обрушением здания. Но после того как прекратились строительные работы, история Ховринской больницы только началась. Ей не суждено было стать оазисом, спасающим человеческие жизни. Она стала юдолью, где люди встречали смерть — из-за неразделенной любви, по нелепой случайности, и, наконец, волею судьбы...

Здание состоит из двух корпусов. Главный по форме напоминает звезду. От него отходит шесть крыльев, соединенных трехэтажными переходами. Корпус венчает диковинная трехуровневая крыша.

Второй корпус был задуман как офтальмологический. Там также находились морг и крематорий.

После внезапного прекращения строительства недоделанную больницу некоторое время охраняли военные. Объект значился как стратегически важный. Но немного позже охрану сняли.

Здание, однако, пустовало недолго. Его обжила сатанинская секта "Немостор". Сектанты обустроили место для сборищ в подвале, куда не попадал ни один лучик солнечного света. Все любопытные, забредавшие в логово сатанистов — будь то бродяги, маленькие дети, или выгуливавшие собак жители окрестностей — там и заканчивали свои дни. Их либо просто убивали, либо же приносили в жертву. Трупы сжигались в специальных печах, развалины которых сохранились по сей день.

Действие опасной секты и постоянные ритуальные убийства в стенах заброшенного здания не остались незамеченными. Вскоре об этом стало известно правоохранительным органам.

Апартаменты верхушки "Немостора", в которых стоял даже генератор электрического напряжения, располагались в широком тоннеле, соединявшем главный и офтальмологический корпуса. Легенда гласит, что во время очередной сходки сатанистов была проведена операция по уничтожению секты. Якобы вооруженные отряды омоновцев

окружили культистов и, открыв огонь, загнали их в глубь тоннеля, после чего взорвали оба входа, отрезав дорогу к отступлению. От взрыва тоннель затопило, и замурованные в нем сатанисты утонули. Их останки, по слухам, находятся там до сих пор. Но место входа в затопленный тоннель сегодня никому не известно. Человек, который показал его бойцам ОМОНа, перед операцией бесследно исчез.

Такова наиболее распространенная версия истории места, куда декабрьским днем девяносто пятого года приехали Глеб Юрасов и Платон Трелковский.

Свою фамилию Платон назвал Глебу по дороге в больницу — ехать туда пришлось сначала в метро, до конечной станции, а после — на автобусе.

— Мне, в определенном смысле, повезло, — добавил при этом "металлист". — Хотя это, конечно, как посмотреть...

Смысла этой фразы Юрасов не уловил, а в подробности вдаваться не стал.

— Слушай, ты сегодня спиртное не употреблял? — спросил Платон, когда они вошли в одно из бесчисленных захламленных помещений, в котором каким-то чудом сохранилась входная дверь.

— Нет. Не имею привычки заниматься этим с утра.

— Вот и славно. Значит, не будет повода списать увиденное на свое нетрезвое состояние, — промурлыкал Трелковский. — Отойди чуть в сторону, я закрою дверь.

Платон достал из кармана связку ключей и запер комнату изнутри, оставив позади слабый свет, проникавший в недостроенную больницу сквозь пустые глазницы окон. Темнота ударила по глазам и сделала их бесполезными. "А откуда у него ключики-то? — запоздало подумалось Глебу. — Ох, непростой человек. А ну, как он меня сейчас каким-нибудь жертвенным серпом по горлу полоснет?". До паники было далеко, но на всякий случай Глеб отошел как можно дальше от места, где стоял Платон, и весь обратился в слух.

— Глеб, у тебя зажигалка есть? — раздалось из темноты.

— Есть.

— Зажги, пожалуйста. И поддержи огонь, сколько можно.

Юрасов вытащил из кармана бензиновую Zippo. Язычок пламени выхватил из непроглядной тьмы лицо Трелковского и смутные очертания его фигуры.

— А теперь — смотри, — сказал Платон, протягивая левую руку по направлению к Глебу.

Оранжевый огонек вдруг вытянулся в струйку, которая потекла по воздуху к ладони Платона. От неожиданности Глеб выронил зажигалку, но магический — назвать его как-то иначе язык не повернулся бы — процесс продолжился. Огненная змейка весело кружилась вокруг кисти Трелковского. В следующий миг Платон взмахнул рукой, и пылающий круг, увеличившись в размерах раз в двадцать, взвился под потолок. Пять оранжевых лучей прорезали внутреннее пространство кольца, образовав перевернутую пентаграмму. В эту секунду Юрасов понял, что имеет дело далеко не с белым магом.

— Ну что? — голос Платона зазвучал так, точно был усилен динамиком. — Теперь ты веришь в магию?

— Давай уйдем отсюда, — пробормотал Глеб. — Что-то здесь душно.

С тех пор он не раз мысленно возвращался к тому эпизоду в закутке заброшенной больницы. Глеб больше не видел никаких чудес, хотя и мог бы попросить Платона показать

ему еще что-нибудь. Трелковский не отказался бы — он, в отличие от упомянутых по пути с Валдая "собратьев по цеху", вовсе не считал нужным скрывать свои способности. За это, кстати, и расплачивался — тайный магический мир, который Платон стремился сделать более явным, отнюдь не был заинтересован в полном слиянии с миром простых людей.

Чудес не видел — но многое о них узнал. Глеб начал изучать историю и теорию магии — нужные книги подсказывал все тот же Платон — и скоро понял, что окружающая действительность на самом деле далеко не такова, какой виделась ему прежде.

Понял он и еще кое-что. "Раз уж магия существует — почему бы мне не использовать ее в бизнесе?", — решил однажды Юрасов. Но самому взяться за изучение волшебства ему было боязно. Нужно было найти помощника среди состоявшихся магов. Платон, как вольный ветер, мотавшийся по стране, на эту роль не годился — ему Глеб даже не стал ничего предлагать. В конце концов ему удалось разыскать сразу двоих нужных людей. Да не где-нибудь в отдалении, а в родном Подрайске. Время от времени эти маги оказывали Юрасову услуги, необходимые для развития его бизнеса. Этим, а вовсе не каким-то феноменальным везением, объяснялся фантастический взлет Глебовой фирмы.

Именно на их помощь уповал сейчас Глеб, глядя в горящие злобным торжеством красные глаза гадкого элементера Гниздры. Но для того, чтоб осуществить все именно так, как нужно, ему придется пойти на весьма серьезный конфликт с органами правопорядка. Решить проблему, передавая информацию через адвоката, никак не вышло бы — у Глеба просто не было столько времени. Его элементарно упекут в тюрьму раньше, чем он сумеет что-либо доказать.

А доказывать предстояло многое. Это ж сколько надо потратить времени и сил, чтоб убедить российских ментов в существовании элементеров и в том, что жуткое убийство Аллы Юрасовой совершил, подчинив сознание ее мужа, один из них! Ситуация грозила обернуться прецедентом, какого еще не знала известная современным людям история. "Похоже, Платоша, — подумал, Глеб, — твоя мечта скоро сбудется. Это, конечно, если у меня все получится".

— Ну, чего молчишь? — хрюкнул с пола элементер. — Будто спермы в рот набрал.

— Все, изыди, мразь! — Глеб погрозил уродцу кулаком. — Ты мне надоел.

— Ну, как знаешь, — Гниздра начал развоплощаться, оборачиваясь тем же облачком зеленоватого тумана, которым был, когда только появился в камере. — Я обязательно навещу тебя немного позже. Когда мы будем на одном уровне, — элементер опять намекнул на лежание под нарами.

Омерзительная харя исчезла. Туман пополз к вентиляционному отверстию, в котором и пропал. Вместе с ним пропала и дикая вонь. Юрасов с облегчением вздохнул.

"Надо выбираться отсюда", — в который раз уже подумал Глеб. Только теперь мысли его приняли совершенно иной оборот. И слово "выбираться" подразумевало сейчас не возможность освобождения под залог или еще какой-нибудь юридический способ, а самый настоящий побег. Чтобы одержать верх в такой игре, нужно все время быть на сто шагов впереди соперников. Чего, разумеется, не сделаешь, сидя под особым контролем в "сырой темнице" городского изолятора.

Представление о том, как сбежать из мест лишения свободы, у Глеба было такое же, как и о жизни в этих местах — почерпнутое из книг, фильмов и газетных статей. Правда, немалую часть этих сценариев можно было довольно просто воплотить в реальность. Например — симуляцию приступа эпилепсии с последующим нападением на охранника.

Взгляд Юрасова упал на лежавший рядом с умывальником кусок мыла...

— Помогите! — слышалось из камеры, в которую полчаса назад "упаковали" очередного задержанного.

Несколько ударов по двери. И снова:

— Помогите!

Дежурные по изолятору и местный доктор привычно резались в карты. Над головами охранников плавали клубы табачного дыма.

— Петь, пойдешь, глянь, чего там, — не отрывая взгляда от стола, сказал старший смены.

Сержант Петр Сидоров с явным неудовольствием встал и, бряцая ключами, вышел в коридор.

— Помогите! — опять донеслось из камеры, расположенной в дальнем конце "продола".

— Что, милочка, тебя решили сделать "петушком"? — цинично произнес кто-то в одной из соседних. — Ничего, потерпи. А потом попроси "мусоров", чтобы к нам тебя перевели. Так засадим, что аж в горле запершит!

— Отставить разговорчики! — Сидоров от души врезал резиновой дубинкой по двери, из-за которой прозвучали мерзкие слова. Как и любой человек с классическим армейским мышлением, он весьма негативно относился к любым проявлениям гомосексуализма. Оно понятно, что зекам больше деваться некуда, но... это они у себя на "зоне" пускай творят, что хотят, а здесь, все-таки, территория подрайского ГУВД. И ответственность за происходящие на ее территории безобразия лежит, в том числе, и на плечах сержанта Сидорова. Так что, если у новичка действительно возник конфликт с сокамерниками, Пете лучше поторопиться...

За всю историю изолятора здесь имел место быть лишь один случай гомосексуального изнасилования. Повинны в том, кстати, были сами охранники, перестаравшиеся, усмиряя разбушевавшегося сидельца. В ту ночь в одной из камер оказались вместе старый бомж, попавшийся на магазинном воровстве, и какой-то качок, задержанный за пьяный дебош в ресторане. Молодой амбал, должно быть, не успел как следует натешиться — очутившись в камере, он принялся издеваться над безответным бродягой, отвешивая тому пинки и затрещины. Дежурным надоело слушать крики боли, и они решили утихомирить агрессора. Ворвались в камеру, надев на парня наручники, скрутили его "ласточкой", да так и оставили лежать на нарах. Чем, как только они ушли, не замедлил воспользоваться пострадавший от него бомж...

Повторения той грязной истории никому не хотелось. Сидоров не знал, что в камере, к которой он идет, находится всего один человек, потому его мысли и крутились вокруг всевозможных проблем, которые зеки доставляют друг другу, а расхлебывать приходится ему и его коллегам.

— Помоги... — крик внезапно оборвался. В камере раздался звук падения человеческого тела.

— Черт! — Сидоров со всех ног бросился в конец "продола".

— Смерть "мусорам"! — выкрикнул из своих "апартаментов" любитель "петушатинки".

— Я с тобой, сука, после разберусь, — полуобернувшись, бросил Сидоров.

Распахнув оконце "кормушки", он увидел ползающего полу мужика, изо рта которого стекала белая пена. Зек хрипел, сипел и периодически пытался встать. Больше в камере

никого не было.

"Понятно. Эпилепсия", — у Сидорова отлегло от сердца. Даже если больной сиделеп умрет у него на глазах, шухеру все равно будет меньше, чем если в изоляторе кого-нибудь изнасилуют. Но спокойно наблюдать за чужими страданиями Петр, конечно, не собирался. "Пойду, кликну дока, — подумал он. — Но сначала на шконку мужика подниму, а то еще башку себе расшибет". Сержант открыл тяжелую железную дверь и вошел в камеру.

В тот момент, когда Сидоров склонился над заключенным, он почему-то ощутил сильный запах хозяйственного мыла. Сержант мигом сообразил, что его развели на классической киношной подставе. Но это, все же, произошло чуть позже, чем "эпилептик" мертвой хваткой вцепился ему в горло.

В следующую секунду Глеб уложил охранника на бетонный пол — тот вынужден был подчиниться, иначе пальцы Юрасова раздавили бы ему гортань — и вытащил из поясной кобуры табельный пистолет сержанта.

— Ничего личного, — произнес Глеб, приставив ствол ко лбу лежавшего на холодном бетоне милиционера. — Вставай.

— Эй, вы, там! — крикнул Глеб, дойдя до середины "продола". Заломив сержанту левую руку, он вел его впереди себя, держа пистолет у затылка охранника.

Из каптерки показался кряжистый мент с пышными черными усами. Увидев, что происходит в коридоре, он схватился, было, за пистолет, но тут же отдернул руку, сообразив, что для Сидорова это добром не кончится.

— Так, — произнес усач. — Петруха, ты в порядке? Не ранен?

— Нет, все нормально, — замотал головой Сидоров. — Слушай, что он говорит.

— Значит так, — начал Глеб, — мне нужна машина с полным баком горючего. Когда я буду выходить отсюда, никто из вас не попытается меня остановить. Петруха ваш поедет со мной. Отпущу его, когда посчитаю нужным, — Глеб уже прикидывал, как ему посадить сержанта в автомобиль, ни на секунду не подставившись под выстрелы. — Все ясно?

— Да чего ж тут неясного, — пожал плечами его визави. — Наше дело маленькое. Сейчас распоряжусь насчет машины.

Юрасов был слишком возбужден, чтоб распознать подвох в словах стоявшего напротив человека. Он попал в такую ситуацию впервые в жизни. А на счету майора Сивохина, проработавшего полжизни в системе ГУИН, их было уже четыре. Поэтому, вернувшись в каптерку, Сивохин сразу нажал "тревожную кнопку", оповещавшую о чрезвычайном происшествии в подвале сразу всех сотрудников ГУВД. И лишь после этого ввел в курс дела своего второго напарника и врача.

Обхватив руками свои плечи, капитан Наталья Гаврилова в одиночестве стояла над мертвым телом, по грудь накрытым простыней. Женщина с сожалением думала о том, что уже никогда не сможет приоткрыть завесу тайны, что окутывала дело Юрасовых.

Глеба убил Андрей Карпов. Бывалый вояка и глазом не моргнул, когда ликвидировал "особо опасного преступника". Молниеносно выхватил оружие и всадил Юрасову пулю аккурат промеж глаз. Сержант Петр Сидоров отделался легким испугом и еще более легкой ссадиной на щеке — падая, мертвый Юрасов увлек его за собой.

Правда, как выяснилось немногим позже, жизни Петра и так ничто не угрожало. Глеб даже не стал снимать с предохранителя отобранный у охранника пистолет. А это значило,

что он ни при каких обстоятельствах не собирался убивать незадачливого сержанта...

Мог остаться в живых и сам Юрасов. Если бы только обезвреживать беглеца отправился кто-то другой, а не Карпов.

В жизни Андрея уже был однажды похожий эпизод. Это случилось во время "зачистки" в одном из чеченских сел, где Карпов точно так же стоял лицом к лицу с человеком, взявшим в заложники другого человека. Бородатый боевик держал пистолет "Борз" у виска женщины. Причем, чеченской женщины. Учитывая настроения, царившие в те годы в российской армии, Андрей мог выйти сухим из воды, даже если бы застрелил врага сквозь тело заложницы. Но он не сделал этого, убив бандита таким же мгновенным и точным выстрелом, как сегодня — Юрасова.

"Кем же ты был, Глеб? — подумала Наташа, всматриваясь в мертвые глаза торговца компьютерами. — Убийцей — или, все-таки, жертвой?"

Но главный вопрос, как это ни парадоксально, Гаврилова хотела бы задать самой себе. Почему она заподозрила неладное? Почему Наташа, которая сама и натравила коллег на Глеба, в конце концов пришла к полной уверенности в том, что он невиновен?

"Так. Это случилось, когда его уводили. Что-то показалось мне странным. Что-то в реальности пошло вразрез с увиденным на диске. Господи, да как же можно было забыть..."

Родинка. Та самая красноватая родинка на шее, от которой Гаврилова не могла оторвать взгляда, когда Глеб появился на экране.

Десятки тысяч крохотных иголок вонзились в кожу Натальи. Она обошла стол и осторожно, оглядевшись предварительно по сторонам — будто собираясь совершить нечто постыдное — протянула руки к голове мертвеца. Она должна была проверить и сделала это.

— Черт побери, — вырвалось у Гавриловой.

Абсолютно гладкая кожа. Ни родинки, ни следов от операции, которые непременно остались бы, если Глеб удалил нарост в течение нескольких дней, что успели пройти после съемки.

"Другие тоже, несомненно, это увидят, — подумала Наталья, вернув голове Юрасова прежнее положение. — Но вряд ли я даже после этого сумею что-то им доказать. Тем более, что я и сама не знаю, что именно тут нужно доказывать".

Бросив последний взгляд на тела супружеской пары Юрасовых, Наталья вышла из морга и закрыла за собой дверь.

ИНТЕРЛЮДИЯ ДЕВЯТАЯ

К концу рассказа девушку била самая настоящая дрожь.

— Похоже, я ошибалась, — тихо произнесла готесса, когда Тойвонен умолк. — Эти инопланетяне с их отношением к нам — не самое страшное.

— Но и зло, творимое элементами, тоже не является абсолютным пределом ужаса, — вздохнув, молвил Эйнари. — Вообще, сложно, наверное, будет припомнить нечто такое, что можно было бы с уверенностью назвать "самым страшным". Ибо страх многогранен и многолик, а каждый кошмар ужасен по-своему.

— Мне показалось, или эту историю ты тоже рассказал не до конца? — поинтересовалась Ангелина.

— Не до конца, — подтвердил финн. — И, если честно, не с начала. Она разворачивалась в Подрайске на протяжении нескольких лет.

— Интересно было бы там побывать, — мечтательно произнесла девушка.

— Ох, не советую. Подрайск — чересчур уж особенный город. Он выстроен на земле, где когда-то кипела одна из самых яростных древних битв. Настолько древних, что ни в одной из доступных людям книг не сыскать о них упоминания.

— Тогда откуда ты знаешь о том, что они были?

— Мне довелось заглядывать в книги нелюдей, — пожал плечами Эйнари. — Разве же это не ясно? — добавил он, усмехнувшись.

— В общем-то, я могла, наверное, догадаться, — смущенно опустив взгляд, сказала девушка.

— Что насчет нашей завтрашней встречи? Продолжим углубляться в дебри ледящегоо душу ужаса, или выберем что-нибудь более земное и понятное?

Поразмыслив, Ангелина выбрала второе. Слишком большое количество тягостных впечатлений за столь короткий срок не сделало бы добра ее психике и нервной системе.

ПРАХ ПРАХУ

Юлька приехала в Петербург не просто так. Тысячи юношей и девушек, гордо именующих себя "неформалами", ежедневно покидают родительские дома и отправляются искать счастья на необъятных просторах матушки-России. Многие из них оседают именно здесь, в Питере, по инерции считая этот город Меккой для таких, как они. Кто-то из них гибнет нелепой смертью, кто-то заканчивает свои дни, влача жалкое существование наркомана, алкоголика или проститутки. Совсем немногим удается чего-то добиться — правда, для этого им приходится первым делом расстаться с заманившим их сюда "неформальным" образом жизни. Но подавляющее большинство, испытав чудовищное разочарование, не выдержав невыносимых невзгод, в конце концов уезжает на занятые у случайных знакомых деньги домой: в Екатеринбург, Краснодар, Ростов-на-Дону, Воронеж, Самару, Тулу, и много куда еще. Как правило, после этого дела у них начинают идти в гору — словно бы в порядке компенсации за неприятности, пережитые в Северной Пальмире...

Юлька Волошина, известная в готической тусовке своего города под ником Dark Rose, приехала сюда из Ставрополя. В отличие от легиона подобных ей, Юлия не гналась за романтикой и свободой пустых полуночных улиц. Этого ей и на родине было вполне достаточно. Волошину не прельщали пьяные ночные посиделки на ступеньках "Костыля", или секс с малознакомыми партнерами в окрестностях вечного огня на Марсовом поле. Покупая билет в один конец, Юля твердо знала, какая цель перед ней стоит. Целью было завоевать сердце кумира, который несколько лет назад прочно обосновался в ее собственном.

Имя его было — Даниэль Дроу.

Даниэль...

Пять лет назад этот стройный андрогин с роскошной длинной гривой черных, как смоль, волос, сам прошел этим путем — приехал в Санкт-Петербург из Петропавловска-Камчатского, будучи почти никому не известным певцом в стиле готической электроники. Группа Даниэля называлась Rene Magritte. Дроу, чье настоящее имя было Даниил Андреев (но родственником знаменитому русскому философу он никоим образом не приходился), и его напарник Сергей Деревянко, выступавший под псевдонимом Ленни Дрим, очень быстро прославились на всю страну благодаря уникальным вокальным данным Даниэля. Контр-тенор, редчайший голос, который и не в каждом оперном театре-то услышишь, помог дуэту Rene Magritte очень быстро стать ярчайшей звездой российской готической сцены. Их песни "Обреченный ангел" и "Сизый прах" стали настоящими гимнами прогрессивной молодежи.

Злые языки, впрочем, поговаривали, что секрет фантастического успеха Rene Magritte таится на самом деле вовсе не в таланте, а в банальном мошенничестве. После первого же появления группы на широкой публике, в готическом сообществе начали распространяться слухи о том, что Даниэль на самом деле — девушка по имени Диана. Он и в самом деле выглядел очень женственно, что в сочетании с неестественно высоким для мужчины голосом, давало весьма плодородную почву для появления таких сплетен.

Пикантности ситуации придавало то, что сами музыканты никак ее не комментировали. Дроу и Дрим коллекционировали любые, самые нелепые и фантастические домыслы о своих

персонах, наматывая их на гигантское веретено, на котором готическим шрифтом было выведено: "Public relations".

Разумеется, у версии с "Дианой" сразу появилось множество противников. Ведь ангельский лик Даниэля Дроу, и его проникновенный голос, стали лучиками надежды для тысяч романтических девиц, что прозябали в скуке и тоске у себя в Краснодаре, Ставрополе и Ростове. Они обклеивали стены своих комнат постерами и вырезками из журналов, писавших о Rene Magritte. Сочиняли любовные истории с участием Дроу и Дрима, засоряя просторы Интернета бесконечными килобайтами бесполезной писанины. Ну а когда дуэт приезжал с концертом в их город — из кожи вон лезли, чтоб раздобыть денег на билет, и после, в прокуренном клубе, пробившись поближе к сцене, жадно ловили каждое слово, слетающее с губ их идола, каждый его жест, каждый мимолетный взгляд. Каждая из девиц надеялась, что вот-вот, сейчас этот волшебный взгляд остановится именно на ней, после чего зрачки Даниэля расширятся, и, в паузе между куплетами, он неслышно прошепчет, как можно дальше отведя от губ микрофон: "Это судьба". А после концерта, во время афтепати, в зале появится мрачноватый Ленни Дрим и передаст счастливой избраннице черную розу вместе с запиской, приглашающей проследовать в гримерку...

О, эти сладкие готические грезы! Но глаза "обреченного ангела" всегда оставались холодными, а после концерта группа очень быстро покидала клуб. Мало кому из поклонниц удавалось пообщаться с Дроу тет-а-тет. И впечатления от этого общения у них оставались в высшей мере странные. Нервный, суматошный, растрепанный после выступления, с подтекшим гримом, Даниэль невпопад отвечал на вопросы, а подчас начинал нести совершенную ахинею. При этом он ни на миг не расставался с мобильным телефоном, все время писал кому-то СМС. И, что самое досадное, даже при разговоре с расстояния вытянутой руки невозможно было определить, мужчина это или женщина. Некоторые особо рьяные поклонницы уже готовились сменить ориентацию, на случай, если слухи насчет "Дианы" окажутся-таки правдой. Впрочем, кое-кто после личного знакомства с Даниэлем Дроу навсегда покидал ряды фанатов Rene Magritte.

Юля Волошина тоже была в числе тех, кому посчастливилось видеть Дроу ближе, чем с расстояния в несколько метров, и даже перемолвиться с ним парой слов. На странности в поведении певца она особого внимания не обратила. Он ведь все-таки творческая личность, андеграундный гений, а они через одного такие. Главным итогом их мимолетной встречи стало то, что после нее Юлька влюбилась в Даниэля еще сильнее, чем прежде. И твердо решила — они должны быть вместе.

Чего бы это ни стоило...

Переезд в Санкт-Петербург прошел относительно гладко. Юля была достаточно смышленной, чтобы понимать: без денег на первое время и гарантированной работы на месте ей вряд ли удастся наладить новую жизнь. Даниэль Даниэлем, но пока что она для него — всего лишь одна из легиона поклонниц, ничем особенным не примечательная. Не будешь же пытаться произвести впечатление на возлюбленного, внося в его гримерку "дивные ароматы" немытого тела и уличной грязи. А ведь некоторые "богини готики" на полном серьезе полагали, что им такое простится!

Поэтому на долгих полгода расходы на посещение концертов и безалкогольные коктейли были сведены к минимуму. Собственно, исключение было сделано лишь для очередного выступления Rene Magritte. Друзья почти забыли, как выглядит Юля Dark Rose. Деньги, выделяемые родителями на карманные расходы, она бережливо складывала в

игрушечный гробик, купленный пару лет назад через интернет-магазин.

Смешно было бы полагать, что этих крох хватит на переезд и обустройство. "Темная Роза" сэкономила на всем: из "Макдоналдса" мигрировала к лоткам с хот-догами, беляшами и дешевой пиццей, начала ходить пешком на учебу, и даже перестала обновлять гардероб, что, как известно, смерти подобно для юных готесс. Еще ей посчастливилось устроиться на работу уборщицей в коммерческий банк. Это сделало перспективу скорой встречи с любимым на его территории значительно более реальной.

Параллельно со сбором средств на поездку Юлька вела активную сетевую жизнь. Ее старенький ноутбук работал в те дни на полную мощность. Просмотр километров страниц с объявлениями о вакансиях в Петербурге и сбор любой подвернувшейся информации о Rene Magritte и Даниэле Дроу. Переписка с новыми питерскими друзьями в социальных сетях и скачивание гигабайтов музыкальных файлов. Dark Rose слушала не только Rene Magritte: чтобы глубже проникнуть в душу кумира и лучше его понять, она начала знакомиться и с творчеством музыкантов, которые в свое время повлияли на Дроу. То преимущественно были коллективы из Германии: Das Ich, Diary of Dreams, Deine Lakaien, Garden of Delight Seelenzorn, Sopor Aeternus... Прослушав все их альбомы, Волошина с удивлением обнаружила, что многие идеи, использованные в песнях Rene Magritte, беззастенчиво позаимствованы у немцев. Но авторитет идола в ее глазах нисколько не упал и после этого. В конце концов, за музыкальную составляющую в Rene Magritte все равно отвечал Ленни Дрим. А вот глубокомысленная лирика, проникновенный вокал и воздушный ангельский облик — все это по праву принадлежало Даниэлю Дроу и никак не могло быть у кого-то украдено.

Лишь одно немного смутило Юлию. В Сети она нашла довольно много порнографических рассказов авторства Дроу. Это бы еще ничего, но... главными героями этих историй были исключительно гомосексуалисты. Ни разу не случилось так, чтоб Даниэль живописал любовь между мужчиной и женщиной. В сознание Темной Розы начали закрадываться нехорошие подозрения. "Неужели и он... тоже?", — часами раздумывала она, закусив губу и вглядываясь в висевший на двери комнаты портрет возлюбленного. Чуть позже она узнала, что порно-побасенки называются "слэш" и являют собой разновидность современного маргинального искусства. А вскоре Дроу сам прояснил ситуацию, ответив на заданный кем-то из фанатов на форуме Rene Magritte прямой вопрос: геем он не является, а с помощью своих слэшей просто поддразнивает ханжей и пуритан. Прочитав эти строки, Юлька Волошина вздохнула с облегчением. Угроза, нависшая было над ее маленьким миром, прошла стороной...

Уезжать она решила в декабре, за пару недель до Нового года. Во-первых, к тому моменту в ее сундучке-гробике накопилась сумма, достаточная для аренды комнаты в коммуналке (комнату тоже удалось подыскать через Интернет) и нескольких месяцев вполне сносной жизни. Во-вторых, подвернулась, наконец, и работа в Северной Пальмире: место курьера в издательстве, выпускающем рекламные проспекты. В-третьих, делать вид, что она учится в институте с прежним усердием, дальше было просто бессмысленно — достижение заветной цели очень скверно сказалось на посещаемости и успеваемости. Ну и в-четвертых — в таком поступке присутствовал определенный символизм, ведь не чем иным, как зимней тоской, искрящимся ледяной белизной декадансом, было пронизано творчество ее любимцев Rene Magritte.

Венцом персональной готической идиллии Темной Розы могла бы стать встреча с

Даниэлем Дроу в первый же день по приезде в Питер. Но на такое Юлия, конечно, не надеялась. Она, в отличие от множества прочих юных сударынь, не перешагнула той грани, за которой романтичность перерастает в безрассудство и откровенную глупость.

Багаж — две небольших сумки. Одежда, запасная пара зимней обуви, любимые диски и готичные побрякушки. И, разумеется, бережно отделенные от стен постеры Rene Magritte. Без них комнатка показалась Юлке выхолощенной и осиротевшей — но, впрочем, какая разница, она же ведь все равно уезжает отсюда.

Записка для родителей на кухонном столе. Они, вероятнее всего, вздохнут с облегчением. Побег непутевой дочери — не такая уж страшная трагедия по сравнению с той, что могла разыграться, узнай предки о том, как на самом деле обстоят дела с ее учебой. Печально вздохнув, Юля подумала, что ей, все-таки, будет не хватать папы с мамой — несмотря даже то, что они никогда не одобряли ее "странностей", в разряд которых заносилось все, что она делала не так, как они.

И вот, под тяжелыми подошвами ее "ню-роков" хрустит плотный снег Санкт-Петербурга. Все ново, все непривычно. Воздух здесь, конечно, совсем другой — это чувствуется сразу. "Должно быть, на родине Даниэля, в Петропавловске — такой же, — думала Юля, поджидая обещающую встретиться ее возле вокзала интернет-знакомую. — Люди обычно стараются выбрать для жизни место, похожее на их первый дом. Порой — даже сами того не осознавая".

Хеллина опоздала почти на час. Юлька не стала высказывать ей своих претензий за долгое ожидание. В конце концов, виртуальная подруга вовсе не была обязана была встречать ее и вести к себе ночевать. К тому же, как очень скоро выяснилось, ночевка у Хеллины была далеко не самым лучшим вариантом. Там разразилась веселая всеобщая тусовка с литрами алкоголя и участием личностей далеко не готического типажа. Поспать нормально не удалось: когда Волошина, стойчески игнорировавшая царящий в квартире гам, начала, наконец, погружаться в полудрему, диван, где она лежала, облюбовали для игры в преферанс на деньги два бывших зека. А сорока минутами позже в гости к веселящейся компании нагрянула милиция, услуги которой заботливо заказали соседи Хеллины. Самых "харизматичных" ребят стражи порядка забрали с собой, остальные отделались проверкой документов. Юлька порадовалась, что не потеряла нигде билет — иначе ее новая жизнь, едва начавшись, могла закончиться очень плохо.

Правда, вот, выспаться в свою первую, совсем не белую питерскую ночь ей так и не довелось. Как только в бешеной квартире воцарилась воцарилась тишина, хозяйка заявила, что ей нужно собираться на работу, и выставила всех до единого гостей за дверь, невзирая на их состояние...

Стоило бы ей, наверное, сразу все понять, сразу распознать первый, не столь уж слабый сигнал. То, что довольно дурно началось, крайне редко хорошо заканчивается. Не стала исключением и попытка Юли Волошиной наладить существование в новом городе.

От Хеллины она поехала туда, где собиралась снять комнату. Коротко переговорила с хозяйкой, расплатилась за первые два месяца, закрылась в комнате и завалилась спать. "Надо было сразу, с вокзала, ехать сюда, — успела подумать девушка перед тем, как отрубиться. — Сегодня бы на работе уже была". Что ж, жизнь часто вносит коррективы в наши планы, хотим мы того, или же отчаянно тому противимся.

В течение двух следующих месяцев Юле не раз выпадал шанс убедиться в этом.

Поначалу все, вроде бы, складывалось гладко. Улыбчивая директриса фирмы, где ее готовы были принять, в первый же день, без лишних вопросов оформила все документы. А следующий день должен был стать Юлькиным первым рабочим. Взяли с испытательным сроком в один месяц. Для начала — помощницей курьера, с перспективой повышения в случае, если она будет трудиться достаточно эффективно.

Но, как ни старалась Темная Роза, а задержаться в издательском доме ей не удалось. Несмотря на то, что дама-курьер, к которой была приставлена Юлька, все это время только и делала, что курила у подъездов, поджидая нагруженную помощницу, результаты работы гости из Ставрополя были, спустя тридцать дней, признаны крайне неудовлетворительными. Ее отругали и уволили, заплатив сущие копейки, не покрывшие даже месячных расходов на проезд.

Возмущаться и пытаться чего-то добиться через суд, было бесполезно, поскольку такая ситуация была изначально прописана в ее трудовом договоре. Не могла же Юля заранее знать, что с самого начала имела дело с компанией кидал, зарабатывающих деньги не столько реальным бизнесом, сколько как раз обманом таких, как она. Этих шарашкиных контор пруд пруди в Москве, периодически возникают они и в других городах, но только в Санкт-Петербурге цветут наипышнейшим цветом, годами не меняя названий и адресов.

Как назло, бесплодными оказались и все попытки выйти на связь с Даниэлем Дроу или кем-нибудь из его окружения. Оказалось, что группа Rene Magritte уехала в Германию — записывать новый альбом на студии известного продюсера, лидера культового готического коллектива Du Vist, Нино Круппа. Пользователи Интернета были извещены о том уже постфактум — чтобы, по словам Дроу, "никто не сглазил и не попытался подгадить".

Но, несмотря на неудачу с работой и невозможность достучаться до кумира, Юлька не унывала. Она была достаточно терпелива, а еще — достаточно бережлива, чтобы не растратить в течение месяца все припасенные деньги. Новые друзья из готической тусовки Питера обещали помочь устроиться на неплохое место музейного смотрителя. Главное в такой ситуации — чтобы человеку было, где жить. Так ведь и было.

Да только вот — беда никогда не приходит одна — это тоже продолжалось недолго. Сосед по коммуналке, пожилой алкоголик дядя Вася, был полностью равнодушен к женским прелестям молодой жилички, но питал при этом тайную слабость к содержимому ее кошелек. Собственно, дяде Васе было без разницы, на чьи деньги пить, равно как и то, каким образом он их заполучит. Вернувшись однажды с прогулки, Юля обнаружила дверь своей комнаты взломанной, заначку — подчистую выпотрошенной, а соседа — дрыхнувшим мордой в салате, на кухне, в компании еще одного такого же забулдыги, как и она сам. Терпению Темной Розы пришел конец. Алкоголики получили по полной — разбавленная водкой кровь летела во все стороны от ударов массивных серебряных колец и тяжелых готических ботинок. Оставив мерзавцев валяться на кухонном полу в дважды бессознательном состоянии, Юля Волошина крепко призадумалась.

Во-первых, денег у нее теперь оставалось ровно пятьсот рублей — именно столько удалось наскрести в карманах надетой на променад курточки. Хозяйка комнаты не станет слушать объяснения и обещания. На эту жалкую каморку очередь стоит, и если мрачноватая девочка с Урала сойдет с дистанции, ее без лишних разговоров и без тени сожаления заменят улыбчивым пареньком из Душанбе.

А во-вторых — нужно было сразу звонить в милицию и сдавать туда со всеми потрохами дядю Васю с его подельником. Теперь же у них — избитых, окровавленных,

перемазанных остатками салата, майонеза и шпротного масла — имеется куда более весомый повод заявить на нее саму. Факт кражи нужно еще доказать и расследовать, а нанесение телесных повреждений двум пьяным дегенератам — вот оно, так и просится в протокол!

А если учесть, что виновница случившегося с ними проживает в городе без регистрации, да еще и связана с одиозным неформальным движением — в участок, вернее всего, повезут ее саму. Там Юлю будут долго и изощренно насиловать, а после свернут ей шею и утопят в Неве.

Возможно, мрачное мировоззрение девушки сыграло с ней в тот миг злую шутку, и все обошлось бы гораздо легче. Но, как бы там ни было, в тот же вечер Юля Волошина собрала вещи и вышла в ночь, невзирая на то, что у нее оставалось еще несколько оплаченных недель проживания. К счастью, забулдыги не успели стащить и пропить ее ноутбук, плеер, украшения и одежду, ограничившись несколькими тысячными купюрами, найденными под матрасом.

Сначала она поехала к Хеллине, где, по счастью, на этот раз не было никаких вакханалий. За ночным чаем подруга рассказала, почему. Во время одной из традиционных вечеринок, в разгаре "чада кутежа", перепившиеся приклатненные гости, в которых и так было мало человеческого, растеряли последние остатки и скопом изнасиловали хозяйку. После этого она и превратилась из бойкой, задорной и нахальной девчонки в серую мышь, вздрагивающую от каждого шороха и пускающую в свою квартиру только женщин. Хеллина роняла в остывающий чай неестественно крупные слезы, а Юля гладила ее покрытое свежими шрамами запястье, пытаясь утешить. "А ведь это могло случиться и со мной в ту, первую ночь!", — запоздало ужаснулась Темная Роза.

Потом было множество вечерних посиделок — на случайных квартирах случайных знакомых и неблизких друзей. Разными были количество и состав участников, разные напитки плескались в стаканах и кружках. Но общая ситуация постепенно становилась вполне конкретной. Юля Волошина все яснее осознавала, что оказалась она именно там, где меньше всего хотела бы оказаться. Еще не на дне жизни, но на том самом, расплывающемся предательскими трещинами тонком льду, с которого на это дно прямая дорога. Здесь каждый неловкий шаг мог стать последним. Да что там — вообще каждый шаг.

Странные люди окружали ее теперь. Бездомные — но не то чтобы бомжи, безработные, но не то чтобы нищие. Не закоренелые преступники, но и далеко не законопослушные граждане. Живущие по причудливому эклектичному кодексу, вобравшему в себя правила коммуны хиппи, законы рыцарской чести, Господни заповеди и блатные понятия.

Легендарные питерские неформалы. Хотя, при более близком знакомстве выяснялось, что большинство из них, чтобы попасть сюда, купили однажды плацкартный билет на поезд...

Одним из основных мест "общего сбора" подобных личностей в Питере была так называемая "Готовальня" — Площадь Искусств близ Невского проспекта. Такое прозвище площадь получила по двум причинам. Во-первых, весьма значительную и самую приметную часть ее посетителей составляли готы. А во-вторых — занятие, которому чаще и охотнее всего предавалась здесь "прогрессивная молодежь", неизбежно приводила к ситуациям, прокомментировать которые можно единственным образом: "Выноси готовенького!". Даже когда сброшенных в чью-нибудь шапку денег хватало не только на выпивку, но и чтобы

купить поест, ребята предпочитали приобрести лишнюю бутылку спиртного.

Стала часто бывать на "Готовальне" и Темная Роза. По доброй воле она никогда не явилась бы в такое место. Но так уж вышло, что жизнью Юли Волошиной в тот период безраздельно владела непонятно чья недобрая воля.

Шел февральский день 2008 года. На Площади Искусств было немногочленно — во-первых, город стонал под игом царя Мороза, а во-вторых — в светлое время суток у темных личностей есть дела поважнее, чем пьянствовать и обсуждать друг с другом свежие сплетни. На одной из скамеек Юля Dark Rose вела ожесточенный спор с одетым в "косуху" патлатым парнем по прозвищу Крис.

Предметом обсуждения была ее любимая группа. "Что слушаешь?", — поинтересовался Крис полчаса назад, нарисовавшись на площади. "Rene Magritte", — сняв наушники, ответила Юля. "А, та самая девка, что за мужика себя выдает?", — усмехнулся парень. "Ты что?!", — возмутилась Темная Роза. — "Какая девка?!".

И понеслось...

На соседнюю скамейку присел какой-то мужик. Юлька бегло скользнула по нему взглядом. Черная кожаная одежда, темные очки, тяжелые ботинки, крупные, блестящие серебром перстни на пальцах. Из контингента, что обычно гужевался на Готовальне, такой типаж ничем особенно не выделялся. Разве что стрижку парень носил короткую, в пику пышным гривам и тугим хвостам местных готов и металлистов.

Лицо его показалось Темной Розе смутно знакомым. Неудивительно — общее "поголовье" врацавшейся здесь публики зашкаливало за четыре сотни человек, так что, за полтора месяца своего "членства" в этом маргинальном клубе Юлька вполне могла повстречать и этого персонажа. Если так, то он, должно быть, влился в движение недавно — совсем не выглядит потрепанным, в отличие от тех, кто провел на этом пыльном карнавале хотя бы недели три.

Потеряв интерес к мужчине по соседству, Юля вернулась к своему спору с Крисом:

— Понимаешь, контр-тенор — это редчайший голос, божественный дар! Известных певцов, у которых он есть, можно по пальцам пересчитать! И Даниэль — один из них!

— А может, все-таки, одна? — поддел ее металлист.

— Один! Это мужчина! — Юлька заскрипела зубами. В этот момент она готова была заехать Крису кулаком по физиономии, но сдерживалась, понимая, что, скорее всего, получит "в обратку". Да-да, законы чести и благородства соблюдались многими неформалами исключительно на словах. А впрочем... вы бы как поступили, если вас ударила по лицу неадекватная с виду девица, отстаивающая право какого-то женоподобного визгуна принадлежать к мужскому полу? А именно этой логикой руководствовался бы Крис, случись такое.

— А как же фотографии, где "он" в женском платье щеголяет? — ухмыльнулся волосатик. — Я в Интернете видел.

— Это "Фотошоп"! — взревела готесса.

— А скан паспорта, где черным по белому написано "Андреева Диана Романовна"?

— Подделка! — еще секунда, и Юля точно вцепилась бы Крису ногтями в физиономию, но именно в этот момент к дискуссии присоединилась третья сторона — тот самый коротко стриженный парень, которого Юля, как ей казалось, где-то видела.

— Извините, что вмешиваюсь в вашу беседу, — сказал он, приблизившись, — но я,

кажется, знаю, о чем вы спорите. Группа Rene Magritte, верно?

— Ну да, — усмехнулся Крис. — Юлька утверждает, что там мужик поет. А ведь ежу понятно, что это баба!

Только присутствие свидетеля не позволило Темной Розе выбить наглому соседу по скамейке глаз ударом кулака с огромным перстнем.

— На что-то спорите, или просто так? — уточнил тем временем подошедший.

— Да просто так, — пожал плечами Крис.

— А не могли бы вы по-настоящему поспорить? — сняв очки, хитро прищурился парень. — Я и разобью, и спор ваш рассужу.

— Легко, — тряхнул патлами Крис. — На что спорим, Роза?

"Голым разденешься и с кукареканьем будешь вокруг скамейки бегать до вечера!", — хотела выпалить Юлька, но необходимость поддерживать температурный баланс вынудила ее скорректировать запрос:

— На бухло.

— Вот и отлично, — молвил судья, легким ударом разъединив их сцепленные ладони. — А теперь — смотрите, — достав из кармана куртки сверхсовременный мобильный телефон, каким не мог похвастаться никто из обитателей Готовальни, незнакомец принялся демонстрировать молодым неформалам фотоснимки.

Глаза округлились у обоих. У Криса — от осознания того, что он проиграл, да еще, пожалуй, от неожиданности. А у Волошиной — от того, что она нежданно-негаданно увидела то, о чем мечтала уже несколько лет.

Голый Даниэль Дроу! На нескольких фото — один, на других — в компании Ленни Дрима, хозяина телефона, еще каких-то людей... Широкий стол, уставленный выпивкой и закуской. Бассейн — Дроу запечатлен в момент прыжка в воду. Парилка — Ленни азартно охаживает Даниэля веником по спине. Мужские посиделки в финской бане.

Исключительно мужские...

— Слушай, мужик, откуда у тебя это? — проямлил Крис, тыча в экран телефона дрожащим пальцем.

— Все очень просто, — улыбнулся разрушитель легенд, убирая мобильник обратно в карман. — Я менеджер Rene Magritte. Паша Перегруз, слышали про такого?

У Темной Розы словно бомба в мозгу разорвалась. Ну конечно! Вот, где она видела это лицо! Вовсе не на Готовальне, и вообще не в Питере. А за кулисами ставропольских концертов Дроу и Дрима! Естественно, она не обращала на него внимания, принимая за мелкую сошку из технического персонала. Да и как вообще влюбленная готесса может обращать внимание на кого-то другого в присутствии несравненного Даниэля Дроу?!

Имя "Паша Перегруз" тоже было ей знакомо. Оно часто встречалось в сетевых обсуждениях, посвященных Rene Magritte. Менеджер группы взял себе англоязычный ник Overload, но в русской речи такое слово, в отличие от множества прочих наводнивших ее за последние десять лет англицизмов, смотрелось донельзя нелепо. Так что прозвище быстро перевели, и Overload превратился в Перегруза. Видно, в конце концов, сдался и он сам, раз даже представлялся теперь так.

— Не, не слышал, — буркнул Крис, чувствувавший себя так, будто ему разом предъявили неопровержимые доказательства существования чупакабры, снежного человека и лох-несского змея.

— Ну, это, в принципе, и неважно, — развел руками Паша. — А вот что для тебя сейчас важно, приятель — так это угостить даму качественным алкоголем. Ты же проиграл.

— Блин, тут такое дело... — замялся Крис. Лицо его медленно заливал багрянец. — Это... Денег нет у меня, короче.

— Плохо, — укоризненно покачал головой Перегруз. — Зачем же спорил тогда? Очень плохо. Но поправимо. В этот раз я, так и быть, возьму твой долг на себя. Как-нибудь потом свидимся, отдашь. Ты ведь здесь часто бываешь? — при этих словах Паша посмотрел на Криса с намеком. Тот намек понял.

— Ага. Завтра заходи, постараюсь отдать, — пристыженный металлист встал и понуро поплелся прочь.

— Лох, — беззвучно произнесла ему вслед Темная Роза, оттопырив оба средних пальца.

Но Крис подозревал, что ни завтра, ни послезавтра, ни когда-либо еще Перегруза он на Готовальне не встретит. И парень был прав — все эти "скандалы, интриги, расследования" менеджер Rene Magritte затеял единственно для того, чтоб познакомиться с эффектной готессой. То, что она оказалась завзятой фанаткой его подопечных, здорово сыграло Перегрузу на руку. Ведь далеко не все поклонники "темной эстетики" уважали творчество этой группы. Да, фанатов у Rene Magritte было много. Но куда больше было тех, кто считал дуэт пустышкой и бездарной пародией на настоящую готическую группу.

Пятнадцатью минутами позже Перегруз и Темная Роза уже согревали свои страдающие готические души в ближайшем баре. В этом им помогали литровая бутылка водки, кувшинчик томатного сока, а также тарелочки с маринованными грибами, огурчиками и салатом из морской капусты.

Юлька живо сообразила, что ей достался феноменальный, невероятный шанс. Напротив сидел не просто знакомый Дроу, а человек из самого близкого окружения Даниэля! Перегруз мог помочь ей, во-первых, самой войти в это окружение, а во-вторых — выкарабкаться из уличной грязи, в которую девушку так цинично втоптала несправедливая судьба.

Так что сейчас Волошина лихорадочно искала подступы к этой мини-секте. Чем можно заинтересовать Перегруза, чтобы стать полноправной участницей тусовки Rene Magritte и видеть любимого если не ежедневно, то хотя бы каждую неделю?

Некоторое время продюсер и девушка оживленно обсуждали нюансы творчества группы. Павел рассказывал о том, как познакомился с Ленни и Даниэлем, о начале совместной работы. До того, как начать сотрудничать с Rene Magritte, Перегруз несколько лет пытался раскрутить группу под названием Pet, возглавляемую нескладным андрогином Флекси. Вопиющая бесталанность этого персонажа поставила крест на любых перспективах, и потраченные на продвижение Pet средства (весьма солидные по меркам готического андеграунда) улетели в трубу. Именно ребята из Владивостока стали той соломинкой, ухватившись за которую, Перегруз сумел спасти свою продюсерскую карьеру.

Где-то на середине бутылки Юлька, набравшись смелости, наконец, поинтересовалась:

— А ты познакомишь меня с ними? С Дроу и Дримом.

— Да ты ж ведь, вроде, и так с ними знакома, — закурив, промолвил продюсер. — Я, кстати, вспомнил тебя. Уральские гастроли, месяцев пять назад.

— Что было, то было, — вздохнула Юля. — Теперь я здесь. Но то ведь совсем другое было. Подумаешь, фанатка в примерку заглянула, покрутилась и ушла. Я хочу быть с вами, понимаешь? Хочу стать частью мира Rene Magritte.

— Так-так, — задумчиво глядя на нее, Паша забарабанил кончиками пальцев по столешнице. — В принципе, люди нам нужны. Вопрос лишь в том, — продюсер пристально посмотрел ей в глаза, — что ты умеешь делать?

— Рисовать! — не раздумывая, выпалила Юлька. Так громко, что на нее уставились несколько пар любопытных глаз из-за соседних столиков. — Я умею классно рисовать, — сказала девушка уже тише. Все, что хочешь, могу оформить: диски, афиши, декорации для концерта сделать. Для сайта что-нибудь... не в обиду будет сказано, но у вас там так убого все... — тут она прикусила развязанный водкой язык, испугавшись, что сболтнула лишнего.

— Да что уж там, продолжай, — усмехнувшись, махнул рукой Перегруз. — Конечно, не в обиду, ведь ты права. Сайтом Дрим в одиночку занимается, а он у нас, как ты понимаешь, далеко не художник. Так что по этой части у нас действительно пробелы. И ты не первая, кто это заметил, — Павел досадливо поморщился. — Осталось взглянуть на твои рисунки. Я так понимаю, с собой у тебя их нет?

— Есть! — только сейчас Юлька поняла, насколько важным был тот факт, что ей удалось сохранить свой ноутбук. Эскизы, наброски, готовые проекты — все хранилось именно там. И если б туда дотянулись трясущиеся грабли мерзкого алкоголика дяди Васи, начавшая было осуществляться мечта пошла сейчас сизым прахом. Прямо как в песне ее любимцев...

Расчехлив ноутбук, Юля водрузила его на стол между водкой и салатом, включила и, дождавшись загрузки, развернула машинку экраном к Перегрузу.

— Рисунки лежат в папке "Графика", — на всякий случай подсказала она.

Просмотрев пару десятков файлов, Павел перевел взгляд с экрана на собеседницу, одобрительно хмыкнул и показал Темной Розе большой палец. Потом достал свой модный телефон и USB-шнур.

— Сейчас Даниэлю по MMS отправлю, — пояснил он, подключая мобильник к Юлькиному ноутбуку. — Поглядим, что он скажет.

— Они в Германии сейчас, да? — возбужденно спросила Юлька. — Альбом пишут?

— Ага, — кивнул Паша, перебрасывая несколько рисунков в свой телефон. — Через неделю вернутся. А еще через месяц релиз альбома будет. Вот к тому времени, возможно, твои навыки нам и пригодятся. Но это уж — как Дроу решит. Я, хоть и продюсер, но не диктатор.

Юлька сложила крестиком пальцы на левой руке.

— Ну вот, а теперь давай вернемся к возлияниям, — сказал Павел, отослав MMS и возвращая ноутбук владелице. — Как ты понимаешь, ответ придет нескоро. Может быть, что и не сегодня.

Сам он при этом думал, что, похоже, пролетает "мимо кассы". Девушка по уши влюблена в Дроу, а его, Перегруза, воспринимает лишь как ключик к заветной двери. Даже жаль, что с ходу раскрыл все карты. Глядишь, чего и выгорело бы. Можно, конечно, попытаться стребовать с нее "награду" за грядущее знакомство с Даниэлем, но... в этом случае ничто не мешает Юле послать всю их готическую шайку-лейку ко всем матерям. В том, что именно так девушка и поступит, начини он борзеть, Перегруз не сомневался. Он успел присмотреться к ее характеру. Да, наивная, да, излишне романтическая. Но отнюдь не "слабая на передок". И не из робкого десятка.

Темной Розе продолжало везти — ответ из Германии (от самого Даниэля Дроу!) прилетел уже через полчаса. Глядя на экран своего телефона, Перегруз вкрадчиво улыбался.

— Что там? — Юля заерзала на своем месте, подалась вперед. — Что он ответил?

— Он ответил "Ох...ительно", — подняв на нее взгляд ответил Павел. — Поздравляю. Ты с нами, — продюсер в очередной раз наполнил рюмки.

— Пац, тут еще вот такая проблема, — спрятав глаза, сказала Темная Роза. — Мне жить негде. По впискам мотаюсь. Надоело до смерти.

Перегруз погрузился в раздумья. Его молчание продолжалось несколько минут.

— Что ж, и эта проблема решаема, — молвил он, наконец. — Можешь пожить у меня. Вот только, — добродушный доселе взгляд Павла стал вдруг холодным и острым, — там все решаю я, а не Даниэль.

Это было жестоко. Подло. Низко. Сотней экспрессивных эпитетов можно было назвать случившееся. Но — "это шоу-бизнес, детка, и я — далеко не худший вариант" — ради встречи с любимым и работы в проекте Rene Magritte, Юле Волошиной пришлось-таки стать подстилкой Павла Горличева по прозвищу Перегруз. А как она надеялась, что без этого обойдется!

Впрочем, определение "подстилка" было, все же, не вполне подходящим. Папа Перегруз только начинал свой путь к окончательному превращению в полностью беспринципного и аморального монстра от шоу-бизнеса. Юльке удалось отстоять свою девичью честь, заявив, что ее она бережет для Даниэля. Продюсер отнесся к этому с пониманием, но, в свою очередь, настоял на регулярном оральном сексе. И Темной Розе с большим трудом удалось уломать его на использование презервативов.

Резинки с фруктовым вкусом здорово облегчали ее душевные терзания, связанные с этим моральным падением. По сути, — размышляла Волошина, — раз уж ее губы и язык не соприкасаются напрямую с Пашиным членом, то никакого минета и не происходит. Вот если бы он кончал ей в рот и заставлял проглотить — это другое дело, тогда уже можно чувствовать себя грязной шлюхой и стенать над своей разбитой судьбой. А так — можно и потерпеть.

Да и потом... чего не сделаешь ради осуществления своей хрустальной мечты?

Так что, вечерами и по утрам, скользя губами по обтянутому латексом напряженному стволу Павла, Юля абстрагировалась от происходящего "здесь и сейчас" и погружалась в романтические грезы, предвкушая встречу с Даниэлем Дроу. Представляя, что ублажает на самом деле своего кумира, а не его продюсера.

— Что-то я не вижу счастливой улыбки на твоем лице, — сказал однажды утром Перегруз после очередного минета.

"Совсем обнаглел, зараза", — подумала Юлька. Но вслух, понятное дело, она этого не сказала.

— Чему радоваться-то? — пожала плечами девушка. — Все как обычно.

— Все, да не все, — Павел, усмехнувшись, резво соскочил с кровати и начал одеваться. — Или ты забыла, зачем приехала в Питер? Сегодня тот самый день, — продюсер сделал театральную паузу, — когда ты вновь увидишь своего кумира лицом к лицу, а после сядешь с ним за один стол, и сможешь что-нибудь шепнуть ему на ушко. Сегодня тот самый день, — Павел расправил плечи и вытянул вперед правую руку на манер лидера протестующей толпы, — когда Rene Magritte возвращаются из Европы, везя с собой мастер-диск свеженького альбома "Ядерный сон". Того самого, который ты, возможно, будешь нам

оформлять. Если не передумала, конечно.

— Не передумала, — Юля вылезла из-под одеяла и встала напротив него. В тот миг девушка думала, что любит этого человека — несмотря даже на то, что он, воспользовавшись безвыходным положением Темной Розы, фактически изнасиловал ее. — Мы поедем их встречать, да?

— Я поеду, — Павел возился с брюками, застегивая ремень. — А ты пока подготовь квартиру к их приезду. Приберись, обед сваргань. Свари солянку с копченостями и картошки с мясом пожарь. Из расчета на четверых человек. Хотя, нет, на пятерых. Возможно, еще кое-кто подъедет, — при этих словах Павел вдруг резко помрачнел. Быстро собравшись, он вышел из спальни. Через минуту за ним захлопнулась входная дверь. Темная Роза осталась в квартире одна.

— Ур-р-р-а-а-а! — завизжала она, прыгая по комнате в одних трусиках. — Данька едет! Данька едет ко мне!

И в самом деле — ну как же можно было об этом забыть? Должно быть, просто возвращение из голода и холода бездомной жизни в тепло и уют, да еще и без необходимости работать — а не хотелось бы считать своей "работой" исполнение сексуальных прихотей хозяина квартиры — расслабили ее, погрузив в ленивую полудрему. Что ж, отныне все пойдет по-другому. Кто, как не она, лучше всех познавшая душу Даниэля, сможет очаровать Дроу и заставить певца полюбить себя столь же страстно, как она любит его? Даниэль все поймет и заберет ее отсюда. Жить в квартире Паши Перегруза, пользуясь его холодильником, баром и аппаратурой, конечно, очень приятно. Вот если б только не приходилось при этом "пользоваться" кое-чем еще...

Квартиру она выдраила в тот день до блеска — так, словно бы готовила гостиничный номер к визиту принца Уэльского. В жилище продюсера не осталось ни единой соринки, ни единой пылинки, ни малейшего застарелого запаха, которые могли бы испортить настроение Юлькиному кумиру. Окинув взглядом результаты своей деятельности, Темная Роза поняла, что может гордиться собой.

Потом она пошла на кухню и, включив плеер (в который, естественно, был заряжен МРЗ-диск с песнями Rene Magritte), принялась готовить блюда, которые заказал к ужину Перегруз. "Подумать только, — думала девушка, нарезаая картофель аккуратной соломкой, — сегодня я буду кормить самого Даниэля Дроу. И Ленни Дрима! Могла ли я представить себе, что это станет явью?".

Представить себе это она, конечно, могла — и представляла не раз в своих фантазиях, где Даниэль становился ее любовником. Но вот по-настоящему поверить в такие вещи, принять как данность, что всё это — реальность, а не сон... пожалуй, до конца поверить в это она не могла до сих пор. И занятия, которые поручил ей Горличев — они на самом деле были очень кстати, иначе Юля все ногти себе изгрызла бы в ожидании заветной встречи. Именно чтобы избавиться от мандража она выметала пыль из-под шкафов и по три раза протирала каждый подоконник.

Когда с готовкой было покончено, Юлия пошла в спальню и прилегла передохнуть. Конечно же, ей снова снились поцелуи и объятия Даниэля Дроу. Но сон девушки был чутким — и скрежет ключа в замочной скважине разбудил ее.

Юлька соскочила с кровати и выбежала в прихожую. Перегруз уже заходил в квартиру, держа в руке здоровенную сумку. А за его спиной маячили те самые силуэты, которые она когда-то наблюдала в концертном дыму екатеринбургского клуба.

Тут Роза осознала, что одета совсем неподобающим образом для встречи столь высоких гостей. На ней был простой спортивный костюм, в котором девушка привыкла ходить по квартире — тогда как встречать Даниэля Дроу, в ее представлении, полагалось "во всем блеске готического великолепия". Но Юля так волновалась, что попросту забыла надлежащим образом одеться и накраситься. "Черт, как же стыдно", — думала она, неловко топчась в прихожей. Тем временем в квартиру, вслед за ее хозяином, вошел клавишник Rene Magritte, Ленни Дрим.

— Привет, — сказал он, дружелюбно глядя на Волошину. — Ты, должно быть, Юля?

— Да, — кивнула Темная Роза, после чего ее челюсти срослись друг с другом. К счастью, в течение следующих десяти минут ее никто ни о чем не спрашивал — иначе от волнения Юлька точно наговорила бы каких-нибудь глупостей.

Вслед за Ленни в коридор вошел — точнее, вплыл Даниэль. И для Юли Волошиной все сразу стало другим. Она словно бы оказалась в волшебном эльфийском лесу, наполненном дивными звуками и волшебными ароматами. Так всегда бывает, когда оказываешься рядом с любимым человеком — но любовь, которую Юля Волошина испытывала к Даниэлю Дроу, была, наверное, во сто крат сильнее любой обычной любви. По крайней мере, так считала она сама.

Это благостное ощущение не покинуло ее и после того, как они вчетвером уселись за стол на кухне и принялись ужинать. Юлька почти не притронулась к еде — сидела, не отрывая взгляда от лица Даниила. Исполнилась еще одна ее заветная мечта — увидеть, какой он в быту, вблизи, на расстоянии вытянутой руки. Как оказалось, он и в домашней обстановке сохранял вокруг себя ореол загадочности. Даже свой знаменитый кожаный плащ не снял, так и сидел в нем за столом. Он мало говорил и почти не смотрел по сторонам, все время оставаясь спокойным и серьезным. На Юлю же певец и вовсе не обращал внимания. Когда они с Дримом только вошли в квартиру, Дроу лишь сдержанно кивнул ей в знак приветствия, приняв, вероятно, за сожительницу Перегруза (формально, конечно, так оно и было, но сама Юля себя таковой вовсе не считала). Сейчас, во время ужина, ему, казалось, не было до нее вообще никакого дела. И, разумеется, он не узнал ее, хоть они уже и виделись несколько лет назад в ее родном Ставрополе.

— Кстати, Даня, это та самая девушка, которая хочет сделать арты для альбома, — сказал Перегруз, когда ужин был закончен, и Волошина, собрав со стола тарелки, отнесла их в раковину. — Помнишь, я тебе на мобилу присылал ее работы?

"Ну наконец-то!", — пронеслось в голове у Темной Розы.

— О! — впервые за все время его пребывания здесь, Даниэль улыбнулся. — Юля, да? Мне понравились твои рисунки.

— Я ваша давняя поклонница, — не придумав ничего лучшего, промямлила Волошина, чувствуя, как бешено колотится в груди сердце. — Рада, что они вам понравились.

— Ой, да ну что ты! — рассмеялся Даниил. — Зачем на "вы"? Я ж еще молодой.

— Паша сказал, что вы их хотите использовать для оформления альбома, — робко промолвила Юля.

— Вообще да, — кивнул Дроу. — Только не сейчас, а чуть позже. Наш продюсер, Нино — он хочет, чтобы "Ядерный сон" оформляла его сестра. Тут я бессилён, извини, — развел он руками.

— Но на следующем альбоме мы точно будем работать с тобой, — подал голос Дрим. — Мы уже решили.

— А когда следующий? — Юлька и сама не верила, что у нее хватило духу это спросить.

— Записывать собираемся ближе к концу года, — ответил Дроу, — но все тексты уже готовы. Осталось музыку для них сочинить. Это по Серегиной части, — вокалист кивнул в сторону Дрима. — Если пить много не будет, то быстро управится.

— Ой, кто бы говорил, — фыркнул клавишник.

— Кстати, насчет выпить, — встрепнулся Перегруз. — Вы "Ягер"-то привезли?

— Ну а то как же, — усмехнулся Дрим. — Съездить в Германию и не привезти "Ягера"... что же мы, идиоты, что ли?

Сергей прогулялся в коридор и вернулся с большой бутылкой "Ягермайстера" — легендарного немецкого охотничьего ликера.

— А зачем за ним в Германию ездить? — удивилась Юля. — Его же и в наших магазинах продают.

— Продавать-то продают, да не всегда настоящий, — хмыкнул менеджер. — С Германией хотя бы не ошибешься. Не выйдет так, что какой-нибудь таджик в колпинском подвальчике в твою бутылку пописал.

— А что, и так бывает? — изумилась Юля.

— Нет, ну это гипербола, конечно, — усмехнулся Перегруз. — Но вообще случаи отравления людей поддельным алкоголем имеют место быть. Поэтому нельзя упускать возможность насладиться его истинным вкусом. Кстати, Юля, нарежь там колбаски, сыру. Закусывать надо.

Волошина двинулась к холодильнику. В этот момент на телефон Даниэля Дроу пришло СМС-сообщение. Прочитав его, музыкант резко поднялся со своего места.

— Мне нужно ехать, — сообщил он присутствующим.

— Хорошо, — мгновенно отреагировал Перегруз, но Юля заметила, что при этих словах Даниила он сильно помрачнел. — Когда вернешься в строй?

— Ну, — пожал плечами Дроу, — Завтра вечером, может быть. — Ты насчет пресс-конференции договорился уже?

— Конечно. Послезавтра.

— А, ну тогда я постараюсь пораньше освободиться, — Даниэль исчез в прихожей. Через несколько минут оттуда донесся звук закрываемой двери.

— А куда это он? — удивленно спросила Юля.

— Он поехал к... — начал Дрим, но менеджер не дал ему закончить фразу.

— Я как-нибудь потом расскажу, — сказал Павел. — Хотя, наверное, лучше бы тебе вовсе этого не знать.

Остаток вечера прошел в достаточно неловкой обстановке. Перегруз и Дрим, в основном, обсуждали рабочие моменты. Юля почти не слушала их. Она была шокирована странным поступком своего возлюбленного. Даже рассказ Ленни о поездке в Германию и работе над альбомом в студии Нино Круппа — рассказ, который в другое время она выслушала бы, затаив дыхание — сейчас почти не вызвал интереса.

Впрочем, в тот вечер ее, все-таки, ждала одна хорошая новость: как и обещал, после возвращения Даниэля, Перегруз не стал продолжать склонять ее к сожителству. После того, как Ленни, заказав такси, уехал к себе домой, Павел сказал Юле, что теперь она может спать в другой комнате. Хоть какое-то облегчение...

Следующий день прошел в томительном и тревожном ожидании новой встречи с

кумиром. Но эта встреча состоялась лишь еще одним днем позже, когда вместе с Павлом она поехала на пресс-конференцию Rene Magritte, проходившую в одном из музыкальных магазинов города. Мероприятие было посвящено грядущему выходу альбома "Ядерный сон". Сначала Волошиной показалось странным, что музыканты представляют пластинку еще до ее фактического появления в продаже — но Перегруз объяснил ей: так делается потому, что газеты, журналы и передачи выйдут лишь спустя неделю-две — когда альбом уже будет на прилавках.

Странным ей показалось также то, как выглядел и вел себя Даниэль Дроу. Он был неестественно бледен, сбивчиво говорил и постоянно пил воду, осушив за время пресс-конференции целых шесть пол-литровых бутылочек. Юля заметила, что Горличев смотрит на это весьма неодобрительно. "Что происходит? — напряженно думала она. — Заболел, что ли?".

После пресс-конференции музыканты и часть журналистов отправились в ближайший бар, где был приготовлен фуршет. Юля старалась все время находиться поближе к Даниэлю — и еще больше убедилась в том, что музыкант чувствует себя неважно. У него даже руки тряслись. Дроу не притронулся к алкоголю, но продолжал пить воду — Юля лично несколько раз наполняла его стакан. К ее огромному сожалению, он не обратил внимания, кто оказывает ему эту услугу.

— Слушай, что это с ним? — шепнула она, улучив минутку, на ухо Перегрузу. — Простыл?

— Не обращай внимания, — отмахнулся менеджер. — Перебрал накануне.

Услышав такой ответ, Юля перестала переживать за здоровье своего идола (все-таки, в музыкальной среде такие вещи — дело обычное), но мысли ее тут же пошли по еще более тревожному пути. "Мы тоже позавчера выпивали — а он уехал и наклюкался где-то отдельно от нас. Где-то... С кем-то... Боже, неужели у него есть любовница? Вот блин!".

Когда они вернулись домой, она попыталась упросить Павла помочь ей добиться расположения Даниила. Тот отказался, сказав, что обещал только познакомить девушку со своим подопечным, но в свахи к ней вовсе не нанимался. "Свои амурные проблемы ты должна решать сама", — заявил он. На ее прямой вопрос о том, есть ли у Дроу любовница, менеджер, замаявшись на мгновение, ответил, что нет.

Что ж, значит, шанс, все-таки, имеется. Вот только... что делать дальше? Легко сказать "решай сама" — но как, если у нее даже нет с ним связи? Ждать, пока Даниэль снова придет в гости к Павлу, ждать следующего мероприятия группы? Нет, это было превыше ее сил. Впрочем, решение данной проблемы нашлось быстро: пока Перегруз ходил в туалет, Волошина покопалась в памяти его телефона и выудила оттуда заветный номер Даниэля Дроу. По которому она позвонила уже на следующий день. Юля не переставала удивляться, как у нее хватает смелости делать это — но она предложила музыканту встретиться и обсудить детали их будущего сотрудничества по визуальному оформлению альбома.

К еще большему ее удивлению, он сразу согласился. И пригласил ее в святая святых — питерскую студию Rene Magritte, где ребята репетировали и записывались до того, как начали сотрудничать с именитым немцем. Впрочем, для репетиций и творческих сессий это место продолжало использоваться и сейчас.

В студии ее внимание привлекли разнообразные готические сувениры, расставленные там и сям, а также висящие на стенах постеры, являвшие собой репродукции очень странных картин. На одном из них был изображен огромный паук с человеческой головой, сидевший в

центре паутины, пленившей не мух и комаров, а... обнаженных девушек. "У него превосходный вкус!", — думала Юля, переводя восхищенный взгляд с одной вещицы на другую.

— Нравится? — спросил Даниэль, заметив ее интерес. Темная Роза молча кивнула.

— Есть одно место — мы называем его "Темный дом" — там их еще больше. Как-нибудь обязательно свожу тебя туда. Так, ну а теперь давай обсудим рабочие вопросы, — из ящика одного из комодов он достал кипу листов с записанными от руки текстами песен.

Сердце Юли Волошиной в тот момент бешено колотилось и было, казалось, готово выпрыгнуть из груди. А сама она была готова, сбросив себя одежду, запрыгнуть прямо на стол и, раздвинув ноги, отдаться своему кумиру. Это действительно была прекрасная возможность — в студии они находились только вдвоем. Но Даниэль, похоже, совершенно не осознавал магии момента. Не мог увидеть в ее глазах этой дикой любви и желания.

— Мы пока еще не решили, какие именно песни войдут в альбом, — сказал он, перебирая листки, — но будет неплохо, если ты нарисуешь какие-нибудь картинки для каждой их них. Рано или поздно все пойдет в работу, — Дроу опустил в продюсерское кресло перед микшерным пультом. Юля устроилась на кожаном диванчике напротив. Мысли ее, конечно, вертелись сейчас совсем не вокруг творчества.

— Вот, послушай, — Даниэль выбрал один из листов. — Эта вещь называется "Злобный гот".

Он устроился поудобнее и начал петь своим знаменитым высоким голосом, от которого у Волошиной сразу побежали по коже мурашки:

Черные тени на белой стене,
Абсент зеленеет пьяною лужей.
Я не совершал преступления,
Но я никому не нужен.
Некрофилия в черном дворе,
Пролитое на землю пиво.
Лавкрафт рассказывает сказки мне
О том, как в Аду очень мило.

Мое эго — депрессняк,
Ведь я — лишь земляной червяк.
Взрежу вены на минуту,
Станет легче хоть кому-то.

Вийон лежит вместе с Бодлером,
Эдгар По залит водкой.
Я смотрю на бледное тело -
Жизнь может быть такой короткой.
Сегодня потерял подругу.
Пил с каким-то пареньком.
Начинали с бормотухи,
Глянцевали коньяком.

Мое эго — депрессняк,
Ведь я — лишь земляной червяк.
Взрежу вены на минуту,
Станет легче хоть кому-то.

Меня лучше не трогать -
Ведь я злобный гот.
Мне не нужны недотроги -
Подруги холодны, как лед.
Черные розы в графине,
Портрет Де Сада на стене,
И плавают в крови вина,
А кровь все течет во мне.

Юля слушала его, забывая дышать. Первой, раньше всех остальных, соприкоснуться с новым творчеством своего кумира... пожалуй, это был лишь самую малость меньший подарок, чем заняться с этим кумиром сексом.

— Ну, что скажешь? — Дроу поднял на нее взгляд.

— Это восхитительно! — выдохнула Волошина. Прямо как у французских поэтов девятнадцатого века!

— Ты правда так думаешь? — Даниил выглядел польщенным. — Послушай еще. Называется "Готическая грусть":

Я встречаюсь с серой мерзостью,
Я пью желтую бормотуху.
Здесь все пропитано серостью,
Здесь живут узники духа.
Здесь ждут все Откровения,
Но оно опять задержалось.
И пьют все дешевый портвейн
На то, что в карманах осталось.

Желаю чистоты душевной,
Желаю любви чистой,
Желаю взора не королевы,
Но Мадонны пречистой.
Желаю чистого взора,
Желаю мыслей светлых.
Но абсент принесли снова,
И расставлены стаканы заветные.

Здесь живут серые личности,
В душе Тадж-Махал строящие.
Ампутированы конечности -
В жизни они могли больше.

Мешаем мы водку с пивом,
Портвейн коньяком лакируем.
И плевать этому миру,
Кем в конце жизни мы будем.

Желаю чистоты душевной,
Желаю любви чистой,
Желаю взора не королевы,
Но Мадонны пречистой.
Желаю чистого взора,
Желаю мыслей светлых.
Но абсент принесли снова,
И расставлены стаканы заветные.

— Божественно! — Юля даже в ладоши захлопала. — Мне прямо-таки не терпится услышать, как это будет звучать с музыкой.

Дроу показал Юле еще несколько песен, прежде чем она решила, что настало время приступать к решительным действиям. Она встала с дивана, подошла к Даниэлю и опустилась перед ним на колени. Музыкант смотрел на нее с искренним удивлением — как будто не понимал, что происходит. Темная Роза тем временем расстегнула его замшевые брюки и извлекла наружу мужское достоинство Даниэля, чтобы...

— Нет! — высвободив свой член из ее пальцев, Дроу вскочил и застегнулся. — Не надо!

— Но почему? — разочарованно спросила Волошина. — Разве ты не любишь заниматься сексом?

— Люблю, но... — музыкант замялся. — Я не готов. Все так неожиданно, — Дроу смущенно улыбнулся.

"Неужели он еще девственник? — подумала Юля. — Ну надо же".

— Знаешь, я тут вспомнил, — кашлянув, сказал Даниил, — мне нужно идти. Срочное дело.

На этом их общение в тот день закончилось. Прошла еще одна томительная неделя, прежде чем он сам позвонил ей и пригласил посетить загадочный "Темный дом".

То был, как оказалось, не дом, а шестикомнатная квартира в центре города. Там все было выдержано в черном и сером тонах с небольшими вкраплениями красного. "Прямо как будто в жилище вампира", — думала Юля, с восторгом рассматривая обстановку. Конечно, все это было очень готично. Старинные часы и средневековые гравюры на стенах, чучела летучих мышей и скульптурки горгулий, изящные подсвечники, пепельницы в виде черепов... Настоящий готический рай, жить в котором мечтает, должно быть, каждая юная неформалка.

— Мы снимаем эту квартиру вскладчину, — пояснил Даниэль. — Я, Серега и кое-кто из наших друзей. Ну и тусуемся здесь в свободное от работы время — абсент и все такое...

— Как и положено настоящим готам, — сказала Юля.

— Ага, — рассмеялся Дроу.

В этот момент она была счастлива. Даже несмотря на то, что дальнейшая судьба ее отношений с ним по-прежнему оставалась неясной. После эпизода в студии Юля боялась,

что Даниэль вовсе перестанет общаться с ней, посчитав, что она — обычная тусовочная шлюшка, каких он повидал, должно быть, сотни. Но все обошлось.

— Ты уже нарисовала что-нибудь? — спросил Даниэль.

— Да, конечно, — кивнула Волошина. — Правда, я не взяла рисунки с собой. Забыла.

— Ничего страшного. Главное, что нарисовала.

Юля снова начала обдумывать планы скорейшего соблазнения кумира, но в этот момент кто-то позвонил в дверь. Даниэль пошел открывать и вернулся в гостиную вместе с худощавым парнем кавказской наружности.

— Кто это? — с ярко выраженным акцентом спросил тот, увидев Юлю.

— Коллега по работе, — сказал Даниэль. Юле это очень польстило. — Рисует буклет к следующему альбому. Познакомься, Юля, это мой друг Рустам.

— Привет, — буркнул Рустам, пройдясь по ней довольно тяжелым взглядом. Сразу после этого он сел на стул возле окна. Было очевидно, что девушка ему совсем не интересна, более того — ему не слишком приятно ее присутствие.

— Я сейчас принесу выпить, — сказал Даниэль и удалился на кухню. Юля присела с противоположной от Рустама стороны стола. Она не могла удержаться от того, чтоб не бросать на него время от времени изучающие взгляды. Приход этого человека казался девушке очень странным. Она понимала, конечно, что среди кавказцев тоже могут встречаться готы, но... Рустам совершенно не походил на представителя этой субкультуры. Одет он был совершенно обычным образом, пострижен коротко и не имел никакого пирсинга — даже простенькой единственной сережки в ухе.

"Кто же это такой? — думала Волошина. — Как он может быть связан с Даниэлем?"

Певец вернулся с двумя бутылками спиртного. "Ягермайстер" и абсент. "Не многовато ли?", — подумала Юля.

— Ну что ж, давайте выпьем? — разливая по рюмкам бордовый ликер, Дроу почему-то выглядел несколько смущенным. Так, как будто на самом деле он не собирался знакомить Юлю с Рустамом и чувствовал себя неуютно от того, что эти двое все-таки увидели друг друга.

Происходящее было Розе совершенно непонятно. Но все-таки, она начала пить вместе с ними, внимательно прислушиваясь к их разговору и пытаясь по звучащим фразам определить, что же может их связывать.

Парни, судя по всему, обсуждали какие-то финансовые вопросы, поскольку в их разговоре то и дело проскакивало слово "чек". В конце концов Юля сдалась, махнула на эту загадку рукой и отдалась на волю Бахуса. "Ягермайстер закончился", и троица принялась за абсент, разбавляя его водой. В воздухе над столом плавали клубы ароматного сигаретного дыма. Хоть присутствие Рустама и напрягало ее слегка, в целом происходящее Юле скорее нравилось. Это была та самая жизнь истинной готической богемы, о которой она стала мечтать после того, как начала слушать песни Rene Magritte.

Потом на столе появились четыре небольших горки белого порошка, которые Рустам, ловко орудуя бритвенным лезвием, превратил в длинные дорожки. Раньше Юля никогда такого не видела — но сразу поняла, что это кокаин. Это тоже идеальным образом вписывалось в созданную ею картину богемной тусовки, но... "Черт возьми, это же очень опасно. Получается, что Даниэль..."

Теперь ей, по крайней мере, стало понятно, откуда взялся Рустам и зачем он здесь. Южанин был поставщиком наркотиков Даниэля Дроу и его товарищем по их употреблению.

— Ты будешь? — неожиданно спросил дилер, подняв на нее взгляд. Юля помотала головой.

— Она не употребляет, — пьяно рассмеялся Даниэль. Хоть он и не мог знать этого наверняка, но все-таки не ошибся. Кавказец только пожал плечами.

Мужчины начали нюхать кокаин. Они использовали для этого не свернутую банкноту, как показывают в фильмах, а специальный аксессуар — изготовленную из серебра тонкую трубочку.

Юля наблюдала за ними, вытаращив глаза. Придвинув поближе бутылку с абсентом, она налила себе очередную порцию. Забыв при этом добавить воды. Девушка и так уже порядком захмелела, и этой новой дозы ее сознанию хватило чтобы отключиться. Юля уснула прямо за столом.

А когда проснулась — Рустама и Даниэля рядом с ней уже не было. "Куда же они подевались?", — пьяно пошатываясь, она вышла в коридор. Какие-то странные звуки доносились из дальней комнаты. Впрочем, ничего странного на самом деле в них не было — то были звуки страстного совокупления. "Они что, проституток сюда вызвали?", — возмущенно подумала Юля, подойдя поближе.

Но то, что она увидела, заглянув в приоткрытую дверь, шокировало девушку даже больше, чем сцена употребления наркотика. Лучше бы ей, конечно, не смотреть туда — но сделанного не воротишь: зажав ладонью рот, Юля в ужасе наблюдала, как голый Даниэль Дроу стоит на четвереньках на широкой кровати (выполненной, конечно же, в старинном готическом стиле), а Рустам... увлеченно обрабатывает его сзади. В пылу страсти молодые геи не заметили, что у их альковных развлечений появилась свидетельница.

"Я как-нибудь потом расскажу, — пронеслись в голове слова менеджера. — Хотя, наверное, лучше бы тебе вовсе этого не знать".

Хмель сняло как рукой. Юля не стала врываться в спальню и закатывать скандал. Она развернулась и пошла к двери. Накинув пальто, девушка вышла из "Темного дома" и направилась к станции метро. Очень хотелось броситься под поезд. Но Юля, все же, нашла в себе силы, чтобы добраться до квартиры Перегруза. Там она, едва скинув сапоги и не снимая пальто, забежала в свою комнату, где упала на кровать и рыдала три часа подряд. Потом — вышла на кухню попить воды.

— Ты все узнала, да? — спросил Павел. Он сидел за столом и пил водку. Юля молча кивнула и умыла зареванное лицо.

— Садись, — Перегруз встал и достал из настенного шкафчика вторую рюмку. Налил водки Юле и себе. Девушка выпила, не дожидаясь его, не поморщившись и не закусив.

— Эх тебя проняло, — хмыкнул менеджер. — Согласен, нелегко перенести такое.

— Почему ты сразу мне не сказал? — Юля подняла на него укоризненный взгляд.

— А зачем? Чтобы ты вены вскрыла у меня в ванной?

Возразить ей было нечего.

— Этого дага он подцепил в каком-то клубе несколько лет назад, — сказал Перегруз, вновь наполняя рюмки. — Так до сих пор с ним и встречается. Верный. Раньше Данька только выпивал, а этот хмырь его еще и на кокс посадил. Вверх по лестнице, идущей вниз...

— "Голубым" его тоже Рустам сделал? — любопытствовала Юля.

— Да, — Паша кивнул. — Дроу по пьяни забрел в гей-клуб, там познакомился с Рустамом, еще поддал, потом нюхнул — и вот результат. Фактически он бисексуал, только с сильным уклоном в "гомо". До Рустама с девушками встречался.

— Понятно, — Темная Роза склонила голову и закрыла лицо руками.

— Давай вот как сделаем, — менеджер положил руку ей на плечо. — Попробуй отбить Даньку у этого урода. Соблазни его, обратно "переориентируй", так сказать. Если выгорит — с меня штука баксов. А то уже реально проблемы в бизнесе начались из-за этого. Он, случается, репетиции пропускает — трахается с этим хахалем своим. И нюхает слишком много, тексты своих же песен забывать стал.

Юля снова тихонько всхлипнула.

Поручение менеджера она начала выполнять в следующую встречу с Даниэлем в студии. Юля не сказала музыканту, что застукала его с Рустамом, а сам Дроу, вероятно, не догадывался, что она могла их видеть. Общение проходило так же, как и в пошлый раз — легко и непринужденно, на творческие темы. Когда Даниэль спросил, почему она ушла из "Темного дома", Юля соврала, что ей стало плохо — впрочем, в некоторой степени это даже было правдой.

Они говорили о музыке и поэзии, Юля показывала ему свои наброски, а потом — показала и себя саму во всей красе, разом сбросив с себя всю одежду (перед этим она несколько дней тренировалась).

На этот раз он уступил ей — чему Волошина и сама удивилась, ведь она слышала, что пассивные гомосексуалисты крайне неохотно идут на контакт с женщинами. Все-таки, он был скорее бисексуалом, а не чистым геем. Темная Роза получила то, к чему стремилась. Лишилась остатков невинности в объятиях Даниэля Дроу. Наркоман, гомосексуалист... Все это, как она слышала, можно вылечить. Настанет день, когда он будет принадлежать только ей!

Шел третий месяц ее жизни в качестве любовницы Даниэля Дроу. Дела обстояли не лучшим образом. Готический гений все глубже погружался в пучину наркотического безумия. Находиться рядом с ним в такие моменты было совсем невыносимо — он превращался в слюнявую тряпку, ничего не соображающий кусок мяса. Дроу даже сорвал несколько собственных концертов — был просто не в состоянии выступить. В том, что артист так стремительно скатывался на дно, был виноват Рустам.

И не только в этом. К настоящему моменту Волошина понимала — несмотря на то, что Даниэль время от времени занимается с ней сексом, любит он именно молодого дагестанца. Юля ненавидела Рустама за это. Но сделать ничего не могла.

Сейчас она сидела в одной из комнат "Темного дома", рядом со своим соперником. Даниэль находился в ванной, принимал душ. "Подмывает попку для этого...", — подумала Темная Роза, наблюдая за тем, как Рустам готовит наркотик к употреблению.

Его пальцы, с зажатым в них бритвенным лезвием, с огромной скоростью летали над столом, и лежавшие на серебряном подносе четыре бесформенных кучки белого порошка, одна за другой превращались в остроконечные "дорожки".

Дорожки, по которым кумир Темной Розы, великий Даниэль Дроу, пришел к своему нынешнему скотскому состоянию и теперь уверенно двигался навстречу смерти...

Разве об этом она мечтала? Разве ради этого прошла через лишения, унижения и грязь? Чтобы увидеть, как ее обожаемый кумир окончательно и бесповоротно превращается в наркомана и педераста? Превращается... по вине вот этого самого смуглолицего парня, что сидит сейчас перед ней...

Юля с ненавистью посмотрела на Рустама. Тот как раз закончил формировать четыре кокаиновых дорожки для себя и для Даниэля — по две на каждого. Положив лезвие на край стола рядом с подносом, он откинулся на спинку дивана, явно довольный собой.

"Было бы, чем гордиться", — подумала Волошина с презрением.

— Рустам, а давно ты нюхаешь? — Юля присела рядом.

— Лет пять, наверное, — подумав несколько секунд, он пожал плечами. — До этого ганджубас курил, потом на кокс перешел. Герыч по вене пускать тоже пробовал, но мне не понравилось. А что?

— Да ничего, — Темная Роза схватила со стола лезвие и с размаху полоснула Рустама по горлу.

Кожа на шее парня разошлась как шелковый платок над пламенем свечи. Из раны брызнула струя крови. Она залила стол с разложенными на нем порциями наркотика, пол под ним и пространство перед входом в спальню. Рустам, хрипя и вращая глазами, пытался зажать рану руками, но эти рефлексорные движения не могли, конечно же, остановить страшное кровотечение.

Юля наблюдала за этим с побелевшим лицом. "Что я наделала... — пронеслось у нее в голове. — Я же убила его!".

Рустам, сползая по стене, посмотрел ей в глаза. Его взгляд все еще сохранял осмысленное выражение, и в нем Темная Роза прочитала не страх или ненависть — но крайнюю степень изумления. Он не знал, что Юля стала тайной любовницей Даниэля, и поэтому не понял, почему она вдруг лишила его жизни. В следующий миг его глаза потухли, и душа окончательно покинула тело. Кровь теперь не била из рассеченного горла струей, а выплескивалась толчками. Мертвый дагестанец наполовину сполз под стол.

"Когда это увидит Даниэль — мне конец", — подумала Юля. Но тут же ей в голову пришло возможное решение.

— Что здесь про... — дверь открылась, и на пороге возник Даниэль. — Что... — увидев окровавленный труп любовника, он застыл в проходе, вытаращив глаза.

— Рустам хотел сделать дорожки, — кусая губы, сказала Юля, — и вдруг отключился. Сознание потерял... и упал шеей прямо на лезвие.

— Боже, — Даниэль подошел к мертвому дагестанцу и упал рядом с ним на колени.

— Русик, ну какой же ты дурак! — зарыдал он, прижав окровавленную ладонь мертвеца к своей щеке. — Сколько раз я говорил тебе: брось эту уркаганскую привычку ровнять "дорожки" бритвой. Ну чем, черт возьми, плоха кредитная карта?!

Сказав так, он поднялся и, закрыв лицо своими изящными ладонями, выбежал из комнаты. Темная Роза осталась сидеть на диване, в полуметре от зарезанного ею дагестанца. Похоже, Даниэль поверил ей. Теперь оставалось убедить в этом также и полицию.

Снаружи, из гостиной, раздался звон разбитого стекла, а через несколько секунд — глухой удар и вслед за ним — противный вой сработавшей автомобильной сигнализации.

Юля не сразу связала эти звуки с тем, как стремительно покинул комнату Даниэль. Прошло еще несколько минут, прежде чем она увязала между собой два этих события и поняла: ее возлюбленный покончил с собой, выбросившись из окна.

Именно так покидают этот мир истинные готы...

— Черт! — рывкнул в телефонную трубку Паша Перегруз, узнав о случившемся с

Даниэлем. — Дьявол! Так и знал, что этим все закончится. Гребаные нарики!

Чертыханий и прочих ругательств, которые прозвучали из его уст в течение следующих пяти минут, с лихвой хватило бы, чтобы скроить семь-восемь песен для альбома какой-нибудь команды панков-сатанистов.

— Короче, так, — сказал Паша после того, как изложил свои впечатления о гибели Рустама и Даниэля. — Никуда не уходи, оставайся там. Милицию пока не вызывай. Если они приедут сами — впусти. Расскажи им все, а потом дождитесь меня. Главное, не трогай там ничего, чтобы на тебя не подумали. Менты это дело любят — из первых попавшихся виноватых делать.

Только трагизм ситуации удержал Волошину от ехидной мыслишки. Павлу она изложила несколько иную версию произошедшего, согласно которой Рустам набросился на нее и хотел изнасиловать, а Дроу, приревновав своего любовника, зарезал его, после чего, не выдержав, отправился следом. Хоть она теперь и сожалела об убийстве дагестанца, ей совсем не хотелось сидеть за него в тюрьме.

Оставалось понять — как жить дальше без него, без Даниэля? Как смириться с тем фактом, что его больше нет? А также — и это главное — с тем, что в его смерти тоже виновата она, Темная Роза?

Сидя в залитой кровью комнате, рядом с изуродованным мертвецом, Юля курила сигарету за сигаретой и погружалась все глубже в черный омут болезненной рефлексии. В голове у нее крутились обрывки самых трагичных, самых пронзительных песен Rene Magritte.

"Что же мне делать? — думала осиротевшая душа. — Прыгнуть из окна вслед за Даниэлем, или воспользоваться этим проклятым лезвием и выпустить из себя кровь?"

"Спи спокойно, мой маленький гот", — раздался, будто бы прямо у нее над ухом, голос Даниэля Дроу. На самом деле то просто еще одна строчка из песни прозвучала в мыслях — но настолько отчетливо, что девушка даже вздрогнула — и разревелась.

Рыдающей ее и нашел Паша Перегруз, вошедший в квартиру через полчаса после их телефонного разговора. У него, как оказалось, тоже имелся ключ от этого тайного убежища. Вскоре прибыла и милиция. Двое хмурых мужчин неопределенного возраста позвонили в дверь через пятнадцать минут после того, как приехал Перегруз. Один из них спросил: "Это не у вас сейчас из окна человек выпал?"

— У нас, — устало промолвил Перегруз. — И это еще не все. Да вы заходите.

Ей очень повезло, что в истории были замешаны наркотики. В противном случае следствие могло пойти по совершенно иному пути, и не факт, что Темная Роза смогла бы внятно ответить на заданные ей вопросы. Но тот факт, что оба покойных употребляли кокаин — менеджер подтвердил, что они делали это уже несколько лет — попросту отсекал большинство вопросов, которые могли быть заданы. В глазах служителей закона происшествие в "готическом притоне" моментально превратилось в обычную наркоманскую бытовуху, каких в этом городе каждый месяц случались сотни. Ну а убийца, добровольно отправившийся на тот свет вслед за жертвой — тот и вовсе был для следователей драгоценным подарком — поскольку дело, в котором он фигурировал, считалось автоматически раскрытым с самого начала.

В той же ситуации, которую Юля Волошина смоделировала, чтобы преподнести менеджеру и полиции, ни у кого не возникло и мысли о том, чтобы подозревать ее в убийстве Рустама. Даже Перегруз, который прекрасно знал, что Волошина была по уши

влюблена в Даниила, не подумал о том, что она могла зарезать дагестанца из чувства ревности. В их глазах она была несчастной жертвой, а не преступницей — и только Ленни, когда узнал о случившемся в "Темном доме", как-то странно посмотрел на Юлю — и на минуту задумался — но так ничего и не сказал.

Однако, хотя Темной Розе и удалось сохранить свободу — она потеряла все остальное. Поскольку со смертью Даниэля Дроу автоматически прекратила свое существование и группа Rene Magritte, рисунки Волошиной перестали быть кому-либо нужными. Новый альбом, работу над которым Дроу и Дрим едва-едва успели начать, не выйдет теперь никогда — а стало быть, и Темная Роза никогда не получит денег за его визуальное оформление.

Словно этого было мало, уже через неделю после трагедии Перегруз отказал ей от дома, выгнав с вещами на улицу. Он тоже потерял очень многое: близкого друга, источник дохода, дело, в которое вкладывал душу. Присутствие поблизости Розы стало для него теперь болезненным напоминанием о тех временах, когда все это было при нем. Именно поэтому однажды утром бывший менеджер Rene Magritte указал ей на дверь. Он не изменил своего решения даже после того, как Волошина предложила вновь вступить в сексуальную связь — на этот раз с намного большим пространством вариантов.

Как быть дальше? Здравый смысл подсказывал, что теперь, после окончательного краха всех надежд, связанных с переездом в Питер, наиболее правильным и логичным было бы вернуться домой, в Ставрополь. Вот только где и когда юные леди из готической субкультуры прислушивались к голосу здравого смысла? Волошина не могла смириться с таким позорным поражением. Подумать только: ей пришлось стать содержанкой и убийцей — и все ради того, чтобы остаться у разбитого корыта? Нет! Она останется в Питере и докажет этому городу, что достойна занимать одно из почетных мест среди его элит. Темная Роза не желала понять, что происходящее с ней было в какой-то степени знаком свьше, сигналом о том, что нужно бежать — поскольку то, что так началось, непременно закончится во много раз хуже.

Юля позвонила Хеллине. Та была рада ее слышать и с радостью согласилась снова принять у себя. Впрочем, задерживаться в гостях у бичеватой неформалки Волошина не собиралась. Ей просто нужно было пересидеть где-то некоторое время — возможно, всего несколько дней, в течение которых Юля смогла бы предпринять шаги, необходимые для того, чтобы выправить ее пошатнувшееся положение.

Это была уже другая Юля Волошина. То, через что она прошла в "Темном доме", изменило душу девушки — и теперь, чтобы добиться своей цели, она была готова уже абсолютно на все. Юля понимала, что никто не возьмет ее на работу дизайнером или художником — просто потому, что люди изначально настроены против того, чтобы давать спокойно расти и развиваться кому-то, более талантливому, чем они. Понимала Волошина также и то, что она никогда не сможет встать на ноги, работая уборщицей или продавщицей. Поэтому готесса пошла сделку с совестью — и принялась искать работу в сфере интимных услуг.

Долго пытаться ей не пришлось.

Теперь в жизни Юли Волошиной, известной в готических кругах Ставрополя и Петербурга под прозвищем Темная Роза, началась совершенно новая глава. Она была теперь сотрудницей питерского интим-салона с неприятным названием "Красный фонарь",

где выполняла сразу две функции — обычной проститутки, а также BDSM-госпожи, которой ее назначила местная бандерша, взглянув на Юлины одежды и макияж. Волошина не стала возражать. Избивать и унижать мужчин, заставляя их целовать каблуки туфель и пить мочу? В этом определено что-то есть.

Непритязательным в салоне было только название — а все остальное находилось на очень высоком уровне. Раз в две недели девушек даже осматривали врачи — причем не только обычный для таких мест гинеколог, но также специалист по кожным заболеваниям, а еще — по понятным причинам — проктолог. Проценты от вознаграждений за встречи здесь тоже были очень неплохими: самые красивые девушки могли заработать до ста тысяч в месяц. Юля как раз была одной из самых красивых, а с учетом ее работы на две ставки — и одной из самых востребованных. Согласно ее подсчетам, всего через год такой работы она смогла бы надолго арендовать просторную квартиру в центре Питера и оборудовать там профессиональную студию для своих занятий живописью и дизайном. После этого она всем докажет, что не зря приехала в этот город. Она станет известной художницей, станет богатой и знаменитой. Станет... Станет... Станет...

Понимание того, что в один из моментов она допустила серьезную ошибку, начало постепенно проникать в ее сознание приблизительно через месяц — когда впечатления от смены обстановки перестали быть свежими, и происходящее в стенах борделя превратилось в рабочую рутину. Теперь, подмахивая очередному клиенту или полосуюя плеткой ягодицы кого-то, кто любит погорячее, Юля все чаще задумывалась о том, что где-то в ее расчетах зияет заметная брешь, через которую в ее уютный темный мир проникает слепящий свет беспощадного солнца, под которым явью становится все, что хотелось бы скрыть. Она пока не могла понять, когда же именно оступилась, но чувствовала — что-то идет не так, очень сильно не так. И это даже не было связано с тем, что она стала проституткой. Что-то другое... Раньше. Намного раньше.

Может быть, дело в том, что она еще и убийца? Нет — сколько ни прислушивалась Волошина к своему внутреннему голосу, она не смогла услышать там терзаний совести. Зарезанного ею человека Юля всегда считала за кусок дерьма — и после его смерти ее мнение о Рустаме нисколько не изменилось. Да, но по ее вине погиб также и Даниэль... "Нет! Не из-за меня!". Ну конечно же, нет. Она ведь не могла предполагать, что Дроу настолько привязан к своему наркоману-любовнику. Ну не мог этот возвышенный и утонченный красавец всей душой любить столь ничтожного человечка! Или...

Тут Юльку словно током обожгло. Она даже чуть сильнее обычного стегнула плеткой очередного мазохиста, которого обрабатывала в тот момент.

— О да, моя Госпожа! — заверещал клиент. — Еще!

"Что, если и не было никакого "возвышенного и утонченного"? — подумала она, продолжая наказывать раба. — Что, если Даниэль всегда был обычной посредственностью? Да, он имел прекрасный голос и умел складывать слова в красивые фразы — но был ли он сам достоин всего того, о чем пел? Соответствовал ли он этому?"

Однажды возникнув, эти мысли уже не покидали ее. А скоро Юля Волошина уже просто перестала думать о чем-то другом. Ей стало ясно, что она пошла по ложному пути с самого начала. Поверила человеку, который вовсе не был тем, кем хотел казаться. Он пускал своим поклонникам пыль в глаза, заставлял их менять образ жизни, ссориться с родителями, отрицать очевидное, совершать не то что даже необдуманные — а немотивированные поступки. И еще он нагло, позорно лгал о своей ориентации. Лгал, потому что боялся

растерять фанаток, боялся потерять деньги, которые сходявшие по нему с ума девушки исправно отдавали за его альбомы, сувениры и постеры.

Падение началось именно в тот момент, когда Юля, словно безмозглый грызун за дудочкой крысолова, пошла за волшебным голосом, манившим в ночь с волны интернет-радио для готов.

Возвращаясь мыслями к текстам его песен, сейчас она понимала, что были то всего лишь зарифмованные и перемешанные с плагиатом наборы штампов о готике — причем, штампов самого обывательского толка. Потому что одеваться в черное, носить серебряные кольца, нюхать розы и резать себе предплечье лезвием бритвы или кухонным ножом еще недостаточно для того, чтобы по-настоящему отличаться от окружающей тебя "серой массы". Они, многочисленные поклонники Дроу и подобных ему, сливались в другую массу — черную. И, по большому счету, ничем не отличались от тех, кого презрительно именовали "быдлом" или, в лучшем случае, "цивилами". Более того — они постепенно становились даже хуже, теряя человеческий облик — ведь их кумир учил, что "самые прекрасные люди это мрази" — а они были обязаны соответствовать. Пусть он и сам жесточайшим образом поплатился за то, что сделал с ее душой — смерть Даниэля Дроу не могла стать искуплением для Юли Волошиной. Наоборот, она только все усугубляла. Его нельзя было достать с того света, нельзя было высказать ему все в лицо, нельзя было плюнуть в глаза, чтобы смыть с себя грязь его лжи и фальши.

Начав размышлять об этом, Юля не могла больше думать ни о чем другом. Она потеряла интерес к жизни и перестала мечтать о своем великом будущем. Движения Темной Розы стали автоматическими — даже, можно сказать, механическими. Прямо как в одной из песен ее бывшего кумира, которую тот показывал ей незадолго до своей смерти:

Бросить монет не забудьте
В старый истершийся таз.
Кукла наследника Тутти
Снова танцует для вас.

Он никогда не запишет эти строчки на диск. Но для нее они уже стали реальностью.

Вслед за апатией пришли вспышки ярости. Обычно это происходило во время сеансов в садомазохистском кабинете — Юля представляла, что перед ней стоит нагишом на четвереньках не солидный бизнесмен или депутат городского законодательного собрания — а Даниэль Дроу. "Сапогом по губам и плетка", — опять как в одной из его проклятых песен, ну никуда от них не деться! Несмотря на то, что в такие моменты Темная Роза усердствовала сильнее, чем это было необходимо, ее специфические клиенты не жаловались. Они воспринимали происходящее как элемент игры — в конце концов, именно за этим они и шли в салон. Но однажды Юля пришла в ярость, обслуживая обычного посетителя — этот молодой кавказец был похож на убиенного ею Рустама. В какой-то миг она вцепилась ему зубами в плечо — так сильно, что потекла кровь. Клиент заорал, вырвался, начал бить ее — но Юле было все равно. Она лишь смеялась как глупая сломанная кукла.

Клиента увела охрана. Конечно, ей тоже влетело от начальства в тот вечер. Юле сделали строгий выговор и урезали ее процент от заработка. Ей было все равно.

Залечив синяки и ссадины, Волошина снова вышла на работу. Прошло совсем немного времени, прежде чем она снова сорвалась. На этот раз — во время садо-мазо. Юля отходила

клиента так, что на нем живого места не осталось. Перед этим она связала мужчину и вставила ему в рот красный шарик-кляп, так что бедолага не смог ни сказать стоп-слово, ни позвать на помощь.

После этого Юлю, отобрав у нее банковскую карту со всеми деньгами, которые она успела заработать, вышвырнули на улицу. Следом полетели ее телефон и ноутбук, которые после соприкосновения с асфальтом уже не имело смысла подбирать. Перед изгнанием охранники борделя от души избили девушку. И не только избили. Ей было все равно.

Юля опять поехала к Хеллине. Не сразу — денег у нее не было даже на метро. Сперва Волошина добрела до Готовальни, где надеялась найти хоть какую-то помощь. Знакомых лиц она не увидела — что и неудивительно, ибо контингент в такого рода местах очень текуч. Молодые металлисты и готы переполошились, когда из темноты к ним вышло окровавленное, стонущее, еле держащееся на ногах существо. Поняв, что это человек, они принялись расспрашивать, что случилось. Конечно, Темная Роза не стала сообщать им, откуда она пришла. Соврала, что ее избили и ограбили уличные гопники, и сказала, что ей нужно попасть к подруге. Ребята умыли ее минеральной водой из бутылки, напоили водкой, дали денег на проезд и мобильный телефон, чтобы позвонить. Двое из них даже проводили ее до дома Хеллины. Та только охнула, увидав, во что превратилась ее прекрасная готичная подруга. В течение нескольких дней Хеллина выхаживала Юльку, приводя ее в человеческий вид.

Теперь они были товарками по несчастью. Теперь им было, о чем поплакаться друг другу долгими вечерами за бутылкой вина. Спустя какое-то время Юля начала даже понемногу подниматься на свет из глубин своих мрачных мыслей. Она снова стала думать о том, чтобы попытаться наладить свою жизнь — на этот раз не ставя перед собой высоких целей. Просто попробовать начать жить хотя бы так, как живут все вокруг, не замахиаясь на какое-то сверхъестественное, нечеловеческое счастье. Темная Роза вновь начала искать работу, и скоро ее пообещали взять уборщицей в районное отделение полиции.

Но Петербург если прижмет — так уж серьезно. Уже на следующий день после того, как Юля договорилась насчет работы, в квартире Хеллины раздался телефонный звонок. Звонили хозяйке. После недолгого разговора Хеллина подошла к Юле и с виноватым видом сообщила ей, что квартира, где они жили, принадлежала на самом деле не ей, а ее родителям, которые в течение нескольких лет жили по рабочим визам в Германии. Теперь срок их контрактов истек, и они возвращались домой. Для Юли Волошиной это означало только одно — уже очень скоро она снова окажется на улице. Проклянувшийся, было, в ее глазах огонек надежды погас — на этот раз уже навсегда.

И снова черед неформальных тусовок, пьянок, ночевок на "вписках" и в сквотах, а то и просто на улице. И снова в голове закружилась непроглядная чернота, в которой обрывки песен Даниэля Дроу смешивались с какими-то странными голосами, звучавшими прямо у нее в голове. То были голоса детей и подростков, рассказывавшие ей, почему они не хотят больше жить. Как только один из них замолкал, сразу вступал другой, а на заднем фоне были слышны отзвуки готической музыки. Это было невыносимо. Лишь алкоголь помогал на какое-то время перестать их слышать.

И она начала употреблять его в немыслимых для прежней себя количествах, благо в той среде, в которую она теперь вернулась, чтобы окончательно в ней раствориться, это вовсе не было проблемой. Готы, панки, хиппи, металлисты и скинхеды щедро наливали ей водки и

портвейна, чокались с нею пластиковыми стаканчиками, неистово трахали ее на "вписках", в кустах и в подъездах, видя в Юле такую же, как они, неформалку-антиконформистку. Они не понимали, что рядом с ними находится мертвая чертова кукла, в душе которой разверзлась такая бездна, что хватило бы сгинуть без следа всем, кто когда-либо появлялся на Готовальне.

Однажды, когда Юля шла вечером по Невскому с очередной "вписки" на очередную сходку, ее узнал тот самый кавказец, которого она укусила в "Красном фонаре". Он был не один, а с несколькими друзьями. Мужчины затащили девушку в автомобиль, привезли в какое-то безлюдное место и там многократно изнасиловали. Юля надеялась, что после того, как они закончат, кавказцы убьют ее — но те почему-то не стали делать этого. После этого случая Темная Роза начала носить с собой нож, который выменяла у какого-то панка на свои серебряные перстни.

В один из зимних дней 2009-го на Готовальню забрел Крис — тот самый парень, с которым она спорила о половой принадлежности Даниэля Дроу в день, когда познакомилась с Перегрузом.

— Юлька, ты? — тот не сразу узнал ее, что, впрочем, было вовсе не удивительно — так сильно изменились черты ее милого некогда личика от пережитого и выпитого. — Как дела? Все еще тащишься по этому, как его... Дроу?

Юля, промолчав, отрицательно помотала головой.

— Кстати, слышала, что с ним случилось? — продолжил Крис. — Он, оказывается, педиком был. И наркоманом вдобавок. И вот, короче, однажды он любовника своего зарезал, а сам в окно...

Договорить парень не успел. В следующий миг он лежал на снегу, а Юля, сидя на нем сверху, раз за разом всаживала лезвие ножа Крису в горло, в грудь, в живот. Он умер, даже не успев толком понять, что происходит — а Темная Роза продолжала снова и снова вгонять в мертвое тело полоску заточенной стали. Детские голоса в ее голове хором запели песню Rene Magritte. Когда ее, скрутив за спиной руки, оторвали от изувеченного трупа два дюжих полицейских, Юля думала не о том, что она только что сотворила. И даже не о Даниэле Дроу.

Она почему-то вспомнила о том, что за все время своего пребывания в Петербурге так ни разу и не позвонила родителям.

ИНТЕРЛЮДИЯ ДЕСЯТАЯ

Ранним утром двадцатилетняя студентка журфака Ангелина Ветрова вышла из Московского Дома Книги, держа в руке пухлый том малинового цвета. То было очередное переиздание знаменитого романа Клайва Баркера "Явление тайны". Прочесть эту книгу ей посоветовал Эйнари Тойвонен. В ней, как он сказал, содержалось немало правды, поданной под видом вымысла.

"Люди, которые догадываются об истинной сути мироздания или наверняка знают, какова она, — добавил финн, — нередко поступают так. Маскируя свои знания под фантастику, они пытаются донести их до окружающих. Ведь если начать говорить о таком в открытую, тебя, скорее всего, быстро упрячут в психушку ближайшие родственники.

Но, к сожалению, такой подход чаще вредит делу просвещения масс. Ведь прочитав слова "фантастический роман" под заглавием книги, недалекий обыватель лишь в очередной

раз убедится — в реальности такого не бывает...".

Что ж, теперь она знает — книгам можно верить. Но не тем, в которых написано, что Солнце будет светить всегда, в мире нет ничего, кроме добра, любви и справедливости, а плохих людей просто не существует.

Другим...

Поглядев на снующих вокруг людей, Ангелина вдруг поняла, что смотрит на них иначе, нежели прежде. Еще девять дней назад ей не было почти никакого дела до того, что творится в шумящем со всех сторон человеческом муравейнике. Девять дней назад... Именно тогда молодая готесса познакомилась с Эйнари Тойвоненом.

Седовласый финн приотворил для нее оконце в другую реальность. Почти полностью убедил в том, что окружающий мир далеко не так скучен и сер, как привыкла считать Ангелина. До полной уверенности оставался единственный шаг. Ей требовалось увидеть что-нибудь своими глазами — нет, не нож, которым на расстоянии управлял злобный колдун-убийца, а самого колдуна. Не полусгнивший вырванный клык монстра, а его живые глаза. Ангелина хотела соприкоснуться сама. И совсем не боялась обжечься.

Эйнари просил никому не рассказывать об их встречах. Но это ведь и не обязательно, если она хочет найти собственный путь к свиданию с истинной сутью. А Тойвонену об этом можно и не сообщать — наверняка ведь начнет отговаривать.

Глядя сейчас на людей, входящих в магазин, выходящих наружу, бредущих мимо по Новому Арбату, проносящихся по шоссе в машинах и автобусах, Ангелина думала: кто? Кто из них окажется вампиром, демоном или черным магом? За кем нужно проследить, чтоб узнать, где находятся тайные проходы, через которые можно проскользнуть в области, представляющие больший интерес, чем центральные улицы российской столицы? Как долго осталось ей ждать?

Быть может, все случится уже сегодня?

Положив книгу в рюкзак, Ангелина шагнула на влажный арбатский асфальт.

Что-то подсказывало ей — встреча с тайной не за горами...

В течение дня, сидя на университетских парах, она несколько раз заглядывала в купленную книгу и поняла, что речь там идет о путешествиях в параллельные миры. "Интересно — а возможно ли такое на самом деле?", — подумала Ветрова.

Вечером она задала этот вопрос Эйнари Тойвонену в его магазине.

— Ну разумеется, такое возможно, — кивнул тот. — Именно из этих миров попадает на Землю немалая часть тех кошмарных существ, которые так осложняют жизнь тем, кто имел неосторожность попасться им на пути. Также и некоторым людям удается проникнуть в соседние и даже дальние миры. Правда, не для всех это заканчивается хорошо. Один из таких случаев произошел относительно недавно в Москве...

КРАСНЫЙ ПЛЕД

О том, что с Востоком и мусульманами всё не так просто, как принято считать, Диана Чурсина начала догадываться после того, как посмотрела культовый американский фильм ужасов "Исполнитель желаний".

Надо сказать, она никогда не была завятой фанаткой хоррора, и диск с этим фильмом взяла в видеопрокате совсем по другим причинам. Одной из них была текущая работа — Диана подрабатывала корреспондентом в глянцевого журнала о кино и как раз писала статью о голливудских актерах русского происхождения. А в "Исполнителе желаний" главную роль играл как раз такой человек.

Ну а второй причиной стало давнее увлечение девушки восточной культурой, эстетикой и философией. Сама будучи на четверть татаркой, Диана, хоть и не жила по законам ислама, но питала достаточно сильный интерес ко всему, что приносил на своих крыльшках азиатский ветер. Правда, изначально ее увлечение распространялось на весь Восток в целом — включая не только исламские культуры, но также Индию, Китай, Японию и многие другие страны. Но после просмотра "Исполнителя" сфера интересов Дианы в этой области стала постепенно сжиматься — покуда не достигла пределов нескольких государств, в которых легенды о джиннах были особенно распространены.

Очень уж ее привлекла проиллюстрированная в фильме идея о том, что добрый волшебник-джинн, который, щелкнув пальцами или выдернув волосок из своей бороды, может исполнить любое желание — не такой уж и добрый. И, прямо скажем, наоборот, на узкой тропинке с этим созданием лучше не встречаться. Да и на широкой тоже.

Её интересовали не столько даже сами джинны, не столько перспектива повстречаться вдруг однажды с одним из этих загадочных созданий. В большей степени Диану влекла та часть древнего мироздания, о которой легенды продолжали молчать. Она догадывалась — истинная сущность джиннов является далеко не последней тайной, которую хранит чарующий Восток...

По большому-то счету, чтобы узнать эту тайну, совсем не нужно проводить масштабных исторических исследований, корпеть над толстыми томами в закрытых для общего пользования библиотеках, ездить на раскопки или браться за изучение криптографии. Достаточно отложить в сторону книги и диски со сказками, да обратить внимание на другие, которые вовсе не являются чем-то запретным и недоступным, но при этом содержат информацию, описывающую предмет вашего интереса в совершенно ином свете. И даже в Интернете, ресурсам которого далеко не всегда можно доверять, имеется немало указаний на то, что джинны, в основном, являлись злыми и враждебными человеку существами...

"Согласно мусульманской традиции, Аллах сотворил три рода разумных существ: ангелов, созданных из света, джиннов, сделанных из огня, и людей, основой для которых послужила земля, — прочитала Чурсина на одном из сайтов. — Джинны были сотворены из черного бездымного огня за несколько тысяч лет до появления человека. Они обладают разумом, свободно перемещаются в пространстве, могут принимать различные обличья и обладают многими сверхъестественными способностями. По своему желанию они легко

становятся невидимыми и в любой момент могут исчезнуть, растворившись в воздухе или в воде, проникнуть сквозь прочную стену или другую преграду. Единственное, чего они не в состоянии сделать без посторонней помощи — так это выбраться из старинного кувшина или бутылки, куда их нередко заточают более сильные чародеи или заманивают хитростью ловкие авантюристы.

Если человеку удастся подчинить своей воле джинна, тот способен выполнить любые приказания: в течение одной ночи возвести прекрасный дворец, в мгновение ока доставить любую вещь или перенести своего повелителя в любое место. Джинны нередко возносятся на небеса, где могут подслушать беседы ангелов о грядущих событиях. Благодаря этому они способны предсказывать будущее.

Любимые места джиннов — развалины зданий, реки, перекрестки дорог и рынки. Джинны преследуют проходящих мимо людей, похищают красивых женщин, делают гадости и даже, несмотря на свое богатство и могущество, могут красть всякие безделушки и провизию у бедняков...".

Да только в том и состоит загвоздка, что традиция говорит о джиннах, как о творениях Аллаха, в то время как первые упоминания о них датируются веками, весьма далеко отстоящими от рождения пророка Мохаммеда и основания им ислама. Веками, в которые и о возникновении христианской и даже иудейской религии никто еще не помышлял...

Диана хотела узнать как можно больше. Изучая разрозненные свидетельства, она постепенно понимала: злобные джинны — это всего лишь верхушка айсберга, и в пропитанном пряным ароматом воздухе арабских ночей таится намного больше странных существ, которые по каким-то причинам тщательно избегают встреч с человеком (скорее всего, для человека это и к лучшему). Девушка даже диву порой давалась, насколько же глубоко все это похоронено под толстым слоем щербета в виде сказок об Аладдине и старике Хоттабыче. Настолько, что даже о реальной природе все тех же джиннов мир заговорил лишь под конец двадцатого века — после того, как на экраны вышел фильм "Исполнитель желаний".

С одной стороны, казалось, что древние силы, управляющие Востоком, стремились понадежнее скрыться от глаз людских, но с другой... слишком уж притягательными были те пестрые накидки, в которые они для этого заворачивались. Пытались скрыться — и в то же время словно бы заманивали куда-то...

Зачем прятались, куда манили — все это еще лишь предстояло выяснить.

Однако нельзя было сказать, что поиски ответов на эти вопросы мгновенно подчинили себе всю ее жизнь. Диана не стала посвящать все свободное время походам в музеи и библиотеки, изучению специализированных сайтов и общению с людьми, которые могли быть "в теме". Так, приобрела в крошечном эстетском магазине, расположенном в центре Москвы, пару редких (но не старинных) книг, посмотрела в Интернете несколько документальных фильмов, списалась с американским профессором востоковедения. Все это происходило на протяжении нескольких месяцев, так что первоначальный интерес Дианы никак нельзя было назвать настойчивым. Он начал становиться таким несколько позже — после того, как девушка впервые услышала о "Черном Коране".

Это случилось в рабочий полдень, в офисе рекламного агентства, служившего ей основным местом работы. Воспользовавшись свободной минуткой, Диана зашла на сайт

магазина восточных редкостей, надеясь найти там что-нибудь поинтереснее трехсотлетнего персидского ковра, или кальяна, который, по заверениям продавцов, курил какой-нибудь знаменитый арабский мудрец.

Это заметил Андрей — штатный инженер-компьютерщик, который как раз что-то налаживал по соседству, сидя за столом одного из ее коллег, менеджера Армена, который на время ремонта удалился в столовую.

— Интересуешься восточной культурой? — спросил Андрей, вполглаза глядя на монитор зависшего компьютера, с которым работал.

— Ага, — не оборачиваясь, бросила через плечо Диана. Отношения с компьютерщиком у нее были, как и с большинством коллег, на уровне "привет-пока". Поэтому вопрос Андрея Диана восприняла как первый шаг к установке более тесных отношений — они не настолько близко общались, чтобы он мог вот так запросто спросить ее о чем бы то ни было.

— Хочу узнать о Востоке что-нибудь необычное, — продолжила девушка. — Что-нибудь такое, чего не напишут в книгах.

Сказала она это лишь для того, чтобы парень отвязался. Он, возможно, собирался продолжить разговор, посоветовав какой-нибудь кальян-бар, а то и пригласить к себе домой испить иранского чайку. Диана ничего не имела против Андрея как человека — но как мужчина он был совершенно не в ее вкусе. Худощавый, бледный, предпочитающий черный цвет в одежде и, похоже, не привыкший слишком часто мыть свои длиннющие волосы. Последнее, впрочем, было не так уж страшно, и, подозревала Диана, являлось характерной особенностью всех, кто посвятил свою жизнь компьютерам. Но в сочетании с остальными пунктами делало Андрея абсолютно неподходящей партией для нее.

Вряд ли он знает что-то серьезное о древнем Востоке. А стало быть — не сможет продолжить этот разговор, ступается и вернется к своей работе, ограничившись дежурным "Ясно".

Но так не случилось.

— Ты слышала что-нибудь о "Черном Коране"? — спросил Андрей.

Вот это было неожиданно. Настал ее черед ступеваться. Но отступить было поздно. Во-первых, это значило потерять лицо, а во-вторых — любопытство было сильнее нежелания продолжать разговор.

— Нет, — Диана повернулась к нему. — А что это? Какая-нибудь страшная сказка, вроде магрибского молельного коврика, про который Пелевин писал?

— Нет, — покачал головой Андрей. — Это несколько большее. Как известно, священная книга мусульман была записана со слов пророка Мохаммеда его ближайшими сподвижниками — сахабами. Так вот, существует предание — никакими историческими источниками, правда, не подтвержденное. Оно гласит, что время от времени пророка посещали приступы безумия, во время которых он катался по земле как эпилептик, но... продолжал проповедовать. Правда, проповеди его в такие моменты носили совершенно иной характер. В них не было места учению мира, благочестия и добра. Совсем наоборот, пророк начинал рассказывать ужасные истории о гибельных войнах, и легионах чудовищ, жаждущих человеческой крови и плоти. Рассказы те были очень сумбурны: во время них Мохаммед все время перескакивал из прошлого в настоящее, из настоящего — в будущее — и вновь возвращался в прошлое.

— Гибельные войны и ужасные чудовища? — Диана закусил губу. — Стало быть, ислам — не такая уж мирная религия?

— Думаю, это зависит от того, кто и в каких целях ее использует, — Андрей бросил взгляд на монитор, пробежался пальцами по клавиатуре. По мне, так самая обыкновенная религия, не лучше и не хуже любой другой. Только эти речи Мохаммеда — если они были, конечно — не имеют отношения к исламу. И Кораном их назвали лишь потому, что их — якобы — изрек тот же человек, с чьих слов писалась и священная книга.

— Я не совсем понимаю, — Диана нахмурила лоб. — Зачем же он противоречил сам себе?

— Пророк — не профессия, а тяжелый жребий, — иронично улыбнулся Андрей. — Его устами могут вещать потусторонние силы, а их существует гораздо больше одной. Он — как радиоприемник, транслирующий для окружающих то, что передают в эфир различные радиостанции. И когда одна станция замолкает — начинает работать другая... По крайней мере, я так себе это представляю.

— Так и что же там было дальше с этим "Черным Кораном"? — к этой минуте любопытство уже не просто обуревало Диану, а сжигало ее изнутри.

— Как я уже говорил, сказанное Мохаммедом во время припадков не имело никакого отношения к исламу, — продолжил компьютерщик. — Он говорил о невиданных тварях, сквернословил, призывал к насилию и бесчинствам. На самом деле его устами вещало нечто потустороннее — но сахабы не сразу разобрались, что к чему. Через какое-то время им пришлось вымарать часть текста из содержания "основного" Корана. Кстати, наверное, именно поэтому у ислама не слишком хорошая репутация среди носителей других религий. Ведь в самых ранних версиях Корана действительно могли содержаться призывы к войне против всего мира.

— Значит, эти тексты сохранились? — зачарованно выдохнула Диана. — Ведь кое-кто на Востоке до сих пор пытается развязать такую войну.

— Тут, скорее, дело в устном предании, — покачал головой Андрей. — Доскональное знание речей пророка издавна было одной из священных обязанностей мусульман. Весьма вероятно, что и часть откровений "другого" Мохаммеда продолжала передаваться из уст в уста даже после того, как были уничтожены содержавшие их записи. Впоследствии все, как водится, смешалось и исказилось — и нынешние радикальные исламисты искренне верят, что все это — часть их собственной культурной традиции.

— И это все? — в голосе Дианы послышалась нотка разочарования.

— Да нет, — улыбнулся собеседник. — Это я лишь отвечал на твой вопрос об агрессивных мусульманах. Но ты задала и другой вопрос — сохранился ли текст "Черного Корана". Так вот, — Андрей выдержал эффектную паузу, — некоторые историки утверждают, что это так...

— Например?

— Настало время рассказать, откуда я сам про это знаю, — Андрей вновь отвлекся, чтобы произвести какие-то манипуляции с капризным компьютером. — Я приехал в Москву несколько лет назад из Ростова-на-Дону. Среди моих знакомых был парень по прозвищу Гэндальф — вместе мы состояли в клубе любителей ролевых игр. Станный, конечно, был человек... Но очень умный и начитанный. Именно он рассказал мне о Черном Коране. Алексей — так его звали на самом деле — утверждал, что как раз на этих древних текстах построил свою мифологию американский писатель Говард Лавкрафт. Это имя, надеюсь, тебе знакомо?

— Да, — кивнула Диана. — Я про него слышала.

— Рекомендую, кстати, почитать, — при этих словах Андрей едва заметно усмехнулся. — Возможно, тебе понравится. Так вот, Лавкрафт частенько ссылался в своих произведениях на некоего "безумного араба" по прозвищу Абдулла Аль-Хазред, который, якобы, являлся автором ужасной запрещенной книги под названием "Некрономикон".

— Про книгу эту я тоже слышала, — подала голос Диана.

— Еще бы, — кивнул Андрей. — Это название очень широко растиражировано. Одних только фальсификаций в Интернете десятка три плавают. В общем, мой приятель Гэндальф считал, что "Некрономикон" был написан Аль-Хазредом по мотивам того самого Черного Корана. А уже потом Лавкрафт где-то раздобыл эту книгу и воспользовался ею, чтобы придать своим повестям и рассказам убедительность и глубину. Причем даже не стал скрывать этого, а только выставил автора "Некрономикона" вымышленным персонажем. Тем не менее, у Аль-Хазреда есть официальная биография, согласно которой этот араб родился около 655 года, то есть — всего через двадцать три года после смерти пророка Мохаммеда. А это значит, что он застал самые ранние годы развития ислама и мог соприкоснуться с Черным Кораном в его первоизданной версии. Ведь даже если все конспекты и были уничтожены, существовало довольно много людей, которые это слышали, запомнили и рассказали кому-то еще. В конце концов информация дошла по цепочке до Аль-Хазреда, а он стал первым — или единственным, о ком известно — кто решил ее записать.

— А ведь куда интереснее было бы ознакомиться с оригиналом, — мечтательно прошептала Диана. — Ведь столько лет прошло, там наверняка все очень сильно исказилось.

Несмотря на предупреждение о том, что речь, скорее всего, идет о вымышленных вещах, она говорила об этом так, будто верила в услышанное всей душой.

— Зная характер восточных людей, рискну предположить, что нет, — усмехнулся Андрей. — Араб никогда не выбросит вещь, которая может принести пользу, а черная магия в умелых руках — штука весьма полезная. Говоря о Черном Коране, Гэндальф подчеркивал, что в трудах Аль-Хазреда его содержание было передано достаточно достоверно, но... далеко не полностью.

— Постой! — возмущенно воскликнула Диана. Романтическая пелена вмиг спала с ее глаз. В дальнем конце офиса кто-то привстал, недоуменно глядя в их сторону.

— А откуда этот твой Гэндальф мог знать, что и как писал человек, живший сотни лет назад на другом конце света, да еще и неизвестно, живший ли вообще?! — глаза ее сверкали праведным разоблачительным гневом.

— Мне-то почему знать? — улыбнувшись, пожал плечами Андрей и встал из-за стола. — Может статься, он и сам все это придумал. Я же говорю — чудила был человек. Ну все, пока, — компьютерщик двинулся к выходу, на ходу извлекая из кармана сотовый телефон. "Армен, можешь возвращаться к работе. Я наладил твою машинку", — донеслось через несколько секунд из коридора.

А Диана в эти секунды чувствовала себя так, точно ей вlepили пощечину. Под конец беседы она была уже готова, если он предложит, даже съездить попить иранского чайку. А он... Вот негодяй! Стало быть, затеял все это просто чтобы посмеяться над ней? Скучно было просто так компьютер Армена налаживать... "Ну, кретин".

Но проверить, все-таки, не мешало. Диана повернулась к своему компьютеру, открыла "Яндекс" и набрала в строке поиска: "Черный Коран". Вывалилась огромная куча ссылок, и в каждой из них содержались оба этих слова, но ни в одной из них они не шли друг за другом. Попробовала взять предмет поиска в кавычки — появилось всего три ссылки. Сердце

радостно забилося в предвкушении свидания с тайной, но... при ближайшем рассмотрении выяснилось, что ресурсы эти не несут никакой практической пользы. Одна из ссылок вела на сайт сетевой литературы, где был опубликован чей-то фэнтезийный опус. Другая — на страничку в "Живом Журнале", содержимое которой наводило на мысли о наркоманском бреде. А третья была самой бесполезной из всех, потому как автор размещенного там текста имел в виду на самом деле черные кораллы, но допустил грубейшую ошибку.

"Все ясно, — зло подумала Диана. — Выдумал. Все, от первого до последнего слова". Она хотела вернуться к работе, но обнаружила, что ее компьютер завис...

— Да что за день такой?! — Чурсина надавила ногтем на кнопку перезагрузки. А когда система вновь запустилась, девушка вздрогнула и даже чуть было не вскочила с офисного креслица. Вместо привычных англоязычных сообщений по экрану бежали справа налево причудливые ниточки арабской вязи.

— Что за шутки... — нервно прошептала Диана. Когда операционная система полностью загрузилась, ничто уже не намекало на некий мистический сбой. На всякий случай девушка выполнила перезагрузку еще раз. Все прошло как обычно. Арабской вязи не было.

Но именно в этот момент Диана поняла — ей был подан знак. А стремление раскрыть сокровенные тайны Востока вскоре переросло в настоящий Зов...

Диана продолжила поиски в Интернете, воспользовавшись методом "от противного". Теперь она искала информацию не о самом Черном Коране, а о его производной — "Некрономиконе" Аль-Хазреда. И надо же — изучая публикации по этой теме, она довольно быстро наткнулась на упоминание о сатанинских аятах — строках, которые были вычеркнуты из Корана в его окончательной редакции. Смысл этих строк состоял в том, что Мохаммеда якобы призывал темных языческих богинь ал-Лат, ал-Уззу и Манат, называя их ангелами. Согласно преданию, пророк впоследствии отказался от своих слов и назвал их внушенными сатаной.

Вспомнив об американском специалисте, с которым она иногда переписывалась в Сети, Диана обратилась за помощью к нему. Она надеялась, что профессор Фландерс сможет поведать что-нибудь еще в том же духе — но то, к сожалению, не слышал даже о Черном Коране. Он знал только то, что она и так уже нашла в свободном доступе — и разделял точку зрения мусульманских богословов, согласно которой сатанинские аяты являлись полной фальсификацией, предпринятой врагами ислама с целью бросить тень на эту религию.

Но, как бы там ни было, а незначительное подтверждение того, о чем рассказывал Андрей, все же, существовало. Сам компьютерщик вряд ли смог бы добавить к уже сказанному что-нибудь новое. Да и не хотелось Диане пока что с ним разговаривать — еще не прошел осадок. Поэтому Чурсина решила выйти на человека, который послужил источником информации для самого Андрея — загадочного ростовского Гэндалфа...

Как ни странно, это очень быстро ей удалось. В сетевых архивах обнаружили сразу две заметки из "Вечернего Ростова", в которых фигурировало имя Алексея Лисовского, носившего прозвище Гэндалф. В одной из них говорилось о том, что этот человек был причастен к серии пожаров в студенческом общежитии. А вот вторая рассказывала о... трагической гибели Лисовского, который, как оказалось, был убит еще в две тысячи втором году.

Впрочем, этому факту Диана особого значения не придавала. В конце концов, она слабо

представляла себе, как будет его разыскивать — ведь ехать для этого в далекий непонятный Ростов Чурсина вовсе не намеревалась.

Но разве что-то мешало ей попробовать разыскать здесь, в Москве, человека, который также мог знать все это, и даже, возможно, больше?

Диана уже поняла, что запрещенные тексты, о которых рассказал Андрей, имели непосредственное отношение к черной магии. Среди ее друзей и знакомых было несколько человек, увлекавшихся эзотерикой, гаданием по Таро, приворотами и даже некромантией и сатанизмом. Обзвонив их всех, Диана узнала, что у нее есть вполне реальный шанс даже в современной Москве встретить человека, который однажды соприкоснулся с ужасными древними тайнами Востока...

Эдуард Корнилов, давний друг ее семьи, был практикующим психологом и психотерапевтом. В своей деятельности Эдуард Николаевич не ограничивался методами ортодоксальной науки. Он занимался также гипнозом и парапсихологией — именно это и ввело Корнилова в "фокусную группу", участников которой опрашивала Диана.

Но нужным ей человеком оказался не сам доктор, а один из его пациентов.

— Вряд ли я смогу тебе чем-либо помочь, — сказал Эдуард Николаевич, выслушав ее путаные объяснения. — Но, кажется, я знаю кое-кого, кто сможет. Давай поступим вот как: я поговорю с этим парнем, и если он даст свое согласие, я вас сведу.

Как впоследствии выяснилось, "парень" оказался вполне себе взрослым мужиком в промежутке от "сильно за тридцать" до "чуть за сорок". Впрочем, для шестидесятипятилетнего Эдуарда Корнилова он, конечно, не мог быть никем иным, кроме как "парнем".

— Он проходит у меня курс психологической реабилитации, — сказал Корнилов, когда позвонил ей, чтобы сообщить, что пациент согласился на встречу. — Уже несколько лет. Единственный, кто задержался так надолго. Не сказать, что я плохой специалист, но... случай Романа уж очень сложный. Кстати, это у него началось как раз после посещения одной восточной страны. Он, правда, вовсе не в отпуск ездил туда. Впрочем, подробности Рома сам расскажет тебе при встрече. Записывай телефон...

Диана позвонила Роману сразу, как только получила от доктора его номер. Но толку от этого звонка оказалось ноль — мужчина попросту не взял трубку. То же самое произошло и на следующий день, а во все последующие Диана слышала в ответ лишь сакраментальное "Абонент временно недоступен". Корнилов на вопрос о том, как же с этим быть, сказал, что другого номера Романа он не знает, и попросил больше его по этому вопросу не беспокоить. "Обычно, если нужно встретиться, он звонит первым", — добавил доктор, прежде чем закончить разговор.

Именно так и произошло. В субботу с утра Роман позвонил ей сам и предложил встретиться вечером того же дня. Его затяжное молчание объяснялось просто — ночами Роман охранял какие-то объекты, а в светлое время суток отсыпался после работы. Голос у мужчины был достаточно приятный, но... какой-то странноватый. В нем проскальзывали нотки неестественности — как у робота Вертера из советского фантастического сериала. Хотя, чего еще можно ожидать от человека, который уже несколько лет ходит к психотерапевту, надеясь избавиться от каких-то своих проблем?

Вечером Диана поняла, что странный у него не только голос. С одной стороны, внешность он имел вполне типичную для московских улиц — выше среднего роста,

плечистый, коротко стриженный, одетый в потрепанные джинсы и неприметную черную куртку. Пристальное внимание такой человек мог привлечь, разве только если бы он вразвалочку шел кому-нибудь навстречу в безлюдной полутемной подворотне, поигрывая заточкой.

Но вот с другой... Стоило чуть попристальнее взглядеться в его лицо — и глаз было уже не оторвать. Взгляд Романа и общее выражение его лица совсем не вязались с тем впечатлением, которое он производил, находясь хотя бы на расстоянии нескольких метров. Высокий, плечистый, сильный, но при этом — имеющий лицо напуганного ребенка, все время тревожно озирающийся, как будто где-то слева от него должна вот-вот начать маячить фигура графа Дракулы, а справа — Фредди Крюгера.

"Это что, побочные эффекты от работы ночным охранником? — подумала Диана, присаживаясь напротив него за столик в одном из московских кафе. — Или он там у себя на работе монастырь с девственницами от демонов охраняет?"

При этой мысли она не смогла удержаться от улыбки. Но эта улыбка оказалась к месту — она ведь подошла знакомиться с новым человеком, а согласно философии Дейла Карнеги, улыбка — залог успеха в любой жизненной ситуации.

— Добрый вечер, — кивнул мужчина. При этом он ухитрился два раза пробежаться взглядом по всему пространству, находившемуся в зоне его обзора. Диана отметила, что он выбрал столик в самом дальнем углу помещения, сидел спиной к стене, и, если судить по количеству окурков в пепельнице, пришел сюда намного раньше нее. "Псих!", — замахала красным флажком интуиция. "Прорвемся!", — отмахнулось любопытство.

— Эдуард Николаевич сказал, что вы можете помочь мне в одном деле... — без раскачки начала Диана.

— Закажете что-нибудь? — проигнорировал ее слова Роман.

— Я не голодна, — сбить с колеи ему ее не удалось. Если, конечно, он ставил перед собой такую цель. Хотя, наверняка ставил. Мужчины — они такие. Желают в любой ситуации чувствовать себя хозяевами положения.

— Я и не говорил про еду, — усмехнулся ее странный собеседник. — Закажите что-нибудь выпить. Вам это поможет спокойнее отнестись к тому, что я расскажу.

Несколько секунд девушка лишь удивленно хлопала ресницами. Похоже, воевать с очередным мужчиной ей сегодня не придется?

— Да, пожалуй, я выпью, — сказала она в конце концов. — Это ведь вы выбрали место встречи, значит, вы уже бывали здесь. Что порекомендуете?

— Можно на "ты", — сказал Роман. — А заказать порекомендую коктейль "Абу-Симбел". Ты ведь желаешь открыть тайны Востока? Это — одна из них.

В принципе, будь его интонации и поведение обычными, все это выглядело бы как попытка флирта. Диана считала себя первоклассным психологом. Благодаря скачанному из Интернета учебникам, она знала — именно так многие мужчины начинают заигрывать, желая заинтриговать новую знакомую и произвести на нее впечатление.

Она не знала, как себя вести с этим человеком.

— Да ты расслабься, — улыбнулся Роман. Хотя, полноценной улыбкой это движение его губ можно было назвать лишь с большой натяжкой. Скорее, попытался улыбнуться, словно это действие давалось ему с трудом или вызывало болезненные ощущения. — Я не кусаюсь. Вот кулаками помахать могу иногда. Но это только если напьюсь. А я уже давно не пью.

— Почему? — Диана и сама не понимала, зачем она задала этот вопрос. Ей ведь было абсолютно все равно, почему он завязал с алкоголем. Но уж очень сильно смутил ее этот человек. Так что спросила первое, что пришло в голову.

— Да как раз, чтобы кулаками не махать, — вновь вымученно улыбнулся Роман. — Это довольно часто бывает с такими, как я. Ты слышала когда-нибудь про такую штуку, как "афганский синдром"?

"Афганский синдром?! Сколько же ему лет?"

— Мне тридцать семь, — словно прочитав ее мысли, сказал мужчина. — Слушай, сделай, наверное, заказ, а уже потом я продолжу?

— Хорошо, — Диана подозвала официанта и заказала "Абу-Симбел".

— Я попал на войну в восемьдесят восьмом году, незадолго до ее окончания, — произнес Роман, когда на столе перед девушкой возник высокий бокал. — На мою долю, в общем-то, и не выпало полноценных боевых действий. Зато выпало кое-что другое... После этого я понял, почему наши бойцы в Афгане называли своих врагов "духами".

— Я тоже это знаю, — пожала плечами Диана. — Это сокращение от слова "душман". Так называли себя...

— Ничего ты не знаешь, — неожиданно жестко прервал ее Роман. Диана даже вздрогнула. Она успела заметить, что ее визави хотел хлопнуть ладонью по столу, но в последний момент сдержался.

— Нам в Афгане как говорили, — продолжил он. — "Не закроешь на ночь дверь на два замка — придут духи и всех убьют". Это не только русские командиры своим бойцам говорили, понимаешь? Афганцы своим детишкам то же самое втолковывают. До сих пор, кстати, втолковывают. А уж с каких времен — это даже представить страшно.

Диана пока еще колебалась. Она не могла решить, считать ли его однозначно психом или относиться к его словам всерьез. Ничто не мешало ей попросить прощения за беспокойство, встать и уйти. Но что-то внутри подсказывало — если она действительно хочет что-нибудь узнать, следует, все же, дослушать этого человека до конца.

Девушка пригубила коктейль и, напустив на себя как можно более заинтересованный вид (хотя она и так была достаточно заинтересована, но смущена его странноватым поведением), спросила:

— И что же за этим стоит?

За полчаса до полуночи Чурсина сидела на диване в позе лотоса. Квартира была погружена в темноту — девушка не стала включать свет, чтоб не спугнуть важные мысли, которые, возможно, могли прийти ей в голову. Диана размышляла о том, что рассказал ей Роман. Она все еще не знала, как относиться к его словам.

Роман служил в одной из самых "горячих" локаций Афганистана — под Кандагаром. Тем не менее, как он и сказал, воевать ему и его сослуживцам почти не пришлось. Полтора десятка небольших перестрелок, практически без жертв с советской стороны — это на любом языке мира называется "повезло". Настолько, что от этого затяжного везения заскучали однажды сами бойцы. На войне способов развеять скуку существует всего два. Первый из них — собственно, война, а второй, существенно упрощенный вариант первого, являет собой яростную борьбу с зеленым змием. Связываться с этим чудовищем молодые бойцы не желали, понимая, что в такой схватке они едва ли выстоят. А потому — решили во что бы то ни стало найти себе приключений на свои новенькие погоны.

К сожалению, им это удалось.

Во всей части нашлось лишь десять человек, чье представление о войне сильно разнилось с ее реалиями — благодаря произведениям патриотически-пропагандистского искусства. Этим ребятам не сиделось на месте и хотелось показать себя настоящими героями, которым и горы по плечу, и огненное море ковровых бомбардировок по колено. Они не особенно задумывались о том, что эра таких героев минула, пожалуй, еще в Средние века, а в новое время как раз герои и погибают первыми.

Но, хоть из этих десятых в Афганистане тогда погиб всего один, оставшиеся в живых до конца своих дней сожалели о проявленной недалекости.

Хотя, наверное, никакой опыт и никакая интуиция не смогли бы уберечь от того, что поджидало за горами в темноте душной афганской ночи. Случившееся перевернуло их представления о реальности и навсегда поставило на каждом клеймо сумасшедшего.

Итак, десять отважных советских солдат решили доказать Отчизне и врагу, что они вовсе не лыком шиты. Организовав ряд разведывательных мероприятий в нескольких окрестных союзных деревушках, ребята выяснили, что совсем неподалеку расположена еще одна — и в ней скоро должно пройти некое "пиршество духов".

Но при попытке поговорить об этом напрямую местные делали большие глаза, размахивали руками и начинали нести белиберду на жуткой смеси русского, английского и пушту. Общий смысл извергаемого ими истеричного бреда, из чьих бы конкретно уст он ни звучал, сводился к одному: "Не спрашивай, и здоровее будешь". А просьба показать дорогу в загадочную деревню вызывала у афганцев настоящий ужас. Как правило, после нее они старались как можно быстрее исчезнуть из поля зрения докучливых шурави.

У командира части, когда ему сообщили о происходящем глаза стали еще больше, чем у местных жителей. "Вам что, ребятки, больше всех надо? — крутя пальцем у виска, спросил грузный усатый полковник. — Приказа сверху не было, значит, нехрен туда и соваться! Молодая гвардия, блин!". Разрешения на проведение спецоперации он не дал.

Но герои не любят, когда проявлениям их героизма мешает кто-то со стороны, будь то подлый враг или прагматичный начальник. Толстый полковник был записан в ряды безнадежных кретинов, а план операции все-таки начали составлять. Пара бойцов даже сгоняла на разведку в ту самую, не отмеченную на советских картах деревню — и обнаружила, что та давным-давно заброшена. Данный факт, впрочем, никого не насторожил — ведь "духи", в любом случае, должны были явиться откуда-то со стороны.

Продолжив разведывательную деятельность, они узнали точную дату таинственного пиршества. А немногим позже заметили — чем меньше дней остается до нее, тем больше людей покидает окрестные деревни, отправляясь, кто в Кандагар, кто в Кабул, а кто и вовсе поглубже в пустыню...

Это лишь укрепило советских воинов в их решимости как следует настучать "духам" по рогам. Надо сказать, они с самого начала были уверены, что речь идет о некоей сходке душманов. Само это слово наши переняли у афганцев — на языке дари "душман" означает "враг". Наверное, стоило бы подумать, что врагов мирные жители Афганистана могут видеть не только в вооруженных моджахедах. Но эти десять советских парней, во-первых, не могли предвидеть, с чем им придется столкнуться через несколько дней.

А во-вторых — даже если бы им кто-то и рассказал, они все равно едва ли смогли поверить...

Бойцы, разумеется, были готовы к тому, что на объекте им придется столкнуться с

существенным численным превосходством противника. Поэтому рассчитывали они, в основном, на внезапность готовящегося нападения. Ну и еще — на солидный запас гранат. Однако, самым внезапным оказалось то, что поджидало их среди наполовину занесенных песком глинобитных строений...

Первое, что сразу показалось им очень странным — в деревне звучала музыка. Да, то была местная, восточная музыка, но... для радикальных исламистов, каковыми являлись афганские моджахеды, веселые празднества вовсе не характерны. Подоплека происходящего выяснилась, когда отряд прокрался сквозь темноту к огням, мерцавшим в дальнем конце заброшенной деревни — туда, где, скорее всего, располагалась некогда рыночная площадь. Теперь это был обычный пустырь.

Картина, свидетелями которой советские воины стали, добравшись туда, также не была характерна для восточных земель. Она словно бы перенеслась сюда с европейских средневековых фресок, живописавших шабашу ведьм или злодеяния демонов... То, черт возьми, и был самый настоящий шабаш демонов!

В конце пустыря, на границе с пеленой темноты, торчали из песка несколько деревянных столбов. На них виднелись человеческие фигуры. Все это могло показаться не более чем декорацией к какому-нибудь идиотскому фильму, но... во-первых, во время войны в афганской пустыне не снимают фильмов. А во-вторых — на этих проклятых столбах висели живые люди!

Но это бы еще полбеды. В конце концов, душманы не славились галантным обращением со своими пленниками. Но рядом с привязанными к столбам несчастными передвигались и другие фигуры, лишь отдаленно напоминавшие человеческие...

С этого момента Диана перестала верить тому, что рассказывал сидевший напротив человек. Ладно там, война, спецподготовка, опасные операции... Многие люди приписывают себе подвиги, которых они на самом деле не совершали, но в том, что ее собеседник действительно побывал в Афганистане, девушка не сомневалась. Но одно дело — воевать с исламскими экстремистами, и совсем другое — стать свидетелем кровавого пиршества мерзких чудовищ, питающихся человеческой кровью и плотью!

А именно это и начал описывать Рома, когда дошел до момента вылазки в заброшенную афганскую деревню. По его словам, толпа каких-то синеккожих выродков скакала между столбами, время от времени присасываясь к шеям и животам распятых людей и выдирая зубами куски мяса из их тел...

Бойцы были так шокированы увиденным, что далеко не сразу нашли в себе силы предпринять какие-то действия. А когда нашли — принялись палить в чудовищных тварей из автоматов и бросать в них гранаты. Они даже не подумали о том, что тем самым ставят последнюю точку и в жизни каждого из пленников. Впрочем, для тех людей такой конец в любом случае был неизмеримо лучше того, что приготовили для них синеккожие...

Как ни странно, пули и осколки подействовали на монстров. Музыка, источник которой так и остался неизвестным, стихла. Твари беспорядочно металась по площади — кто-то из них пытался удрать, кто-то, наоборот — определить источник опасности и контратаковать. Одному из монстров это удалось — передвигаясь зигзагообразными скачками, чтоб не попасть под пули, он в считанные секунды преодолел расстояние, отделявшее его от одного из бойцов. Голова рядового Шамиля Абдуллаева отделилась от тела под ударом когтистой

лапы. В воздух взлетел жуткий кровавый фонтан. Монстр, убивший Шамиля, тут же и сам рухнул на песок, изрешеченный пулями. Еще через пару минут все было кончено. Лишь троим синекожим удалось выбраться невредимыми из свинцовой мясорубки и скрыться в песках. Все остальные были уничтожены. Ни один из привязанных к столбам пленников также не уцелел. Вглядевшись в лица погибших, солдаты поняли: не все из покинувших свои дома местных жителей добрались до места назначения...

Они, возможно, могли тогда изменить ход мировой истории, сорвав завесу тайны с одного из наиболее гнусных явлений, когда-либо происходивших на Земле. Для этого было достаточно озаботиться доказательствами — то есть, прихватить с собой в расположение части хотя бы один синерожий труп. Но оставшиеся в живых девять участников вылазки доставили туда лишь изувеченное тело десятого.

Сказать, что командиры были до глубины души потрясены увиденным и услышанным — значит, не сказать ровным счетом ничего. В злополучную деревню была незамедлительно отправлена боевая группа, численность которой в пять раз превышала количество участников неудачливого самостоятельного отряда. Один из последних, правда, не стал дожидаться ее возвращения — едва оправившись от шока, перенесенного в деревушке, он раскрошил свою голову автоматной очередью.

Тут-то пузан-полковник и понял, что на самом деле произошло. Мало того, что среди ночи обезумевший взвод вернулся невесел отсюда, притащив обезглавленный труп одного из своих. Мало того, что эти бойцы несут какой-то несусветный бред про деревню, захваченную кровососами. Стоит вспомнить еще и о том, что всему этому предшествовало. Они самовольно покинули часть! С оружием в руках! В военное время! На территории чужого государства! Проблему нужно было срочно решать, иначе уже наутро могла слететь голова самого полковника.

Оставшихся восьмерых "героев" в мгновение ока разоружили и швырнули на гауптвахту. Там, в сырых и мрачных застенках распрощался с жизнью еще один из них. Он разбил голову о бетонную стену...

Дальше события принялись со скоростью молнии приобретать все более зловещий оборот. В контексте того, что сообщила очень быстро вернувшаяся из "деревни духов" боевая группа, перспектива добровольно расстаться с жизнью выглядела для семерых "героев" наиболее благоприятным вариантом. В деревне не обнаружили ни единого свидетельства присутствия неких сверхъестественных созданий. Ни единого пятнышка черной крови или клочка синей кожи. Были найдены только привязанные к столбам трупы местных пуштунов — изгрызенные, обескровленные, прошитые пулями и изрешеченные осколками гранат...

Таким образом, к вооруженной самоволке вполне могли добавиться: похищение мирных жителей, пытки, убийства, вампиризм и каннибализм! Плюс- зверское убийство одного из своих же товарищей по оружию. "Ну а кто?! Кто это сделал, если не вы?". Что называется, "погуляли так погуляли"...

Однако, самим командирам эта ситуация грозила куда более масштабной "вздрючкой". Простой солдат может потерять свободу или жизнь, но потеря репутации и возможности строить дальнейшую карьеру в вооруженных силах — для армейского начальника позднесоветского образца такое было похуже смерти. Это как изгнание из рая. Даже если в текущий период времени ты находишься в военном аду.

Поэтому в Союз ушли далеко не все подробности того кошмарного эпизода.

"Герои" продолжали умирать. В секретной психиатрической лечебнице, где все они, в итоге, оказались, было, несмотря на все усилия врачей, достаточно возможностей для того, чтобы свести счеты с жизнью. К тому моменту, как перед Романом открылись двери на свободу (это стало возможным лишь после распада Союза), он был одним из троих, переживших ту адскую ночь в Афгане. В день своей встречи с Дианой — единственным.

— Я — последний, понимаешь? — под конец своего рассказа "афганец" уже плохо контролировал себя. Рука, державшая дотлевающую сигарету, часто подрагивала, а на лице мужчины выступили многочисленные бисеринки пота. — Димка ушел три года назад — вскрыл вены. Руслан... вот с ним не так ясно все. В прошлом году погиб в аварии — но я так думаю, он сам под фуру повернул. Я — последний, — Рома замолчал и на несколько секунд прикрыл глаза.

— А почему... — Диана вдруг обнаружила, что у нее пересохло в горле. Должно быть, увлекшись рассказом Романа, она и сама не заметила, сколько на самом деле прошло времени. — Почему все они убили себя?

— Музыка, — без всяких экивоков ответил Роман. — Та самая чертова музыка... блин, в буквальном смысле чертова, — еще одна вымученная улыбка. — Музыка, которую мы слышали там, в деревне. Когда мы вернулись в часть — то через некоторое время обнаружили, что она продолжает звучать в наших головах. Стоило остаться наедине с собой, ни с кем не разговаривать, ничего не делать — как это начиналось. Когда мы поняли, что это не пройдет, численность нашего отряда начала постепенно уменьшаться...

— Разве это так страшно? — пожалала плечами Чурсина. — Всего лишь музыка...

— Всего лишь?! — Рома поднял на нее возмущенный взгляд. — Поглядел бы я на тебя, если в твоей голове вдруг начала звучать музыка несуществующих музыкантов! Ну и еще — просто подумай, о чем она напоминала нам. До сих пор продолжает напоминать...

— Ты до сих пор это слышишь? — не поверила своим ушам Диана. — Что, даже сейчас?

— Именно сейчас — нет, — помотал головой Роман. — Все-таки, годы терапии не прошли даром. Большую часть времени мне удается не концентрироваться на этом. Но вот когда я засыпаю...

— Что? — подстегиваемая любопытством, девушка подалась вперед. — Что происходит тогда?

— Я не хотел бы... а впрочем, ладно уж. Засыпая, я вновь оказываюсь в той проклятой деревне. И в этих снах я вижу больше, чем увидел тогда в реальности. Не знаю, возможно, в горячке боя я действительно чего-то недоглядел, а теперь мое подсознание восстанавливает ускользнувшие тогда детали. Во снах я вижу не только скачущий синеккожих монстров, но и других тварей, которые стояли возле столбов и не участвовали в бою. Эти были гораздо больше похожи на людей — но они тоже пили кровь и ели мясо. Когда я снова оказываюсь там, то вижу, как они время от времени поглядывают в нашу сторону и переговариваются между собой. Музыканты находились как раз среди них. Эти подробности всплыли в моих снах не сразу, а спустя какое-то время после того, как я начал ходить к Корнилову. Правда, я совсем не хотел этих подробностей, как не хочу и самих этих снов. Я лишь хочу, чтобы все закончилось. Но до полного исцеления мне еще далеко. Даже не знаю, почему я согласился на этот разговор. Наверное, просто надоело, что единственным, кто может выслушать меня без всяких подначек, является психиатр.

Диана была до такой степени потрясена услышанным, что даже не сразу вспомнила, что Роман ни слова не сказал о Черном Коране — а ведь она почему-то думала, что его история будет связана именно с этим. Но это было уже неважно. Новый знакомый открыл перед ней совершенно иную грань восточной мистики — еще более загадочную и пугающую, чем то, что она узнала от Андрея. С другой стороны, рассказанное им было настолько невероятным, что просто не укладывалось в голове. Так что Диана еще не определилась окончательно с тем, верить ему или нет. Здравый смысл подсказывал, что от людей, рассказывающих такие истории, следует держаться подальше. Но вот те чувства, что и привели ее на встречу с Романом, продолжали настаивать на своем.

"Загадка Востока должна быть раскрыта!", — настойчиво твердили они. "Сделай это!", — словно бы подбадривал кто-то из сгустившейся в квартире темноты.

Так ничего и не решив, Диана легла спать, рассудив по привычке, что утро вечера мудренее. Ночью ей приснился странный сон, где мелькали во тьме неясные тени и звучала чарующая восточная музыка...

На следующий день Диана позвонила Корнилову, чтобы подробнее расспросить его о Романа. Конкретно — что сам Эдуард Николаевич думает о несостоявшемся "псе войны".

Как оказалось, доктор считал состояние Романа результатом контузии. В принципе, такое объяснение было достаточно логичным — но кое-что из общей картины выпадало. Как быть с еще восьмерыми такими же, как он — людьми, которых свела в могилу звучавшая в их головах восточная музыка?

Но на этот вопрос доктор ответить затруднялся. Он не был знаком ни с кем из сослуживцев Романа, и мог лишь предположить, что тот просто приписал им собственный психоз, чтобы не чувствовать себя ущемленным. "Защитная реакция организма, только уже на уровне психики. Такое бывает достаточно часто".

Ну что ж, реакция так реакция. Сама Диана, правда, склонна была видеть причины проблем Романа совсем в другом. Уже давно первым, что приходило в голову при слове "Афганистан", была даже не та давняя война, а слова "гашиш" и "героин". Так что, решила, в конце концов, девушка, психоз Романа, вероятнее всего, развился не вследствие контузии, а из-за чрезмерного увлечения молодого вояки экзотическими "деликатесами".

Однако, оставалось еще кое-что, и найти этому сколько-нибудь внятное объяснение возможным не представлялось. Сны с восточным музыкальным сопровождением не переставали посещать ее даже по прошествии нескольких недель.

Это, как и случай с арабской вязью на экране офисного компьютера, Диана воспринимала как очередной знак...

Но где искать источник этих знаков?

Дни сменялись днями, а Диана все никак не могла решить, что же ей делать. Девушка понимала, что ключи к загадкам Востока лучше всего искать именно на Востоке, но вот где конкретно? В большинстве исламских стран, которые ей с ходу удавалось вспомнить, либо не осталось очагов по-настоящему древней культуры, либо... вообще опасно появляться, особенно — молодым девушкам из России. Иран, Ирак, Сирия, Ливан, Пакистан, пресловутый Афганистан — куда ни ткни пальцем на карте Ближнего Востока, попадешь в осиное гнездо религиозных фанатиков. А в государствах вроде Арабских Эмиратов или Саудовской Аравии, считала Диана, она не нашла бы ничего, кроме пластиковых копий древних памятников, оригиналы которых давно растащены на сувениры несколькими

поколениями туристов.

Так продолжалось почти все лето. А в конце августа Диана получила, наконец, подсказку насчет того, где следует искать...

Marrakesh, come to Marrakesh
To the city of gold near the sky.
Marrakesh, come to Marrakesh
Where the troubles of life drift on by.
Marrakesh, come to Marrakesh
Sings the rain when I can't sleep at night.
Marrakesh, come to Marrakesh
Cries the wind calling me to Marrakesh.

Музыкальный центр, настроенный на одну из ретро-радиостанций и запрограммированный включаться ровно в шесть утра, транслировал старую диско-песенку, а Диана сидела в кровати, протирая глаза. Что-то очень важное крутилось на задворках сознания, изо всех сил пытаюсь пробиться к его центру. Что-то, связанное с этой песней...

Where is my home, where is my land?
Way down in Africa.
Where is my love, where are my friends?
Way down in Africa.

Couldn't make a living there,
Had to find a job somewhere.
Changed my name,
Took a plane and went away...

Песню эту Диана слышала прежде бесчисленное количество раз, но сейчас ей почему-то казалось, что в льющихся из динамиков строчках заключено адресованное лично ей важное послание. "Марракеш... Кажется, это какой-то арабский город...". Об арабах и их культуре Диана думала на протяжении нескольких последних месяцев, так что причины такой ассоциации были очевидны. Только при чем тут Африка?

Песня закончилась, сменившись более свежим хитом девяносто седьмого года от группы White Town. Диана встала и, завернувшись в простыню, пошла на кухню завтракать.

Уже через несколько минут девушка подумала, что высшие силы вновь, должно быть, начали посылать ей какие-то сигналы. Стоило чуть подольше задержать взгляд на банке кофе Esmeralda, который Диана покупала уже два года, как в глаза бросилась надпись, сделанная шрифтом поменьше: "Moroccan Orange"...

"Марокко... Марракеш... Это похоже на знак", — сердце девушки радостно забилося. — Но торопиться не следует. Нужно подождать, присмотреться. И если появится что-то еще, вот тогда...", — размешивая в кружке сахар, Чурсина блаженно улыбалась.

По дороге на работу она, от нечего делать, подобрала оставленный кем-то на сидении в метро номер глянцевого журнала о кино. И очень скоро убедилась в том, что утренние события были неслучайны. Журнал содержал интервью с Харрисоном Фордом, в котором

знаменитый актер рассказывал о своей давней поездке в Марокко. Прилетев, развлечения ради, в абсолютно незнакомую страну, Форд увидел, что в местных кинотеатрах идут сразу два фильма с его участием. "Вот тогда я и понял, что теперь все будет по-другому", — такими словами актер закончил рассказ об эпизоде из ранних лет своей карьеры.

Теперь все будет по-другому... От этих слов у Дианы перехватило дыхание. Определенно, провидение способствует ей в исполнении заветного желания. Марокко! Ответ на все вопросы таится там. Однако, почему, все-таки, те ребята пели про Африку?

Это выяснилось уже на работе, причем Диане не пришлось даже прилагать никаких усилий. Едва лишь она вошла в Интернет, чтобы проверить почту и почитать последние новости, как тут же наткнулась на рекламный баннер, предлагавший незабываемый отдых в Марокк. Кликнув по нему, Чурсина прочитала небольшую географическую справку, из которой узнала, что Марокко, хоть и является арабским государством, находится при этом в Африке! "Так вот оно, что", — все мигом встало на свои места. Промурлыкав себе под нос победный мотив, Диана приступила к работе.

Спустя несколько часов, стоя в курилке и потягивая любимый Vogue, Диана услышала, как пожилая уборщица, пересыпая содержимое мусорных корзин в большой мешок, ворчит: "Ох, морока-то, а!". Девушка лишь иронично улыбнулась. Новые знаки судьбы больше не были ей нужны.

Диана все понимала...

В январе погода в Марракеше совершенно не купальная. Да и, по большому-то счету, ехать в этот город ради того, чтобы искупаться в море — большая ошибка, ведь никакого моря в нем нет и отродясь не было. Тем, кто желает насладиться волшебной атмосферой экзотического пляжа, следует обратить свой взор на города марокканского побережья: Рабат, Танжер, Эссуэйру, Агадир и, конечно же, знаменитую Касабланку. Если же, все-таки, вы, что-то перепутав, прибыли с вояжем именно в Марракеш, то вам придется ограничиться гостиничным бассейном.

Впрочем, Диана приехала сюда не для того, чтобы купаться. Цель у нее была совершенно иная, и даже уровень гостиничного сервиса не особенно волновал девушку на этот раз.

Куда идти и к кому обращаться, она узнала от профессора Фландерса. Как оказалось, он, хотя и не знал ничего о Черном Коране, все же, был в курсе некоторых тайных движений. Фландерс поведал Диане о расположенной в Марракеше лавке древностей, в которой, помимо стандартного набора восточных сувениров, можно было приобрести и что-нибудь "этакое". Сам профессор, правда, признался, что никаких специфических покупок он в этом заведении не делал. Только приобрел несколько старинных кальянов, да выслушал пересыпанный туманными намеками рассказ хозяина лавки, старого Ахмеда. "Я не знаю, что конкретно ты ищешь, — сказал американец, — но, возможно, это там будет".

И вот, спустя несколько часов после своего прибытия в Марракеш, Диана с замиранием сердца шагнула на порог, за которым, весьма вероятно, ожидало ее чудесное открытие...

— Здравствуйте, госпожа, — на звук дверного колокольчика из-за покрывала, закрывавшего вход во внутренние помещения, вышел пожилой человек в чалме и пестрой накидке. Вышел — и в почтительной — но, конечно же, не раболепной позе застыл над прилавком. Диана отметила про себя, что по-английски хозяин заведения — если, конечно,

это был он — говорит без малейшего акцента.

— Добрый день, — кивнула девушка, — Вы, должно быть, Ахмед? Меня зовут Диана.

— Да, это я, — с достоинством произнес старый араб. — Чего изволите?

— Можно, я сначала посмотрю? — Диана бросила быстрый взгляд на полки с товаром.

— Ну конечно же, — кивнул владелец лавки. — Если хотите, я могу приготовить для вас чашечку кофе.

Диана не стала отказываться. Ахмед исчез за ширмой, оставив ее одну. "Станный какой-то торговец, — подумала гостя из России. — Он что, всегда вот так запросто уходит и за покупателями не следит? А как же воры?"

Впрочем, мысль о том, каким образом старик оберегает свое имущество, улетучилась, как только Диана получше пригляделась к самим товарам. Чего здесь только не было! Изящные кальяны, поблескивавшие золотом и серебром. Расписанные арабской вязью кожаные абажуры. Статуэтки джиннов, магов, сказочных зверей и древних воинов. Запечатанные сургучом бутылки причудливой формы и расписные шелковые одеяния для отдыха и танцев. И много, много что еще...

Диана наклонилась над прилавком, чтобы получше рассмотреть корешки стоявших на отдельной полке увесистых томов в кожаных переплетах. А вдруг среди них есть и... В этот момент из-за ширмы возник Ахмед.

— Ваш кофе, госпожа, — сказал он, протягивая ей блюдце, на котором стояла миниатюрная черная чашечка с напитком того же цвета.

— Спасибо, — Диана взяла чашку и пригубила кофе. После первого же глотка она подняла на Ахмеда восхищенный взгляд. Такого вкусного кофе ей не доводилось пробовать даже в самых лучших кальян-барах Москвы. — Большое спасибо. Сколько я вам должна?

— Ну что вы, — старик улыбнулся в усы. — Кофе для своих посетителей я делаю бесплатно.

— А вдруг я заглянула к вам только из праздного любопытства? — улыбнулась в ответ Диана. Новый знакомый определенно импонировал ей больше, чем кто-либо из мужчин, которых она знала. А то, может быть...

— Нет, это не так, — покачал головой Ахмед. — Я знаю, что вы что-то купите у меня — знал это задолго до того, как вы приехали в Марракеш. Я некоторым образом провидец, — добавил он, упрямая ее следующий вопрос.

— Вы не боитесь оставлять клиентов здесь одних, уходя за кофе? — спросила Диана, сделав еще глоток. — Вдруг среди них попадется воришка?

— Ну, во-первых, пропажа одной из тех вещиц, что вы видите вокруг, не разорила бы меня, — улыбаясь, произнес араб. — А во-вторых, появление здесь вора или грабителя является делом решительно невозможным. Я все обустроил так, чтоб у подобных людей даже мысли не возникало ступить на порог моего заведения.

— И как же вам это удалось? — поинтересовалась девушка. — Должно быть, ваши друзья дежурят снаружи и отваживают воров?

— Нет, все несколько проще. Я сделал это при помощи магии?

— Магии?! — Диана едва не поперхнулась кофе. — И это вы называете "проще"? — рассмеявшись, спросила девушка.

— Ну, это для кого как, — пожал плечами Ахмед. — Другим нужно работать, было бы неудобно их от этого отвлекать. Вас интересуют книги, как я погляжу?

— Да, — допив кофе, Диана поставила чашечку на прилавок. — Точнее сказать, меня

интересует одна, вполне конкретная книга. Черный Коран...

Повисла пауза. Некоторое время Ахмед смотрел на гостью так, будто его слова перевернули его представление о мироустройстве.

— Я думаю, нам с вами лучше побеседовать в другом месте, — сказал, наконец, араб. Откинув на прилавке панель, он подошел к дверям магазина и запер их. Потом — жестом пригласил Диану следовать за ним, за ширму.

И девушка, нисколько не колеблясь, пошла навстречу неведомому.

— Здесь у меня хранятся вещи, которые не хотелось бы показывать всем подряд, — пояснил Ахмед, открывая длинным бронзовым ключом неприметную дверь в конце коридора. — Самые ценные из моих товаров. И ценность их измеряется не только в деньгах... — торговец распахнул дверь, явив взору Дианы помещение, чем-то напоминавшее то, в котором она только что побывала. Здесь тоже были аккуратно расставлены и разложены по полочкам произведения восточного искусства. Но их, во-первых, было намного меньше, чем в первой зале, а во-вторых — здесь отсутствовала яркая "попугайская" пестрота, рассчитанная на опьяненных иноземной экзотикой туристов. Каждый предмет, который видела перед собой Диана, по-настоящему дышал древностью.

— Так вы говорите, что вас интересует Черный Коран, — Ахмед забренчал связкой ключей и открыл один из стоявших у дальней стены сундуков. — Позвольте полюбопытствовать — для чего вам нужна эта книга?

— Ну как... — смущенно улыбнулась Диана. — Почитать.

— Почитать?! — араб воззрился на девушку так, точно та сморозила несусветную глупость. — Госпожа, знакомо ли вам выражение "забивать гвозди микроскопом"?

— Да, — кивнула Диана, — только при чем здесь это?

— Ну как же? — усмехнулся Ахмед. — Вы хотите просто "почитать" книгу, которая предназначена для дела. Удивительно. Вы точно меня не обманываете?

— Нет, зачем бы? А что, я как-то не так выразилась?

— Да нет, не то чтобы. Просто эта книга — она, скажем так, не из тех, которые читают ради досужего развлечения. Я расскажу вам, для чего на самом деле нужен Черный Коран. С помощью этой книги и ей подобных, — Ахмед склонился над сундуком и достал оттуда толстый том в переплете из черной кожи, — обретают силу и добиваются власти. Открывают проходы в иные миры, чтобы заполучить уникальные сокровища или призвать на Землю существа столь кошмарные, что даже умалишенный не сумеет изобразить их на стенах своей скорбной обители. С помощью знаний, которые содержит эта книга, можно обратить в рабство целые народы и совершить преступления столь изощренные, что раскрыть их будет невозможно даже объединенными усилиями ФБР и Скотланд-Ярда... А вы говорите — "просто почитать". Быть может — только, прошу, не обижайтесь — все дело в вашем неведении?

— Ну, в общем-то, на самом деле так и есть, — согласилась Диана. — Я не знала, насколько тут все серьезно. Думала, это просто сборник редких высказываний Мохаммеда...

— Пророк не имел отношения к созданию этой книги, — покачал головой Ахмед, перелистывая страницы Черного Корана. — Ему это лишь приписывают, из-за слова "Коран", которое означает "чтение вслух". Так до определенного времени назывались в арабском мире любые устные предания. На самом деле это, Ахмед опустил взгляд на пожелтевшие страницы, — своеобразный антипод того Корана, что был записан со слов

Мохаммеда. Знания, изложенные здесь — они намного более древние, чем вся религия ислама. Впрочем, они древнее и христианской, и иудейской религии тоже.

— Как бы там ни было, а я приехала сюда для того, чтобы купить эту книгу, — облизнув губы, произнесла Диана.

— Прекрасно, — хозяин лавки закрыл увесистый томик. — Это будет стоить вам пятнадцать тысяч долларов.

Услышанное поразило Диану. Нет, она, конечно, понимала, что пятнадцать тысяч долларов — предел мечтаний многих ее сограждан, да и для нее самой такая сумма вовсе не являлась ежедневной мелочью на карманные расходы. Но... всего пятнадцать тысяч за такую вещь?

— Так мало? — вырвалось у нее.

— Я понимаю ваше удивление, — кивнул Ахмед. — Многим приходится платить за экземпляр этой книги непомерно высокую цену — порой намного большую, чем жизнь. Ради нее ставят на карту все. Рискуют жизнью, предают, убивают, с головой бросаются в пучину подлости и безнравственности. И, разумеется, отдают огромные суммы — несопоставимые с той, которую я только что назвал. Но, понимаете ли, разные люди идут по жизни разными путями. Это вопрос судьбы, если хотите. Для вас обстоятельства сложились таким образом, что вы нашли дорогу сюда. Путь в эту комнату был для вас проложен задолго до того, как вы узнали о ее существовании. Другое дело, что вы могли никогда не узнать о ее существовании. Не прочитав знаки, ниспосланные вам судьбой, и прожить всю жизнь, даже не догадываясь о том, какие подарки она вам приготовила. Но вы прислушались. Вы пришли. Так было нужно. Вечности, а не вам. Именно поэтому я готов предоставить скидку. Прошу, не спрашивайте только, какую сумму я потребовал бы за книгу при других обстоятельствах. Вы все равно не поверите.

— А эта скидка — она действительно только в отношении Черного Корана? — поинтересовалась Чурсина. — Или...

— Или, — улыбнувшись, кивнул Ахмед. — Вы можете приобрести со скидкой абсолютно любую вещь. Даже несколько — но тут уже все зависит от того, сколько денег вы с собой взяли.

— А что вы порекомендуете?

— Я не вправе принимать решения за вас, — покачал головой старый торговец. — Там, — он указал в сторону торговой залы, открытой для всех желающих, — я, конечно, начал бы расхваливать свой товар на все лады и пытаться всучить вам какую-нибудь безделушку подороже. Но здесь... — Ахмед выдержал многозначительную паузу, — здесь выбирать должны вы. Или вас...

— Хорошо, — улыбнулась Диана. — Но в таком случае мне нужно сперва узнать, что это вообще за вещи, и для чего они нужны.

— Разумеется, — положив Черный Коран на крышку сундука, араб начал прохаживаться вдоль полок, дотрагиваясь до лежавших на них предметов. — Вот это — защитный оберег для дома. Он не позволит вору или убийце проникнуть в ваше жилище. Нечто подобное я использую и для охраны своего магазина.

Оберег представлял собой простой глиняный горшочек, из которого торчали несколько павлиньих перьев.

— Вот эта штука будет посерьезнее, — сказал Ахмед, поддев за цепочку поблескивавший золотом и драгоценными камнями медальон. — Амулет для защиты жизни

и здоровья. Его хозяин никогда ничем не заболеет. Кроме того, амулет будет отводить любые опасности и угрозы, вплоть до момента естественной смерти владельца от старости.

— Любые? — уточнила Диана. — А если, например, я попаду в автокатастрофу?

— Даже если вы упадете с Эйфелевой башни... впрочем, что это я — с ним вы ни за что оттуда не упадете.

— А если сама прыгну? — игриво поинтересовалась Чурсина.

— Вот тут уже не знаю, — развел руками Ахмед. — Но, думаю, почувствовав такое намерение, медальон просто не подпустит вас к краю. Так-так, что у нас тут дальше? Ага. Вот этот плед, — араб достал с одной из полок сложенный в несколько раз кусок красной материи, — являет собой не что иное как портативный портал в другое измерение. Там обитает плененный демон. Инкуб, если это слово что-нибудь говорит вам. Принцессы и дочери родовитых домов использовали такие вещи для того, чтобы предаваться плотским утехам, оставаясь при этом девственницами. Так-так-так, — положив плед на место, Ахмед присел на корточки рядом с небольшим деревянным ящичком. Оттуда он достал бронзовый кувшин с плотно сидящей в нем высокой пробкой. — А тут у нас что? Как вы думаете, Диана? — араб встал и с кувшином в руках подошел к потенциальной покупательнице.

— Должно быть, в нем — невероятно редкое и, разумеется, волшебное вино, вкусив всего один глоток которого, можно сделаться таким же мудрым, как Омар Хайям, — предположила девушка. — Я угадала?

— Нет, — хитро прищурившись, сказал торговец. — На самом деле в этом сосуде заключен могущественный дух, о котором знают даже те, кто никогда не слышал имени пророка. Джинн...

Почему-то у Дианы не возникло никакого желания подвергать его слова сомнению. Она на сто процентов верила, что всего в десяти сантиметрах от нее томится в кувшине самый настоящий джинн.

— Как и положено джинну, — увлеченно продолжал Ахмед, — он исполняет желания.

— Любые?

— Абсолютно любые! — для пущего эффекта араб рассек ладонью воздух. — Но только три, и ни одним больше. После этого возвращается в мою лавку. Я могу продавать его бесчисленное количество раз.

— Но как же так? — опешила Диана. — Ведь согласно легенде, по истечении срока своей службы джинн должен быть освобожден.

— Легенда не лжет, — кивнул Ахмед. — Просто таким было одно из желаний, которые загадал этому джинну я сам. Понимаете ли, настоящий джинн в наши дни — очень большая редкость. Глупо было бы упустить столь лакомый кусочек.

— Понятно. А если кто-нибудь попросит джинна, чтобы тот охранял его до скончания дней?

— К сожалению, я не могу ответить на этот вопрос, — улыбнулся в усы Ахмед. — И не потому, что не знаю, — добавил он, подмигнув.

Диана не была уверена, правильно ли она поняла намек — но ей подумалось, что в этом случае джинн убьет чересчур сообразительного покупателя. Ибо таково было второе желание Ахмеда.

— Ну как, может быть, вы уже выбрали что-нибудь? — поинтересовался Ахмед.

Диана задумалась. Когда она входила сюда, ее мысли занимал Черный Коран, но после того, что старый араб рассказал об этой книге, девушка сомневалась, что древний том

действительно может быть ей нужен. Что же касается остальных вещей — если все, сказанное Ахмедом — правда, то...

Стоит ли ей действительно приобретать одну из них? Или достаточно ограничиться знанием о том, что они вообще существуют?

Защитный талисман ей вряд ли пригодился бы в Москве. Конечно, Диана дорожила своим имуществом, но она была не настолько богата, чтобы задумываться о волшебной охране жилища. К тому же, свои сбережения она все равно предпочитала хранить на банковском счете — а если из ее квартиры вдруг вынесут всю аппаратуру — покупка новой наверняка обойдется дешевле охранного амулета.

Джинн... С этим персонажем москвичка просто боялась связываться. После того, что она видела в "Исполнителе желаний", не хотелось оказаться в той же ситуации, что и герои фильма.

А вот красный плед... Он, пожалуй, мог ей пригодиться. В свои двадцать два года Диана оставалась девственницей. Не то чтобы секс ее совершенно не интересовал — но расстаться с невинностью Чурсина планировала только в объятиях человека, который станет ее спутником жизни. Такого избранника у нее пока не было.

Девушка быстро смекнула, что этот плед поможет ей познать радости секса и остаться при этом девственной. Нельзя сказать, что она когда-либо мечтала о чем-то подобном — но раз уж выдалась такая возможность...

— Пожалуй, да, — кивнула Чурсина. — Я куплю у вас красный плед.

— Отличный выбор для такой прекрасной дамы, — улыбнулся Ахмед. Диане, правда, показалось, что в этот миг в его глазах промелькнула тень разочарования. Но она промолчала. Торговец тем временем принялся сворачивать и упаковывать плед.

— А сколько он стоит? — спросила Диана. — Если со скидкой.

— Десять тысяч долларов, — невозмутимо ответил Ахмед.

— Ой, а у меня не будет с собой столько наличных, — огорчилась Диана. — А карточки вы, наверное, не принимаете, да?

— Ну почему же? Идемте, — они вернулись в первое помещение, где Ахмед достал из-под прилавка аппарат для безналичных расчетов, резко контрастировавший с антуражем его заведения. — Приходится подстраиваться под требования современного мира.

— Если он не работает — вы вернете мне деньги? — поинтересовалась Диана, набирая пин-код от своей карты Visa.

— Он работает, — заверил ее Ахмед. — Иначе и быть не может.

Перед тем, как вручить ей артефакт, Ахмед взял листок бумаги и на английском языке набросал краткую инструкцию относительно того, как пользоваться пледом. Заглянув туда, Чурсина густо покраснела. Ей было неловко от того, что этот человек теперь знает, чем она будет заниматься, когда вернется в Москву.

— Спасибо, — выдавила она из себя и, взяв с прилавка сверток, направилась к выходу из магазинчика.

— Погодите! — окликнул ее Ахмед. — Вы забыли свою карту!

Диана покраснела еще гуще.

Прошло еще три дня после ее возвращения в Москву, прежде чем Диана, наконец, развернула плед и расстелила его на своей кровати. Написанную Ахмедом инструкцию она за это время заучила практически наизусть. Также Чурсина провела немало времени,

бороздя просторы Интернета и выискивая любые упоминания о волшебном пледе. Найти не удалось ничего. Стало быть, это действительно древний магический артефакт, о существовании которого мало что известно современному миру... ну или же подделка, которой место в секунд-хенде.

Был только один способ узнать это наверняка. До конца отпуска оставалось несколько дней, когда Диана решила. Она положила красный плед поверх застеленной кровати, после чего, как было сказано в инструкции, разделась догола и легла на него сверху. Положив пальцы правой руки на лепесток своего влагилица, девушка начала мастурбировать. Даже сейчас, в тишине и уединении собственной квартиры, где никто не мог ее видеть, Диане было неловко от того, что где-то в далеком Марокко есть человек, который знает, чем она занимается.

Впрочем, ласки, которые девушка дарила сама себе, скоро отвлекли ее от этих мыслей. Диана начала представлять, что занимается любовью с известным американским актером, звездой романтических мелодрам. Потом его сменил в ее фантазиях другой знаменитый экранный красавчик — на этот раз российский. Вскоре Чурсина начала постанывать. Одновременно с этим она почувствовала, что у нее тяжелеют веки. Хотелось спать. Странно, ведь она не так уж сильно устала за день. Это слегка отвлекало от интимного процесса, и Диана задействовала самую потаенную, самую жаркую свою эротическую фантазию, представив, будто она оказалась в постели со своим двоюродным братом. Сладкие импульсы удовольствия внутри ее тела стали интенсивнее. Пальцы девушки двигались все быстрее — и вот, низ ее живота взорвался ярким оргазмом. Именно это, как было сказано в инструкции, являлось ключом, активировавшим скрытый в пледе портал. В тот момент, когда наслаждение достигло своего пика, сознание Дианы отключилось. Девушка уснула на восточном пледе, разбросав руки.

Почти сразу же она пришла в себя и распахнула глаза — чтобы увидеть, что она находится уже не в своей квартире. С неба, сквозь густые ветви какого-то дерева, падали на ее лицо солнечные лучи. Спиной же Диана ощущала, что лежит теперь не на кровати, а на какой-то твердой поверхности. Привстав и поглядев по сторонам, Чурсина обнаружила, что находится на просторной площадке с каменным полом, обрамленной каменными же перилами. Две лестницы уходили с нее куда-то вниз, а вокруг росли высокие деревья.

Площадка эта, судя по всему, являлась частью внешней архитектуры довольно большого здания — прямо перед собой, между лестницами, Диана видела его сложенную из крупных серых камней боковую стену с массивной деревянной дверью посередине.

"Сработало! — пронеслось в голове у Дианы. — Боже мой, сработало!"

Она ущипнула себя за плечо, дабы убедиться, что это не сон. Было больно. В следующий миг Диана осознала, что она по-прежнему полностью обнажена. Девушка инстинктивно прикрыла руками грудь и лобок, но тут же решила, что в этом нет необходимости — она ведь была здесь совершенно одна.

Совершенно одна... А ведь так не должно быть. Ахмед сказал, что по другую сторону портала ее должен ждать сексуальный демон. Инкуб — так он назвал его, и Диана уже успела кучу всего прочесть на эту тему в Интернете. Но там, где она оказалась, не было никого, кроме нее самой.

Диане стало страшно. Что, если в происходящем все-таки заключался какой-то скверный подвох? Что, если за те столетия, что никто не пользовался пледом, демон покинул эти места? Или вообще умер — ведь демоны тоже могут умереть? И самое главное

— как ей теперь вернуться обратно?

Что, если теперь Диана обречена навсегда остаться в этом пустынном и безжизненном месте?

Чурсина встала и сделала несколько шагов по направлению к двери. Возможно, разгадка всего происходящего скрывается там? В следующий миг она услышала шаги и голоса. Они доносились с лестниц! Еще через мгновение на площадку поднялись две группы обнаженных мужчин. При виде их Диана вскрикнула и попятилась.

Мужчин? Нет, только свисавшие между ног половые органы заставили ее подумать о них так. Рассмотрев их получше, Диана увидела, что то были, скорее, какие-то человекообразные существа — весьма отталкивающего вида. Более всего они походили на обезьян, у которых от старости или болезни вылезла вся шерсть. Но вряд ли даже лысые обезьяны выглядели бы столь омерзительно. Это был настоящий парад уродов.

Запавшие глаза. Покрытые черной коростой губы, приоткрывавшие обломки гнилых зубов. Редкие пучки длинных седых волос на бугристых головах. Лица — сплошь морщины и складки. Носы — крючковатые или отсутствуют вовсе — только два черных узких отверстия, как на черепе скелета. Желтая кожа страшилищ была усеяна цыпками и поросшими жесткой щетиной крупными бородавками.

Самым страшным и отвратительным, самым безумно мерзким во внешности тех, кто стоял перед ней, были их взгляды. То, как они смотрели на Диану, не оставляло сомнений насчет того, что они хотели с ней сделать. Даже босс фирмы, в которой работала Чурсина, пятидесятипятiletний, женатый обладатель внушительной лысины и не менее внушительного брюшка, не позволял себе подобного. Он, прекрасно понимавший, что с такой наружностью, как у него, о домогательствах к сотрудницам лучше забыть покрепче, был настоящим мастером недвусмысленных взглядов, которые компенсировали ему невозможность распусть руки или язык. Но даже этот, не слишком приятный человек, никогда не смотрел на Диану или других девушек настолько же жадно и похотливо.

Омерзительные уроды, о чем-то хрипло перегавкиваясь между собой, двинулись к девушке. Некоторые из них на ходу начали мастурбировать, приводя свои половые органы в боевую готовность.

Когда они подошли к ней на расстояние нескольких метров, Диана почувствовала густой, тяжелый запах давно не мытых тел. Казалось, что эти создания несколько недель провели в хлеву со свиньями — или просто ночь за ночью спали на земле в окружении собственных нечистот. А в следующий миг, преодолев остаток расстояния, твари окружили девушку плотным кольцом и принялись трогать ее: щупали грудь, лизали шею и плечи, щипали за ягодицы, пытались проникнуть жесткими пальцами во влагалище и анус. Она словно бы оказалась на одной из картин Франсиско Гойи.

Диане стало дурно, к горлу подступил ком. Один из ублюдков положил ей ладони на плечи и надавил вниз, заставив девушку встать на колени. Его эрегированный пенис оказался прямо перед ее лицом. Впрочем, слово "пенис" было бы комплиментом для этого уродливого отростка. Он был покрыт рядами одинаковых по размеру, сочащихся розовой жидкостью отверстий — как будто от него недавно отвалились несколько десятков кровососущих личинок. Диана хотела закричать — но вовремя поняла, что если сделает это, ужасный член тотчас окажется у нее во рту! Сверху на шею и плечи упали капли слюны других похотливых тварей. Это был настоящий ад.

Кто-то из них схватил ее за ноги и начал поднимать. Тот, что стоял перед ней, взялся за

ее локти. Диана поняла, что сейчас ее начнут насиловать спереди и сзади, держа в воздухе, как двуручную пилу.

В этот момент в стене здания с грохотом распахнулась деревянная дверь — та самая, что привлекла внимание Чурсиной несколькими минутами ранее.

Руки, державшие Диану, мгновенно разжались. Девушка шмякнулась на каменный пол. К счастью, она успела сгруппироваться — вот где пригодился полученный на работе абонемент в спортзал — и ударилась не слишком сильно.

А ее несостоявшиеся насильники, тем временем, с визгом бросились врассыпную. Один за другим, они перепрыгивали прямо через перила, стремясь как можно быстрее покинуть площадку, на которой им вдруг стало весьма неудобно.

Диана подняла голову и посмотрела туда, где находился источник угрозы. В этот момент она подумала, что если сюда явился кто-то, еще более страшный, чем эти озабоченные мрази, то ей, наверное, недолго осталось жить. Однако, когда она увидела его, Диана поняла — это именно тот, ради кого она явилась в это странное место.

Мужчина, стоявший в дверном проеме, поднял руку, и из центра его ладони вырвался маленький черный вихрь, устремившийся к последнему из недоносков, который как раз перескакивал через перила. Соприкоснувшись с телом уroda, энергетический сгусток превратил его в обугленную головешку, которая в следующий миг с тяжелым звуком рухнула на землю. Снизу еще некоторое время доносились вопли разбежавшихся товарищей убитого. Они становились все тише — похоже, твари перемещались с удивительной для их затрапезного вида скоростью.

Человек, спасший Диану от изнасилования этими ужасными существами, уверенной походкой подошел к ней. И, когда он оказался рядом, Чурсина окончательно поняла, что это был не человек.

Анатомически, конечно, его тело было схоже по своему строению с телами земных мужчин, но имелся и ряд деталей, однозначно свидетельствовавших о сверхъестественной природе этого создания. Самым удивительным во внешности инкуба были его глаза. В них, вместо зрачков, словно бы плясали языки пламени, за которыми неуловимо проступало что-то еще, но что именно — разглядеть было уже невозможно.

— Здравствуй, — сказал незнакомец, протягивая девушке руку, чтобы помочь ей встать. "Демоны говорят по-русски? — подумала Чурсина. — Невероятно". В следующий миг она решила, что, раз уж ей довелось очутиться в некоей волшебной реальности, то язык, вероятно, здесь не имеет значения.

Однако стресс, который Диана только что перенесла, на какое-то время лишил ее дара речи. Она лишь несколько раз быстро кивнула в ответ на его приветствие. Демон дружелюбно улыбнулся.

Он взял ее за руку и повел к двери. Диана поняла, что ее продолжает потряхивать после пережитого только что кошмара. Она лишь наполовину осознавала происходящее с ней, но четко понимала одно: ей нужно срочно оказаться в воде — пусть даже холодной — чтобы поскорее смыть с себя гадкие прикосновения чудовищных похотливцев.

Демон и девушка вошли в здание. Дверь сама закрылась за ними. Старый торговец Ахмед не солгал. Параллельное измерение действительно существовало — но дела в нем обстояли совсем не так просто, как можно было подумать.

Помещение, в которое они вошли, представляло собой длинный и просторный коридор,

освещенный факелами, что были закреплены на каменных стенах. По обе стороны коридора располагались несколько дверей, а впереди, в дальней его части, виднелась уходящая вверх каменная лестница.

— Это твой дом? — немного придя в себя, спросила Диана.

— Скорее, это мое жилище, — невесело улыбнулся демон. Диана не стала лезть к нему с лишними расспросами.

— Как тебя зовут? — к ней постепенно возвращались привычные любопытство и непринужденность.

— Агримус, — ответил инкуб.

— А меня... — начала было Чурсина, но демон закончил вместо нее.

— Диана, — сказал он. — Тебя зовут Диана. Я знаю это. Знаю с того момента, как ты купила плед. Ты должна была прийти — и ты пришла.

— Мне нужно помыться, — сказала девушка. Ужас и отвращение, через которые она прошла снаружи, постепенно отступали, но она не могла так быстро забыть о том, что всего несколько минут назад ее тело мяли отвратительные грязные лапы.

— Конечно, — кивнул Агримус. — Комната для омовения находится здесь, — он распахнул перед девушкой одну из дверей. Диана думала, что он войдет туда вместе с ней, и все именно в этой комнате и случится. Но демон остался снаружи и закрыл за ней дверь. На некоторое время Чурсина осталась предоставлена сама себе. Только теперь она в полной мере осознала, что по-настоящему попала в другой мир. В совершенно иную реальность.

"Старый араб не солгал, — думала она, спускаясь в наполненное прозрачной водой четырехугольное углубление в каменном полу. — Все действительно именно так. И даже несколько разнообразнее", — Диана поежилась, вспомнив о тех, кто встретил ее на площадке снаружи.

Вода — имевшая, к слову сказать, идеально выдержанную температуру — помогла ей избавиться от этих воспоминаний. Вытершись одним из мягких полотенец, что были в обилии развешаны по стенам комнаты, Диана вернулась в коридор, к поджидавшему ее инкубу. Она уже ничуть не стеснялась своей наготы. В конце концов, для того она и явилась сюда, чтобы раздеться перед этим существом — и отдаться ему.

— Идем, — демон взял ее за руку и повел по направлению к лестнице. Диана украдкой разглядывала своего спасителя. Он был, по большей части, похож на человека — но внешность его имела и ряд отличий. Самым заметным были, конечно, его рога, росшие из затылка. Слегка изогнутые, длиной в полтора указательных пальца, словно бы выточенные из какого-то черного камня. Диане сразу захотелось потрогать их, но она, конечно, не стала. Пробежавшись взглядом по телу демона, Чурсина заметила также шарообразные выступы на его плечах и локтях — словно крупные жемчужины были вживлены прямо в кость. "Что это — украшение, или такова естественная анатомия инкубов?". Происходящее навевало все новые и новые вопросы.

Они поднялись на второй этаж и оказались в просторной комнате с приглушенным освещением, достигнутым за счет того, что окна здесь были очень маленькими и располагались высоко, почти под самым потолком. Также в этом помещении было много диванов, мягких ковров, подушек — всего того, что обычно сопутствует плотской любви...

Без лишних разговоров Агримус увлек Диану на одно из лож, покрывая ее тело поцелуями. Прикосновения губ и пальцев демона были настолько нежными, что Диана несколько раз едва не кончила даже до того, как началась прелюдия. А уж когда она

началась... О, это было восхитительно! На долгие минуты девушка превратилась в послушный инструмент под его пальцами, но вместо нот она издавала стоны и вздохи. Предварительные ласки продолжались около получаса, но Диане показалось, что прошла целая вечность. И в течение этой маленькой вечности она, не в силах больше сдерживаться, отдалась на волю чувств и испытала оргазм. Разумеется, это был не первый оргазм в ее жизни — но, безусловно, самый интенсивный и яркий. Впрочем, он оставался таковым лишь до тех пор, когда она испытала следующий. Это случилось, когда Агримус уже был в ней — но само проникновение было настолько мягким и безболезненным, что Диана даже не заметила этого момента! Содрогаясь под его напором, она забыла обо всем на свете — сейчас существовала только эта яростная гонка, венцом которой было наивысшее наслаждение. И вот оно пришло — свет померк перед глазами Дианы, и на мгновение девушка подумала, что сейчас потеряет сознание. Она не знала, с чем это сравнить, но почему-то ей вспомнились рассказы людей, переживших клиническую смерть — полет по длинному темному тоннелю, выход из него в пространство, полное яркого белого света, и неземное блаженство, сопутствующее этому выходу. Невероятное чувство освобождения...

"Ой, а что же будет, если он кончит в меня? — подумала она в следующий миг. — Неужели я забеременею и рожу маленького рогатого демона?"

Должно быть, в этот момент она дернулась, потому что Агримус, еще продолжавший двигаться в ней, угадал ее мысли и сказал:

— Не беспокойся. Я обладаю способностью отключать свою репродуктивную функцию, если в мои планы не входит обзаводиться потомством.

По крайней мере, ей хотелось верить, что он угадал ее мысли — а не прочитал их.

К настоящему моменту, даже несмотря на отсутствие у нее прежнего опыта, Диана понимала, что демон Агримус — поистине фантастический любовник. Прежде, чем он разрядился, она успела кончить еще раз — и этот оргазм был ничем не хуже первых двух. Сегодняшний секс был первым — и лучшим за всю ее жизнь до настоящего момента.

Потом они долго лежали, обнявшись, в окружении мягких подушек, и Агримус, лаская кончиками пальцев живот Дианы, говорил с ней, рассказывая своей гостье дивные истории о жизни мира, в котором она оказалась. Его рассказы были настолько яркими и красочными, что Диана воочию представляла себе все, о чем он говорил. Сменявшие друг друга красочные образы, мелькавшие перед глазами, в конце концов, утомили ее, и Чурсина уснула.

Проснувшись она уже у себя в спальне. Диана, раскинув руки, лежала на кровати, поверх красного пледа. Сообразив, где она находится, девушка молниеносно приняла сидячее положение и ошалело поглядела по сторонам. "Все это был только сон? Не было никакого демона? И секса тоже не было?". Диана проверила свое интимное место. Девственная плева не повреждена, нет ни капли крови или спермы. "Хотя... ведь так и должно быть". Неужели и правда ничего не было? "Все это происходило только в моем воображении?". Все же, она отчетливо помнила каждое мгновение, проведенное в месте, которое, как сказал Агримус, зовется Лимбом.

Самым простым способом установить, являлось ли произошедшее с нею правдой, было незамедлительно повторить ритуал. Но Диана побаивалась это делать — а ну как она снова окажется на каменной площадке, в окружении омерзительных уродов?

Буквально сразу же она вспомнила и о том, что рассказывал Агримус об этих существах.

Они назывались "потерянными душами" или "заблудшими" — и как бы невероятно это ни звучало, были когда-то людьми. Очень плохими людьми, каждый из которых совершил в своей земной жизни преступление столь чудовищное, что его отверг даже Ад. Теперь они были обречены столетиями скитаться по Лимбу, все сильнее деградируя. Сам Лимб, как разъяснил Агримус, являл собой нечто вроде Чистилища, описанного в разных религиозных текстах Земли. Огромный мир, населенный множеством существ, одни из которых жили там постоянно, другие же просто ждали перехода в иные формы.

"Раз я все это помню, — стало быть, это, все-таки, правда", — рассудительно подумала девушка. Но проверять свою догадку она не стала. Диана отправилась на кухню, где, заварив себе кружку марокканского кофе, несколько часов размышляла о том, что ей довелось пережить. Потом она вернулась в спальню, аккуратно сложила красный плед и убрала его в шкаф, после чего легла спать. Той ночью ей снились необычайно яркие, удивительные сны...

Через несколько дней, набравшись храбрости, она снова сделала это. На сей раз Чурсина сразу перенеслась в "комнату любви", где уже ждал ее Агримус. Демон объяснил, что, поскольку артефактом очень давно никто не пользовался, настройка заключенного в нем портала немного сбилась. Именно поэтому в прошлый раз Диана оказалась на площадке, где ее едва не изнасиловали заблудшие.

Потом они снова занимались любовью, убажывая друг друга самыми изысканными способами. Когда силы Дианы иссякли, Агримус угостил ее фантастически вкусными фруктами — и снова рассказывал интереснейшие истории. Диана попросила, чтобы Агримус поведал и о себе самом, и он не стал отпираться. Выяснилось, что демон был заточен в замке за какую-то давнюю провинность. Агримус не мог покидать окрестностей своего узилища, но в этих пределах он был полновластным хозяином — потерянные души служили ему, собирая урожай фруктов и ловя птиц. Агримус рассказал также и о механизме действия артефакта, которым владела Диана. Чтобы вернуться на Землю, ей было достаточно уснуть в Лимбе — именно это и произошло в предыдущий ее визит.

— Есть одна вещь, которую ты должна помнить, — предупредил он, прежде чем они снова расстались. — Не отдавайся никому другому, если хочешь и дальше видеться со мной. Только девственница может воспользоваться пледом, чтобы попасть сюда.

Встречи с инкубом стали регулярными. Спустя какое-то время Диана начала понимать, что... любит его — так, как она могла бы любить обычного земного мужчину. Даже, пожалуй, сильнее — именно так, как можно любить демона, обитающего в параллельном мире. Возможность видеться с ним была для Дианы драгоценным даром, которым она очень дорожила.

Однажды она, набравшись смелости, рассказала ему о своих чувствах — и Агримус, выдержав паузу, признался, что тоже любит ее. Диана не знала, искренне ли он говорит — но в тот миг она была счастлива, как никогда прежде.

Теперь девушка совершенно отчетливо понимала смысл произнесенных марокканским торговцем Ахмедом нескольких фраз, которым тогда, в его магазинчике, она не придавала особого значения:

"Путь в эту комнату был для вас проложен задолго до того, как вы узнали о ее существовании. Другое дело, что вы могли никогда не узнать о существовании самого этого пути. Не прочитав знаки, ниспосланные вам судьбой, и прожить всю жизнь, даже не догадываясь о том, какие подарки она для вас приготовила. Но вы прислушались. Вы

пришли. Так было нужно. Вечности, а не вам".

Вечность... Это слово натолкнуло Чурсину уже на другие мысли. Нутро ее тронул приятный холодок. "Да, ведь не ради одного лишь секса с демоном — как бы прекрасен он ни был — привела меня сюда судьба. Вечность... Бессмертие. Инкуб Агримус находится здесь так давно, что уже и сам не помнит, сколько ему лет. Да и эти уроды — "заблудшие", как он их называет — тоже явно не первый день скитаются в окрестностях его темницы. Значит ли это, что если я останусь в Лимбе навсегда — то также обрету вечную жизнь?"

Эта мысль, едва зародившись, быстро переросла в навязчивую идею, которая будоражила воображение и не давала сконцентрироваться ни на чем другом. По несчастью, она еще посетила Диану в момент, когда та находилась в офисе, так что девушка едва дотерпела до конца рабочего дня. Примчавшись домой, она исполнила ритуал и перенеслась в Лимб, где последовали несколько часов пламенной страсти в объятиях Агримуса, после чего она спросила своего потустороннего любовника о том, что ее так волновало.

— Да, — сказал инкуб, подумав немного. — Я более чем уверен, что если ты останешься в Лимбе навсегда, то не сможешь умереть естественной смертью. Для земной тебя сам факт такого перехода будет означать смерть. Но для того, чтобы это стало возможным... — Агримус замолчал.

— Что? — взволнованно спросила Диана. — Что для этого нужно?

— Нужно уничтожить артефакт, которым ты пользуешься, чтобы приходить сюда, — сказал инкуб. — Иначе, уснув, ты всякий раз будешь возвращаться в свой мир.

— Но как же это возможно?! — разочарованно воскликнула Чурсина. — Ведь если я его уничтожу — то вообще не смогу больше сюда попасть!

— Все просто, — улыбнулся Агримус. — Нужно попросить кого-нибудь это сделать, пока ты будешь со мной.

— Ой, — Диана тоже улыбнулась. — И как это я сразу не догадалась? Наверное, потому, что после секса голова почти не варит.

Вернувшись в Москву, она продолжала думать об идее "эмиграции" в Лимб. Эта мысль была довольно пугающей — но вместе с тем и волнующей, манящей. Что ждет ее там, кроме бесконечных совокуплений с возлюбленным инкубом? Бессмертие и вечная молодость... Да, но с другой стороны, это значит, что всю эту вечную жизнь Диана будет вынуждена провести в том же самом замке, к которому навсегда прикован Агримус. Ведь если она покинет его пределы, на нее тотчас же нападут мерзкие обитатели окрестностей и... Диана предпочитала не думать о том, что именно они с нею сделают...

На одной чаше весов лежала вечность в золотой клетке. На другой — разнообразная и полная новых открытий жизнь в яркой, шумной и веселой Москве, ну и, конечно же, вылазки в другие интересные места.

Выбор Дианы начал постепенно склоняться в пользу "переезда" после того, как Агримус рассказал ей о том, что она сможет не только самостоятельно передвигаться по Лимбу, но даже, возможно, найти способ освободить из заточения его самого.

— На самом деле срок моего наказания давно истек, — пояснил он. — Но вышло так, что те, кто мне его назначил, забыли обо мне еще раньше. Сейчас они очень далеко отсюда... а может быть, и вовсе больше не существуют. Но попытаться, все-таки, можно. Я могу снабдить тебя оружием и средствами защиты для безопасного путешествия по Лимбу. После чего ты сможешь отправиться в другие области и попытаться найти там кого-нибудь,

чьей силы будет достаточно, чтобы снять чары.

Вот это уже был, как любил приговаривать старый Исаак Моисеевич из бухгалтерии, "совсем другой коленкор". Впереди ждало вовсе не прозябание в золотой клетке — а вечная жизнь, полная захватывающих приключений в огромном волшебном мире... Это было похоже на фантастические компьютерные игры, в которые Диана иногда играла, чтобы скрасить досуг. Во многих из них можно было создать себе женский персонаж. И вот, теперь перед ней маячила роскошная перспектива пережить все это по-настоящему, в действительности вдыхая воздух дальних странствий, слыша пение невиданных прежде птиц и видя над головой совсем другие звезды. Что ж, это было куда более заманчиво, чем Москва со всеми ее развлечениями. И для того, чтобы это стало возможным, ей оставалось только в очередной раз перешагнуть барьер между мирами и сжечь за собой мост.

Диана решила, что именно так и поступит, в буквальном смысле. Она не хотела никому доверять свою тайну. Не было никакой гарантии, что человек, которого она попросит уничтожить плен, действительно это сделает. Люди жадны и мелочны — до такой степени, что готовы принять в подарок даже заведомо испорченные вещи. У любителей такого рода "халявы" был даже собственный сайт в Интернете. Диана иногда видела фотографии оттуда в социальных сетях и всегда поражалась убогости сознания тех, кто хвастался чужими заштопанными трусами, раздобытыми на этом "Дару-Даре".

От родителей, которые несколько лет назад погибли в автокатастрофе, Диане досталась не только квартира, но также и дачный участок с деревянным домиком в Подмосковье. Чурсина бывала там крайне редко — но сейчас этот домик должен был сыграть в ее планах решающую роль. Диана приедет туда, подожжёт здание со стороны входа, а сама, уединившись в дальней комнате, совершит ритуал и покинет Землю. Плен сгорит вместе с домом — и она больше никогда сюда не вернется.

С каждым днем она все больше склонялась к тому, чтобы совершить это — однако все никак не отваживалась сделать решающий шаг. Все же, навсегда оставить позади любимый город, страну, целую планету, всю свою прежнюю жизнь — это не то же самое, что отпустить в небо воздушный шарик. Диана могла совершить переход в любой из дней, но постоянно откладывала это действие, измысливая для себя все новые поводы подольше задержаться на Земле. В ход шло все: от дня рождения двоюродной тети до премьеры нового сезона любимого сериала.

В конце концов она пообещала себе, что точно навсегда уйдет в Лимб после корпоративной вечеринки на работе, приуроченной к восьмому марта. Но если бы Диана знала, чем все закончится, она не пошла бы на это мероприятие даже под страхом смерти.

Сидя за общим столом в одном из помещений офиса, Диана прислушивалась к разговорам коллег — и все отчетливее понимала, что ей на самом деле совсем не хочется продолжать жить среди таких людей, как эти. Вещи, которые они обсуждали — вещи, что, по большому счету, и составляли самую суть их жизни — казались ей далекими, мелкими, недостойными даже того, чтобы думать о них — не говоря уже о том, чтобы жить ради этого. Впрочем, Чурсина была далека и от того, чтобы осуждать своих коллег — ведь еще совсем недавно она ничем не отличалась от них в этом плане. Прибавка к зарплате, поездка на модный курорт, новая модель смартфона, абонемент в фитнес-клуб — вот такими, практичными и, говоря совсем уж откровенно, приземленными были ее ценности всего каких-то несколько недель назад.

— Выпьешь, Дианка? — спросил кто-то рядом. Это оказался Андрей — тот самый компьютерщик, что рассказал ей когда-то о Черном Коране. В другое время Чурсина проигнорировала бы его предложение — да еще и за "Дианку" бы отчитала. Но сейчас, когда она наслаждалась своим превосходством над окружающими, решила, что может позволить себе слегка расслабиться. "Они даже не представляют, куда я скоро отправлюсь и что буду там делать", — подумала Диана в радостном предвкушении.

— Да, — улыбаясь, кивнула девушка. — Давай выпьем.

Андрей протянул ей стопку с текилой. Девушка пробежалась взглядом по столу, разыскивая лимон. "Скоро я навсегда покину это унылое общество, — весело подумала она. — Так почему бы напоследок не развлечься, как следует?".

Когда Диана пришла в себя, рядом никого не было. У Чурсиной сильно болела голова, в горле у нее пересохло. Сперва девушка подумала, что она каким-то образом очутилась в Лимбе, в замке Агримуса. Но в следующий миг, поворочав по сторонам отяжелевшей головой, увидела, что находится в одной из комнат отдыха, расположенных в офисном здании, где проходила праздничная гулянка. Диана лежала спиной на кожаном диване... совершенно голая! Нет... на ней, все-таки, были трусики — но находились они в районе щиколоток, а не там, где... Тут Диана, невзирая на разбитое состояние, подскочила и села. Она поняла, что у нее болит не только голова...

Она занималась сексом! Неизвестно с кем и сколько времени. Неизвестно даже, сколько мужчин успели овладеть ею, упившейся бесплатным алкоголем на вечеринке и потерявшей над собой контроль... Стиснув зубы, Диана издала стон отчаяния. Стыд и ужас, обуявшие ее, были сравнимы с тем, что она испытывала в тот момент, когда ее собирались изнасиловать заблудшие. Только теперь это случилось по-настоящему. Она лишилась невинности — не по своей воле. И... навсегда.

Диана зажала себе ладонью рот, чтобы не закричать. Потеря девственности в земной реальности означала, что она не сможет больше воспользоваться магией плета и переместиться в Лимб. Не сможет вновь оказаться в объятиях своего возлюбленного демона! Ее мечтам о новой жизни, полной волшебных приключений и необыкновенных встреч, не суждено сбыться!

Несколько минут Диана сидела на диване, отрешенно смотрела в одну точку перед собой и плакала. Потом — встала, натянула трусы и начала искать свою одежду. К счастью, ее лифчик, колготки и блузка нашлись довольно быстро — они лежали на соседнем диване, вместе с сумочкой. Внизу стояли туфли. Рядом, на тумбочке, Чурсина нашла свой смартфон.

Он помог ей узнать, сколько времени она провела в отключке — был уже вечер следующего дня — а также установить личность человека, сделавшего ее женщиной. "Дианка, ты супер, — гласила СМС от абонента с именем Андрей. — Давай повторим не выходных?". Сообщение сопровождалось фотографией, не оставлявшей сомнений в том, что это был за Андрей. Вероятно, Диана внесла его данные в свой телефон вчерашним же вечером — после того, как они начали общаться в непринужденной обстановке, но раньше, чем предались любовным утехам.

Одевшись, она позвонила ему и вылила на ничего не подозревающего парня поток самых изощренных оскорблений, которые только могла придумать. Он так ничего и не понял. Несколько раз пытался перезвонить ей, но Диана не ответила.

Ей повезло, что сегодня была суббота. Иначе ее, спящую голышом на диване, могли

увидеть очень многие.

Она сходила в туалет и, как могла, привела себя в порядок. Потом — пошла к выходу из здания, где, несмотря на выходной, дежурил охранник. Выпуская ее, мужчина ухмыльнулся, и это навело Чурсину на мысль, что он, если не видел ее голой в комнате отдыха, то уж точно догадывался, чем занималась там накануне столь сильно "задержавшаяся на работе" девушка. А может быть, он даже... нет, думать об этом было невыносимо!

Диана вызвала по телефону такси и приехала домой. Оказавшись в своей квартире, она, не включая света, прошла в спальню, села на кровать и долго плакала, закрыв лицо руками. Рядом, свернутый в трубочку, лежал красный плед. Диана боялась даже посмотреть в его сторону.

Прошло две недели, прежде чем она осмелилась вновь попытаться выполнить ритуал. За это время она успела обследоваться на предмет беременности — не знала ведь, предохранялся ли Андрей, когда овладевал ею, а спрашивать об этом у него самого было бы крайне неприятно. Как оказалось, переживала она напрасно — беременности не было.

Но не было и результатов по достижению желаемого с переходом в Лимб. Необходимое условие не было соблюдено — и потому магический артефакт не работал.

Это ввергло Диану в бездну отчаяния. Девушка потеряла всякий интерес к происходящему вокруг. Друзья и знакомые не узнавали ее, прежде всегда бывшую веселой и жизнерадостной. Время бессмысленной серой пеленой обволакивало ее, будто желе, сваренное из канализационной воды.

Еще через неделю Диана вспомнила, что у нее должен был сохраниться номер телефона марокканского торговца Ахмеда, у которого она купила плед. В девичьей душе вспыхнул огонек надежды. Наверняка старый араб знает, как решить эту пикантную проблему. В конце концов, у него есть джинн, исполняющий любые желания. Вероятно, он сможет сделать и так, чтобы красный плед опять заработал... Что ж — она заплатит любые деньги, продаст квартиру и дачу — лишь только бы вновь очутиться в Лимбе, в объятиях любимого демона!

Решение, однако, оказалось куда как более прозаичным.

"Ваш европейский мир научился обманывать реальность почище всяких джиннов", — промолвил старый араб, выслушав ее печальную историю. — Существуют места, где утерянную невинность могут восстановить при помощи достижений медицины. Попробуйте обратиться к одному из специалистов в этой области. Думаю, это должно помочь".

"Как же я сама не догадалась?", — думала Диана со счастливой улыбкой на губах, прижимая к груди телефонную трубку, в которой звучали короткие гудки. Да, реклама всевозможных клиник, обещающих исправить любые дефекты человеческой физиологии, реальные или мнимые, была повсюду. Силикон в грудь и губы, разглаживание морщин инъекциями ботокса, лазерная коррекция линии лица, откачка жировых отложений. А также — увеличение пениса для мужчин и ягодиц для женщин, и многое, многое другое, что только могут представить себе люди, желающие обмануть Природу. В том числе, разумеется, и пресловутое восстановление девичьей чести — операция, ставшая к настоящему моменту настолько банальной и привычной, что Чурсина даже ни разу не вспомнила о ней за время своих страданий.

И уж конечно, она не могла представить, что ей самой однажды придется пополнить ряды клиенток этих учреждений. Но вот, этот день настал.

Каждая минута промедления была подобна мучительной пытке. Поэтому Диана решила пройти через операцию как можно скорее. Через несколько минут после разговора с Ахмедом она уже подыскивала в Интернете клинику поближе к дому. А спустя несколько часов, преодолевая стыд, Чурсина переступила порог хирургического кабинета.

Вернувшись домой, Диана хотела сразу выполнить ритуал, но едва развернув плед, надолго задумалась. Что скажет Агримус? Как отнесется сверхъестественный любовник к тому, что она нарушила данное ему обещание? Как объяснить ему, что с земными девушками такое иногда случается, хоть и с их согласия, но, по большому счету, без их участия?

"Будь, что будет, — решила, в конце концов, Диана. — Он любит меня — а значит, он все поймет".

Через десять минут она была уже в Лимбе — но почему-то не внутри замка, а на той же площадке, где очутилась в первое свое появление. Это ей не понравилось. Что, если заблудшие души вновь захотят поразвлечься.

Впрочем, ее тревога была напрасной. Дверь, ведущая в замок, открылась намного раньше, чем в прошлый раз. На пороге появился Агримус. Он вышел наружу и двинулся по направлению к девушке — но на полпути вдруг остановился. Оставшегося между ними расстояния хватало, чтобы Диана могла видеть его глаза — и то, что она в них увидела, ей совсем не понравилось. Вместо того обожания, с которым он смотрел на нее обычно, там стояла холодная стена боли и отчаяния. Диана мигом смекнула: все далеко не так просто.

В течение нескольких невыносимо долгих секунд они стояли и смотрели друг на друга. Инкуб заговорил первым.

— Ты предала меня, — чеканя слова, произнес он. На глаза Чурсиной навернулись слезы.

— Пожалуйста, прости, — навзрыд сказала она.

— Нет, — покачал головой Агримус. — Этого я не могу простить. — Ты должна была понимать, на что идешь, и чем это может быть чревато. Ты должна была помнить, что существуют такие запреты, нарушать которые нельзя, даже если очень хочется.

— Но я... — начала, было, Диана и тут же умолкла. Что, в самом деле, могла она сказать ему сейчас? "Прости, но я напилась и раздвинула ноги перед первым, кто попросил меня об этом?". Никакие слова не были способны повернуть ситуацию в ее пользу.

Агримус развернулся и пошел к двери. Диана поняла, что если сейчас не остановит его, то никогда больше не увидит. Она стремглав бросилась вслед за инкубом, но не смогла настигнуть его. На ее пути словно бы вырос невидимый энергетический заслон, который, спружинив, отбросил девушку назад. Стоя на четвереньках, она со слезами на глазах наблюдала, как закрывается дверь за Агримусом. То закрывалась дверь в ее будущее.

Диана села на каменный пол и обхватила руками колени. Все было кончено. Но это, как оказалось, было еще не худшее, что могло случиться.

Снизу, из-под ступеней, раздались уже знакомые ей хриплые смешки и вздохи, обрывки фраз. То были потерянные души. Они снова явились сюда, почуяв девичью плоть.

Диана в ужасе вскочила, осознав, что ей некуда убежать или спрятаться от них. Первые твари уже показались на площадке. Девушка бросила взгляд на дверь замка. Та оставалась неподвижной. Заблудшие увидели Чурсину и, загомонив, устремились к ней. Диану словно кислотой обдало — она поняла, что на этот раз не спасется от изнасилования мерзостной шайкой. Прыгнуть через перила вниз и попытаться убежать? Бессмысленно — здесь слишком высоко. Она наверняка сломает или отшибет себе что-нибудь и останется

беспомощно лежать внизу. Потом они спускаются следом и... Диана обреченно наблюдала, как они окружают ее, лопоча, бормоча, пуская слюни. Вот уже первые влажные руки мнут ее груди... чьи-то шершавые пальцы обхватывают ягодицы... дурно пахнувший рот похотливо дышит над ухом. Диана крепко зажмурилась, чтобы, по крайней мере, не видеть происходящего. Она и рада была бы подумать, что это всего лишь сон — но слишком хорошо знала это место, чтобы понять: такая мысль будет ошибочной.

Они начали овладевать ею, делая это то по двое, то по трое. Вонючие, кривые, пупырчатые, волосатые, прыщавые, заплесневелые и полусгнившие члены входили в ее рот, влагалище и анус один за другим. Слюна из щербатых ртов заливала ее спину, шею и грудь. Несколько раз Диану стошнило. Насилованных ее тварей это несколько не смущало.

Сколько ублюдков успели удовлетворить ею свою похоть, Диана не знала. Изнасилование казалось бесконечным — но в определенный момент ее сознание просто отключилось, не выдержав ужаса и мерзости происходящего. Это спасло ее от продолжения кошмара — ведь потеря сознания в Лимбе была для нее, фактически, равнозначна отходу ко сну...

Диана очнулась в своей спальне, и первая ее мысль, конечно, была о том, что ей приснился ужасный сон, но... уже в следующую секунду она ощутила налипшую на кожу вонь заблудших, поняла, что ее тело сохранило на себе все следы чудовищного массового изнасилования. Вся грязь и слизь, которую на нее и внутрь нее извергли в Лимбе, Диана принесла с собой на Землю. И это было не отмыть, не забыть, не стереть. Это перечеркнуло ее жизнь, выжгло душу, уничтожило само ее бытие.

В последнюю очередь она думала теперь о разрыве своих отношений с Агримусом. И не испытывала к демону никаких чувств, кроме ненависти. Ну хорошо, он не захотел оставаться ее любовником после измены — но зачем позволил этому случиться с ней?

Диана все-таки приняла душ — но это, конечно, не помогло ей отмыться по-настоящему. Тело продолжало помнить каждое прикосновение и каждый толчок, а в ушах по-прежнему стояли сладострастные стоны уродливых насильников. Закрыв же глаза, она явственно видела их перед собой, казалось, еще секунда — и она почувствует их смрадное дыхание. Диана вернулась в спальню, села на кровать и, глядя опустевшими глазами в одну точку, просидела так всю ночь.

Ранним утром она широко открыла окно и, набросив на плечи красный плед, шагнула прочь из своей квартиры, расположенной на шестнадцатом этаже престижного жилого комплекса. Ее полет навстречу гибели был коротким и желанным. Диана рухнула на чей-то здоровенный джип. От удара в автомобиле включились сигнализация и магнитола.

Окружающий мир расплзался перед глазами Чурсиной, как подоженная глянцевая фотография. Некоторое время девушка продолжала слышать завывание сирены и звучащую из машины музыку.

Marrakesh, come to Marrakesh
Says my heart when I feel all alone.
Marrakesh, come to Marrakesh,
You will find peace of mind in Marrakesh,

— выводил чей-то поставленный баритон.

"Кажется, я где-то слышала эту песню", — подумала Диана, глядя, как в небе над ней разворачивается сотканная из полупрозрачных облаков воронка, ведущая куда-то вверх.

Потом ее земная жизнь закончилась.

ЗА ПОРОГОМ ЛАВКИ УЖАСОВ

Выслушав очередную историю — даже, похоже, сразу несколько историй, сжатых в одну — Ангелина не выказала, как обычно, удивления или страха. Она и слушала на этот раз внимательнее, чем обычно — особенно с того момента, как в повествовании начал фигурировать красный плед.

— Должно быть, это очень здорово, — мечтательно произнесла она через полминуты после того, как Эйнари закончил свой рассказ, — отправиться в путешествие по иным мирам и познакомиться с удивительными фантастическими созданиями.

— Не знаю, — пожал плечами Тойвонен. — Лично я никогда не пробовал — если не считать астральных путешествий, конечно. Мне вполне хватило того "фантастического существа", которое я повстречал однажды на Земле. Да и с тех пор я их повидал немало.

— А кто же был тем, первым? — полюбопытствовала Ангелина.

— Его называли Человеком-Секатором, — произнес Эйнари, и Ангелина заметила, что при этом у него начал подергиваться левый глаз. — Но чаще звали просто Кишкодером, ибо выдирание кишок из человеческих животов было его любимым занятием. Городская легенда, популярная среди обитателей петербургского дна. Точнее, я думал, что это легенда — до тех пор, покуда сам не стал ее участником.

— Это был какой-то маньяк? — поежившись, спросила Ветрова.

— Хуже, — усмехнулся Эйнари. — Живой мертвец. Полуразложившийся труп с крюками вместо кистей рук. Этими крюками он и выдирал кишки.

— Господи, — вырвалось у Ангелины.

— Если бы именем Господа можно было отпугивать подобных тварей, жизнь на Земле была значительно легче, — отреагировал хозяин "Сувениров Тьмы". — Но, к сожалению, это не так. Я знаю это по собственному опыту. Я был одним из очень немногих, кто остался в живых после встречи с Кишкодером.

— Как же тебе удалось выжить?

— Когда-нибудь я расскажу тебе и об этом, — сказал Тойвонен. — Не сейчас. Думаю, после двух страшных историй подряд тебе могут начать сниться кошмары.

— Да, действительно, сегодня не стоит, — кивнула Ангелина. — Кстати, а этот плед из сегодняшней истории — куда он делся после смерти Дианы? Неужели так и сгинул на улицах Москвы обычной тряпкой?

— Нет, почему же? — Эйнари встал и подошел к одному из шкафов. — Такие вещи, как эта, не могут пропасть просто так. Плед еще в воздухе слетел с Дианы и упал на балкон одной из квартир. Ее хозяевам, которые так и не поняли, откуда взялась эта вещь, плед не был нужен, и они подарили его кому-то из своих друзей. Тот, в свою очередь, почувствовал, что эта штука имеет некую особую ауру, и также поспешил от нее избавиться. Плед сменил еще нескольких хозяев, прежде чем среди них попался человек, который знал, куда следует отнести такую вещь. Так она оказалась у меня, — Эйнари открыл шкаф и достал оттуда сложенный в несколько раз отрезок красной ткани. От изумления Ангелина раскрыла рот.

Эйнари развернул плед, держа его перед собой на вытянутых руках.

— Это правда тот самый? — спросила девушка, хотя причин сомневаться в правдивости

сказанного Тойвоненом не было. — И с его помощью можно попасть в другой мир?

— Да, но он рассчитан только на использование женщинами, так что сам я не проверял, — рассмеялся Эйнари. Он снова свернул плед и положил его обратно в шкаф. В этот момент в торговом зале раздался звонок колокольчика — кто-то зашел в "Сувениры" с улицы.

— Ох ты, похоже, я забыл запереть входную дверь, — сказал, выпрямляясь, Эйнари. — Что ж, пойду обслужу клиента.

Ангелина заметила, что он и дверцу шкафа забыл запереть. Ту самую дверцу, за которой скрылся волшебный плед!

Сердце девушки забилося чаще. Она хотела эту вещь себе. Еще как только Эйнари упомянул в рассказе о существовании красного пледа и объяснил, для чего тот нужен, Ветрова загорелась идеей однажды заполучить его. И вот, оказалось, что плед на самом деле находится здесь, совсем рядом! Это был огромный соблазн. И Ангелина не устояла.

Как только фигура Эйнари скрылась за дверью, отделявшей подсобку от торгового зала, Ветрова стрелой метнулась к заветной дверце и, открыв ее, выудила из шкафчика красный плед. Счет шел на секунды — и девушка сразу запихнула артефакт в свой рюкзачок. После этого она снова села на стул, достала из рюкзака "Явление тайны", открыла книгу на середине и сделала вид, будто погружена в происходящее на страницах.

Именно за этим занятием застал ее вернувшийся Тойвонен.

— О, ты все-таки купила эту книгу? — сказал он, увидев, что именно она читает.

— Да, забыла тебе сразу сказать, — улыбнулась она. — Очень интересный роман.

— Ну еще бы, — в ответ улыбнулся Эйнари. — Ведь это, с небольшими оговорками — практически правда.

Он присел на корточки рядом с дверцей, из-за которой Ангелина несколько минут назад достала плед. Ветрова изо всех сил старалась не смотреть в ту сторону, а сердце ее сейчас колотилось со скоростью драм-машины. Если он откроет шкаф и обнаружит пропажу пледа, то она сгорит со стыда на месте. Или провалится, вместе со стулом, прямиком в Ад.

Но все обошлось — Эйнари только повернул ключ, чтобы закрыть шкаф.

— Ну, мне пора, — Ангелина убрала книгу в рюкзак и встала. — В следующий раз расскажешь мне про Кишкодера, ладно?

Про себя же она подумала: "После того, что я только что сделала, следующий раз вряд ли возможен".

Уходя из "Сувениров Тьмы", Ангелина не видела, что Тойвонен смотрит ей вслед с мрачной иронией во взоре.

В тот вечер Ветрова поехала не к себе домой — а к своей лучшей подруге Валентине Селезневой по прозвищу Бастет. Валя была ровесницей Ангелины и училась в том же университете, что и она, на факультете психологии. Отношения между двумя девушками выходили за рамки обычной дружбы.

— Бас, ты офигеешь, я тебе сейчас такое расскажу... и покажу! — с места в карьер выпалила Ангелина, когда Валентина открыла ей дверь.

Селезнева, которая, в отличие от Ангелины, не была коренной москвичкой, снимала двухкомнатную квартиру в районе станции метро "Смоленская". Она разделяла увлечение подруги готикой — но тяготела не к вампирской эстетике, как Стрельцова, а к средневековой. Сейчас на Валентине было надето зеленое платье в кельтском стиле.

— Я вся внимание, дорогая, — улыбаясь, сказала она бархатным грудным голосом.

Ангелина сняла плащ и повесила его на крючок в прихожей, после чего шагнула навстречу Вале и обняла ее. Губы студенток слились в долгом страстном поцелуе.

Они не считали себя лесбиянками. Просто проводили время вместе, целовались, занимались петтингом. Обе хранили невинность для своих будущих возлюбленных — мужского пола. Валентина была безответно влюблена в голливудского актера Эйс Баттерфилда. Девчонкам хотелось секса — но они не считали правильным раздвигать ноги перед случайными знакомыми и не видели достойных кандидатов в своем кругу общения. Несколько месяцев назад отдушиной для них стали эти полулесбийские отношения.

— Ну так что там у тебя? — спросила Бастет через несколько минут, когда их поцелуй, наконец, закончился.

— Идем скорее в спальню, — Ветрова подхватила с пола рюкзак.

Прошло сорок минут, прежде чем Ангелине удалось внятно объяснить, откуда взялся красный плед, и для чего он нужен, а также убедить подругу в том, что им необходимо отправиться в гости к инкубу. "Это наш с тобой шанс попробовать настоящий секс и остаться при этом девственницами! — горячо доказывала она. — Мы такие одни будем на всю Москву!".

Теперь, раздевшись и расстелив красный плед на Валиной кровати, девушки лежали на нем и ласкали пальцами клиторы друг друга, стремясь испытать одновременный оргазм и вместе переместиться в Лимб. На некоторое время мысли Ангелины вернулись к Эйнари Тойвонену. Ей было очень жаль, что она обманула и обокрала его, испортив отношения с этим замечательным человеком. Но импульс, который она испытала тогда в подсобке, был сильнее здравого смысла. "Надеюсь, он еще не обнаружил пропажу, и у меня будет шанс вернуть плед на место", — подумала Ангелина.

Через несколько минут подруги достигли своей цели и, разрядившись, застыли в объятиях друг друга.

— Ну что? — прошептала Валя на ухо Ангелине. — Когда это произойдет?

— Не знаю, — ответила Ветрова. — Давай подождем.

Ждать пришлось недолго — под пледом началось какое-то движение. Как будто под ним сидела морская свинка или еще какой-то небольшой грызун, который пытался выбраться наружу.

— Ой, что это? — взвизгнула Валя, вскакивая с кровати. Ангелина тоже встала. Со смесью страха и восхищения Ветрова наблюдала, как красный плед поднимается вверх. Под ним угадывались очертания антропоморфного тела.

— Получается, что не мы пойдём к демону, а демон пришел к нам? — спросила стоявшая рядом с Ангелиной Бастет. Ветрова ничего не сказала — она не знала ответа.

В следующий миг ответ дала сама реальность. Фигура под пледом полностью сформировалась и сбросила покрывало к своим ногам. Теперь в глазах Ангелины не было и тени восхищения — а только неподдельный ужас. На кровати, сложив руки на груди, стоял не кто иной, как Эйнари! В приглушенном освещении спальни он выглядел мрачно и недобро.

— Добрый вечер, — хозяин "Сувениров Тьмы" улыбнулся, но его улыбка не сулила девушкам ничего хорошего.

— Лина, что происходит? Кто это? — Бастет схватила Ветрову за руку.

— Я — тот, у кого твоя подруга украла этот плед, — Эйнари соскочил с кровати и встал по ту сторону ее, близ занавешенного окна. — Я очень разочарован, Ангелина.

— Прости, — потупив взор, произнесла готесса.

— Нет, — покачал головой Эйнари. — Этого я не могу простить. Ты должна была понимать, на что идешь, и чем это может быть чревато. Ты должна была помнить, что существуют такие запреты, переступить через которые нельзя, даже если очень хочется.

— Как ты сюда попал? — спросила Ангелина. — Ты владеешь магией?

— Скорее, магия владеет мной, — усмехнулся Эйнари. — Ты должна была понимать также и то, что простой человек никогда не смог бы стать зрителем за всеми эти вещами — они очень быстро уничтожили бы его. Да — я слежу за тем, чтобы люди как можно меньше соприкасались с этими артефактами, но это вовсе не означает, что сам я — славный малый, этакий добрый старичок из волшебных сказок. Я — Хранитель Памяти Зла, и я являюсь частью того зла, которому служу. Что ж — настало время вспомнить о своих прямых обязанностях — устранении неугодных свидетелей.

Ангелина покосилась на открытую дверь спальни. Та тотчас же захлопнулась.

— Ты убьешь нас? — спросила Ветрова, облизнув пересохшие губы. Бастет от внезапности и ужаса происходящего, казалось, и вовсе потеряла дар речи.

— Нет, хотя и мог бы, — Эйнари вытянул руки вперед, и из его запястий показались жуткие стальные крюки. Ангелина мигом сообразила, что это — те самые крюки питерского монстра-убийцы, о которых Тойвонен рассказывал ей несколько часов назад. И поняла, как именно ему удалось выжить при встрече с тем монстром. Он сумел убить сверхъестественное чудовище — и стал чудовищем сам...

Насладившись произведенным эффектом, Тойвонен втянул крюки обратно. После этого он с легкостью пятнадцатилетнего парня перепрыгнул через разделявшую их кровать и, схватив голых студенток за плечи, повалил их на матрас.

"Он что, изнасилует нас?! — пронеслось в голове у Ангелины. — Господи, лучше бы убил!".

— Говоря откровенно, жаль мне твою подругу, — продолжал незваный зловец гость. — Она не виновата настолько, чтобы делать с ней то же, что и с тобой. Но выбора у меня нет.

— Пожалуйста, отпусти нас! — взмолилась Ветрова.

— Так я отпущу! — рассмеялся Эйнари. — Я именно это сейчас и делаю. Отпускаю вас — туда, куда вы сами так стремились! Вас там с нетерпением ждут!

Финн щелкнул пальцами, и на кровати под ними зашевелился красный плед. Он значительно увеличился в размерах и начал обволакивать тела девушек. Окружающая реальность перед их глазами таяла и расплывалась. Стены спальни, шторы, лицо Эйнари с застывшей на нем inferнальной ухмылкой — все это закружилось вокруг, как смерч, а потом исчезло.

Через мгновение вокруг засиял дневной свет. Девушки обнаружили себя лежащими на жесткой поверхности. Рядом, скомканный и жалкий, валялся красный плед.

Обе тут же вскочили на ноги.

— Лина, где это мы? — Валя смотрела на подругу с плохо скрываемой злобой. — Что ты сделала? Зачем? Ты меня подставила!

— Успокойся, — Ангелина уже поняла, куда именно они попали. — Это то самое

место! Замок демона. Видишь вон ту дверь? Он прямо за ней. Сейчас он выйдет к нам.

Тут же она сообразила, что раз плед переместился в Лимб вместе с ними, то обратной дороги на Землю больше нет. Эйнари не убил их — но изгнал навсегда.

И это было гораздо хуже, поскольку, как он и сказал, их здесь ждали. Но не искусный и нежный демонический любовник, а...

Хрюкание, пыхтение и отвратительные смешки уже раздавались от подножия лестниц.

— Я забыла тебя предупредить, — сказала Ветрова, крепко сжав руку своей любовницы. — Здесь... Здесь живет не только демон.

На площадку уже поднимались первые заблудшие.

Запавшие глаза. Покрытые черной коростой губы, приоткрывавшие обломки гнилых зубов. Редкие пучки длинных седых волос на бугристых головах. Лица — сплошь морщины и складки. Носы — крючковатые или отсутствуют вовсе — только два черных узких отверстия, как на черепе скелета. Желтая кожа страшилищ была усеяна цыпками и поросшими жесткой щетиной крупными бородавками.

Самым страшным и отвратительным, самым безумно мерзким во внешности тех, кто стоял перед ними, были их взгляды.

— Боже мой, Ангелина, кто это такие?! — Бастет метнулась к подруге и прижалась к ней всем телом. Ветрова ничего не ответила.

Теребя свои половые органы, твари подходили все ближе, окружая девушек плотным кольцом. Ангелина с надеждой посмотрела на боковую дверь замка. Та оставалась закрытой.

И она такой и осталась.

Смерть не играет в одиночку,

У Смерти всюду стукачи,

Душителю и палачи.

И не надейся на отсрочку.

Смерть не играет в одиночку,

У Смерти всюду стукачи.

Она живёт в любом жилище,

Одна — и каждому своя.

У изголовья ждёт моя,

Годами ждёт воды и пищи.

Она живёт в любом жилище,

Одна — и каждому своя.

Чтоб взять к себе своих покойных,

У Смерти миллионы рук.

На улицах, в домах, вокруг,

В дверных проёмах и оконных.

Чтоб взять к себе своих покойных,

У Смерти миллионы рук...

Жан Кокто

